

ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВ

**СФЕРА
ВЛИЯНИЯ**

Дуэли всегда были под запретом, даже в XXI веке. Но курсант летного училища, потомственный русский дворянин Егор Белецкий знал, что честь важнее карьеры. И поэтому, получив погоны лейтенанта, угодил в штрафбат. Разумеется, он был не готов к тому, что его напарником в боевых заданиях станет боевая рысь по кличке Пантелей. Кто знает, что у кошек на уме?

Васильев Вячеслав Васильевич

Сфера влияния

Изумрудная зелень полей и лесов в золотой оправе пустынь, белоснежные шапки высоких гор, окантованные тонкими светло-голубыми полосками у берегов тёмно-синие глубины океанов. И надо всем этим лёгкие росчерки невесомых белых облаков...

Видом родной планеты из космоса можно наслаждаться бесконечно. Особенно если взираешь на всю эту красоту, вися в пустоте в скафандре на расстоянии в триста мегаметров от неё. Но, увы, испытать бесконечное наслаждение не удавалось ещё никому. Хотя бы потому, что всегда найдётся кто-то, кто выдернет тебя из созерцательной нирваны самым бесцеремонным образом.

В данном конкретном случае из расслаблено-созерцательного состояния Егор был выведен тихим шелестом бесстрастного компьютерного "голоса":

"Ссходитесь".

Пора. Уменьшив изображение до масштаба один к одному, Егор привычно, не поворачивая головы, оглядел близлежащее пространство на триста шестьдесят градусов, и, извернувшись, ухватился руками за небольшой обломок, висевший у него за спиной буквально на расстоянии вытянутой руки. "Небольшой" — это примерно метра три на четыре на два. Форма обломка была относительно правильной — с некоторой натяжкой его даже можно было назвать прямоугольным параллелепипедом. Первый Обломок всегда старались выбрать попроще. Теперь надо было перебраться по этому кирпичу-переростку на ту его сторону, что была обращена к Мёртвому Облаку. Собственно говоря, Первый Обломок и сам был частью Мёртвого Облака, но находился (по крайней мере на данный момент) на самом его краю.

Егор начал осторожно подтягивать тело к обломку. Материал поверхности, по которой ему предстояло передвигаться, на вид напоминал камень. Не то, чтобы эта поверхность была абсолютно гладкой, но зацепиться на ней было не за что, и малейшее неправильное движение могло привести к отрыву и уходу в открытый космос. Это, конечно, было не смертельно, но неприятно. В лёгком скафандре без дополнительных приспособлений для передвижения в пространстве каждый корректирующий импульс кушает из не такого уж и ёмкого аварийного накопителя энергию, которую лучше бы потратить на другие полезные вещи. Например, на защиту. Она ещё ой как пригодится!

"Притянувшись" наконец-то к обломку, Егор оказался в элегантной позиции "на карачках". Со стороны эта поза смотрится, мягко говоря, не очень эффектно, но передвигаться таким макаром значительно проще. Скафандр позволял зацепиться практически за любую поверхность любой частью тела. Хоть пятой точкой. Сейчас сила сцепления между скафандром и "кирпичом" возросла пропорционально увеличившейся площади контакта. По физическим ощущениям это было похоже на то, как будто между обломком и карабкающимся по нему с ловкостью паука человеком возникло хоть и слабое, но притяжение. На самом деле это, конечно, было не так, но организм интерпретировал ситуацию именно таким образом. Осторожно перебирая руками и ногами, Егор начал медленно продвигаться вперёд. Вот он перелез через одну грань, вторую...

И перед ним во всей красе предстало Мёртвое Облако. Громадное пространство было заполнено миллионами, а может быть, миллиардами обломков разнообразных размеров и форм. Всё это непрерывно хаотически двигалось, сталкиваясь друг с другом, разлетаясь вновь, и беспорядочно вращаясь вокруг всех координатных осей. Некоторые из обломков, казалось, ежесекундно меняли свою форму и размеры. На самом деле это, конечно, была всего лишь игра света. Эффект возникал за счет того, что при вращении менялась площадь освещения обломков и форма этой самой площади. Неосвещённая часть осколков мертвой материи сливалась с космической чернотой. Часть обломков была вообще не видна в оптическом диапазоне. Как, например, тот, на котором сейчас находился Егор. Но оптическая невидимость была делом легко поправимым. Егор дал команду на тактический анализатор, он же в народе "тактик", и через пару секунд картинка перед ним изменилась. Во-первых, стали видны все объекты в радиусе пяти километров. Во-вторых, все они раскрасились в разные цвета, как будто покрывшись цветным налётом. Сочтённые тактиком безопасными стали зелёными, не очень опасными — жёлтыми, а к красным нельзя было приближаться ни в коем случае.

В принципе, зелёного, жёлтого и красного в окружающем "пейзаже" появилось не так уж и много. Где-то треть от общего количества. Остальные "малые космические тела", как обломки назывались официально, тактик окрасил в серый цвет. То есть, чего от них ожидать — было непонятно. Один из "зелёных" обломков, медленно вращающийся на расстоянии около двух километров отсюда, несколько раз ярко мигнул. От него к текущему пристанищу Егора протянулась голубая ломаная линия с колонкой цифр возле каждого излома. Мигнувший обломок был целью начинающегося опасного путешествия, а линия — оптимальным маршрутом для достижения этой цели. По-хорошему, таких линий должно бы быть минимум три, да и эта линия должна была ветвиться, показывая менее насыщенным цветом запасные варианты безопасного прохода маршрута. Но вычислительных мощностей встроенного тактика не хватало для расчёта пути к цели "как положено". Приходилось довольствоваться тем, что есть.

На первый взгляд маршрут казался не таким уж и плохим. Шесть "зелёных" объектов, и всего два "жёлтых". Егору оставалось только надеяться, что по дороге ничего не изменится. Времени на размышления было мало, точнее — его не было совсем, поэтому он просто перебрался в рассчитанную тактиком оптимальную для старта точку на поверхности Первого обломка, и замер в ожидании команды на старт, застыв на полусогнутых ногах. Туловище он при этом наклонил по отношению к поверхности обломка так, чтобы маркер прицела находился внутри нарисованной тактиком в пустоте зелёной окружности. Пятисекундный отчёт Егор вывел на аудиоканал, чтобы не загромождать обзор графической информацией. Наконец бесстрастный голос начал отсчитывать секунды: "Пять. Четыре. Три. Два. Один. Старт". Егор строго дозированным усилием оттолкнулся от Первого Обломка, и отправился в свободный полёт. Самым сложным моментом в этом трюке было именно правильно рассчитать усилие. Чуть меньше, или чуть больше — и ты пролетишь. В буквальном смысле. Мимо следующего обломка, который, в отличие от тебя, окажется в расчётной точке в строго заданное время.

Первый прыжок оказался удачным. Корректировать траекторию практически не пришлось. И Егор, и обломок, которому отводилась роль пересадочной станции, оказались в нужное время в нужном месте. Единственный микроимпульс ушёл на то, чтобы скорректировать точку соприкосновения с этим первым пересадочным пунктом в пути —

здоровенным закрученным толстым листом металла с рваными краями. Егор решил, что лучше начать более близкое знакомство с этой железякой подальше от её покрытых зубцами и заусеницами краёв. Скаф, конечно, должен был выдержать и там, но всё же... Лучше, как лучше.

Относительная скорость человека и обломка была невелика, так что погасить её при соприкосновении не составило особого труда. Но совсем без проблем всё же не обошлось. Из-за столкновения обломок чуть-чуть изменил направление своего движения и скорость вращения, из-за чего времени на то, чтобы перебраться на противоположную сторону железяки, и вновь прыгнуть, тактик Егору давал в три раза меньше, чем было рассчитано первоначально. А именно — сорок три секунды. Кроме того, усилие, с которым надо было оттолкнуться, чтобы набрать нужную скорость, было пересчитано тактиком в большую сторону, почти до предельно возможного без привлечения ресурсов экзоскелета скафа. А использовать экзоскелет Егор пока не хотел, по тем же соображениям экономии энергии. Но и на этот раз всё удалось. Егор отправился к точке встречи со следующим обломком, а его временное пристанище, вновь немного изменив траекторию, поплыло куда-то дальше по своим делам.

Следующая частичка Мёртвого Облака медленно приближалась справа снизу. "Частичка" была размером с аэрокосмический истребитель, а по внешнему виду напоминала собой духовой музыкальный инструмент в видении художника-авангардиста. Странно, что тактик посчитал это переплетение блестящих труб, каких-то бочкообразных объектов и прочей более мелкой дребедени, безопасным... Но, как говорится, ему виднее. Глядя на медленно наплывающую конструкцию, Егор прикидывал, как же к ней можно прицепиться. Если в этот бардак врезаться с размаху, то, пожалуй, можно себе и что-нибудь повредить. Терять энергию на торможение не хотелось. А вот на уклонение чуть-чуть в сторону её должно было уйти гораздо меньше.

И действительно, хватило одного точно рассчитанного микроимпульса, чтобы тактик тревожно пискнул, и нарисованная им синяя прямая траектории полёта дрогнула и ушла в сторону от замигавшей красным цветом расчетной точки встречи. Теперь Егор должен был не встретиться с этой странной конструкцией, а пролететь от неё чуть в стороне. Как раз над большим раструбом, края которого были ярко освещены, а середина скрывалась в непроницаемом чёрном мраке. Егор вскинул левую руку в направлении к приближающемуся обломку, и из утолщения скафандра над кистью руки вырвалась и устремилась к цели "прилипала". С рукой её соединял тонкий страховочный фал. По мере того, как "прилипала" отдалялась от скафандра, фал становился всё тоньше и тоньше. В теории он мог истончиться до диаметра в одну молекулу, но сейчас для задумки Егора такая толщина была совсем ни к чему. Мономолекулярная нить — это такое дело... Ещё прорежет что-нибудь на метр в глубину, да и застрянет. Выковыривай её потом. Так что пусть будет потолще. "Прилипала" достигла цели за пару секунд, и в полном соответствии со своим названием намертво прилипла к поверхности. Пролетев мимо обломка, Егор ощутил сильный рывок за руку. Если бы не скаф, рука бы от такого рывка точно оторвалась, но экзоскелет сработал штатно (пришлось-таки использовать, хотя при работе на растяжение экзоскелет энергию не кушал, так что с точки зрения энергосбережения тут всё в порядке), и путешественник по Мёртвому Облаку завис в пустоте метрах в десяти от "музыкального инструмента". Фал начал медленно укорачиваться, одновременно утолщаясь, и не прошло и полминуты, как под ногами Егора оказалась одна из немногочисленных относительно плоских поверхностей

конструкции.

Своим манёвром с использованием страховочного фала Егор убил сразу двух зайцев: избежал жёсткого контакта с обломком, чреватого неприятностями со здоровьем, и сэкономил время на переход от точки приземления до точки старта. Теперь у него появились две минуты на отдых. Точнее, на оценку ситуации и возможную корректировку маршрута. Так что, пока продолжавший укорачиваться страховочный фал втягивал обратно в скафандр уже отлипшую от поверхности "прилипалу", Егор усиленно гонял тактик на предмет поиска запасных вариантов, позволивших бы достичь цели быстрее. Увы, таковых не оказалось. Точнее, был один, но там пришлось бы использовать в качестве промежуточной точки "серый" обломок. Что было нехорошо по причине отсутствия информации, каких гадостей от этого обломка можно ожидать. Нет, конечно, можно было ожидать и приятных неожиданностей, но по собственному опыту Егор знал, что неприятности при встрече с неизвестностью в Мёртвом Облаке встречаются гораздо чаще.

Увеличив изображение следующей промежуточной точки, Егор понял, почему тактик оценил степень угрозы, исходящей от неё, желтым цветом. Плывущий в пустоте с виду совершенно неповреждённый ремонтный робот в деактивированном состоянии был абсолютно безобиден. Но если его случайно активировать... Егор передёрнул плечами, вспомнив о том, что, бывает, остаётся от человека после конфликта с таким механизмом. Причём от человека, облачённого не в лёгкий скаф, а в тяжёлый десантно-штурмовой. Хоть этот робот и назывался ремонтным, в его программе были предусмотрены и боевые функции. Да ему и не обязательно выходить в боевой режим. Если, допустим, сбилась его базовая программа, и железный монстр просто начнёт беспорядочно размахивать своими манипуляторами, то к нему лучше не приближаться даже на лёгком десантном боте.

Но — "кто предупреждён — тот вооружён". Егор знал, куда именно не надо лезть, чтобы ненароком не "разбудить" робота, а какие места на его "теле" были безопасными. Поэтому, как только тактик завершил обратный отчёт, бестрепетно прыгнул навстречу спящему (а может, и мёртвому) механизму. Использовать с роботом "прилипалу" Егор не рискнул. Запустить то её в безопасный участок несложно, но вот за что потом может случайно зацепиться фал, и что из этого получится — об этом лучше даже не думать. Так что в полёте снова пришлось корректировать траекторию, и амортизировать силу удара при "посадке" всеми четырьмя конечностями. Одна из них, а именно, левая рука, скользнула по манипулятору робота, и сорвалась в пустоту, в результате чего Егор существенно приложился головой. В лёгком скафандре гашение толчков силовым полем было не предусмотрено, поэтому система компенсации не смогла полностью устранить последствия удар.

Челюсти звонко клацнули. "Слава Богу, что между ними не было языка", мимолётно подумал Егор, ожидая, пока погаснут мешающие адекватно оценить окружающую обстановку роящиеся перед глазами маленькие звёздочки. Когда они наконец-то пропали, выяснились две неприятные вещи: Первая: запас энергии в накопителях сейчас составлял девяносто процентов. С одной стороны, не так уж мало, с другой стороны — израсходовать десять процентов за такое короткое время... Что при таких темпах расхода останется к тому моменту, когда он доберётся до цели? Рука по привычке дёрнулась, чтобы почесать затылок. Но в скафе затылок не очень то и почесешь. Так что Егор на это дело плюнул (фигурально, конечно, так как в скафандре ещё и сильно не расплюёшься), и принялся резво карабкаться по металлическому телу "ремонтника" к рассчитанной тактиком исходной точке

следующего прыжка. Так как вторая неприятная вещь заключалась в том, что времени, чтобы добраться до этой точки, оставалось крайне мало. Однако, как ни спешил Егор, он всё же выкроил несколько секунд, чтобы установить на одном из манипуляторов робота "маячок". Полезная штука. Может пригодиться... Жаль, что пока ни на одном объекте не обнаружилось ничего такого, что можно было бы прихватить с собой...

Стартовать и в этот раз удалось вовремя. Неприятным было то, что при прыжке пришлось использовать мощности экзоскелета скафа почти на полную... В результате зелёный столбик индикатора зарядки накопителя уменьшился на ещё одно деление. "Хреново всё-таки без основного энергоблока. На аварийных накопителях далеко не уедешь" — подумал Егор, рассматривая очередной приближающийся обломок. Расчёты показывали, что при полёте к нему придётся активно притормаживать. Слишком уж велика была относительная скорость небесного тела и человека. Даже экзоскелет не выдержит силы удара. Ещё одна неизбежная трата энергии... В обычных условиях об этих крохах не думаешь. А сейчас...

Очередная "пересадочная станция" подошла уже достаточно близко. Пошёл обратный отсчёт до начала торможения. Пять... Четыре... Три... Скаф резко дёрнулся. Медленно наплывающий кусок трубы примерно трехметрового диаметра, с ветвящимися вокруг жгутами кабелей и трубопроводов прыгнул куда-то вниз и вправо, и исчез из виду. Перед глазами завертелась карусель из то приближающихся, то удаляющихся обломков. Заорал баззер тревоги. Доклады систем скафа посыпались один за другим: "Гравитационный импульс прямо по курсу!", "Аварийное изменение траектории!", "Потеря стабилизации!"...

Случилось то, чего Егор так опасался. Мертвое Облако на самом деле мёртвым только называлось. Некоторые обломки жили своей жизнью, взаимодействуя друг с другом и с умышленно или неумышленно приближающимися к ним живыми существами или автоматическими механизмами. Взаимодействовали самым причудливым образом. Можно было получить мегаваттный электрический разряд, можно вляпаться в активные даже в космическом вакууме вещества, разъедающие или меняющие физические свойства всего, с чем соприкасались, можно было попасть под радиационное или когерентное излучение, можно нарваться на гравитационный импульс. Что, по-видимому, сейчас и произошло. Только не с Егором, а с каким-то из обломков. Иначе бы сейчас уже некому бы было выслушивать эти панические сообщения от электронной начинки скафа...

Наконец мельтешение окружающих объектов прекратилось, и всё вокруг вернулось к прежнему обманчиво спокойному состоянию. "Траектория стабилизирована" — доложил тактик. "Спасибо, сам вижу!" — саркастически подумал Егор, спешно пытаюсь сориентироваться в пространстве. Оглядевшись, он согласился с выводом автоматики о стабилизации траектории. Вот только эта траектория выводила его теперь не к "трубе", которая обнаружилась почти за километр отсюда в изрядно сплюсненном виде, а к совсем другому обломку, которого, впрочем, жизнь (или, правильнее, смерть) изуродовала не меньше. Самой близкой ассоциацией для того, чтобы описать форму этого небесного тела, была "лепёшка". Лепешка из металла, слепленная какими-то могучими силами. Тактик между тем зря времени не терял, и высветил новую схему маршрута.

Схема оказалась знакомой. Это была та самая "запасная" схема, от которой Егор отказался из-за того, что маршрут пролегал через "серый" обломок. Значит, вот эта "лепёшка", надо понимать, тот самый "серый" обломок и есть... С виду вроде безопасный... В такой мешанине вряд ли что-то активное могло уцелеть. "Даже контейнер с ядерным

топливом не выдержал бы" — мрачно подумал Егор, отстрелив в сторону непонятого объекта исследовательский микрозонд. Тот достиг поверхности "лепешки" за несколько секунд. Ещё несколько долгих секунд заняли сбор и анализ информации. Затем полученные данные наконец-то были скормлены тактику, который после их переваривания сразу же "перекрасил" объект в желтый цвет. Егор пробежался взглядом по полученной инфе: Вроде всё нормально... Радиационный фон в норме... Для человека в скафандре. Колебаний гравитационного поля тоже не обнаружено. Что не может не радовать. Следов агрессивных химических соединений нет. Как и следов электронной активности. Егор увеличил изображение, и внимательно осмотрел "лепёшку". Ещё бы тут обнаружить какую-то активность. При таких разрушениях...

Но почему же тактик обозначил объект желтым цветом, а не зелёным? В ответ на невысказанный вопрос на изображении обломка тут же подсветилось более ярким цветом и укрупнилось пять объектов. Возле каждого возникла надпись, идентифицирующая каждый из них, как оружие, или его элемент. Егор прошёлся по находкам подробнее. Практически всё оружие, обнаруженное тактиком, было непригодно к использованию. В основном из-за сильных механических повреждений. Интерес представлял автономный блок питания тактического лазера. Квантовый минипульсар, используемый в нём в качестве источника энергии, ценился очень высоко. Вот только демонтировать его в полевых условиях крайне не рекомендовалось без скафандра высшей защиты.

Егор вздохнул... Вот так всегда. Наткнёшься случайно на большую бочку мёда, а в ней обязательно ложка дёгтя. Оставалось только поставить маячок и на этот обломок, в надежде на то, что когда-нибудь на него повезёт наткнуться снова. Маячком, кстати, вполне мог бы поработать и микрозонд... Однако, немного поразмыслив, Егор решил всё же установить "нормальный" маячок. У микрозонда слишком малый радиус действия и срок службы. Но для начала на эту кучу металлолома надо было ещё попасть. И пора уже было выбирать, каким способом. Активным торможением? Егор взглянул на индикатор энергозапаса скафа. Блин! Осталось пятьдесят процентов! Аварийный переход с одной траектории на другую сожрал кучу энергии. Теперь надо как-то выкручиваться. Егор задумчиво посмотрел на приближающийся обломок. Затем на схему нового маршрута. После "лепёшки" оставался только один пересадочный пункт. Егор воодушевился. А если...

Тактик, поразмыслив пару секунд, счёл вариант, предложенный Егором, вполне реализуемым, хоть и рискованным. И после получения подтверждения нового плана тут же откорректировал траекторию. Теперь Егор должен был пролететь у самого края обломка. Гораздо ближе, чем при манёвре с использованием "прилипалы". Буквально на расстоянии вытянутой руки. "Лепешка" приближалась относительно медленно, но неотвратимо. Пора! Егор сгруппировался, и, пролетая у самого края нагромождения раздавленных конструкций и механизмов, ухватился рукой за выступающий из него где-то на метр металлический стержень. Теперь осталось только подтянуться, и извернувшись всем телом, изменить траекторию полёта. Время и энергию на посадку, передвижение по поверхности обломка и старт при таком варианте тратить не приходилось.

Едва Егор уцепился рукой за стержень, как на ранее невидимой стороне "лепешки" почти перед самым его носом блеснул зелёным какой-то "подсвеченный" тактиком предмет. Егор автоматически протянул вторую руку, и, схватившись сам ещё не поняв за что, сильно дёрнул его на себя. Оказалось, что особых усилий прикладывать было и не надо. Предмет отделился от того, что его удерживало, практически мгновенно. Егор крепче сжал

неожиданный "гостинец", и отпустил стержень. Тактик, оценив новую траекторию, подкорректировал её очередным микроимпульсом. Егор взглянул на индикатор накопителя, ставший сейчас чуть ли не главным прибором в его скафе. Манёвр удалось осуществить с минимальными затратами энергии. "Это хорошо" — подумал Егор, и решил глянуть, что же это такое он сжимал теперь в левой руке. При ближайшем рассмотрении предмет оказался всего лишь рукоятью офицерской шпаги, самими офицерами презрительно именуемой "зубочистка". Но эта рукоять серьезно отличалась от стандартной. И форма была не та, и размеры чуть побольше. "Возможно, старая полицейская модель" — подумал Егор, вертя в руках оказавшуюся бесполезной находку. Впрочем, не такой уж и бесполезной. Если опознавательный блок окажется неповреждённым, можно будет узнать, кому эта шпага принадлежала раньше. И передать родственникам хозяина, если таковые найдутся.

Егор прокрутил в замедленном темпе повтор момента, когда он схватил рукоятку. Увеличил изображение. Оказалось, что он вырвал рукоять из намертво обхватившей её когда-то человеческой руки, торчавшей из груды сплюснутых обломков. Вот только рука, едва Егор её коснулся, рассыпалась прахом. Странно... Егор вздохнул, и спрятал находку в специальный контейнер. Теперь эта вещь была единственным, что осталось от какого-то пока неизвестного офицера... Может, и самого Егора ждёт та же участь... Но предаваться унынию и философствованиям было не время. Приближалась очередная "пересадочная станция". Она подошла уже достаточно близко, чтобы можно было рассмотреть её попристальнее, и определиться с планом преодоления очередного препятствия. Пока последнего...

Привычно увеличив изображение, Егор удивлённо присвистнул. Объект оказался вовсе даже не обломком, а вполне целым на вид агрегатом. Судя по характерным очертаниям обтекателя — модулем коррекции курса от допотопного разведбота "Пума-6". Причём видимых повреждений на нём заметно не было. Хотя, что под обтекателем увидишь... Егора охватило возбуждение. Модуль мог использоваться отдельно от разведбота, как средство эвакуации экипажа. Если он цел...

Но сначала надо на него попасть. В этом Егору повезло. По расчётам тактика, для того чтобы попасть на поверхность объекта, не надо было использовать энергоресурсы скафа. Вполне хватало и возможностей человеческого организма. Так что, соприкоснувшись с выпуклой внешней поверхностью обтекателя движка, Егор просто проскользил по ней чуть-чуть на четвереньках, гася скорость, а потом ухватился за одну из торчащих и из обшивки скоб. При использовании этой техники в качестве эвакуатора люди должны были находиться снаружи, зафиксированные как раз за эти скобы. Погасив скорость, Егор прикинул оставшееся в его распоряжении время, и поспешил к блоку управления. Крышка блока откинулась при его приближении, автоматически считав допуск. Это был хороший знак. Может быть, и всё остальное находится в рабочем состоянии. Хотя, это уж будет вообще нереальным везением. Вероятность наткнуться в одном рейде на квантовый минипульсар, неповрежденного ремонтного робота и работоспособный движок от корабля стремилась к нулю. Не надо думать, что такие девайсы летают по космосу пачками. "Что-то слишком уж мне везёт" — озаботился Егор. У него была своя теория о том, что количество удачи за конечный промежуток времени ограничено. И если выбрать весь резерв в самом начале этого промежутка, то "на потом" останется очень мало или совсем ничего. А удача, пожалуй, ему будет нужнее в ближайшем будущем, чем сейчас. Егор вдавил кнопку диагностики. Корпус аппарата под ним ощутимо вздрогнул. На расположенном над кнопками дисплее

пошёл прогон тестовой таблицы. Первые строки обнадёживали. Модуль был, что называется, только что с завода ("только что" — это какие-то жалкие восемьдесят лет), и ещё даже не был расконсервирован. Такое впечатление, что раньше он находился в ЗИПе какого-то потерпевшего крушение корабля.

С одной стороны, то, что движок ещё не выработал и сотой доли своего ресурса — было хорошо. С другой стороны, на расконсервацию согласно инструкции требовалось двадцать три минуты, а столько времени у Егора не было. Так что, по всему выходило, что и на этот лакомый кусочек придётся всего лишь ставить "маяк". Хотя... Егор набрал на клавиатуре несколько команд, и, не дожидаясь сигнала подтверждения, который мог быть получен только после полной расконсервации модуля, направился к "точке отправления", рассчитанной тактиком. Не успел он занять нужное для правильного старта положение, как в ушах тихо пискнуло, и перед глазами появилась движущаяся в пространстве зеленая точка. Тактик уже успел провести анализ траектории и скорости движения появившегося в поле зрения объекта. Объект двигался точно в направлении обломка, являвшегося конечной точкой путешествия Егора, и должен был достичь его поверхности на полторы минуты раньше самого Егора.

Егор скрипнул зубами. Его противник окажется у Барьера раньше... И ничего нельзя поделаться. До расчётного времени старта ещё две минуты, тут ничего не выгадать. А прыгнуть на большей скорости... Тратить энергоресурс на ускорение и торможение сейчас было бы равносильно самоубийству. Оставалось только ждать. Прошло долгих сто двадцать секунд, и Егор прыгнул...

Лихорадочный перебор вариантов дальнейших действий начался ещё до прыжка и продолжился в полёте. Тактик тоже был подключён к этому процессу, но с ходу решения выдать не смог, и пока отмалчивался, прикрывшись мигающей пиктограммой "идет накопление и обработка информации". Собственно говоря, вариантов-то было не так чтобы очень много, но вот какой из них выбрать — это вопрос. Барьер медленно приближался сверху-слева, если смотреть относительно положения тела Егора. Это был довольно крупный (размером со средний двухэтажный дом) объект неправильной формы. Если предыдущие обломки, посещённые Егором, или прямо говорили о своем происхождении, или вызывали в памяти ассоциации с чем-то другим — привычным и знакомым, то этот не походил ни на что, виденное Егором до сих пор. Разве что на облако, непрерывно меняющее свою форму под напором ветра. То оно похоже на оскаленную голову тигра, то на старинный замок с высокими башнями и шпилями, то на лежащую на спине женщину... Так и этот обломок, медленно вращаясь, подставлял взору Егора то одну свою сторону, то другую. И каждая сторона разительно отличалась от предыдущей.

Противника пока видно не было. Это означало, что он либо постоянно передвигался по поверхности барьера, оставаясь на противоположной от Егора стороне, либо где-то спрятался. И у первой, и у второй тактической схемы были свои плюсы и минусы. Но, не зная, какой именно тактики придерживается находящийся на обломке, нельзя было начинать строить свою контригру. Егор тяжело вздохнул. Жаль, конечно, что ему не удалось добраться до Барьера первым. Тогда в положении обороняющегося, дающем намного больше шансов на победу, чем положение нападающего, оказался бы он, а не его противник. Но... Как и предполагалось, удача, сопровождавшая его от Первого Обломка до модуля, от которого он только что стартовал, куда-то отвернулась в самый неподходящий момент. "Главное, чтобы вообще не ушла..." — проскользнула мысль где-то на краешке сознания, чудом оказавшимся

свободным от напряжённой умственной деятельности, — "Удача — она девка балованная, капризная...". Между тем Барьер приблизился уже настолько, что пора было принимать какое-то решение. Тактик наконец-то ожил, и доложил о том, что объект вошел в радиус действия сети "Москит".

"Сам вижу, железяка", — проворчал Егор, и дал команду на активацию системы. Вперёд сразу же устремился ещё один микрозонд с грузом нанозондов, которые должны были развернуться в сеть вокруг обломка, и собрать о нём всю возможную информацию. Микрозонд затормозил, не долетев до поверхности около десяти метров, и, раскрыв грузовой отсек, выпустил в пространство несколько сотен мгновенно разлетевшихся во все стороны "москитов". Тактик тут же нарисовал на поверхности объекта небольшое насыщенное зелёное пятно, показывающее площадь, охваченную исследовательской сетью. Пятно непрерывно расширялось, вскоре заполнив всё видимое пространство объекта. Однако докладов об обнаружении противника пока не поступало. Значит, он находился на противоположной стороне обломка. В принципе, это было не так уж плохо. Не надо ожидать нападения при посадке. Зато поступил доклад об обнаружении точно такой же развернутой инфосети.

Егор чертыхнулся. Значит, невидимый пока противник его видит отлично. И что теперь делать? Можно, конечно, было отдать команду "своим" "москитам" уничтожить "чужих", хотя бы с этой стороны обломка. Но такую же команду мог дать "своим" нанозондам и его противник. Число наноботов у обоих примерно равное, а "боевые действия" "москиты" могли вести только путём самоподрыва в непосредственной близости с врагом. Поэтому был велик риск того, что Егор потеряет все свои нанозонды на неисследованной стороне ещё до того, как обнаружит противника. Такая перспектива ему не нравилась, так что было принято решение оставить вражескую сеть в покое. Тем временем настал момент посадки. Сообразуясь с рекомендациями тактика, Егор выбрал в качестве посадочной площадки возвышающийся где-то на полметра над морем обломанных искореженных трубок, оборванных шлангов и рваных листов железа относительно ровный квадратный участок. Сближение с поверхностью шло почти под углом девяносто градусов, относительная скорость незначительна, потому Егор просто развернулся ногами вперед, и совершил посадку, задействовав экзоскелет.

Посадка прошла удачно. Даже вдвойне удачно. В момент касания пришел сигнал о полном развертывании исследовательской сети, и, почти одновременно, об обнаружении противника. Правильным оказалось второе из предположений Егора: Враг прятался в какой-то щели, и только сейчас выбрался наружу, заняв удобную для предстоящего боя позицию. Сзади и сверху его прикрывало нагромождение толстых, судя по всему, бронированных металлических плит, а перед ним простиралась небольшая ровная площадка. Точнее, бывшая когда-то ровной. Сейчас она больше всего напоминала внезапно застывшую в момент кипения жидкость. На её поверхности то там, то тут выступали почти правильные полусферы пузырей, образовавшихся при кипении. Часть из них лопнула, оставив после себя небольшие кратеры с рваными краями. В общем, не споткнёшься о "пузырь", провалишься в "кратер"... Вот с этой-то поверхности Егору и предстояло атаковать.

Ничего не скажешь, позиция его противником была выбрана грамотно. Шансы атакующего на победу при таком раскладе резко уменьшались. Особенно, если принять во внимание, что и без того маленький энергозапас у его скафа был выработан наполовину... Но что-то делать всё равно было надо. Причём, абсолютно понятно что: Идти вперёд и

победить. Или проиграть. Но схватка должна состояться.

Егор проверил, дает ли картинку портативный фиксатор — упрощённый аналог "чёрного ящика" скафа, размещённый на правой стороне шлема, фиксирующий только аудиовидеоинформацию, в отличие от "черного ящика", который записывал ещё и основные параметры функционирования организма. Вроде всё было в норме... Тогда вперед! Сцепив зубы, он начал осторожно передвигаться к цели сквозь застывшие наподобие ледяных торосов в Северном Океане нагромождения обломков разнообразных форм и размеров. Направление движения было выбрано так, чтобы выйти на то самое только что увиденное пузырчато-кратерное поле. Впрочем, выбора у него не было. Справа-слева к противнику было не подойти, а прыгать сверху — самому нарываться на неприятности. Одновременно с началом движения Егор дал команду нанозондам своей инфосети стягиваться к предстоящему месту сражения. Треть "москитов" он оставил возле себя, приказав им атаковать вражеские нанозонды, если они приблизятся к скафу на расстояние ближе, чем полметра. Теперь, когда враг был обнаружен, своих "москитов" можно было не жалеть.

Тактик "рисовал" местоположение своих "москитов" яркими зелеными точками, а вражеских — не менее яркими красными. Так что Егор имел возможность видеть своими глазами, как часть зеленых точек спешно направляются за край обломка, а другая часть, подлетая к нему поближе, исчезает. Тактик "гасил" изображение нанозондов, вошедших в "личную свиту" своего подопечного, иначе из-за повышенной плотности окружающих "москитов" тот видел бы окружающую обстановку, искаженную муаром. Метки вражеских наношпионов Егор на всякий случай приказал тактику не убирать, а только уменьшить их яркость. Конечно, тактик и сам мог отслеживать их перемещения в автоматическом режиме, но тут уж было лучше подстраховаться.

Лавируя между обломками и лужицами какой-то непонятно почему не застывшей и не испарившейся чёрной жидкости, Егор оказался у конечной цели своего путешествия — легкой слегка погнутой ферменной конструкции, возвышающейся на высоте три метра над предполагаемым полем боя. Легко пробежавшись по ней до самого края, он резко остановился, и застыл, ещё раз сканируя окружающую обстановку во всех доступных диапазонах. А вдруг подвернётся что-нибудь, чего не учел противник, и что позволит ему переломить ситуацию в свою пользу. Но, увы, ничего нового при взгляде сверху обнаружить не удалось. Зародившийся было план спрыгнув сверху, использовать для первого удара силу инерции, пришлось отвергнуть. Трюк выходил слишком сложным с учетом того, что находящемуся в зацеплении с поверхностью врагу было бы легче маневрировать, тогда как самому Егору маневрировать мешала бы всё та же инерция, которую он собирался было привлечь к себе в союзницы. Поэтому, в очередной раз тяжело вздохнув, Егор снял с пояса шпагу, и активировав её, прыгнул вниз. Но не на замершего в ожидании противника, а, наоборот, подальше от него, чтобы тот не успел достигнуть места приземления Егора раньше самого Егора.

Прыжок вышел удачным — Егор не угодил ногой (или ногами) ни на "пузырь", ни на "кратер", и, быстро восстановив равновесие, встал в боевую стойку. Клинок активированной шпаги замерцал мягким зеленым светом. Остриё его было направлено в сторону неподвижно застывшей под навесом из покореженных бронеплит отливающей серебром фигуры, облаченной в такой же плотно облегающий лёгкий скафандр, как и у Егора. На самом деле скафандры у обоих были чёрными, но тактик раскрашивал их для лучшей видимости. На голове у противника Егора красовался стандартный легкий шлем с непрозрачным забралом

и антенной связи с левой стороны, и мини-пржектором с правой. Такой же шлем был и у Егора. Если бы кто-то сейчас посмотрел на арену предстоящей схватки со стороны, то противники, скорее всего, показались бы ему классическими чертями из ада. Для полного сходства не хватало только хвостов.

Между тем фигура в серебряном скафандре, до этого времени казавшаяся неживым памятником, шевельнулась, и склонила голову в традиционном приветственном поклоне.

— Господин Белецкий... Рад, что Вы всё же благополучно добрались... Вопреки моим ожиданиям...

"Даже шпагу не активировал, гад! Стоит, руки скрестил на груди... Воплощённое презрение... Ну ничего, мы ещё посмотрим, кто кого!" — пронеслось в голове у Егора... Но, раз уж его соперник решил поиграть в благородство... Егор, скрипнув зубами, поднял шпагу чуть выше, ответил

— Барон фон Ливен... Простите, что заставил себя ждать. Меня задержали в дороге дела. Мы ведь все-таки на службе... Но, может быть, мы всё же начнём то, за чем сюда прибыли?

— Да, пожалуй... — фон Ливен милостиво кивнул головой, и, не торопясь, потянулся к пристегнутой к поясу шпаге. Так же неторопливо он отстегнул её, и активировал, одновременно салютуя.

"Ещё издевается, сволочь!", — скрипнул зубами Егор, в свою очередь отсалютовал вновь превратившемуся в памятник самому себе сопернику, и начал мелкими шажками осторожно продвигаться вперед. Ожидать, что враг покинет свою такую выгодную позицию было бы глупо, тем более, что Дуэльного Кодекса он своим поведением не нарушал. Приближаясь, Егор старался не терять из виду рубиновый клинок своего соперника. Фон Ливен, в отличие от Белецкого, был опытным дуэлянтом, и с ним надо было держать ухо востро. Подойдя на расстояние укола шпагой, Егор решил не изобретать ничего нового, и сделал этот самый укол. Его соперник тут же трансформировал свою шпагу в щит, и принял удар на него. Не самый лучший вариант защиты, но в данном случае он оказался действенным. Шпага Егора пробила щит, но импульс удара был погашен, поэтому скафандр пробить она не смогла. Белецкий отпрыгнул назад, и, вновь сблизившись с противником, нанёс рубящий удар. На этот раз барон принял его на клинок. И тут же попытался отбить шпагу Егора в сторону, чтобы самому уколоть соперника. Однако Егор на эту провокацию не поддался. Едва фон Ливен начал прием, как Егор на мгновение деактивировал свой клинок, и когда шпага соперника по инерции продолжила движение в сторону, снова попытался уколоть противника. Но тот не дремал, и на этот раз перевёл свою шпагу в режим, называемый среди фехтовальщиков "канцелярская кнопка" — когда эфес разрастается в небольшой щит, а длина клинка уменьшается до размеров кинжала. Таким оружием можно и колоть, и защита у него значительно лучше за счёт большей плотности щита. На этот раз Егор не смог даже коснуться скафандра соперника. Конец первого раунда. Егор отпрыгнул назад, при этом притворившись, что споткнулся об один из пузырей. Но его надежды на то, что противник клюнет на уловку и покинет свою удобную позицию, не оправдались.

Так что Егору пришлось вновь атаковать из той же позиции. Второй раунд прошел так же безрезультатно для обеих сторон, но, отпрыгивая назад, Егор на этот раз споткнулся не понарошку, а вполне по настоящему. Чем фон Ливен моментально воспользовался, уколов Белецкого в ногу куда смог дотянуться — чуть ниже колена. В месте пробоины вспыхнуло сияние энергозащиты, столбик индикатора зарядки накопителя опустился ещё на деление,

но полностью погасить силу удара защита не смогла. Скафандр зарастил пробоину в доли секунды, тут же сделал инъекцию обезболивающего, и начал лечить рану. Вот только для лечения требовался покой, а как раз его Егору в ближайшее время было не видать, как своих ушей. Егор зашипел от боли, а его противник, отскочив назад в укрытие, насмешливо отсалютовал шпагой и сделал приглашающий жест. Егор выслушал доклад тактика о полученных повреждениях и сведения об окружающей обстановке, собранные "москитами", мгновенно подумав, отдал тактику нужные команды, и, сцепив зубы, вновь двинулся вперед, чуть подволакивая поврежденную ногу. В принципе, боли он не чувствовал, и мог продолжать фехтовать в полную силу, но решил пока побереечь и эту самую силу, и энергоресурсы. Кстати, прыжки и прочие перемещения по поверхности обломка были бы невозможны без использования магнитов в подошвах и двигателей коррекции скафа. Которые тоже потихоньку кушали энергию...

Теперь Егор удвоил осторожность и сосредоточился больше на обороне, чем на атаке. Так как его соперник придерживался той же тактики с начала поединка, дуэль превратилась в вялотекущую череду легких касаний алого и зеленого клинков. Тем не менее, со стороны всё это выглядело довольно эффектно. Для того, кто видел бы этот бой в тех же красках, что и два дуэлянта. Обычный наблюдатель увидел бы сейчас не рубку двух рыцарей в серебряных доспехах, и не мелькание периодически трансформирующихся в щиты зелёной и рубиновой шпаги. Он бы вообще ничего не увидел. Та как дуэль велась на затененной сейчас стороне обломка, и оба соперника были облачены в матово-чёрные скафандры, не отражавшие света, даже если бы он тут и был, а силовые клинки офицерских шпаг были и вообще невидимы в оптическом диапазоне. Зеленым и алым цветом их окрасил тактик из соображений лучшей визуализации. Схема стандартная. Зеленый клинок у хозяина, красный — у соперника. Фон Ливен видел клинки в совершенно противоположной раскраске. Для него зеленым был его клинок, а красным — Егора.

Бой проходил в полном молчании. Насколько Егор знал, это не было характерно для его противника. Обычно тот любил отпустить по адресу своего соперника несколько острых словечек, дабы вывести его из себя, а затем, воспользовавшись этим, нанести решающий удар. Но сейчас фон Ливен почему-то молчал. На запрос Егора, почему поведение барона на этой дуэли так отличается от его обычного поведения в таких же ситуациях, тактик ответил, что сейчас фон Ливен просто не сможет вывести соперника из себя. Скаф с помощью инъекций поддерживает психоэмоциональное состояние человека, на которого он надет, на нормальном уровне. Так что вывести Егора из себя барону не удалось бы при всём желании. А предыдущие дуэли фон Ливена проходили не в пустоте, а в обычных условиях, без скафандров. "Понятно..." — Белецкий огорченно вздохнул. В принципе, он и так всё это знал, но эти знания у него как-то влетели из головы. В конце-концов, в отличие от фон Ливена, прошедшего одиннадцать дуэлей и изю всех их вышедшего победителем, для него это была всего лишь третья дуэль, а в пустоте — вообще первая. Потому он и волновался немного. А если бы не следящий за его состоянием скаф — переживал бы намного сильнее. Особенно сейчас... Когда его Хитрый План вот-вот должен был исполниться. Вот почти прямо сейчас... Вот...

Поверхность под ногами дуэлянтов вздрогнула. Не ожидавший этого фон Ливен чуть замешкался, чем Егор не преминул воспользоваться, и, отбив в сторону клинок баронской шпаги, вонзил свою шпагу в его левый бок. "Один — один". Егор тут же отпрыгнул назад, разорвав дистанцию, и замер в ожидании дальнейшего развития событий. События не

заставили себя долго ждать. Бронеплиты, составляющие "навес", под которым укрылся барон, начали сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее проседать. Конечно, дело тут было не в силе тяжести. Откуда ей взяться на столь малоразмерном небесном теле? Просто, собрав и проанализировав показания нанозондов, тактик Егора рассчитал точку, при воздействии на которую вся неустойчивая конструкция из бронеплит придёт в движение. Энергии совокупного одновременного подрыва всех нанозондов как раз хватало, чтобы осуществить это воздействие. Как Егор и предполагал, барон не следил за "москитами" противника, зная, что как оружие они в таком количестве опасности не представляют. За что и поплатился.

Осознав, что рискует быть погребённым в собственном убежище, барон, ожесточенно работая шпагой, рванулся вперед, на Егора. Но тут у него была сложная задача: одновременно и фехтовать, и поглядывать на всё быстрее опускающиеся вниз тяжеленные плиты. Именно на это и рассчитывал Белецкий. Улучив момент, когда соперник отвлёкся, он проколол барону правую руку почти насквозь. Но, несмотря на полученную рану, фон Ливен всё-таки вырвался из западни, которую сам для себя и приготовил. Теперь они с Егором были в равных условиях: у обоих под ногами была та самая "кочечно-кратерная" площадка, первоначально предназначавшаяся для одного Егора.

И схватка закипела с удвоенной силой, несмотря на ранения у обоих бойцов, и то, что фон Ливен теперь бился левой рукой. От смены бароном руки Белецкий не получил никаких преимуществ, а, скорее, наоборот, одни неудобства. Фехтовать с "леворучными" противниками его никто особо не обучал, а потому, неудивительно, что вскоре барон изловчился, и тоже поразил своего соперника в руку. Правда, в левую. "Два-два". Если бы не сработавшая силовая защита скафандра, рука была бы проткнута насквозь чуть ниже локтя. А так порез получился неглубоким, зато энергии для защиты почти не осталось. Теперь Егору можно было надеяться только на ловкость рук и на то, что он успеет в случае опасности трансформировать шпагу в щит. Шпага имела свой источник питания, заряда которого хватало на четыре дня непрерывного боя. Приближался решающий момент, который должен был показать, кто же выйдет победителем из этой схватки. Пока по всему выходило, что это скорее будет барон фон Ливен. У него были преимущества в фехтовальной подготовке и в энергозапасе.

Но дуэль на то и дуэль, чтобы её исход частенько решало не мастерство противников, а благосклонный взгляд переменчивой Богини Удачи. Так произошло и на этот раз. Медленно отступая под натиском барона, Егор внезапно почувствовал, что его левая нога провалилась куда-то по щиколотку и застряла. Посмотреть, в чём дело, не было возможности — всё внимание было сосредоточено на отражение атак ухмыляющегося барона, уже предвкушающего близкую победу. Белецкий парировал сыплющиеся на него удары из последних сил. За спиной фон Ливена то тут то там начали вспыхивать освещённые солнцем самые выступающие точки обломка, послужившего местом проведения дуэли. Обломок медленно поворачивался, и скоро, совсем скоро "взошедшее" солнце будет светить прямо в глаза Егору, усугубляя его и так почти безнадежное положение. Всё это прекрасно понимал и фон Ливен. Он чуть ослабил натиск, постепенно смещаясь влево. Если бы нога Егора была зажата намертво, то в конце концов барон оказался бы у него за его спиной. Так и получилось. Фон Ливен уже почти зашел за спину Егора, когда тот решился на отчаянный шаг. Он резко присел, и выставил в сторону противника левую руку. Со скафандра сорвалась "прилипала", и, проскочив под правой рукой барона, умчалась ему за спину. Барон

автоматически взмахнул своим клинком, обрубая тянущийся за "прилипалой" страховочный фал. Но было поздно. Фал уже начал сокращаться и "прилипала" неслась обратно. А вместе с ней — захваченный ею тяжелый металлический обломок, который и ударил барона в спину, толкнув его прямо на острие шпаги Егора. Шпага проткнула правое лёгкое барона, и вышла наружу.

Егор быстро деактивировал клинок, и тут же вновь активировал его, отведя руку с оружием в сторону.

— Третий удар, барон! Вы проиграли! — заявил Белецкий, вновь поднимаясь на ноги.

Фон Ливен замер, отступив на шаг. Казалось, он не мог понять, что произошло. Как, как этот сопляк смог победить его — признанного мастера дуэлей?!

Воспользовавшись наступившим затишьем, Егор занялся своей ногой. Оказалось, он провалился в полураскрывшуюся лепестковую мембрану, прикрывавшую вход в какой-то колодец. Мембрана пропустила стопу, и вновь сомкнулась. Повезло. Если бы мембрана была в рабочем состоянии, Егор бы провалился в колодец целиком. А так... Два удара шпагой, и вот уже нога освобождена. Егор поднял взгляд на побежденного соперника.

И увидел направленный себе в живот "дырокол". Егор не успел даже ничего подумать, как правую часть живота пронзила острая боль. Инстинктивно согнувшись, он прижал руки к ране, выронив шпагу. И тут же почувствовал удар по голове. Подшлемник, конечно, смягчил последствия удара, но

Долго разлживаться в отключке Егору не позволил скафандр. Несколько инъекций медпрепаратов сделали своё дело, и уже через четверть минуты Белецкий открыл глаза.

Чтобы увидеть фон Ливена, укладывающего его деактивированную шпагу в свой контейнер.

— Что?... едва слышно почти прошептал Егор.

— Услышав, что соперник начал подавать признаки жизни, барон перехватил "дырокол" из левой руки в правую, и, сделав шаг назад, поинтересовался:

— Очухался? Ну, и как тебе мой третий, победный удар? Да нет, ты молчи, молчи... Тебе сейчас вредно зря тратить силы: с такими-то повреждениями печени... Я знаю, что мой удар был великолепен... Нет, не открывай рот: Я хочу, чтобы ты пожил как можно дольше... Осознавая, что это твои последние минуты. Энергозапас у тебя, я вижу, закончился. Так что, даже если ты в ближайшее время не сдохнешь от последней раны, выбраться из Мёртвого Облака всё равно не сможешь... С разрубленной то почти пополам печенью. И даже если потом найдут твоё тело... Рана от "дырокола" с виду ничем не отличается от раны, нанесенной шпагой. Твой внешний видеофиксатор я разбил, внутренний у нас обоих заблокирован согласно Дуэльному Кодексу, а на моём внешнем фиксаторе, пока я доберусь до корабля, будет синтезирована вполне убедительная картинка моей победы. Со вставками из реальной дуэли. В общем, ты проиграл. И ты труп.

Фон Ливен помолчал немного, наслаждаясь видом поверженного соперника. Но, видимо, ему очень хотелось выговориться, и он продолжил:

— Не расстраивайся — так бывает... Если тебе станет легче, признаю: Да, я победил нечестно. Но... Победителей не судят. Потому что проигравшие мертвы, и не могут ничего рассказать. Кстати, не все свои прошлые дуэли я провел совсем честно... Зато все — результативно. И в будущем я всегда буду побеждать, таких неудачников, как ты...

Да... Что-то я заговорился. Пора в путь-дорогу. Ага... Ещё: Нам с малышкой Мари будет очень хорошо в моей постели... А теперь пока...

С этими словами барон сильно оттолкнулся от поверхности обломка, и устремился в открытый космос. В нескольких десятках метров от поверхности осколка, на котором проходила дуэль, он резко изменил вектор движения и ускорился. Когда удаляющаяся фигурка в скафандре повернулась к Егору спиной, он увидел, что барон использовал запрещённый Дуэльным кодексом стандартный энергоаккумулятор к скафандру.

Теперь понятно, как он смог добраться до Барьера быстрее Егора. И как без проблем вернётся к Кораблю. "Дырокол" и энергоблок он, конечно, выбросит по дороге, а шпага Егора и синтезированная видеозапись станет доказательством его победы. Тело проигравшего в Мёртвом Облаке никто искать не станет...

Белизна камеры номер тринадцать гарнизонной гауптвахты Второй Крепости была идеальна. Ровным белым светом светились и потолок, и стены, и пол, и даже неудобный жесткий лежак. На этом идеально белом фоне тёмным пятном выделялся единственный на данный момент обитатель камеры — молодой человек в офицерской форме Русской Империи со споротыми знаками различия. Сегодня был последний день его нахождения на гауптвахте. Ближе к вечеру арестанта должны были переправить на Землю. По приговору Военно-Полевого Трибунала лейтенант ВКС Руси Егор Белецкий был разжалован в рядовые и направлен в штрафбат.

И теперь бывший лейтенант коротал время в ожидании отправки, сидя на нарах, и который раз прокручивая в памяти цепочку событий, приведшую к такому плачевному итогу.

Два месяца назад курсант Сызранского военного лётного училища Егор Белецкий получил погоны лейтенанта и назначение на авианосец "Андрей Первозванный". Вместе с ним такие же назначения получили и девять его однокашников. Однако, как выяснилось, авианосец сейчас находился на выполнении боевого задания, и вернуться к Земле должен был лишь через эти самые два месяца. Так что новоиспеченные лейтенанты были временно направлены на Третью Крепость — циклопическую орбитальную станцию, предназначавшуюся для защиты Земли от вторжения извне. Там они приняли истребители, которым предстояло заменить выработавшие ресурс машины "Андрея Первозванного", и под руководством старших офицеров авианосца, по разным причинам не ушедшим в поход вместе со своим кораблём, занялись облетом новых машин, заодно повышая свое пилотажное мастерство.

В одной группе с Егором оказался и барон Карл фон Ливен — младший отпрыск старинного рода, обладавшего в Империи большим весом. В училище за ним закрепилась репутация повесы и записного дуэлянта. По числу одержанных побед как в дуэлях, так и над женщинами, он, пожалуй, был первым среди всего выпуска. За годы учебы Егору не довелось свести близкое знакомство с бароном — несмотря на то, что Белецкий тоже был дворянином, он принадлежал к обедневшей ветви далеко не такого славного и древнего рода, а кичившийся древностью и чистотой своей крови фон Ливен гнушался водить знакомство даже с теми потомственными дворянами, которых он считал ниже себя. А уж выходцев из мещан он и совсем старался не замечать, хотя все недворяне по окончании военного училища получали пожизненное дворянство, и теоретически стояли на одной ступени социальной лестницы с бароном. Ну, по крайней мере, ненамного ниже.

Тем не менее, пилотом фон Ливен был отменным — одним из лучших в выпуске. И на Крепости приглядывающие за молодняком старшие офицеры не могли им нахвалиться. Егор Белецкий в пилотаже тоже был на высоте, и между ним и бароном развернулось негласное соперничество. Так получилось, что соперниками они стали и в личной жизни.

Согласно законам Империи женщину принять на службу в армию было можно, но только после того, как она родит троих детей. Понятно, что при таких условиях молодых девушек в войсках не было. Да и вообще женщин в армии было не то, чтобы много. Но в Третьей Крепости проводила какие-то свои никому непонятные научно-исследовательские работы группа яйцеголовых из Императорской Академии. Со своими помощниками и ассистентами. И ассистентками...

Так получилось, что на одну из них — стройную фигуристую шатенку Марию Ковальчик положили глаз и Белецкий, и фон Ливен. И если в пилотажных делах Егор держался с "фоном бароном", как окрестили фон Ливена в училище, на равных, то в делах амурных высокий стройный белокурый красавец Карл был вне конкуренции. Женщины вешались ему на шею пачками. Не стала исключением и Мари. К знакам внимания со стороны внешне ничем особо не блистающего Егора она осталась равнодушна, а вот с бароном проводила всё свое свободное время. Притом, как оказалось, не только днём.

Однажды она повстречалась Егору заплаканная, и на настойчивые расспросы взволнованного молодого человека, что случилось, ответила, что этот негодяй Карл "воспользовался её наивностью...". Дальше договаривать было не надо. Егор, и без того сгоравший от ревности, тут же помчался на поиски обидчика дамы. Искать его долго не пришлось. Разъяренный лейтенант не успел сделать и десяти шагов, как чуть не сбил с ног довольно ухмыляющегося фон Ливена, о чём-то весело рассказывающего двум своим спутникам — молодым пилотам, тоже из числа высшей знати. Егору показалось, что он расслышал слово "Мари...".

Нельзя сказать, чтобы лейтенант Белецкий был таким уж наивным романтиком, но в жизни почти каждого мужчины, особенно в молодые годы, встречалась женщина, которая заставляла его вести себя так, как будто он полностью потерял рассудок. Вот такой женщиной и была для Егора Мари. Кроме того, в традициях русского офицерства было принято вступаться за честь дамы. Так что после того, что Егор услышал от юной прелестницы, было вполне естественно, что он тут же при свидетелях вызвал барона фон Ливена на дуэль.

Вообще дуэли среди офицеров не были чем-то таким уж из ряда вон выходящим. В Третьей Крепости они обычно проходили в одном из огромных пустующих трюмов станции. Дрались в основном на дуэльных рапирах до первой крови. Дуэли на смерть, в общем, не практиковались. Если на сам факт дуэли начальство ещё могло закрыть глаза — сами были молодыми, то, если один из дуэлянтов погибал, победитель испытывал на себе всю мощь имперского правосудия.

Фон Ливен, как вызываемый, имел право сам выбрать оружие и место проведения дуэли. И он своим выбором удивил всех. Дуэль в Мёртвом Облаке на офицерских шпагах проводилась не так уж и часто. По причине полной непредсказуемости её исхода.

По условиям дуэли, дуэлянтам надо было добраться до места схватки — обломка, называемого в Дуэльном кодексе Барьером, от Первого Обломка (который, естественно, у каждого был свой, находящийся от Барьера на примерно равном расстоянии, сквозь поле обломков, оставшихся от Второй Крепости, используя только мускульную силу. Если оба соперника добирались до Барьера, происходил поединок, а потом соперники должны были проделать обратный путь сквозь Мертвое Облако.

Да собственно, ничего другого они использовать и не могли: секунданты, наблюдавшие за поединком с борта инженерного бота, перед выходом соперников в открытый космос

тщательно следили за тем, чтобы у них не было запрещённого дуэльным кодексом оружия или снаряжения. Допускался только стандартный лёгкий скафандр, и в качестве оружия — "зубочистка", как пилоты презрительно называли офицерскую шпагу, ношение которой было обязательно для каждого офицера Империи. Кстати, именно тем, что дуэль была рукопашной, и объяснялась необходимость наличия опоры под ногами. В свободном полёте инерция раскидала бы поединщиков в разные стороны после первого же удара. Да ещё и закрутила бы так, что полная потеря ориентации обеспечена.

Но до этой самой опоры под ногами — обломка-Барьера, надо было ещё добраться. Путешествие от Первого Обломка к Барьеру и обратно являлось неотъемлемой частью дуэли, и именно оно вносило в состязание дополнительный элемент смертельной опасности. Во-первых, обломки в Мёртвом Облаке двигались по непредсказуемым траекториям, периодически сталкиваясь друг с другом, и вновь разлетаясь. Во-вторых, кроме хаотичного движения в пространстве, они так же хаотично вращались относительно собственных центров тяжести. В-третьих, некоторые системы и механизмы, находящиеся в этой громадной куче космического мусора, до сих пор функционировали. Что делало Мёртвое Облако, как неофициально называлась это скопление обломков, опасным даже для могучих и хорошо защищённых крейсеров. А что уж говорить о человеке в лёгком скафандре.

Тем не менее, дуэль в Мёртвом Облаке считалась среди военных высшим шиком, хотя возможность сойтись с противником именно здесь имела не у всех дуэлянтов, а те, у кого она имела, воспользоваться ею не спешили. Фон Ливен воспользовался. О чём Егор сразу же очень и очень пожалел. Не то, чтобы он трусил... Вовсе нет. Он готов был умереть в любой момент. За Родину, за свою честь или честь женщины... Но умереть с оружием в руках лицом к лицу с врагом, а не будучи раздавленным в космосе между двумя мёртвыми глыбами. Обидно умереть молодым, только что закончив лётное училище, и не успев сделать ни одного боевого вылета.

Но, по поводу "умереть молодым" — это ещё не факт. В конце концов, в целых тридцати процентах случаев после дуэли в Мёртвом Облаке в живых оставались оба дуэлянта. Ещё в пятидесяти процентах — один. И, между прочим, совсем не обязательно тот, кто оказался лучше в фехтовании.

Но вызов был брошен и принят. Исправить ничего было нельзя. "Назвался груздем — полезай в кузов". Да и если бы даже можно было повернуть время назад, Егор снова бы повторил свой вызов этому богатому спесивому папенькину сыночку. Покушения на честь дамы прощать нельзя никому. Даже если бы она и не была одновременно и твоей неразделённой любовью.

Технически дуэль в Мёртвом Облаке устроить было несложно. Кстати, само облако образовалось в результате взрыва Второй Крепости — боевой орбитальной станции, аналогичной той, на которой сейчас находился Егор. Раньше Первая, Вторая и Третья Крепости образовывали на орбите защитный пояс. Вторая крепость взорвалась почти семьсот лет назад. Почему — никто не знал. Основными версиями были диверсия и техническая неисправность. По неизвестным причинам обломки Второй Крепости не разлетелись во все стороны, и даже не растянулись в кольцо вокруг Земли, а остались висеть на орбите относительно компактной группой. Все попытки организовать операцию по сбору и утилизации обломков закончились неудачно: даже рядом с Облаком находиться было опасно: спонтанные скачки электромагнитного и гравитационного полей, а так же другие так и необъяснённые наукой аномалии погубили немало кораблей — от разведботов до

крейсеров. Их обломки присоединились затем к Мёртвому Облаку. Только в последние восемьдесят лет приближаться к Облаку стало более-менее безопасно. Сунуться же внутрь его и до сих пор было почти верным самоубийством. Кроме того, облако в последнее время стало как бы рассасываться: некоторые обломки отходили довольно далеко от общей массы. Их отлавливали с помощью специальных инженерных ботов, презрительно называемых персоналом и Первой, и Третьей Крепостей "мусорщиками", и доставляли на специальную научную базу, висевшую недалеко от облака, где принималось решение: представляет ли данный конкретный обломок интерес для науки, или же его можно отправить на утилизацию. Экипажи "мусорщиков" состояли из штатных пилотов, и операторов роботов-дронов — офицеров, получивших дисциплинарное взыскание. Белецкому, фон Ливену и их секундантам осталось только получить это взыскание (что в армии совсем не трудно), и уже на следующий день направиться на одном из мусорщиков к Мёртвому Облаку. Причем секунданту Егора даже взыскания получать не пришлось — он служил бортмехаником на "мусорщике". Обломки в основном собирали и транспортировали роботы-дроны. Люди же могли выходить в открытый космос для обеспечения лучшего управления этими механизмами. Рядом с облаком часто возникали проблемы со связью, и, бывало, оператору дрона приходилось находиться чуть ли не на нем верхом, чтобы его команды проходили эффективно и исполнялись адекватно. Так что Белецкий и фон Ливен как бы отправились рулить дронами, а секунданты остались на мусорщике, проверив предварительно соответствие оружия и снаряжения дуэлянтов Дуэльному Кодексу. Лететь к барьеру вместе с дуэлянтами секундантам не было смысла, а наблюдать дуэль с борта корабля мешали те самые проблемы со связью. Результаты дуэли должны были подтвердить внешние видеофиксаторы на скафандрах. Встроенные видеофиксаторы скафов, сбрасывающие информацию на "чёрный ящик", предварительно нехитрым способом выводились из строя, чтобы "в случае чего" комиссия по расследованию инцидента не докопалась до истины. Так что секунданты не имели никакой информации о дуэлянтах практически с того момента, как они покидали свои Первые Обломки, и до момента, когда соперники возвращались на корабль. Или хотя бы один соперник возвращался...

...Когда дуэль закончилась так неожиданно, по крайней мере для её зачинщика, и фигурка фон Ливена окончательно растаяла в космической тьме, Егор, сцепив зубы, поднялся на колени. Руки он всё ещё прижимал к ране, хотя этот жест был чисто символическим. Скаф остановил кровотечение, а руки проигравший, только что считавший себя победителем, прижал к животу автоматически. Сейчас его мысли были заняты совсем другим. Он был поражен подлостью барона, и, кроме того, прекрасно понимал правильность его расчетов относительно того, сколько с такой раной можно прожить. Хотя...

Егор поинтересовался у тактика, сколько времени продолжалась дуэль, и, проделав в уме несложные расчёты, тяжело опустился на какую-то балку, торчащую из ближайшей груды обломков. Если фон Ливен прав в своих рассуждениях, то лишние две минуты ничего не меняли, но если в расчеты барона закралась ошибка... На какое-то время Егор позволил себе отключиться от внешнего мира. В мозгу начали мелькать картинки эпизодов из прожитых лет жизни. Вроде бы, говорят, вся жизнь проносится перед глазами перед смертью, а тут вроде было ещё несколько рановато, но почему-то вспоминалось... И хорошее, и плохое... И победы, и поражения... Неужели всё это было зря? Нет, конечно, он не сдался. Несмотря ни на что, он собирался бороться до конца, хотя вполне отдавал себе отчет, что шансов выйти из этой переделки живым у него практически нет. Но всё равно,

когда через заданные две минуты тактик подаст сигнал, Егор встанет и начнёт обратный маршрут из Мертвого Облака...

Сигнал раздался через одну минуту сорок семь секунд. Подошедший к Барьеру спасательный модуль, обнаруженный перед дуэлью, докладывал о прибытии в заданную точку, и готовности к выполнению команд.

Обратного пути Егор не помнил. Возложив на тактика задачу прокладки маршрута домой, он пристегнулся к скобам спасательного модуля, и позволил сознанию отключиться. Из дальнейших событий ему только смутно вспоминалось, как его отстегивали от модуля, как затаскивали на борт мусорщика, как хлопнулась над ним крышка медицинского реанимационного бокса.

О том, что его соперник не вернулся из Облака, всего чуть-чуть не дотянув до корабля, и что его тело (точнее, аккуратно обрезанную верхнюю половину тела) нашли по пеленгу внезапно заработавшего радиомаяка через сутки, Белецкий узнал уже после выписки из лазарета, когда предстал перед судом Военного Трибунала по обвинению в убийстве фон Ливена. Накопитель видеофиксатора, обнаруженного на теле покойного, был повреждён, и из него смогли вытянуть только запись пары эпизодов, в которых Егор нападал на погибшего, а тот защищался. При таких обвинениях Егору светила пожизненная каторга, и он решился рассказать о дуэли, согласившись подтвердить свои показания на детекторе лжи. В результате обвинение было пересмотрено, и каторга была заменена штрафбатом.

Сейчас бывший лейтенант ВКС пребывал в подавленном настроении: Попасть в штрафбат в самом начале военной карьеры...

О единственном в Вооруженных Силах Империи штрафбате ходили страшные слухи. Среди угодивших туда выживших практически не было. Но даже те, кто умудрился выжить в этом аду, после отбытия наказания задвигались начальством куда-нибудь подальше, и о карьерном росте могли забыть...

Ещё более усугубил отчаяние молодого человека состоявшийся недавно разговор с той, честь которой он защищал на дуэли. На свидании после приговора она, бледная от ярости, поведала ему, что специально толкнула влюбленного в неё юношу на дуэль. Она рассчитывала, что победит фон Ливен, и, так как дуэль получит огласку, барон будет вынужден жениться на ней. План настолько же коварный, насколько и наивный. Очевидно, девушка перечиталась дамских романов, чтобы надеяться на такие действия со стороны молодого повесы. Тем не менее Егор, сам того не ведая, разрушил её планы, и на свидании она не жалела в адрес своего неудачливого воздыхателя уничижительных эпитетов...

...Дверь камеры распахнулась, и старший прибывшего за арестантом конвоя скомандовал: "Белецкий, с вещами на выход!", Егор встал, и безвольно поплелся навстречу судьбе. Для его сопровождения выделили аж четырех конвоиров. Двое шагали спереди, и двое сзади. Причем экипирован конвой был в бронескафы средней защиты, а вооружён универсальными полицейскими штурмовыми винтовками для внутрикорабельного боя. "Надо же, какой я, оказывается, опасный преступник!" — с горькой иронией подумал без пяти минут штрафник. "Можно, подумать, одного конвоира с парализатором и шпагой, как обычно, мне мало". Егора провели к двери лифта по коридору вдоль длинного ряда камер, таких же, как и та, где он находился, пока шло следствие. Большинство камер пустовало. Дисциплина в гарнизоне была на высоте, и на гауптвахту здесь попадали не часто. Когда Егор проходил по этому коридору, у него всегда возникал вопрос, для чего нужно столько полезного объема станции выделять под тюрьму, в которой можно содержать такое

нереальное количество заключенных? Но задать этот вопрос было некому, да, скорее всего, никто бы на него и не ответил.

Не успел конвой подойти к дверце лифта, как её створки разъехались в стороны, услужливо предлагая всем пройти в кабину. Кабина была рассчитана на шестерых. Именно столько мягких сидений в ней находилось. Конвой и конвоируемый расселись по креслам, дверцы лифта закрылись, и он тронулся... Пока не вверх и не вниз, а вперед. Собственно говоря, лифтом это сооружение называли скорее по привычке. На самом деле это скорее был метрополитен. Его пути пронизывали станцию во всех направлениях, как мышинные норы старый деревянный дом. Кабина лифта могла доставить пассажиров или грузы не просто с уровня на уровень, а из любой точки Крепости в любую другую точку. Так что сиденья в кабине были установлены совсем не зря. Время в пути могло достигать и двадцати минут, и получаса, если конечные точки путешествия находились на противоположных концах Крепости.

Вот и сейчас в течение пятнадцати минут кабина то поднималась, то опускалась, сворачивала то влево, то вправо, потом опять маневрировала по вертикали, потом снова по горизонтали... И наконец остановилась. Как и предполагалось, лифт доставил своих пассажиров в одно из служебных помещений грузопассажирского терминала Крепости. Егор в сопровождении конвоя покинул кабину и по команде старшего встал лицом к противоположной переборке. Прошла пара минут, и позади вновь раздался сигнал прибытия кабины лифта. Послушался шум разъезжающихся дверей, и команды: "вперед", "направо", "налево", "лицом к стене". Надо понимать, привели ещё какого-то арестанта. Белецкий уже собрался осторожно повернуть голову, и посмотреть, кто это там стоит рядом с ним, как легкое шипение открывающихся дверей послышалось на этот раз слева, раздалась четкие приближающиеся шаги, и два голоса одновременно подали команду: "Кругом! Смирно!". Повернувшись через левое плечо, Егор вытянул руки по швам. Перед ним с листом тонкого несгораемого пластика в руках стоял командир сводного отряда пилотов, к которому лейтенант Белецкий был приписан до разжалования, майор Симаков. На таких листах по традиции дублировались из электронного вида особо важные документы. Однако на лист майор не смотрел. Смотрел он в глаза Белецкому, и было в его взгляде что-то такое, от чего Егор не выдержал, и опустил взгляд. После, казалось, бесконечно длившейся паузы в тишине наконец-то раздался хриплый голос майора:

— Ну что, господа дуэлянты? Допрыгались? Нет, чтобы оттачивать мастерство фехтования на тренажерах и в спортзале... Голофильмов насмотрелись? Э-эээ... Да что теперь говорить..., — досадливо махнул рукой с зажатым в ней листком майор. Короче так. Лейт... Тьфу ты... Рядовой Белецкий и рядовой Карлаш направляются для прохождения дальнейшей службы в в/ч 28236. Она же — штрафбат.

Егор чуть не подпрыгнул на месте: "Карлаш?! Это какой Карлаш? Сашка? Его секундант? Но я же никого не сдал во время следствия — ни своего секунданта, ни секунданта фон Ливена... За что же его?!". Егор чуть повернул голову вправо и осторожно скосил глаза. Действительно, рядом с ним без пояса и знаков различия на обмундировании стоял Сашка Карлаш. В голове было лихорадочно закрутились мысли, но тут же замерли. Симаков заговорил снова, и надо было не пропустить ни единого сказанного им слова:

— Сопроводительные документы будут переданы на ваши коммуникаторы. Местонахождение части, в которую вы направляетесь, конечно — военная тайна. Одно ясно — расположена она на Земле. ИскИн Крепости посчитал, что гонять ради вас двоих

транспортный челнок — нерационально. Пассажирским маршрутом вас отправить тоже нельзя — инструкция запрещает. Поэтому добираться до поверхности будете "на перекладных": Мы передаем наземникам старый "Сапсан". На нем будут теперь учиться летать в атмосфере курсанты. Он пойдет в автоматическом режиме через третий северный планетарный грузовой терминал. В нём как раз экипаж — два человека, вот вы и полетите. Внизу вас встретят, и переправят куда надо. Вопросы есть?

— Никак нет! — дружно гаркнули новоявленные штрафники.

— Ну вот и чудненько..., — хмыкнул майор, — Да, Белецкий! Персонально к тебе обращаюсь. "Сапсан" пойдёт в автоматическом режиме. Возможность управления им будет заблокирована персонально для твоей цифровой подписи. Так что не надейся, ничего такого устроить ты не сможешь... Понятно?

— Так точно! — снова гаркнул Егор, одновременно размышляя над тем, а что такого он должен был устроить? Угнать "Сапсан" и скрыться, или совершить на нем самоубийство? И то, и другое было совершенно не в его духе.

— Ну, раз понятно, марш натягивать бельишко — и на "батарею". Ваши личные вещи будут там, — скомандовал Симаков, и развернувшись, направился к двери. Снова зашипел привод. В двери майор обернулся, и бросил бывшим подчиненным:

— Удачи вам...

Как только за Симаковым закрылась дверь, штрафники в сопровождении конвоя направились в "раздевалку", где им предстояло надеть "бельё". "Бельем", или "подкладкой" на пустотном жаргоне назывался тот самый лёгкий скаф, в котором Егор побывал в Мертвом Облаке. Назвали его так за то, что он, кроме использования в качестве легкого скафандра, применялся в качестве нижнего слоя для скафандров более тяжелых. То есть сначала надо было "натянуть белье", а затем — средний или тяжелый скаф. Сейчас процесс облачения должен был ограничиться только "натягиванием белья". Лёгкий скаф был универсальным защитным костюмом, и в том числе использовался в пустотной и атмосферной авиации в качестве штатного скафандра.

В раздевалке Егор с Александром быстро сбросили одежду, и абсолютно голыми направились каждый в свою кабинку. Конвоиры даже сейчас настороженно держали их в поле зрения, как будто их подопечные и нагишом вдвоем могли перебить конвой и взорвать Крепость. Кстати, конвой Карлаша, в отличие от конвоя Белецкого, состоял всего из одного устаревшего штурмового робота класса "черепаша", вооруженного парализатором. Видимо, Сашку посчитали намного менее опасным преступником.

Пройдя в свою кабинку — яйцеобразное сооружение высотой в два человеческих роста, Егор встал на нарисованные отпечатки ступней в середине нарисованного на полу круга, привычно глубоко вдохнул, задержал воздух в лёгких и зажмурил глаза. Тут же со всех сторон в тело ударили струи дезинфицирующего раствора. Тёплый дождь продолжался десять секунд. Затем пахнуло горячим воздухом. Тело моментально высохло. Можно было открывать глаза. Хотя, всё равно ничего не было видно. Информацию о происходящем можно было получать только с помощью тактильных ощущений. Вот мягкое прикосновение к плечам... Это сверху опустился шлем, и "приклеился" нижней частью к коже. Вот такие же мягкие касания по всему телу... Это присоединяется "сбруя". Точнее, часть её. Теперь снова ощущение теплых струй. Это напыляется на тело собственно скаф. Удобно. На каждое тело свой скафандр, и никаких подгонок размеров не надо. Мягкий толчок в спину. "Приклеился" энергоблок и аппаратура связи. Одновременно с "надеванием" скафа перед глазами

прогонялись тестовые таблицы его систем. Только часть, естественно. Причем меньшая. Большую часть систем тестировал тактик скафандра, встроенный в шлем. Наконец, последовал доклад тактика о полной готовности и работоспособности скафандра, и дверца кабинки отъехала в сторону. Можно было выходить. Егор привычно хлопнул рукой по боку, проверяя, на месте ли шпага. Шпаги не было. Его прежняя "зубочистка", которую забрал и подвесил себе на пояс фон Ливен, пропала в месте с нижней половиной тела барона, а новой Егор обзавестись не успел. Да рядовым, вообще-то, шпага и не положена. Кроме особых случаев. Но сегодня явно не тот случай... С такими мыслями Егор вышел из кабинки наружу, к ожидавшим его четверем военным полицейским и одному роботу. Бросив взгляд вправо, он убедился, что из соседнего "яйца" выскользнула черная матовая фигура с непропорционально большой круглой головой, увенчанной маленькими рожками. Так же сейчас выглядел и сам Егор.

Из раздевалки вышли через другую дверь — прямо в грузовой сектор. Здесь, в окружении разнообразных "грузовиков" всех размеров и моделей, своими хищными очертаниями выделялся серебристый корпус "Сапсана" — на данный момент единственного боевого корабля в секторе. По внешнему виду он отнюдь не напоминал батарейку, как эти машины прозвали в войсках. Форма в виде вытянутого равнобедренного треугольника с расположенными у задней части двумя крохотными зародышами килей делала его скорее похожей на наконечник копья.

Рядом с "Сапаном" скучал ещё один военный полицейский, но не в скафандре, а в повседневной форме. Когда вся группа из конвоиров и конвоируемых, сопровождаемая недоуменными взглядами работавшего не палубе персонала, подошла к кораблю поближе, Егор заметил у ног охранника два кофра. Очевидно, это и были личные вещи отбывающих. Что и подтвердилось при ближайшем рассмотрении: на чемоданах стояли электронные метки владельцев. Что лежит в его чемодане, Егор не знал: вещи собрали и упаковали без него. Ну, что-то положили, и ладно. Сейчас было не до того.

При виде приближающейся группы отъезжающих и провожающих выражение вселенской тоски на лице охранника то ли боевой машины, то ли чемоданов сменилось радостным оживлением. Очевидно, он торчал тут уже довольно давно, и рад был, что его миссия наконец заканчивается. Как только фигуры в скафандрах оказались от полицейского на расстоянии пары шагов, тот сухо кивнул в пространство куда-то между ними, и металлическим голосом произнёс:

— Опись ваших вещей. Акт приема-передачи. Проездные документы, — одновременно с его словами в поле зрения Егора появлялись пиктограммы, подтверждающие приём его коммом перечисляемых документов.

— Сверяться с описью будем? — деловито поинтересовался полицейский.

— Нет! — почти хором ответили Белецкий и Карлаш. Какая к чертям собачьим сверка? Поскорее бы выбраться отсюда, подальше от этих тесных стен и надоевшего конвоя.

— Тогда подпишите акт приема-передачи, и скиньте мне копии.

Прооба полицейского была мгновенно выполнена. Проверив электронные подписи, он довольно улыбнулся, и, подобрев, произнес, понизив голос:

— Между прочим, молодые люди, совершенно зря. А вдруг кто-то что-то решил оставить себе, так сказать, на память о вас? — и, развернувшись, поспешно удалился.

Егор нетерпеливо передернул плечами. Ну, даже если прихватили что-нибудь... Что может быть ценного в личных вещах молодого лейтенанта из небогатой дворянской семьи?

Створки отсека вооружения и фонарь кабины были откинuty. Чемоданы Егор с Александром закинули в отсек вооружения, попутно убедившись, что он пуст, а в кабину поднялись по поданному трапу. Белецкий уселся впереди, на место пилота, а Карлаш сзади — на место оператора. Фонарь плавно опустился, и пассажиры "Сапсана" оказались отрезаны от внешнего мира. Что происходит снаружи, было не только не слышно, но и не видно — фонарь машины был непрозрачным. Егор попытался связаться с ИскИном корабля, но, как и обещал майор Симаков, получил отказ в доступе. "Так и придется в закрытой коробке лететь, не зная, что вокруг делается", — огорченно подумал Белецкий. Но тут фонарь и часть корпуса под ним "протаяли", и сквозь них стало видно происходящее вокруг.

— А про ручное управление ты забыл? — послышался сзади насмешливый голос Карлаша.

Егору захотелось хлопнуть себя по лбу. Действительно, он настолько привык управлять машиной с помощью имплантов, что информация про кнопки, позволяющие реализовать простейшие функции, не влияющие на безопасность полета, вылетела у него из головы. В принципе, в "Сапсане" было предусмотрено даже ручное управление. Но уж эта возможность точно была заблокирована для Егора. Между тем боевая машина вздрогнула, и начала разворачиваться носом к створу одного из стартовых ускорителей. Проскользнув в раскрывшийся створ, корабль замер в начале разгонного тоннеля, почти упершись носом в изолирующую мембрану, отделяющую заполненную воздухом часть тоннеля от космического вакуума. В воздухе перед лицом Егора нарисовалась красная вертикальная риска. Вот она превратилась в увеличивающийся сектор, тут же сменивший цвет сначала на желтый, а потом на зелёный. Когда круг замкнулся, пассажиры ощутили сильный толчок в спину. Начался разгон. "Сапсан" проткнул носом мембрану, и, резко ускоряясь, устремился к распахнутому наружному створу разгонного тоннеля.

Переход от замкнутого пространства узкого жерла разгонного тоннеля к необъятной тьме открытого космоса, пробитой то там, то сям блестящими гвоздиками звёзд был, как всегда, внезапным. Как и мгновенно появившаяся невесомость. Егор до сих пор не мог привыкнуть к ощущению свободы, и чувству прикосновения к бесконечности, возникавшему у него всякий раз, когда он покидал Крепость на борту боевой машины. Сейчас ощущение свободы было особенно сильным. Наконец-то он не замкнут в четырех стенах камеры! Наконец-то рядом нет опостылевших фигур конвоиров! Хотелось кричать и что-то петь, сорвать тяжелую машину в каскад фигур высшего пилотажа, и наслаждаться полным слиянием с совершенным организмом истребителя...

Егор помрачнел. Вот чего-чего, а слияния с боевой машиной он сейчас испытать не мог. Да и вообще, скорее всего, находился в кабине истребителя в последний раз... Хотя бы насмотреться на космос напоследок, но много ли сквозь фонарь увидишь. Хотя... Эта-то функция на безопасность не влияет... Егор вдавил одну из кнопок на консоли управления, и ткнул пальцем в нужный пункт появившегося перед ним меню. Сработало! Стенки кабины "исчезли" полностью. Видимыми остались только кресло пилота и консоль управления. Теперь не надо было вытягивать шею, чтобы заглянуть за край фонаря. И на том спасибо. Между тем бортовой ИскИн приятным женским голосом выдал предупреждение о начале маневрирования. Наверное, предыдущий пилот этой машины поставил голосовую матрицу своей девушки. Или жены. Сработали двигатели коррекции. Машина совершила манёвр по курсу с одновременным переворотом оверкиль. Теперь казавшаяся с такого близкого расстояния громадной плоской стеной внешняя обшивка Крепости оказалась слева, а

голубой шар Земли — прямо по курсу. В первый раз за время полета включился маршевый двигатель. Пассажиры корабля снова вдавило в кресла. Двигатель отработал пять секунд и опять вырубился. Вновь наступила невесомость. Судя по нарисованной ИскИном схеме полета, по прямой предстояло лететь ещё минут двадцать. Егор решил, что самое время пообщаться с коллегой по несчастью.

— Ну, давай рассказывай, как ты здесь оказался? Могу поклясться чем угодно: Я тебя не сдавал, — обратился Егор к сидящему позади товарищу.

— Да знаю... Знаю, что не сдавал... Это та крыса — секундант "фона барона"... Нам дознаватель очную ставку делал. Я, конечно, от всего отказывался, но тот придурок, оказывается, видеозапись вел, как мы вас перед дуэлью осматривали и провожали. Для истории, так сказать. Ну, не баран ли? С такими уликами не отвертишься. Все эти ритуалы... Вопросы, ответы... В общем, за участие в дуэли — загремел с тобой заодно. А судя по тому, что самовлюбленной морды этого уroda я рядом не вижу — ему удалось отвертеться. Наверное, за "добровольное сотрудничество со следствием".

— Ты прости, что из-за меня ты..., — Егор чувствовал себя неловко. Ладно, сам влип в неприятности. Но знать, что из-за тебя пострадал товарищ...

— Да ладно, не бери в голову — отозвался Сашка. Ты не причём. Я уже сказал, кто виноват. Ох, и доберусь я когда-нибудь до него! Кстати, а как вообще прошла дуэль? Барон хоть добрался до Барьера? Ходят слухи, что он попал под гравитационный импульс почти сразу же после отлета от Первого Обломка. А тебя где так покромсало, что еле живой остался? Мы думали, что до медблока тебя не дотянем.

— Сколько вопросов..., — улыбнулся Егор. Ладно, время есть. Давай по порядку...

По порядку рассказ Егора, то и дело прерываемый возмущёнными возгласами Карлаша, занял те самые двадцать минут полета по прямой. Выложив всё, Егор поинтересовался у Сашки, как, по его мнению, барон смог протащить к Барьеру "Дырокол", штатный накопитель на скаф и портативный видеосинтезатор?

Тот помолчал минутку, и задумчиво протянул:

— Ты же помнишь: как и положено, последним проверял его я. Ничего такого у него не было. Но мы проверяли вас в шлюзе, внутри корабля. Если что-то было закреплено на корпусе... Ты же, небось, сразу рванул к Барьеру, не оглядываясь?

— Ну да, — подтвердил предположение друга Егор, — Сам понимаешь, хотелось первым прийти...

— Вот! А этот тип остался у корабля, снял с его корпуса контейнер, достал оттуда всё, что надо... В общем, теперь придется менять Кодекс. Секунданты должны сопровождать дуэлянтов до Первого Барьера, дабы те не прихватили чего-нибудь по дороге. Кстати, где ты выцепил ту рукоять шпаги? Я её в твоём контейнере нашёл... — поинтересовался Александр.

— На одном из обломков. Думал, можно будет установить по блоку опознавания, кому она принадлежала... И передать его родственникам, если они есть.

— Сдох блок опознавания... И блок питания тоже. Кстати, оба блока нестандартные. К нашим шпагам не подходят. Я начал было с ними ковыряться, но тут меня замели... — грустно вздохнул Сашка. Даже по серийникам в базе пробить не успел...

— Может, кто-то делал по индивидуальному заказу... — задумчиво произнес Егор...

— Нет, скорее просто она очень древняя. Вторая Крепость когда взорвалась?

— Ну, семьсот с копейками лет... Пожалуй, ты прав. Тогда стандарты, скорее всего,

были другие. Интересно, тогда вообще силовые шпаги были? Просто мне в Мертвом Облаке встречались и более современные вещи... Думал, может и шпага из них... А так, через столько времени найти какого-нибудь родственника владельца просто нереально.

— В общем, забудь про эту шпагу. И без неё будет чем заняться. Нас ждут великие дела! — шутливым тоном почти продекламировал Александр.

— Ты себе не представляешь, что нас ждёт, — мрачно возразил Егор, наблюдая, как из-за Земли выплывает тонкий серп Первой Крепости.

— Так ведь ты тоже не представляешь. А уже сделал выводы — парировал Карлаш. Сейчас вот, небось, смотришь на восход Первой Крепости, и думаешь, что всю эту красоту видишь в последний раз. Так?

— Ну, так... — буркнул Егор, — Просто я реалист. Сколько народу вернулось из штрафбата живыми, знаешь?

— Но ведь есть такие, — возразил Сашка, — Почему бы и нам не оказаться в числе тех, кому повезёт? Нет ничего невозможного, есть только маловероятное.

— Вот именно. Очень маловероятное... — тяжело вздохнул Егор. — Ладно... Что будет, то будет... Приготовься к манёвру.

— Всегда готов! — бодро отозвался Карлаш со своего места. Да ты не волнуйся, передо мной такая же информационная панель, как и перед тобой.

— Я просто думаю, что ты в своем радужном настроении можешь не обратить на неё внимания.

— Я на все обращаю внимание. Даже на то, что, что нас уже опросили на предмет "свой-чужой" во-он те батареи ПКО.

Действительно, корабль подлетел уже достаточно близко к разбросанным то там, то там подвижным платформам батарей противокосмической обороны. Казалось, они охраняют пустое место. Но так только казалось. "Сапсан" вновь включил маршевые двигатели, на этот раз в режиме реверса. Привязные ремни натянулись, но через пару секунд тела путешественников, брошенные вперед силой инерции, вновь вернулись в состояние невесомости. Сработали двигатели коррекции курса. Модуль повернулся на тридцать градусов вокруг продольной оси, и продолжил движение с гораздо меньшей скоростью, время от времени отвечая на запросы о принадлежности от очередной платформы ПКО.

— Понатыкали тут ... — буркнул Егор.

— А как ты хотел? Адмиралтейская судоверфь, как-никак.

— Да... Белецкий пристально вглядывался в темноту за батареями ПКО, но, кроме того, что там расположено что-то громадное, ничего разглядеть не удавалось. Выглядело это "что-то", как громадная клякса абсолютной тьмы на фоне густо усеянного звездами космоса.

— А вот закрывать несколько кубических километров пространства светорадиопоглощающей плёнкой — это действительно извращение, — проговорил со своего места Карлаш, тоже вглядываясь в кажущуюся пустоту.

— Ну почему? Секретность... — возразил ему Егор, наблюдая как "суперклякса" с одной стороны втягивает, а с другой выплёвывает светящиеся потоки, образованные габаритными огнями космических кораблей и вспышками их двигателей.

— Да какая секретность?! — возмутился бывший бортмеханик мусорщика, — любой первоклассник знает, что на Верфи сейчас строят линкор "Императрица Елизавета". В Сети полно информации, на какой стадии находится сборка. Секретный внешний вид? Так "Елизавета" — систершип "Императрицы Анны", которая уже пару месяцев, как проходит

ходовые испытания! Они ж, как две капли воды...

— Ну, успокойся, успокойся... — примирительно проговорил Егор. Будем на Земле, зайди в Сеть, посмотри, какому из семейств принадлежит предприятие, выпускающее эту самую плёнку, и какая у этого семейства "лапа" в Думе или Адмиралтействе. Вот народ и зарабатывает на свой кусок хлеба с маслом...

— Угу... На эшелон сдобных булок, на который сверху намазан эшелон чёрной икры... Ах да, забыл: И всё это на эшелоне тарелок из чистого золота.

Егор улыбнулся, представив эту картину.

Ну, в случае чего, обвинить их не в чем, разве что в "чрезмерном усердии при обеспечении мер секретности" А за это у нас ещё никого не наказывали. Кстати, о мерах секретности: Возьми, например, новый секретный самолёт, который должен заменить "птичку", на которой мы летим. Его разрабатывают уже не-помню-сколько-лет, журналюги каждый год вещают, что он взлетит в следующем году, а тут не то, чтобы планер показали, но даже название этого суперагрегата до сих пор неизвестно. Ну ладно, ТТХ скрывают... А название? "ПАК АКА" — это что?.. Думаю, во всей истории человечества большего бардака чем у нас, не было... Хотя с виду всё чинно...

— Гм... Ты, похоже, хочешь, чтобы нам ещё и "политическую неблагонадёжность" пришили... Тогда точно загремим на каторгу вместо штрафбата. Разговор же пишется — не забывай... — напомнил чересчур уж разговорившемуся собеседнику Карлаш.

— Ещё неизвестно, что хуже: каторга или штрафбат, — парировал Белецкий. А если бы за "такие" разговоры всех на каторгу отправляли, у нас бы уже все вооруженные силы там в полном составе находились...

— Утешил, — усмехнулся Александр, — значит, дальше штрафбата не попадём.

Тем временем Адмиралтейская Верфь осталась позади, и запросы "свой-чужой" прекратились. Но скорости "Сапсан" не прибавил. Начиналась "густозаселённая" зона. Здесь, ближе к Земле, на орбите относительно недалеко друг от друга висели сотни разнообразных конструкций — от орбитальных заводов до отелей для космических туристов. Движение было очень интенсивное, и превышать скорость здесь было чревато созданием аварийной ситуации. Так что аэрокосмический модуль, поблескивая серебром обшивки, потихоньку плыл в направлении пункта назначения — Северного орбитального транспортного терминала. Кстати, то, что его корпус был серебристым, а не матово-серым, говорило о том, что дорогостоящего жаропрочного (оно же радиопоглощающее) покрытия перед вылетом на него не напылили. К чему оно кораблю, который войдёт в атмосферу не своим ходом, а через терминал?

Дальнейший путь прошел в молчании. Мимо проплывали заводы, гражданские судоверфи, разнообразные перевалочные базы... Ярko вспыхивали вывески орбитальных отелей и игорных заведений. Между ними деловито сновали суда всех форм и размеров.

Земля приближалась. На её неосвещённой стороне уже можно было различить россыпи огней городов, на освещённой — очертания континентов в окружении океанских вод. В некоторых местах на орбите наблюдалось невообразимое скопление судов, одни из которых пристыковывались к большим дискообразным конструкциям, другие отстыковывались... Это были грузопассажирские терминалы, из которых к поверхности планеты тянулись стволы орбитальных лифтов с бегущими по ним предупредительными огнями.

Но сегодня путь бывших офицеров лежал не к ним. Вокруг третьего северного орбитального терминала толчеи было поменьше. Хотя по тоннажу грузопоток через него

значительно превышал грузопоток любого орбитального лифта. Этот терминал был одним из нескольких орбитальных "полулифтов", работавших только на спуск. Предназначался он для доставки на поверхность планеты крупногабаритных грузов — в основном лихтеров с обогащенной рудой. Вот и сейчас вокруг него свернулся в кольцо "Змееёж" — межпланетный транспортник — лихтеровоз. Сейчас его уже частично распотрошили. Часть длинных цилиндрических лихтеров — "игл" буксиры тянули в направлении орбитальных заводов. Насколько Егор знал, эти лихтеры представляли собой цельнолитые металлические болванки. Те лихтеры, что подтаскивались к манипуляторам терминала, состояли из спеченной обогащённой руды. Перед тем, как попасть на терминал, лихтеры проходили через комплекс, который резал их поперёк на три равных части, а потом к будущему верху каждой части прикреплял парашютную систему, а к нижней — кластеры антигравов, которые изготавливались здесь же на орбите, а после спуска использовались внизу, на поверхности.

Терминал со стороны напоминал крупного спрута с несколькими десятками колышущихся щупалец-манипуляторов, которые хватали и подтягивали всё, находящееся в зоне их досягаемости. Откуда-то из чрева этого спрута-переростка в сторону планеты уходил тонкий луч троса. Настолько тонкий, что виден он был только где-то на расстоянии метров в триста от причального комплекса. О том, что он тянется дальше, говорил только пунктир из неторопливо скользящих вниз связок лихтеров, скрывающийся в облачности, покрывающей этот участок планеты. Лихтеры, точнее, их обрезки, цеплялись к тросу на крестообразном подвесе по четыре штуки. По тросу они спускались в атмосферу, и на высоте пятнадцати километров, где трос кончался, отцеплялись, и спускались дальше на парашютной системе. На поверхности в этом месте когда-то располагалась горная гряда. Оставшаяся от неё к настоящему времени ровная площадка из скальных пород была достаточно твердой, чтобы громадные лихтеры при приземлении не зарывались в грунт наполовину. После разгрузки транспортника лихтеры разрезались при помощи спецтехники на более мелкие части, по размерам пригодные для наземной транспортировки, и перевозились дальше по назначению.

"Сапсан" "поднырнул" под облепленный разгрузочной техникой лихтеровоз, и затормозил в радиусе досягаемости манипуляторов терминала. Тут же к нему протянулось одно из громадных "щупалец", и с плавностью и точностью, какие трудно было ожидать от столь монструозного механизма, подтащило корабль к стандартной площадке на боку гигантского цилиндра лихтера, уже прикрепленного к подвесу. В основном площадка служила для крепления двигателя или буксира, но могла использоваться, как сейчас, для спуска с орбиты небольших космических аппаратов. Щёлкнули замки сцепных устройств, и манипулятор отошёл, оставив "Сапсан" висеть на боку лихтера кормой к Земле. Теперь кораблю предстояло проделать путь вниз вместе с лихтерами, а после их отделения от троса, размыкания подвеса, и раскрытия над лихтером парашютов отстыковаться, и продолжить полёт в атмосфере самостоятельно. Процедура рутинная, проделанная тысячи раз.

Правда, Белецкий с Карлашем ни разу ещё не спускались на Землю таким путём. Хотя теоретические основы этого способа Егор изучал, и даже отрабатывал пару раз на тренажерах. Поэтому сейчас он привычно изменил картинку обзора так, чтобы видеть не мельтешение манипуляторов почти перед носом модуля, а панораму белоснежного облачного поля, расстилавшегося внизу. Трос заканчивался высоко над верхней границей облачности, поэтому хорошо было видно, как связки лихтеров одна за другой сходили с троса, разлетались в разные стороны, и уже поодиночке скрываясь под раскрывшимися

парашютными системами, плавно скользили над облачной равниной, по очереди погружаясь в неё и исчезая с глаз.

О начале движения путешественникам сообщил легкий толчок. Связка лихтеров с закреплённым на боку одного из них аэрокосмическим модулем, постепенно ускоряясь, двинулась навстречу земле. Когда скорость снижения достигла расчётной, ускорение прекратилось. Поначалу приближение к поверхности планеты не ощущалось никак. Скорость снижения была слишком мала, чтобы взгляд мог зафиксировать незначительное приближение поверхности. Тем более, что самой поверхности под толстой облачной шубой видно не было. Но постепенно неуклонно увеличивающийся в размерах Земной шар становился всё ближе и ближе. Вот уже не стало видно его краёв. Вот поверхность внизу из выпуклой стала плоской, а потом и вогнутой... Постепенно начало светлеть небо, и в нём одна за другой гасли звёзды. Появилась и стала расти сила тяжести. Наконец уже стало возможно выделять в общей белоснежной массе отдельные особо высоко поднявшиеся кучевые облака. Над ними сильный ветер с ужасающей скоростью словно бы нёс куда-то позёмку. Слева в голубом небе ярко блеснул расплавленным золотом солнечный диск. Возникла сначала небольшая, а потом всё усиливающаяся тряска. Связка лихтеров подходила к концу троса.

Егор переключился с заднего обзора на передний. Когда корабль находится в самостоятельном полёте, пилот должен видеть, что происходит впереди. Хотя, в данном случае, Егор, от которого ничего не зависело, мог просто отключить обзор, и дремать в ожидании автоматической посадки. Но все инстинкты пилота протестовали против такого поведения. Даже если нельзя самостоятельно управлять кораблем, не смотреть, куда он летит, Егор не мог.

Амплитуда колебаний всё увеличивалась, затем последовал резкий рывок... И трос закончился. Сцепка из четырёх лихтеров отправилась в свободный полёт. Вот вся конструкция снова вздрогнула, и Егор увидел, как справа и слева отвалили в стороны два лихтера. Противоположного лихтера он видеть не мог, но он тоже сейчас должен был выполнять тот же манёвр. Вот-вот должны были начать раскрываться парашюты. В идеале раскрытие должно было произойти одновременно, но в реале разница во времени срабатывания парашютных систем на разных лихтерах доходила до нескольких секунд. Так было и на этот раз. Первым раскрылась парашютная система над левым лихтером, через секунду — над правым. Ещё пару секунд, и вверху, стремительно удаляясь,плыли под ярк-оранжевыми сборками куполов, площадью каждая почти с футбольное поле, уже три громадных тёмно-серых цилиндра. Удаляясь?? До Егора начало доходить, что что-то не так, когда прошла уже почти четверть минуты, а скорость снижения всё не уменьшалась, а, наоборот, нарастала. Лихтер начал крениться набок и поворачиваться вокруг оси.

Догадки Егора подтвердил доклад Александра:

— Наш лихтер не отошел от подвеса. Падаем вместе. Парашют закрутило и захлестнуло потоком воздуха. Автоматика не начнет расстыковку с лихтером, пока скорость снижения не станет равна скорости снижения под парашютом.

— Ты же бортмеханик. Можешь сделать что-нибудь? — поинтересовался Егор у своего попутчика.

— Пытаюсь, — коротко ответил тот, и замолчал.

Вращение всё ускорялось. Вскоре оно превратилось в беспорядочное кувыркание. Небо и облака то менялись местами, то ложились набок во всё ускоряющемся темпе. Нарастала

тряска. Земля приближалась с пугающей быстротой. Егор с тревогой следил, как лихтер, к которому был прикреплен их корабль, покрывался сетью тонких трещин. Вроде бы он должен был быть рассчитан на подобные перегрузки... А может быть, и нет... Егор точно не помнил. Трещин становилось всё больше, а сами они — всё шире, и вдруг громадный цилиндр почти тридцатиметрового диаметра и семидесятиметровой высоты рассыпался на куски. Теперь "Сапсан" не просто беспорядочно падал, а беспорядочно падал в каменном рое. По обшивке застучали осколки лихтера. Внезапно Белецкий увидел, как один из больших обломков несется прямо ему в лицо. Егор успел произнести только первые две буквы из имени популярного северного пушного зверька до того, как здоровенный бульжник ударил в фонарь машины прямо над головой пилота. И отскочил в сторону. "Пронесло" — подумал Егор. Приятный женский голос бортового ИскИна как-то буднично, и, как показалось Егору, с некоторым злорадством, произнёс: "Разгерметизация".

"Не пронесло" — констатировал Егор, беспомощно сжимая подлокотники пилотского кресла. "Но разгерметизация — это не страшно. Страшно, то, что мы падаем. И ничего не можем сделать". Беспорядочно кувыркаящийся вместе с громадным металлическим кольцом, на котором был закреплён, "Сапсан" казался со стороны стремительно летящим вниз огромным перстнем, сорвавшимся с пальца сказочного великана. Внезапно вспыхнула красным светом пиктограмма "Приготовиться к катапультированию". Это означало, что ИскИн аппарата признал ситуацию безнадежной. Почти одновременно загорелась пиктограмма "Катапультирование невозможно". ИскИн понимал, что выстреливать людей под каменный дождь — означает гарантированно их убить. "Значит, так и будем лететь до самой земли" — отрешенно подумал Егор. "Сапсан", среди прочих своих возможностей, мог использоваться, как машина управления для звена дронов — беспилотников. Если бы эти беспилотники сейчас были под рукой... Можно было бы попытаться отстрелить кольцо. Если бы... Показания альтиметра уменьшались с пугающей скоростью. Авиагоризонт, казалось, исполнял пляску святого Витта...

Внезапно из подлокотников кресла пилота выдвинулись два джойстика, из пола под ногами — две педали. Загорелась пиктограмма "Ручное управление".

— Это ты там наколдовал? — поинтересовался Белецкий у бортмеханика?

— Да, — коротко ответил тот.

— И это всё?

Ручное управление — это, конечно, хорошо. Но лететь конструкция из многотонного стального кольца и закреплённого на нем аэрокосмического модуля всё равно могла только вертикально вниз.

— Ещё нет, — ответил сзади Александр. Вдруг корабль дёрнуло, и Егор увидел, как кольцо, к которому они были прикованы, отделилось и отлетело куда-то в сторону. Но стыковочная площадка так осталась прикрепленной к кораблю.

— Теперь всё, — послышался усталый и какой-то отрешённый голос Сашки, — Твоя очередь.

— Борт 032, ответьте диспетчеру. Что у вас там происходит? — наконец-то до наземников дошло, что со спускающимся с орбиты кораблём что-то не так.

— Всё в порядке. Падаем, — ответил Белецкий, включая двигатели. Засвистели выходящие на рабочий режим турбины. Из фюзеляжа выдвинулись невидимые силовые плоскости, кили, и рули высоты — по принципу действия те же офицерские шпаги, только значительно больше и другой формы. Егор лихорадочно задвигал джойстиками и педалями,

стремясь быстрее выбраться из каменного потока, пока летательный аппарат не получил критических повреждений.

И ему это удалось. Град ударов каменных осколков по фюзеляжу становился всё реже и реже, и вскоре сошел на нет. Однако праздновать победу было рано: модуль продолжал терять высоту. Стыковочная площадка под брюхом приближала аэродинамику аппарата к аэродинамике кирпича. Пришлось задрать нос модуля до предельно возможных углов атаки — и всё равно он не мог держаться на горизонтали. Выйдя из каменного роя, Белецкий первым делом вызвал перед собой карту, и понял, что при такой скорости снижения долететь до точки назначения не удастся. Да если и удастся — то как сесть с такой душой внизу вместо шасси? Поэтому он быстро выбрал на карте точку в местности погуще, находящуюся в пределах досягаемости с учетом скорости снижения, и, довернув модуль, направил его к ней. И только после этого отозвался на монотонно повторяющийся всё это время запрос: "Борт 032, ответьте диспетчеру...".

— Я борт 032, у меня нештатная ситуация: не отстрелилась стыковочная платформа. На борту два человека. Покинуть борт не можем: заклинило фонарь кабины. Иду на вынужденную. Освободите коридор по вектору 12-12-6. Конец связи. Прием.

Некоторое время в эфире стояла тишина, затем уже другой голос ответил:

— Борт 032, поняли вас. Коридор свободен. В квадрат приземления направляется "вертушка". Мягкой посадки вам.

"Наверное, руководитель полетов подключился" — подумал Егор, сжимая джойстики управления с такой силой, словно хотел их раздавить. Цифры на альтиметре неуклонно показывали снижение. Верхний край облачности был уже совсем рядом — за время между отделением от троса и перехватом управления "Сапсан" успел здорово потерять высоту. Днище машины лизнули первые космы сырого тумана, и через пару секунд видимость полностью пропала. Егор продолжал полёт по приборам. За бортом простиралась густая серая кисея, тонкими струйками пробиравшаяся и в кабину. Машина мелко дрожала. Слепой полет продолжался не больше минуты: В кабине внезапно снова посветлело, и Белецкий увидел, что теперь они летят между двумя слоями облачности. Зрелище было феерическим: несущиеся навстречу сверху и снизу плоскости облаков создавали впечатление нереальности происходящего, словно всё это происходило во сне или в компьютерной игре.

Но, увы, это была суровая реальность. Быстро снижающийся, почти падающий аппарат быстро преодолел расстояние до нижнего слоя облачности, и всё вокруг снова затянуло серой пеленой. Между тем альтиметр показывал, что до земли оставалось уже меньше километра. Егор напряженно всматривался вперёд и вниз, пытаясь не пропустить момент выхода из облачности. И он его не пропустил. "Сапсан" вывалился из серого месива на высоте около трехсот метров над землёй. И летел он прямо навстречу крутому склону высокой сопки, так некстати расположившейся прямо по курсу.

За доли секунды Егор успел совершить кучу действий: довернуть машину влево, почти положив её на крыло, задрать нос аппарата ещё выше, и вырубить движки, как только модуль оказался над левым склоном сопки. Земля неумолимо неслась навстречу. Егор непроизвольно зажмурил глаза. И тут же всем телом ощутил сильнейший удар, потрясший машину. Затем были хлопок, рывок, перегрузка, невесомость, ещё один хлопок, ещё рывок...

Открыв глаза, Белецкий увидел под собой поросший жухлой осенней травой склон сопки, из которого то там, то сям торчали корявые низкорослые северные ёлочки и лиственные деревья с полуоблетевшей красной и жёлтой листвой. Вдоль склона, почти у

подножия сопки протянулась свежая глубокая борозда, в конце которой полузарылось в землю нечто, извергающее потоки пены. Система пожаротушения постаралась на славу: пена полностью залила летательный аппарат, так что теперь визуально определить, что под ней скрывается, было невозможно.

"А ведь там были наши чемоданы" — не к месту подумал Белецкий, и принялся оглядываться по сторонам в поисках напарника. Тот обнаружился недалеко — так же плавно покачивающимся под куполом парашюта, как и Егор.

— Ты как? — поинтересовался Белецкий у висящей на стропах фигуры в скафандре.

— Жив. Цел, — коротко отозвался Карлаш.

Убедившись, что с другом всё в порядке, Егор решил выяснить, что же всё-таки произошло, пока его глаза были закрыты. Замедленная прокрутка событий, записанных тактиком скафа, показала, что при ударе о землю наконец-то сорвало заклинивший колпак, и обрадованный бортовой ИскИн тут же отдал команду на катапультирование.

Егор ещё раз взглянул на глубокую борозду вдоль склона, на фонтанирующий пеной модуль, и признал, что команда была подана своевременно.

Между тем парашютисты плавно снижались. По куполам парашютов барабанили капли дождя, густо сыплющиеся из низких черных косматых туч. Егор, подтянув правую стропу, спланировал на относительно ровное место, расположенное рядом с началом борозды, и уже через полминуты отцеплял лямки лежащего рядом парашюта. Сашка приземлился почти одновременно с Егором, но чуть дальше — у берега широкой протоки, петлей огибающей сопку. Его парашют, надутый внезапным порывом ветра, немного протацил своего владельца по берегу, пока тот не зацепился за тощую полусохшую ёлку. Справившись с разбушевавшимся куполом, Карлаш направился к Егору, осматривавшему вблизи место жёсткой посадки.

— Да... Ко всем нашим грехам, угробили вверенный нам аппарат, — со вздохом сказал экс-пилот подошедшему экс-бортмеханику.

— Это не он нам вверенный. Это мы ему были вверены — резонно возразил тот, встав рядом, и глядя вдоль борозды, в конце которой лежал "Сапсан". Мы — пассажиры. И, кстати, если бы не мы, он бы брякнулся об землю в другом месте, и с гораздо более плачевным результатом.

В это время ожила рация: "Борт 032, ответьте диспетчеру...".

— Ты смотри, работает! — удивился Белецкий?

— А что ей делается? — с каким-то отстраненным спокойствием ответил Карлаш, поднимая забрало шлема. Только что пережитое напряжение всё же давало о себе знать, не смотря на медпомощь скафа.

— Диспетчер, я борт 032, прием, — ответил Егор, по примеру товарища подняв залитое дождём забрало. Сразу пахнуло запахом прелых листьев, речной воды. В лицо брызнули мелкие дождевые капли. Из рта вырвались клубы пара — в сентябре в этих широтах уже холодновато...

— Борт 032, доложите обстановку, — "Ага, судя по голосу, это опять руководитель полетов подключился. Ну что ж, доложим".

— Обстановка нормальная. Произвел вынужденную посадку. Полный рот земли и масса впечатлений. Экипаж в норме. Все живы-здоровы. Состояние машины оценить не могу — полностью залита противопожарной пеной. — Егор взглянул на показания встроенной в скаф системы спутниковой навигации и радиосканера, — Бортовой аварийный передатчик

включился штатно. Если надо, могу сбросить координаты.

— Не надо. Мы вас видим. Оставайтесь на месте. Время подлета спасательной команды — пятнадцать минут, — короткими рублеными фразами ответила рация, и вновь умолкла.

— Между прочим, мы в зоне действия гражданских сотовых сетей, — немного помолчав, обратился Егор к Александру, который, закрыв глаза, задрал голову к небесам, подставляя лицо под капли холодного осеннего дождя.

— Люблю дождь. Уж думал, никогда больше не постою вот так... — глухо ответил тот, не раскрывая глаз...

— Я говорю, мы можем позвонить домой, — повысил голос Егор, — Ты родным сообщал, что с тобой случилось?

— Нет, — Карлаш открыл глаза, и повернул голову к спутнику, — Нет, не сообщал. И, знаешь... Я сейчас как-то не готов... Позже поговорю. А ты — как знаешь...

— Пожалуй, я тоже — позже... — согласился с товарищем Егор. И вздохнув, добавил: — Родителей это убьет. Особенно отца. Он сам кадровый офицер. Хотел, чтобы я сделал военную карьеру... А я... Оправдал надежды... — Егор ещё раз вздохнул, — Хорошо, хоть девушки у меня нет. А у тебя?

— У меня — есть... — лицо Сашки помрачнело. Была... Мы с ней поссорились месяц назад. И до сих пор не помирились. Теперь, наверное, и не помиримся... Слушай, давай не будем о грустном. Вон, глянь, выше по склону, это не с нашей ли "птички" фонарь валяется? — сменил тему разговора Александр, — Пойдём, посмотрим?

— Пойдём, — согласился Егор, и два товарища принялись карабкаться по крутому склону. Предмет, обнаруженный глазастым бортмехаником, действительно оказался фонарём пилотской кабины "Сапсана". Подойдя к нему ближе, Карлаш присвистнул:

— Ну и ну...

— Присоединившийся к нему Белецкий прикинул взаимное расположение огромной вмятины на фонаре и своей головы, и понял, что если бы обломок, оставивший эту вмятину, ударил чуть ближе к пилотскому креслу, то размозжил бы голову пилота в лепёшку. И шлем бы не спас.

— В первой же церкви свечку поставишь — прокомментировал увиденное Карлаш. А вообще — поздравляю с Днём Рождения! И себя тоже... Без тебя мы бы не выбрались.

— Без меня бы мы и не попали... — вздохнул Белецкий

— Тоже логично, — согласился Сашка. Оба замолчали, прислушиваясь к окружающим звукам. К навевающему тоску мерному шуму дождя добавился далёкий гул. Показалось? Нет. Гул усиливался. Невидимый в низких налитых влагой осенних тучах летательный аппарат приблизился, пролетел над головами, сделал круг... Звук изменился. Его тональность стала выше. Аппарат явно шел на посадку.

Действительно, вскоре чуть в стороне от задранных голову людей в серой облачной дымке проявился характерный горбатый толстобрюхий силуэт армейского транспортного вертодзета. Сопла маршевых реактивных двигателей были опущены вниз, тормозные щитки открыты. Под торчащими из боков фюзеляжа короткими пилонами для подвески вооружения, одновременно служившими генераторами силовых плоскостей, висели каплеобразные ёмкости с пламегасящей смесью. В случае чего, машина бы могла эффективно дополнить штатную систему пожаротушения потерпевшего крушение борта. "Вертушка" медленно снижалась по пологой глиссаде. Правда, строго говоря, "вертушкой" её пока назвать было нельзя. Несущий винт, точнее, его "материальная" часть, был закрыт

аэродинамическими щитками. Вот щитки распахнулись, и стало видно, как начали раскручиваться короткие широкие лопасти. Машина замедлила скорость снижения и зависла в воздухе. Маршевые двигатели стихли, и сейчас был слышен только характерный свист вертолетного винта. Вот теперь это действительно была "вертушка". Пилот выбрал место для посадки, и, тяжелая машина, опустив хвост, вновь начала снижаться. Ветер, поднявшийся вокруг места посадки, погнал прочь опавшие листья, травинки, мелкие ветки. По протоке пробежала рябь. Вот коснулось земли заднее шасси, потом переднее... Машина просела на амортизаторах, и вращение лопастей стало замедляться...

Не дожидаясь, пока винт полностью остановится, через распахнувшуюся боковую дверь начали выпрыгивать люди. Те, что покинули борт первыми, были одеты в камуфляжные костюмы средней защиты, и вооружены штурмовыми винтовками. Бойцы сразу же принялись занимать ключевые точки, с которых можно было контролировать окружающую местность. За их передвижениями было трудно уследить — адаптивный камуфляж делал людей похожими на полупрозрачные непрерывно меняющие цвет пятна, а когда такой боец занимал позицию — он и вовсе сливался с окружающей местностью. Судя по тому, что каждый знал своё место заранее, можно было сделать вывод, что посты, были определены и распределены ещё в полёте по спутниковым фотографиям. За бойцами в камуфляже из двери чуть помедленнее стали выпрыгивать военные в обычной зимней форме одежды, и без оружия. Вместо оружия они с избытком были обвешаны разнообразными приборами, которые тут же и принялись расчехлять. Последними из машины, особо не торопясь, вылезли медики. А куда им было торопиться? Телеметрию со скафов Белецкого и Карлаша они сняли ещё в полете, и сейчас прекрасно знали, что их помощь здесь не требуется. Участие медиков в происходящем ограничилось заменой картриджей универсальных аптечек в скафах пассажиров "Сапсана". И то, Егор подозревал, что они проделали это скорее для последующего отчета о проделанной работе, чем из необходимости.

Пока медицина занималась своим важным делом, к потерпевшим аварию приблизился один из вооруженных бойцов. Откинув забрало шлема, он представился:

— Командир спасательной группы майор Тихонов. А вы, стало быть, пилоты?

— Никак нет! Пассажиры. Рядовой Белецкий и рядовой Карлаш, — ответил Егор вытянувшись во фронт. Конечно, майор, как старший группы, имел исчерпывающую информацию и о рейсе 032, и о том, кого он доставлял на поверхность. Да и свои электронные удостоверения личности ребята скинули ему по запросу, сразу после того, как он покинул машину. Но если старшему по званию захотелось побеседовать, отказывать как-то не принято...

— И где же это у нас рядовых учат управлять аэрокосмическими модулями? — поинтересовался майор, сверля взглядом собеседника.

— В Сызранском летном училище, господин майор. Я был лейтенантом ВКС. Разжалован за нарушение дисциплины, — Егор неприязненно взглянул на майора: "Вот привязался...". В принципе, отвечать на этот вопрос было не обязательно. Майор не был непосредственным начальником Белецкого, и его полномочия в данной ситуации ограничивались идентификацией личностей прибывших, и, если потребуется, сопровождения этих личностей к лицам, имеющим право интересоваться подробностями. Если от этих лиц поступит распоряжение. Но врать Егору не хотелось. Он только надеялся, что более подробно о нарушении дисциплины, повлекшем столь суровое наказание, Тихонов расспрашивать не станет.

Так и вышло. Взгляд любопытного собеседника внезапно расфокусировался. Очевидно, к старшему группы кто-то обратился по радиосвязи. Майор махнул рукой: "вольно", мол, опустил забрало шлема, и зашагал к своим подчинённым.

Пока майор беседовал с Егором, опустилась рампа под хвостом вертоджета. Как только её нижний конец коснулся земли, из чрева летательного аппарата выпрыгнула странная конструкция на четырёх резиновых гусеницах, и резво двинула вдоль периметра места происшествия, оставляя за собой флажки с натянутой между ними предупреждающей полимерной лентой, на которой красовались надписи "Проход запрещён! Опасная зона!". Вслед за первым гусеничным монстриком по рампе спустился второй — раза в два больше, и деловито направился к лежащему в конце борозды "Сапсану", пена над которым уже начала оседать. Добравшись до места назначения, броневичок первым делом плюнул в пену каким-то реагентом, от которого она за полторы минуты полностью исчезла. А потом начал медленно передвигаться вокруг наполовину зарывшегося в землю модуля, то приближаясь к нему, то удаляясь. Спецы при этом оживлённо переговаривались, комментируя показания своих приборов. Последним по рампе сполз на землю автопогрузчик с зажатым в манипуляторах большим ящиком. Оттащив ящик в сторонку, погрузчик опустил его на землю, и отправился обратно в грузовой отсек за остальным багажом. Между тем ящик раскрылся, из него выпрыгнула, расстилаясь по земле, оранжевая пневмопалатка. Развернувшись, она тут же начала раздуваться до рабочих размеров. Через минуту процесс надувания закончился. Взвыли сервоприводы самозабуривающихся колышков, закрепляя палатку на грунте. Временное укрытие для экспедиции было готово. Остальные ящики погрузчик таскал уже в него.

Белецкий и Карлаш наблюдали за всей этой суетой, присев в сторонке на большой валун.

— Так мы до своего штрафбата не скоро доберемся. Это ж теперь опять следственная комиссия по расследованию происшествия, опять допросы..., — заметил Александр, наблюдая, как огораживающий место падения робот карабкается вверх по крутому склону, подключив в помощь буксующим гусеницам два задних манипулятора, перебирая которыми, он толкал себя всё выше и выше. С учетом того, что передние манипуляторы робот тоже перевел в рабочее положение — сейчас он стал похож на гигантского богомола на гусеничном ходу.

— А может, следователи будут приезжать нас допрашивать в штрафбат, — предположил Егор, покусывая найденную здесь же травинку...

— Ага, — улыбнулся его собеседник, — разогнался... Смотри, опять к нам кого-то несёт, — судя по тому, что на приближающемся человеке был такой же скаф, как у Белецкого и Карлаша, можно было предположить, что это кто-то из экипажа вертоджета. Так и оказалось.

— Капитан Александр Перминов. Первый пилот вон той железяки, — подошедший кивнул в сторону стоявшего с уже замершим винтом транспортника. А вы, стало быть, на этой птичке прилетели?

— Рядовой Егор Белецкий, — Рядовой Александр Карлаш, — снова представились бывшие офицеры. При упоминании званий летевших на потерпевшей аварии машине брови капитана поползли вверх. Однако вопросов он задавать не стал, а весело проговорил, глядя на Сашку:

— Надо же! Тёзка! — и, помолчав, добавил, — Это вы удачно сели. Если бы не вышли

за пределы площадки — к вам бы на головы до сих пор каменюки сыпались... А пролетели бы чуть дальше... Северный Промышленный Пояс. Заводы, склады, энергостанции... И туда сверху... Был бы или большой бабах, или вас наша же ПВО бы и ссадила. А тут — заповедник. Дикие места. Падай — не хочу. Так что повезло вам...

Развить мысль капитану не дали. Как и майор до него, он замер, слушая чьи-то распоряжения. Дослушав до конца, Перминов ответил невидимому собеседнику "Так точно!", и, чуть склонив голову, с улыбкой обратился к Егору и Александру, указывая на стоящий неподалёку вертоджет:

— Добро пожаловать в поданный экипаж, господа. Приказано доставить вас на базу.

— Кроме пассажиров "Сапсана", по узким металлическим сиденьям в чреве "вертушки" расселись двое из группы охраны, медики, и один из специалистов с кофром, в который были сложены уже демонтированные оранжевые "чёрные ящики". Пассажирская дверь и грузовая рампа машины закрылись, зашелестели раскручивающиеся лопасти несущего винта, и вертоджет, наклонив нос вперёд, взмыл в небеса. На высоте двести метров включились маршевые реактивные двигатели, и, убрав несущий винт за аэродинамические щитки, машина устремилась к авиабазе, с которой стартовала час назад.

Полет проходил в облаках, так что, даже если бы пилоты включили пассажирам внешний обзор, то те бы ничего, кроме бесконечного серого облачного месива за бортом, увидеть не смогли. Вертоджет вывалился из облачности только перед самой посадочной полосой, и начал снижаться "по самолетному", не используя вертолетные возможности. С обеих сторон ВПП на стартовых площадках высились исполинские туши военных орбитальных транспортников, способных за один рейс поднять на орбиту или спустить на землю кучу народу и техники. Техника помельче располагалась в подземных ангарах, от которых к взлётке вели рулёжные дорожки. Когда вертоджет наконец замер на стоянке, последовал быстрый обмен данными между тактиками скафов Белецкого и Карлаша и местным ИскИном, в результате которого обоим был сброшен план незасекреченной части базы с указанием месторасположения самых важных объектов. А именно: раздевалки, столовой и казармы для рядового состава.

В первую очередь, конечно, надо было заскочить в раздевалку. Не ходить же по базе в скафандре. Заблудиться было невозможно — тактики скафов "нарисовали" маршрут движения тонкой зеленой линией, — оставалось только никуда с неё не сворачивать. Дождя не было, хотя набухшие свинцовые облака выглядели готовыми разразиться ливнем в любой момент. До раздевалки добрались за пять минут — по понятным соображениям, она была расположена рядом с лётным полем. Из местного персонала по дороге никого не встретили — только позади топали два солдата из охраны, прилетевших в том же вертоджете.

Раздевалка впустила друзей без возражений. Пройдя в блок снятия скафандров, Егор и Александр зашли каждый в свою кабинку. Процесс снятия скафа был подобен процессу его надевания, только проводился в обратной последовательности. После душа и просушки Егор достал из открывшейся в стене ниши пакет с повседневной формой, и облачившись в неё, поглядел на своё отражение в образовавшемся перед ним зеркале в полный рост. Форма, как всегда, была подогнана точно по размеру. Глядя в зеркало, Егор грустно вздохнул. Погоны на куртке, после того, как он её надел, остались девственно чистыми, как и полагалось погонам рядового. После окончания училища ему нравилось смотреть, как при первом надевании формы на них сами собой проявлялись один просвет и две звёздочки. Прошли те времена...

Сразу после выхода из раздевалки друзья чуть не натолкнулись на спешащего куда-то по

своим делам тощего лысоватого прапорщика. Как только Егор взглянул на него, рядом с головой прапорщика нарисовалась табличка: "прапорщик Яценюк. Начальник вещевого склада". Егор обрадовался: Значит, система безопасности базы приняла его, как "своего". Пусть и с пониженным допуском. Когда он находился в Третьей Крепости на положении заключенного, то таких табличек видеть не мог. Прапорщик открыл было рот, чтобы отругать рядовых, чуть не сбивших с ног Высокое Начальство в его лице, но, присмотревшись к ним повнимательнее, резко развернулся и быстро удалился. Егор недоуменно взглянул на Александра. Тот, ухмыльнувшись, ответил на невысказанный вопрос:

— Мы — рядовые. Но у ни у тебя, ни у меня нет клипсы БИУС в правом ухе. О чем это говорит?

— Ну, мы — потомственные дворяне, — пожал плечами Егор, — Нам клипса не нужна. Нам модуль БИУС ещё в детстве имплантирован. Вместе с коммом.

— Вот! — поднял указательный палец Сашка, — Именно! А прапорщики — это народ такой... Ушлый. Как только он понял, что мы дворяне, решил не связываться. Сегодня-то мы рядовые, а завтра... завтра можем доставить ему массу неприятностей. Вот он и сориентировался моментально. Понял?

— Понял, не дурак, — ответил Егор, и, прислушавшись к бурчанию в своем животе, обратился к другу:

— Кстати, как думаешь, а не пора ли нам подкрепиться?

— По-моему, пора, — улыбнулся Карлаш.

Теперь у друзей не было встроенных тактиков скафов, однако их личные импланты тоже с легкостью справлялись с прокладкой нужного маршрута. Так что добраться до столовой особых проблем не представляло.

Но не успели они сделать первый шаг по зелёной линии, ведущей к заветному объекту, как воздух прорезал громкий вой сирены. В ушах зазвучало: "Тревога! Персоналу базы занять места согласно боевому расписанию! Тактическая схема 35!". Эти слова сейчас слышали все, находящиеся на территории базы. Сирена через минуту смолкла, а пустынная до того база стала напоминать растревоженный муравейник. Во все стороны метались транспортеры с наземным личным составом и пилотами. Взмыла в воздух дежурная эскадрилья прикрытия. Активировались роботизированные системы защиты. Разворачивались в боевое положение батареи ПВО.

Зелёная линия маршрута, только что нарисованная перед Егором и Андреем, исчезла. Вместо неё "нарисовалась" красная, ведущая совсем в другом направлении.

— Красная — первый уровень срочности. Побежали! — скомандовал Карлаш, и друзья рванули по красной линии так, словно за ними гнались голодные собаки. На этом маршруте, кроме них, никого не оказалось. Только сзади топали по бетону два бойца в полной боевой выкладке, очень похожие на тех, что сопровождали бывших офицеров в вертоджете. Но друзьям было некогда оглядываться. Тревога — это тревога, и самым главным сейчас было занять своё место. Красная линия свернула за угол... И уперлась в закрытую железную дверь, у которой замер вооруженный часовой. На стене рядом с дверью висела табличка с надписью: "Гауптвахта".

— Вот так вся наша жизнь: несёмся куда-то, сломя голову... И не знаем, что нас ожидает за ближайшим поворотом, — философствовал Сашка, вальяжно развалившись на

жѣстких нарах, словно это был дорогой мягкий диван.

— Похоже, теперь всю оставшуюся жизнь за ближайшим поворотом нас будет ожидать камера гауптвахты, — выпуская изо рта струйку пара, мрачно буркнул съѣжившийся на своем лежаке Егор.

Гауптвахта базы отличалась от гауптвахты орбитальной крепости. Причѣм не в лучшую сторону. Грубые бетонные стены, жесткие деревянные нары без никакого намѣка на матрацы. И самое главное — тут было холодно. Очевидно, местное начальство считало, что находящиеся здесь должны испытывать неудобства не от одного только осознания факта лишения свободы.

— Ну, не знаю... — Сашка задумался над словами Егора, — Вряд ли личный состав штрафбата расквартирован по камерам. Хотя, конечно, гауптвахта должна быть и там, и, если она настолько хуже этой, насколько эта хуже гауптвахты Крепости, то очутиться на ней я бы не хотел. Так что по прибытии к новому месту службы сразу начну проявлять чудеса храбрости и героизма.

— Тебе всё лишь бы шуточки шутить, — с осуждением глянул на сокамерника Егор.

— А что? Я военную карьеру, как некоторые, делать не собирался. Оттрубил бы свои пять лет — и на гражданку. Там такие, как я, тоже очень нужны. Так что мне и после штрафбата будет вполне неплохо. Демобилизуюсь, найду себе хорошую работу, женюсь... — Сашка мечтательно прикрыл глаза.

— Чего тогда вообще на военную службу пошел? Сидел бы себе где-то на теплом местечке, жену бы завел, детишек строгал потихоньку... Вообще: ты же потомственный дворянин, откуда в тебе такое мещанство?

— Хм... Не всем же быть героическими защитниками Отечества. Кому-то и в тылу надо победу ковать, — улыбнулся Карлаш. А затем, стерев с лица улыбку, добавил: — А если серьезно, то причин, почему я пошел служить, две. Первая: бесплатное обучение в военном училище по нужной мне на гражданке специальности, а вторая: этот дурацкий закон, лишаящий дворянина звания, если он к двадцати пяти годам не отслужил пять лет военной службы.

— Во-первых — не закон, а бери выше: Императорский Указ. И во-вторых: очень даже правильный. А то некоторых бы в армии и не увидели. А дурацкий закон — это тот, по которому человека, в создание из которого совершенной боевой машины вбухано столько средств и времени, отправляют в штрафбат — высказал своё мнение Егор, у которого в последнее время все мысли крутились вокруг одной темы.

— Действительно, лучше бы расстреляли... — поддержал мнение собеседника Сашка.

Егор взглянул на ухмыляющуюся физиономию друга, и раздраженно отвернулся к стенке.

— Не дуйся, — изобразив умоляющий голос, попросил Александр, — Тут же и поговорить не с кем. И связь вся заглушена. Ни в Сеть выйти, ни по вещательным каналам прошвырнуться...

— А чего ты хотел на подземном уровне местной гауптвахты? — не оборачиваясь, процедил сквозь зубы обиженный Егор. Сквозь бетон радиоволны не проходят, а оборудовать точку доступа персонально для тебя как-то не подумали.

— Да нет... — возразил, потягиваясь, Сашка. Тут не то... Я ещё наверху проверил: вся связь обрублена. Радиодиапазон забит помехами, Сеть заблокирована. Местная служба РЭБ дело знает туго.

— Ну да. Теперь вражеские агенты на территории базы ни передать информацию, ни получить указания они не смогут, — с сарказмом произнес Егор, вновь поворачиваясь к стенке задом, а к собеседнику передом.

— Потому что заперты на гауптвахте... — радостно улыбнулся Сашка.

— Ты думаешь, настоящих вражеских агентов местные контрики позволили бы провезти прямо на базу? — вопросительно поднял брови Егор.

— Так ведь там, где мы упали, нет гауптвахты. А здесь есть, — резонно возразил собеседник, — Так почему бы не привезти сюда?

— Если бы нас считали диверсами, давно бы уже допрашивали... С применением разных интересных методов... — Егор передёрнул плечами.

— Ну, в принципе — да... Хотя, может, ждут, пока мы расслабимся. А потом придут где-то так в час ночи, и возьмут в оборот...

— Да какие из нас диверсы? — досадливо махнул рукой Егор.

— А что? — оскорбился Александр, — офицера ВКС убили, аэрокосмический модуль разбили... Чем не диверсанты? Контрики тут уже, наверное, носом землю роют... Или хотя бы особисты.

— Ты выражения-то подбирай! — вспыхнул Егор. Это было не убийство, а честная дуэль! И модуль мы спасли!

— Да ладно, ладно... — примирительным тоном сказал Карлаш. Я это всё знаю. Просто попробуй взглянуть на всё это со стороны... Кстати, как думаешь, тревога учебная, или боевая?

— Думаю, учебная — ответил, остывая, Егор, — Давно последний раз была попытка прорыва?

— Да в том то и дело, что давно. Эти гады вполне могли собрать силы для ещё одной. Думаю, они спят и видят, как повторяют то, что им удалось в семьдесят пятом...

— Если действительно вдруг... — произнёс Егор, поглядев на потолок камеры, — А мы в такой момент тут сидим...

— Да... — Сашка тоже посмотрел в потолок. В такой момент хорошо бы зарыться метров на двести глубже... Да шучу я, шучу! Не смотри на меня так! А вообще, нас отсюда не переведут ни выше, ни ниже, пока не закончат расследование по "Сапсану". А расследовать могут и полгода. Помнишь, как было, когда Вербицкий разбился?

— Когда Вербицкий разбился, два месяца только черные ящики искали, а потом ещё столько же восстанавливали. А у нас ящики вместе с нами на базу приехали. Смотри, вообще, не накаркай. А то мы так ещё долго до своего штрафбата добираться будем.

— А тебе так и хочется побыстрее в штрафбат — улыбнулся Сашка, и хотел было ещё что-то добавить, но его перебил резкий гудок, одновременно с которым в противоположной входу стене открылась ниша, и оттуда выехал металлический столик с двумя пластиковыми упаковками. Егор сверился со своими часами. Ужин подали точно по расписанию.

Разговор, естественно, тут же был прекращён, и друзья рьяно принялись расправляться с содержимым упаковок. Не мудрено: у обоих с утра во рту не было и маковой росинки. Еда, поданная на ужин, была вкусной, но, с точки зрения Белецкого и Карлаша, её было слишком мало. Но делать было нечего. Гауптвахта — не офицерская столовая — тут добавки не попросишь. Поэтому арестанты, закончив трапезу, начали готовиться ко сну. Собственно, вся подготовка заключалась в том, чтобы растянуться на жёстких нарах. Но после прошедшего напряженного дня арестантам было всё равно, где спать: не было бы нар —

улеглись бы на полу. Так что, когда яркие лампы под потолком погасли, и камеру остались освещать только тусклые плафоны дежурного освещения, оба друга уже спали. Карлаш сразу уснул крепким сном, а Белецкий спал беспокойно: вполглаза, вполуха и то и дело просыпаясь от малейшего шороха: нервное перенапряжение у каждого сказывается по-разному.

Именно поэтому тяжелые шаги в коридоре он услышал ещё до того, как железная дверь отворилась, и прозвучала команда "Подъём! На выход!". Встроенные часы показывали час ночи. "Ага! Вот и на допрос пора", — подумал Егор. Жмуря глаза от непривычно яркого света, полусонные арестанты поднялись, и, пошатываясь спросонья, направились в сопровождении двух конвоиров, облаченных в тяжелую штурмброню к лестнице, по которой спускались сюда с наземного уровня. Но подниматься по лестнице не пришлось. Двери в стене рядом с лестницей оказались дверями лифта. Причём, похоже, грузового. Четыре человека занимали от силы пять процентов его площади. Лифт дрогнул, и поехал, судя по ощущениям, не вверх, как этого можно было ожидать, а в противоположном направлении. Опускались секунд двадцать, что на такой скорости могло означать пройденный путь и в сто метров, и в двести. "Сбылись Сашкины мечты", — подумал Егор, покосившись на протирающего рядом слезящиеся глаза друга.

Выйдя из лифта, дальше по лабиринтам подземных тоннелей передвигались на автоматическом транспортёре. Под землёй база казалась похожей на огромный муравейник — такое же переплетение скупо освещённых горизонтальных, вертикальных и наклонных ходов, вдоль стен которых тянулись разнообразные кабели, множество разнообразных помещений. Всюду были снующие туда-сюда в кажущемся беспорядке люди и механизмы. Но этот беспорядок беспорядком действительно лишь казался. Каждый человек или механизм двигался строго по своему маршруту. Любое отклонение тут же фиксировалось и пресекалось системой безопасности базы. В Империи в автоматическом режиме непрерывно отслеживалось местоположение даже гражданских лиц: каждый был обязан носить комм, по коду которого идентифицировался его владелец. У военных систем существовали и дополнительные способы определить личность человека. В чём именно они заключались, никто не знал, но случаев обмана военной системы безопасности ещё не было.

Транспортер, попетляв немного, остановился у неприметной серой двери, за которой уходил вдаль длинный коридор с цепочкой таких же дверей справа и слева. Впередиидущий конвоир, пройдя метров двадцать, вошел в одну из дверей в левой стене коридора. За ним потянулись все остальные. Помещение за дверью оказалось приемной — судя по тому, что в противоположной входу стене оказалась ещё одна дверь, на вид деревянная, а вдоль боковых стен прилепились жесткие металлические стулья. Сопровождающие молча указали Белецкому и Карлашу на следующую дверь, а сами остались в приёмной.

Егор, осторожно приоткрыв дверь, просунул в комнату голову. На первый взгляд комната казалась пустой. На всякий случай Егор спросил: "Разрешите?". Кто-то внутри ответил густым баритоном: "Входите". Друзья осторожно вошли в помещение, и замерли у двери, ожидая дальнейшего развития событий. Комната оказалась довольно большой. Почти вся она была погружена в полумрак, за исключением большого стола из красного дерева у противоположной стены, ярко освещённого старинной настольной лампой, и участка возле двери, где остановились вошедшие. Вдоль боковых стен комнаты, так же, как и в приемной, стояли стулья, но на этот раз не металлические, а деревянные, обитые кожей. На правой стене висели широкие шторы. "Интересно, что они закрывают? Не окно же на такой

глубине" — подумал Егор. Лицо восседавшего за столом человека было скрыто в тени, но рядом с его головой на несколько секунд вспыхнула и тут же погасла надпись: "майор Смирнов, начальник особого отдела базы". Надо понимать, майор таким образом представился. "Что-то везёт нам последнее время на майоров" — подумал Белецкий, ожидая дальнейшего развития событий.

Между тем особист начал сухо и официально излагать:

— Довожу до вашего сведения, что расследование по поводу аварийной посадки борта 034 "Сапсан" закончено. Установлено, что вашей вины в происшедшем нет. Более того, только благодаря вашим действиям удалось избежать катастрофы. В обычных условиях вы были бы даже награждены. Но сейчас... Я сообщу командованию вашей части, и оно само решит, как вас поощрить... И поощрять ли вас вообще..., — майор помолчал немного, и после секундной паузы добавил: — Вопросы есть?

— Никак нет! — рывкнули обрадованные друзья.

— Можете идти, — уже другим, чуть более неофициальным тоном произнёс почти невидимый в тени майор.

— Развернувшись, Егор и Александр направились к двери. Карлаш уже вышел в приемную, когда сзади послышалось:

— Белецкий!

— Я! — обернулся Егор.

— А вы останьтесь.

— Недоумевающий Карлаш бросил на товарища озадаченно-удивлённый взгляд из-за закрывающейся двери, Белецкий ответил ему тем же, и, обернувшись, уставился в сторону неясного силуэта за ярко освещённым столом.

В комнате повисла тишина. Егор лихорадочно пытался понять, что ещё от него может быть нужно местному особисту. На ум ничего не приходило. Выдержав паузу, сидящий за столом человек прокашлялся, и ласковым голосом спросил:

— Вы, кажется, интересовались, кому принадлежит предприятие, поставляющее Адмиралтейской Верфи маскирующую плёнку?

Егор хотел возразить, что он не интересовался, а только предложил поинтересоваться товарищу, но, подумав, решил, что говорить этого не стоит: Запись разговора майор слышал, раз задает такие вопросы. А почему спрашивает именно его? Значит — есть причины.

Особист не стал дожидаться, пока Егор придумает ответ, и продолжил:

— Так вот... Так получилось, что я могу удовлетворить ваше любопытство... это предприятие контролирует семья фон Ливен. Слыхали о такой?

Егор не успел открыть рот, чтобы ответить, как майор добавил:

— А теперь идите.

Белецкий машинально ответил "Есть!", и снова направился к выходу. В приемной его ожидал только один конвоир. Или уже не конвоир... Вроде бы их с Карлашем оправдали, а значит, и заключение закончилось... И конвой больше не нужен. А что всё-таки имел в виду особист? И куда делся Карлаш?

Примерно такая круговерть мыслей закрутилась в голове Егора. Из этой круговерти он был вырван покашливанием находящегося рядом солдата. Оглянувшись на звук, Белецкий увидел рядом с головой застывшей рядом фигуры, упакованной в броню, надпись "сержант Викулов", и пиктограмму "старший группы". То есть сейчас сержант был не просто старше Белецкого по званию, он одновременно ещё и являлся старшим группы, в которую Егора по

каким-то своим соображениям включило руководство базы. Или не базы... Он же, в принципе, к этой в/ч никакого отношения не имеет... Может, это сопровождающего из штрафбата прислали? Чтобы, значит, новый боец не заплутал в пути...

Сержант не стал дожидаться, пока Егор закончит размышлять, а просто скомандовал "За мной!", и вышел из приёмной. Белецкий последовал за ним. Субординация есть субординация. Сержант вернулся обратно по коридору почти к самому выходу, и, открыв последнюю дверь слева, сделал приглашающий жест рукой. За дверью оказалась небольшая комната с металлическими шкафчиками вдоль боковых стен. Викулов открыл один из них, и бросил Белецкому: "Одевайся". Подойдя к шкафчику, Егор обнаружил в нем такое же снаряжение, как и на сержанте. Приказы в армии не обсуждаются, а выполняются, поэтому новоявленный подчинённый Викулова молча принялся облачаться в штурмброню. До этого ему приходилось делать это всего один раз — на занятиях в училище. Но запутаться в многочисленных застёжках и защёлках не давала интерактивная схема надевания, приложенная к каждому такому комплекту. Так что всего через три минуты в комнате было уже две почти одинаковых фигуры в тяжелых доспехах. Друг от друга фигуры отличались только тем, что у одной в руках была штурмовая винтовка, а у другой нет. Сержант придирчиво осмотрел экипировку Белецкого, подтянул пару креплений, после чего обернулся к шкафчику позади себя, и, достав оттуда штурмовую винтовку, протянул её подчинённому.

Как любой дворянин, Белецкий более-менее сносно обращался с пехотным оружием. Тем более с штурмовой винтовкой — основным оружием пехоты. Приняв винтовку в руки, он первым делом послал ей запрос на авторизацию. Как ни странно, блок опознавания на штурмовой винтовке обладал меньшей избирательностью, чем блок опознавания офицерской шпаги. Если шпага "повиновалась" лишь одному владельцу, то винтовка — любому действительному военнослужащему вооружённых сил Империи. Вот и сейчас, послав запрос, Егор тут же получил ответ с подтверждением доступа и одновременным докладом об отсутствии боеприпасов в магазинах.

Сержант между тем закрыл пирамиду, и вновь скомандовав "За мной", направился к выходу. Егор недоуменно окликнул старшего:

— Сержант, у меня винтовка не заряжена.

Тот резко остановился, и процедил сквозь зубы:

— Во-первых, не "сержант", а "господин сержант". Во-вторых, если ты ещё не уяснил себе, рядовой — приказы в армии надо выполнять. Даже если ты их не понимаешь. Понятно?

— Так точно, господин сержант! — ответил Белецкий, вытянувшись по стойке "смирно".

— Тогда за мной, — "господин сержант" развернулся, и бодро потопал к одному ему известной цели. Егор старался не отставать. После очередного поворота на его комм пришло предупреждение о приближении к зоне повышенной безопасности. Белецкий напрягся. От защиты такой зоны можно было ожидать чего угодно, вплоть до огня на поражение при пересечении её границ. Однако почти сразу за предупреждением пришло сообщение: "Допуск подтвержден". Егор облегченно вздохнул. Ещё через десять метров перед группой из двух человек медленно отъехала в сторону массивная бронированная дверь. Оказалось, что она ведёт на перрон, у которого в гордом одиночестве застыл обычный пассажирский вагон подземного монорельса. Тоннель был перекрыт бронированными перегородами с

обеих сторон перрона.

При приближении людей одна из дверей вагона отъехала в сторону, открыв проход вовнутрь. Внутри вагон оказался не таким уж обычным. Собственно говоря, пассажирская его часть была рассчитана всего на двух человек. Причём, судя по массивным металлическим креслам, на двух человек в тяжёлой штурмбронне. Остальное пространство занимал громадный грузовой контейнер. Внутренняя планировка вагона в сочетании с толщиной его стенок позволила Егору сделать вывод, что это один из тех самых, таинственных, замаскированных под пассажирские, вагонов для перевозки особо секретного и разрушительного оружия. Об этих вагонах много кто слышал, но мало кто их видел, тем более — изнутри.

Как только сержант и рядовой разместились на креслах, Белецкому тут же был скинут файл со стандартной формой подписки о неразглашении. Егор привычно поставил под ним свою электронную подпись. Такую процедуру он проходил уже не первый раз — в космофлоте секретов тоже хватает, и отправил копию подписанного файла обратно. Дверь вагона плавно закрылась, перегородка с одной из сторон перрона медленно поползла вверх, и вагон, набирая скорость, устремился в открывшийся тоннель. Сержант застыл в своем кресле, подобно статуе, и не выказывал никакого желания общаться со своим новым подчинённым. Зато у Егора этого самого желания было в избытке. Он надеялся, что сможет получить ответ хоть на один из терзавших его вопросов. Поэтому, для приличия выдержав с момента отбытия паузу минут в пятнадцать, Белецкий, памятуя прошлый опыт общения со своим новым командиром, начал строго по Уставу:

— Господин сержант, разрешите обратиться!..

— Не разрешаю! — не поворачивая головы, резко оборвал его сержант.

И Егору не осталось ничего другого, как всю оставшуюся дорогу провести в молчании. Вагон петлял по сети подземных тоннелей целых три часа. Пару раз он прицеплялся на какой-нибудь станции к пассажирскому поезду, и проезжал часть пути в составе внешне таких же вагонов. Потом снова отцеплялся, и ехал дальше в одиночку. В принципе, такое поведение вагона никого удивить не могло. Пассажирские маршруты составлялись таким образом, что один вагон за рейс мог побывать в составе трех-четырёх поездов. А мог вообще проделать весь путь самостоятельно. Благо, все вагоны имели автономный привод. Но зачем перевозить особо опасные грузы по гражданским линиям, да ещё и в составе пассажирских поездов, Егору было непонятно. Тем более, что он знал: под уровнем метро, по которому они сейчас ехали, были и другие уровни. В основном — чисто военные. Они дублировали гражданскую подземную сеть перевозок, связывающую все более-менее крупные города планеты. На самой большой глубине пролегали скоростные линии трансконтинентального и межконтинентального метро. Там же были оборудованы убежища и склады НЗ. Так что, вполне возможно было возить секретные и опасные грузы по военным линиям, не подвергая опасности ни груз, ни жизни гражданских. Но, как говорится, начальству виднее. Хорошо, хоть эту смертельно опасную железяку не отправили кататься по наземным линиям, по которым в основном и осуществлялись пассажирские перевозки...

Наконец вагон выскочил на точную копию перрона, с которого отправлялся, и замер на месте. Сержант, не удосужив Белецкого даже взглядом, снова скомандовал "За мной", и вышел наружу. Последовавший вслед за ним Егор, выйдя на перрон, увидел, что рядом с их вагоном расположился ещё один — точно такой же. К которому сержант и направляется. Станция оказалась не конечной, а пересадочной. Как только люди расселись по креслам в

новом вагоне, тот тронулся, и бесконечная череда тоннелей, развилок и разъездов потянулась вновь. В чем был глубокий смысл смены одного транспортного средства на другое, ничем от него не отличающееся, Егору, конечно же, опять никто объяснить не удосужился. Плавное покачивание убаюкивало, и Белецкого начало потихоньку клонить в сон. Пару раз он даже клевал носом, но потом вновь поднимал голову, и невидящим взглядом пялился в пространство перед собой.

Сержант казался сделанным из стали. Он не только ни разу за всю поездку не клюнул носом, и даже не переменял позы. Казалось, его абсолютно не волновало, что фактически охрана вверенного ему вагона состоит из одного человека — его самого. Белецкий с разряженной штурмовой винтовкой в случае чего был бы только обузой.

Во втором вагоне пришлось трястись часа два с хвостиком. Когда он наконец остановился, оказалось, что пункт назначения как две капли воды похож на две уже виденных раньше Белецким станции. У Егора даже возникла мысль, а не вернулись ли они обратно, сделав круг. Но сержант, как обычно, не дал своему подчиненному времени на размышления, и в который уже раз бросив через плечо: "За мной", отправился со станции прочь. Егор уже привычно потрусил следом.

На этот раз далеко идти не пришлось: Лифт оказался почти рядом. Заполучив в свою кабину пассажиров, он немедленно рванул вверх. По времени подъёма можно было предположить, что кабина остановится или на поверхности, или где-то неглубоко. Но проверить свои предположения сразу по выходу из лифта Егору не удалось: окон в стенах коридора, куда они с сержантом попали, выйдя из кабины, не было. Как и никаких надписей с номером уровня.

Сержант, не оглядываясь, уверенно двинулся по коридору, свернул налево, на следующей развилке направо, и через десять шагов вошел в дверь, открывшуюся в левой стене. Егор прошел за ним, и оказался в небольшой комнате, по размерам похожей на ту, где он надевал броню и получал бесполезную штурмовую винтовку. Только здесь не было шкафиков. Из мебели была только лавка у правой стены.

Сержант повернулся к Егору, и равнодушным голосом произнёс: "Раздевайся".

Белецкий недоуменно взглянул на начальника:

— Что?

— Броню снимай! Быстрее! И оружие сдай, — рявкнул сержант на непонятливого подчиненного. Тот, поняв наконец, чего от него хотят, принялся выполнять приказ с максимально возможной для человека, надевшего штурмброню второй раз в жизни, скоростью. Но, несмотря на все старания Егора, процесс разоблачения всё же занял целых две минуты. Как только броня была снята и разложена на скамье, дверь распахнулась, и в неё влетел, словно ожидавший этого момента, сержант в форме ВКС. Наличие коммов, информирующих о личности владельца, избавляло от процедуры представления, поэтому бывший коллега-летун сразу недовольно буркнул:

— Где так долго валандались? Давно уже должны были прибыть. Викулов сухо ответил:

— Технические неполадки в пути.

Местный сержант взмахнул руками:

— Да слышал. Какие-то проблемы с энергоснабжением как раз на участке между вашей базой и нами. Редкий случай... Всё, принял, — и, уже обращаясь к Белецкому, скомандовал: "За мной".

Егор, оглянувшись, на неподвижную фигуру Викулова, припустил за почти бегущим

впереди сержантом. Тот быстро проскочил короткий коридор, и скрылся за следующей дверью. Проскочив сквозь дверь вслед за ним, Белецкий обнаружил, что находится на вертолетной площадке. Прямо перед ним лучи прожекторов выхватывали из темноты кусок бетонки, на котором стояли три "вертушки" — точные копии того аппарата, на котором они с Карлашем были доставлены с места вынужденной посадки на авиабазу. Машины были уже "под винтами" — ветер, поднятый вращающимися лопастями, гнал в стороны от машин пыль и мелкий мусор, продувая легкое обмундирование Егора насквозь. Сопровождающий сержант махнул рукой в сторону ближайшего борта: "Вам туда". Комм подтвердил его слова, нарисовав на бетонке зелёную линию, заканчивающуюся у распахнутой боковой двери указанного вертодзета. Белецкий, преодолевая сопротивление пробирающегося до костей холодного ветра, быстрым шагом устремился к указанной машине.

Сходу запрыгнув в дверцу, он увидел в тусклом свете плафонов освещения салона пять обращённых к нему хмурых лиц, и одно радостно— удивлённое. Радостно-удивлённое лицо принадлежало Сашке Карлашу. Егор от неожиданности на мгновение застыл на месте, но тут в динамиках раздался голос пилота: "Поживее там, садитесь и пристёгивайтесь". Место рядом с Карлашем, к сожалению, было уже занято. Пришлось плюхнуться в ближайшее к двери кресло. Егор оказался в первом ряду, если не считать одиноко стоящего у противоположного борта сиденья, развёрнутого против хода движения. На нём восседал боец в камуфляже средней защиты и со штурмовой винтовкой в руках, напомнивший Белецкому подчиненных майора Перминова, охранявших место вынужденной посадки "Сапсана".

Как только Егор пристегнул ремни, вертодзет качнулся на пружинящем шасси, и взмыл в небо, почти сразу после отрыва от земли закладывая левый вираж. Через десять минут полета пилот включил для пассажиров внешний обзор. "Протаяли" потолок и стенки грузопассажирского салона. Видимым остался только пол с закреплёнными на нем креслами и большим контейнером позади них. Каждый раз, когда Егор летал на вертоджете с включенным внешним обзором, ему казалось, что он находится на ковре-самолете — настолько полной была иллюзия. Но сейчас включенный наружный обзор был бесполезным. В полседьмого утра осенью на этих широтах ещё темно, да и машина шла, то и дело ныряя в облака. В такие моменты снаружи была видна только клубящаяся темная мгла, периодически озаряемая вспышками бортовых огней. Когда вертодзет выныривал из очередного облака, внизу в слабом свете тонкого серпа Третьей Крепости, или, как её называли на Земле, Элентира, можно было различить бесконечные протоки, озера и озерца, щедро кем-то рассыпанные по местному ландшафту. Время от времени Белецкий с грустью поглядывал в небеса. Ещё недавно он был там, наверху, среди холодно мерцающих на ночном небосклоне звезд. А теперь космос, куда Егор так рвался, так же далек от него, как и в детстве, когда он мог часами смотреть в ночное небо, мечтая когда-нибудь отправиться к звёздам.

По ходу полёта промерзшее тело будущего штрафника постепенно отогревалось — отопитель салона делал свое дело. Ориентируясь на расположение машины относительно светлеющей части небосвода, Белецкий определил, что вертодзет идёт курсом на северо-восток. Справа впереди и слева сзади можно было время от времени различить навигационные огни ещё двух бортов. Пейзаж внизу было интересно разглядывать первые полчаса, а затем это унылое однообразие Белецкому надоело, хотя видимость постоянно улучшалась — приближался рассвет. Егор снова начал клевать носом — сказывался ранний

подъём. Но заснуть не получалось. Оглянувшись, Егор увидел, что его друг мирно дремлет, уронив голову на грудь. И не он один. Кроме Егора и вооруженного сопровождающего, бодрствовали только два пассажира: рыжий краснолицый здоровяк во втором ряду кресел с детской непосредственностью разглядывал детали проплывающего внизу пейзажа, а сидящий рядом с Карлашем поджарый коротко стриженный субъект, на холеном вытянутом лице которого, казалось, была написана его безупречная, уходящая в глубь веков аристократическая родословная, с равнодушием, и как показалось Белецкому, с некоторым презрением к окружающему его плембсу, не мигая смотрел прямо перед собой.

Этот аристократ живо напомнил Егору покойного Карла фон Ливена с его родовой спесью, а потому он моментально преисполнился неприязнью к очередному спесивому потомку древнего рода. Отвернувшись, Белецкий решил взять пример с большинства пассажиров, и всё же попробовать немного вздремнуть в полёте. Но сон не всё равно не шёл. Егор закрывал глаза, и, посидев так немного, снова их открывал. Снова закрывал... Когда он открыл глаза в очередной, где-то двенадцатый раз, у него возникло ощущение, что что-то не так.

Так же тихо гудел двигатель, машина не меняла ни курса, ни эшелона, но всё же... Егор оглянулся по сторонам: всё вокруг было затянуто мглой. Значит, попали в очередное облако. Облако как облако, такое же, как и сотня предыдущих. Или не такое? До Егора вдруг дошло, чего не хватает: Облако не озарялось через равные промежутки времени вспышками бортовых огней пролетающего сквозь него летательного аппарата.

Белецкий насторожился: Зачем выключать бортовые огни над своей территорией? Ещё больше он насторожился, когда справа и слева раздались два негромких хлопка, и в стороны от вертодзета разлетелись две неясные тени. Ничем другим, кроме как "обманками" — беспилотниками с подвешенными к ним надувными макетами машины-носителя, эти тени быть не могли. Почти сразу после отстрела ложных целей изменился звук двигателя. Он стал тише. Значит, были включены силовые щиты. Егор оглянулся назад, в салон. Там всё было, как и прежде: никто не заметил странных эволюций их борта. Паниковать было ещё рано: мало ли, вдруг экипаж в полёте отрабатывал меры безопасности при преодолении ПВО противника. Или просто проверял работоспособность бортовых систем.

Через полчаса после описанных событий вертодзет продолжал спокойно лететь своим курсом, всем своим поведением подтверждая версию о том, замеченное Егором — не более, чем рутинная тренировка. Сколько эта тренировка будет ещё продолжаться — было не ясно. Бортовые огни так и не включились, силовые щиты не выключились, а "обманки" на борт не вернулись. Белецкий совсем уж было успокоился, как вдруг вертодзет, словно наскочив на невидимую стену, резко сбросил скорость, опустил нос, и начал резко проваливаться, одновременно заложив крен. К горлу подступил комок. Одно дело самому управлять летательным аппаратом, и знать, что сейчас произойдёт, и совсем другое — болтаться, как тряпичная кукла, в пассажирском отсеке. Сзади послышались взволнованные возгласы: "Что за?...", "Что происходит?"... Белецкий примерно догадывался, что происходит, поэтому сцепил зубы и крепче схватился за подлокотники своего кресла.

Когда вертодзет вошёл почти в вертикальное пики, облака вокруг него на мгновение озарились яркой вспышкой. "Пошли ракеты" — подумал Егор, ещё сильнее сжимая подлокотники. "А сейчас..." Машина резко дернула носом вправо, вызвав среди пассажиров очередной шквал недоуменно-рассерженных возгласов. "А теперь влево...". Машина, словно услышав мысли бывшего пилота, резко дернулась влево.

Подтвердились худшие подозрения Егора — вертоджет выполнял противоракетный манёвр. Где— то сверху что-то вспыхнуло. Послышался глухой звук взрыва. Навалилась перегрузка: вертоджет выходил из пикирования. На минуту машина вывалилась под облака, и Белецкий увидел в воздухе три белых дымных следа, расходящиеся из одной точки на земле. Два столба дыма обрывались на полпути до облаков — противоракеты отработали, как положено. Один дымный столб уходил в облака. Оставляя за собой чёрный шейф, к земле шел один из беспилотников. Под ним болтались ошметки того, что только что было макетом транспортного вертоджета в натуральную величину. Внезапно из облака в полукилометре справа выскочил носом вниз один из сопровождающих бортов. Его борта озарились яркими вспышками ракетных пусков, и к земле потянулись длинные огненные рощерки. В точке на земле, откуда расходились следы запущенных зенитных ракет, вспухло облако взрыва.

Тут вертоджет со штрафниками снова нырнул в облачность, и ничего не стало видно. Егор оглянулся назад. Его попутчики к этому времени поутихли, поняв, что их экипаж вроде бы летит дальше, а просвещать их по поводу произошедшего никто не собирается. Только один лысеющий толстяк в такой же офицерской форме со споротыми знаками различия, как и у всех остальных пассажиров, кроме Белецкого и Карлаша, чуть заикаясь, спросил слабым голосом:

— И что это было?

— Нас обстреляли с земли. Скорее всего, из ПЗРК. Мы, кажется, отбились, — сообщил Егор толстяку, а заодно и остальным пассажирам. Сразу со всех сторон посыпалась куча вопросов, суть которых можно было свести к: "почему?", "как?", и "кто виноват?". Но Егор, обменявшись с другом многозначительными взглядами, молчал. Наконец подал голос сопровождающий: "Всем оставаться на местах, сохранять спокойствие. Не разговаривать". При этом он недвусмысленно положил руку на рукоять пристёгнутого к поясу парализатора. Разговоры в салоне моментально стихли. Дальше летели молча.

Через пятнадцать минут силовые щиты выключились, оба беспилотника вернулись на борт, "сдув" и спрятав в специальные контейнеры свои надувные макеты. Включились аэронавигационные огни. Егор расслабился. Опасная зона была пройдена.

Ещё через двадцать минут полета пилот начал поднимать машину вверх, над слоем облачности. Теперь вертоджет словно бы плыл по серому колышущемуся морю. А впереди по курсу из этого моря медленно выросло что-то, к облакам явно не имеющее никакого отношения. Егор попытался вспомнить из школьного курса географии, какие горные массивы могут располагаться в этом районе. Попытка не увенчалась успехом. Встроенный приемник системы глобального позиционирования тоже отказывался помочь, ссылаясь на отсутствие у запрашивающего необходимого уровня допуска. Так что Белецкому оставалось только смотреть, как впереди среди облачных "волн" вырастает "остров", густо покрытый объектами явно искусственного происхождения. Все они, кроме небольшой часовни, расположенной чуть в отдалении от остальных строений, были окрашены в камуфляжные цвета. На этом меры по маскировке и заканчивались, судя по тому, что Егору удалось разглядеть строения и конструкции с довольно большого расстояния. "Остров" быстро рос в размеров, и вот уже вертоджет, замедляя ход, летел над его поверхностью.

Местная вертолетная площадка не поражала воображение своими размерами. Она могла принять одновременно не больше десяти — пятнадцати бортов. Правда, для винтокрылых машин посадочная площадка была не обязательна. С учётом этого количество принимаемых

машин можно было увеличить примерно втрое.

Пока Егор занимался этими подсчетами, вертолет коснулся колесами шасси посадочной площадки. Чуть позже с интервалом в десять-пятнадцать секунд рядом приземлились и остальные две машины. "Значит, потерь нет" — обрадовался Белецкий. На краю площадки наблюдалось скопление разгрузочно-погрузочных и транспортных роботов, среди которых маячила лишь одна человеческая фигура в армейской зимней форме одежды. При взгляде на неё Егор вспомнил про температуру за бортом, и невольно поёжился. На нем, как и на всех остальных пассажирах, было только летнее обмундирование.

Дождавшись, когда лопасти несущих винтов перестанут вращаться, вся транспортно-погрузочная свора кинулась к уже начавшим открываться грузовым рампам. Люди, прибывшие вместе с грузом, роботов не интересовали. Они интересовали одинокого человека, при ближайшем рассмотрении оказавшимся прапорщиком. Необычно было то, что при взгляде на него высвечивались только его звание и фамилия: "прапорщик Шелехов", а должность указана не была. Впрочем, при взгляде на своих попутчиков Егор не видел вообще никакой информации — даже фамилий.

Прапорщик хозяйским взглядом окидывал каждого выбирающегося из вертодвжета человека. Белецкому он показался принимающим новую партию рабов рабовладельцем из исторического фильма. Выбравшиеся наружу, не получив никаких указаний ни в устной форме, ни через коммы, нерешительно толпились у борта привезшей их машины, сжимая в руках ручки своих чемоданов — все, кроме Белецкого и Карлаша, прибыли с личными вещами. Изо ртов людей вырывались клубы пара. Не удивительно: всё вокруг было покрыто тонким слоем серебристого инея. Ночью явно был заморозок.

Прапорщик дождался, пока машину покинет последний пассажир, и неприятным каркающим голосом скомандовал: "В одну шеренгу становись!". Построились вновь прибывшие довольно быстро. Правда, не по росту, но в одну шеренгу, как и было приказано. Прапорщик неторопливо прошелся вдоль зябнувшей шеренги туда-сюда, и, наконец, растянув губы в хищной усмешке, больше похожей на оскал, соизволил заговорить:

— Добро пожаловать в штрафбат, сынки.

В его исполнении эта фраза слышалась, как: "Добро пожаловать в Ад".

Прапорщик ещё раз прошелся вдоль строя, и произнес: "За мной. Личные вещи оставить", развернулся, и, не оглядываясь, неторопливым, но чётким шагом двинулся по одной из многочисленных уходящих от площадки дорожек. "Интересно, сержант Викулов не его родственник?" — подумал Егор, — "Уж больно манера общаться у них похожа". Переглянувшись, бывшие офицеры (а в том, что все прибывшие — даже те, у кого в ухе красовалась клипса БИУС, были в недавнем прошлом кадровыми офицерами, Егор без труда определил по их выправке), поставили чемоданы на площадку, и направились вслед за прапорщиком. Пользуясь случаем, Егор перекинулся с другом парой слов. На вопрос, как он добирался от кабинета особиста до последнего вертодвжета, Карлаш, помрачнев, ответил, что дал подписку о неразглашении. Егор протянул: "По-онятно...", и на аналогичный Сашкин вопрос дал такой же ответ. Теперь настала очередь Карлаша понимающе кивать.

Пока группа во главе с неторопливо шагающим прапорщиком дотопала до цели своего путешествия, все, кроме тепло одетого Шелехова, и того самого "Аристократа", которого Белецкий заметил ещё в полёте, дружно выбивали дробь зубами. Аристократу вести себя так же, как остальные, очевидно, не давала его аристократическая гордость.

Длинное приземистое здание в конце дорожки оказалось местной санчастью.

Оказалось, что всем прибывшим надо пройти полный медосмотр. На возражение одного из прибывших, что он-де, проходил плановый полугодовой медосмотр три недели назад, прапорщик Шелехов ядовито поинтересовался, надо ли это заявление понимать, как неподчинение приказу со всеми вытекающими последствиями? Прибывший — коренастый крепыш среднего роста с густой черной шевелюрой и длинным носом, стушевался, и проблеял что-то вроде того, что конечно, нет, он ничего такого не имел ввиду, и раз надо, так надо... Больше вопросов по поводу медосмотра ни у кого не возникло. Зато возник вопрос по другому поводу: Толстяк, который интересовался в полете, что случилось, обратился к Шелехову:

— Господин прапорщик, разрешите обратиться?

— Обращайтесь — прапорщик, окинув взглядом толстяка, скривился, словно у него внезапно разболелись зубы.

— Господин прапорщик, в полёте мы были обстреляны с земли. Не могли бы вы объяснить, что это было?

Выслушав вопрос, прапорщик обвел всех присутствующих тяжелым взглядом, и отрезал:

— В нужное время в нужном месте вам всё объяснят. А пока я бы рекомендовал всем по этому поводу держать язык за зубами. Ещё вопросы?

Вопросов больше не было.

Медосмотр прошел быстро: оказалось, что в местной санчасти установлены целых три автодиагноста. Судя по отсутствию замечаний у присутствовавшего при осмотре капитана с медицинскими эмблемами в петлицах, проблем со здоровьем ни у кого выявлено не было. Впрочем, если учесть, что каждый гражданин Империи был обязан проходить полный медосмотр раз в полгода, то никаких серьезных заболеваний за время с прошедшего медосмотра ни у кого появиться и не могло.

Разобравшись с медицинскими вопросами, прапорщик повёл группу в столовую. То есть, о том, что они шли в столовую, штрафники-новобранцы узнали, только когда туда попали. В санчасти прапорщик просто буркнул "За мной", и снова повёл всех, словно баранов, не объясняя куда. По дороге все снова замерзли. Несмотря на то, что солнце уже взошло, и от предметов, на которые падали его лучи, всюду валил пар, особо теплее пока не стало. Забрав из автомата раздачи свои завтраки, проголодавшиеся и замерзшие штрафники уничтожили их в момент ока. Как и предполагал Егор, быстрее всех справился с этой "боевой задачей" Толстяк, а медленнее всех — Аристократ. Он даже не ел, а вкушал пищу так, как будто бы находился на Императорском приёме, а не в столовой штрафбата.

Прапорщик позавтракал одновременно со всеми, вот только получил он свой завтрак не у автомата, а у настоящего повара в белом халате и поварском колпаке, стоящего у столика, над которым висела табличка "только для командного состава". Наличие этого повара как-то не вписывалось в представления Белецкого о штрафбате. И, как он заметил по удивленным лицам окружающих, не только в его представление. Ел Шелехов так же неторопливо, как и передвигался, поэтому группе пришлось дожидаться, пока он закончит свой завтрак. Впрочем, этим никто не возмущался. Все были рады побыть в теплой столовой чуть дольше. Наконец прапорщик с видимым удовольствием отер салфеткой губы, встал из-за стола, и, бросив через плечо "За мной", направился к выходу.

Выйдя наружу, Егор понял, почему в столовой никого, кроме них, не было. Личный состав штрафбата занимался утренней пробежкой. Причем в форме одежды номер два — с голым торсом. От вида полураздетых солдат Егору стало ещё холоднее. Но мысль

передвигаться бегом показалась ему здоровой. И согрелись бы, и до очередного здания добрались бы быстрее. Однако прапорщик явно не разделял такого мнения Егора. Он передвигался по дорожке всё с той же размеренной неторопливостью. В теплом комбинезоне он был похож со спины на чинно переступающего с лапы на лапу медведя. Мысль о том, что позади мерзнут полураздетые люди, ему в голову, очевидно, не приходила. А если и приходила, то никаких душевных порывов не вызывала. Между тем Егору начало казаться, что здания здесь намеренно строились с таким расчетом, чтобы добираться от одного до другого было как можно дольше. Оглянувшись по сторонам, он заметил, что некоторые его попутчики уже начинают закипать от такого с ними обращения. И если дорожка окажется достаточно длинной, возможен взрыв эмоций.

Но дорожка закончилась раньше, чем замерзшие люди дошли до точки кипения. Новым пунктом программы оказался вещевой склад. Здесь все вновь прибывшие получили наконец повседневную форму и теплое обмундирование. Без повседневной формы остались только Белецкий и Карлаш — местный ИскИн решил, что форма, полученная ими вчера, ещё вполне сойдет.

Кто-то, получив свой приятно пахнущий новой формой пакет, буркнул, ни к кому не обращаясь: "А нельзя было сначала выдать теплую одежду, а затем уж в ней ходили бы по морозу?" Но прапорщик принял этот вопрос на свой счёт, и, назидательно подняв палец, произнёс: "Солдат обязан стойко переносить тяготы и лишения воинской службы". И тут же добавил, предупреждая дальнейшие прения: "Если есть несогласные — они могут поразмыслить на эту тему на местной гауптвахте". Несогласных не оказалось.

В это время дверь склада отворилась, и внутрь помещения вошел офицер в капитанских погонах. "Капитан Кухтин, начальник особого отдела" — прочитал Егор. Увидав офицера, прапорщик вытянулся во фронт, и гаркнул: "Смир-рна!". Все вытянулись и замерли на месте, побросав только что полученные пакеты на пол. Капитан, махнув рукой, скомандовал: "Вольно", и обратился к присутствующим:

— Солдаты. Все вы знаете, что время вашего перелета сюда произошел инцидент.

"Ничего себе "инцидент"" — подумал Белецкий, — "Чуть-чуть на небеса не отправились". Между тем особист продолжал:

— Нештатно сработал автоматический ЗРК, входящий в систему ПКО данного объекта. Такое иногда случается, хоть и очень редко. Информация это закрытая, так что все вы сейчас дадите подписку о неразглашении. Тут же на периферии зрения Белецкого мигнула иконка "получен файл".

"Вторая подписка за сутки" — подумал Егор, отправляя файл с личной электронной подписью обратно капитану, — "Рекорд". Собрав со всех файлы, капитан удалился. Прапорщик подождал, пока за ним закроется дверь, и кашлянул, привлекая к себе внимание. После того, как головы присутствующих повернулись к нему, он прокаркал:

— Здесь пакеты не раскрывать. Сейчас по зелёной линии отправляетесь в казарму. Ваши вещи уже там. Займите свои места, переоденьтесь, и приведите себя в порядок. В десять ноль-ноль построение на плацу. Вопросы есть?

Егор решил воспользоваться возможностью задать вопрос:

— Господин прапорщик, мы с рядовым Карлашем по дороге сюда остались без личных вещей. Где здесь можно разжиться хотя бы предметами первой необходимости?

Выслушав вопрос, Шелехов вперил взгляд в стоящего по стойке "смирно" Белецкого, и процедил сквозь зубы:

— Солдаты... Они за своими вещами уследить не могут, как им можно доверить Родину защищать? — и добавил: — После построения у вас будет свободное время. Зайдёте в местный военторг, купите всё, что надо. Счета у всех вас, кроме осужденных за финансовые преступления, не тронуты. Ещё вопросы?

Получив в ответ молчание, прапорщик скомандовал:

— Тогда в казарму бегом... Марш! — и уже в спину бегущим штрафникам прикрикнул, — Чтобы к десяти ноль-ноль все были готовы! Неготовые познакомятся с местной гауптвахтой!

"Всё же бегать при такой температуре гораздо выгоднее, чем ходить", — резюмировал Белецкий, труся вместе с остальными по зелёной линии к одному из входов в казарму. "И согреваешься от движения, и на морозе меньше времени проводишь". В казарме зеленая линия повела новоиспеченных штрафников на второй этаж. Взлетев по лестнице, Егор невольно остановился, хотя линия тянулась дальше вплоть до его кровати.

В такой казарме ему ещё жить не приходилось. Всегда и везде, даже в бытность курсантом, виденные им казармы делились на комнаты, рассчитанные максимум на шесть человек. Здесь же огромное вытянутое в длину помещение не имело абсолютно никаких перегородок. При желании тут можно было бы разместить и батальон, но большая часть жилой площади пустовала. Кровати стояли только на противоположной от входа части казармы, и занимали не так уж много места. Но при этом они были двухъярусными, и имели какую-то доисторическую конструкцию.

Вслед за уже начавшими располагаться на новом месте спутниками Белецкий подошел к своей кровати. При ближайшем рассмотрении оказалось, что она была изготовлена из металлических труб, с двумя спальными местами одно над другим. Матрацы лежали на скрипучих металлических сетках. Комм показал, что Егору предназначалось верхнее место, хотя нижнее, согласно информации того же комм, занято не было. Кровати прибывших вместе с Карлашем и Белецким оказались рядом, только одному из их партии пришлось расположиться дальше. Там уже заканчивали процесс переодевания люди, судя по всему, прибывшие тоже сегодня, но чуть пораньше. На всю громадную казарму, набиралось, по приблизительным оценкам, не более тридцати человек личного состава. "Какой же тут батальон? Максимум на взвод тянем", — подумал Егор, распаковывая полученный пакет с обмундированием, и поглядывая на окружающие хмурые лица. Не было смеха и шуток, которые привычным ухом военного воспринимаются, как неотъемлемая часть любой казармы. Никто не пытался познакомиться с соседями. Каждый исподволь разглядывал остальных, гадая, с кем столкнула его судьба. Кстати, комм Егора до сих пор так и не высвечивал имён и званий окружающих его бойцов.

У Белецкого и Карлаша с приведением себя в порядок возникла заминка. В связи с утратой чемоданов у них не было не то что зубной пасты и щётки, но даже расчёски. К удивлению Егора, выручил их тот самый так не понравившийся ему Аристократ. Он долго неодобрительно поглядывал на друзей, а потом, буркнув: "Ну нельзя же так... Вы же всё-таки дворяне", достал из недр своего чемодана запасную расчёску, тюбик зубной пасты и зубную щётку, протянул всё это Белецкому. Егор, растерявшись, принял подарок, и пробормотав слова благодарности, собирался уже было махнуть рукой другу: "мол, пойдём со мной — поделюсь", как Аристократ обратился к сидящему на своей кровати и следящему за этим процессом Толстяку:

— Я уверен, что у вас есть запасные расчёска и зубная щётка. Не поделитесь ли вы с

этим молодым человеком? — тут он кивнул на Карлаша, — Дворяне должны помогать другу-другу.

— Толстяк, услышав такое предложение, чуть не поперхнулся, но затем, автоматически потрогав рукой висящую на правом ухе клипсу комма, тяжело вздохнул, и полез в свой чемодан. Карлашу пришлось благодарить уже двоих: и Толстяка, и Аристократа.

К десяти часам все были экипированы в новую форму, в том числе и в тёплые комбинезоны. Знакомиться с местной гауптвахтой не хотелось никому. Удивление Егора, да и остальных, вызвал факт, что к форме полагались какие-то дубинки примерно шестидесятисантиметровой длины, которые согласно прилагающейся инструкции полагалось носить в специальных ножнах за спиной. Кроме способа ношения, и наименования дубинки — "изделие ЭЭ13", в инструкции об этом загадочном предмете больше ничего не говорилось. Повертев "дубинку" в руках, Егор пожал плечами, и засунул её в заспинные ножны. Остальные, кто раньше, кто позже, выполнили эту процедуру с таким же выражением недоумения на лицах.

Без пятнадцати десять появившаяся зелёная линия пригласила всех на построение. Командного состава пока видно не было, поэтому тридцать человек направились на плац не строем, а гурьбой. "Как стадо баранов...", — недовольно поджав губы, вполголоса прокомментировал это передвижение Аристократ.

Однако на плацу зеленая линия вывела каждого на свое место, так что пред трибуной, предназначенной для принятия начальством парадов ("Какие могут быть парады в штрафбате?" — недоумённо подумал Белецкий), штрафники выстроились в две шеренги, и притом строго по росту. Погоду, иначе как мерзкой, назвать было нельзя. Выглянувшее было утром солнышко вновь скрылось в низких тёмных тучах, до которых, казалось, можно было дотянуться рукой. Из этих туч моросил противный полудождь-полуснег. Ветер гнал по земле ключья седого тумана. Но штрафникам было сухо и комфортно: зимние комбинезоны с силовыми пузырями, защищающими голову от ненастья и низких температур, выгодно отличались от лёгкого летнего обмундирования.

Без пяти минут десять распахнулась входная дверь небольшого здания рядом с плацем, очевидно — штаба, и на пороге появились три фигуры. Один из вышедших сразу направился к построившимся штрафникам, двое задержались. Рядом с приблизившимся офицером высветилась надпись: "старший лейтенант Кособоков". "Дал же Бог фамилию", — посочувствовал человеку Егор, ожидая дальнейшего развития событий. Старший лейтенант, подойдя поближе, придирчиво осмотрел строй, и скомандовал: "Равняйся! Смирно! Равнение-на-средину!". Только после этого двое задержавшихся на ступеньках штаба соизволили сойти вниз и встать перед строем. Прочитав рядом с ними: "майор Красноносков", и "капитан Криволапов", Белецкий попытался спрятать невольную улыбку. Похоже, внезапно повеселело не только ему: где-то сзади-слева послышался сдавленный смешок.

Майор, в свою очередь оглядев застывших по стойке "Смирно" штрафников, громко произнёс: "Здравствуйте, бойцы!"

В ответ тридцать глоток выдохнули уставное: "Здра! Жла! Г-дин майор!". Очевидно, удовлетворившись услышанным, майор сначала кивнул старлею, который тут же скомандовал "Вольно", после чего обратился к капитану: "Ну-с... Ваше слово, Пётр Дмитриевич".

Капитан, в свою очередь кивнув, повернулся к строю, и заговорил:

— Солдаты!.. — после чего, выдержав паузу, вслед за старлеем и майором пристально оглядел выстроившихся перед ним людей, и продолжил: — Я вижу, что кое-кто из вас скривился при таком обращении. Наверное, эти "кое-кто" привыкли к словам: "Господа офицеры!"... Отвыкайте. Так к вам будут обращаться ещё не скоро. К некоторым — уже никогда. Чтобы не попасть в число этих некоторых, вы должны будете приложить все свои силы, и кровью смыть свою вину перед Родиной.

Сейчас все вы — солдаты Отдельного Штрафного батальона — единственного штрафного батальона на всю Империю. Как все вы знаете, — в отличие от разномастных борзописцев, которые в своих поганых пасквилях пишут, что штрафбат комплектуется из разнообразного сброда, в том числе и уголовников, — в наш батальон попадают только осужденные офицеры. В отличие от штрафных рот по родам войск для рядового состава. Но и туда, кстати, гражданских уголовников тоже не берут. Поскольку все офицеры в наших вооруженных силах — дворяне, а, направляя в штрафбат, вас лишили офицерского звания, но дворянства, то выходит, что вам выпала высокая честь служить в единственной в Империи части, личный состав которой состоит исключительно из дворян, — капитан криво улыбнулся, — В некотором роде — в элитной части. Я даже не удивлюсь, если наш знаменитый голорежиссер Федорчук решит снять о нас, то есть о вас, фильм. Прославитесь на всю Империю... Не бледнейте. После того, как этот "гений" с большой буквы "Г" снял свой предыдущий шедевр — "Седьмая рота", ветераны этой самой роты усиленно ищут его, чтобы расквитаться за бред и клевету. Так что, может быть, до очередного голоиздевательства над историей и здравым смыслом под названием "Штрафбат", он и не доживет. Служите спокойно.

Далее: Довожу до вашего сведения, что как самостоятельная боевая единица, батальон не существует. Из его личного состава формируются контрабордажные команды на межпланетные транспортники. Вижу, некоторые из вас снова побледнели. Не беспокойтесь. Вас не пустят в бой необученными и безоружными. Сейчас вы находитесь в расположении учебной роты штрафного батальона, где будете проходить необходимый курс обучения. Ускоренный, конечно. Но каждый, кто не будет отлынивать от учебы, имеет реальные шансы выжить и вернуться к прежней службе.

Я — командир учебной роты. Так что я лично буду следить за тем, что бы вы покинули роту, получив минимально необходимый набор знаний и навыков. Старший лейтенант Кособоков — командир второго взвода учебной роты. Вашего взвода. Именно под его руководством вам предстоит стать матёрыми контрабордажниками, — капитан усмехнулся. Условия для этого вам будут созданы райские: в караулы и наряды вы ходить не будете. Только учиться, учиться и учиться.

Да! Как вы, наверное, уже заметили, гражданская связь здесь не действует. Ничего удивительного — объект режимный. Никакого общения с внешним миром. То есть вообще никакого. Ничто не будет отвлекать вас от боевой подготовки.

И ещё одно: наша учебная рота находится на стационарном левитирующем острове Ванкор. Сейчас мы с вами парим на высоте полукилометра над землёй. Внизу, на многие километры вокруг, территория военного полигона. Чужие там не ходят. Так что, если у кого-то вдруг возникнет желание покинуть это гостеприимное место, сделать это будет весьма проблематично.

Капитан помолчал, очевидно, вспоминая, всё ли сказал, и, решив, что всё, кивнул головой старлею. Тот рассказывать ничего не стал, а сразу перешел к делу.

— Сейчас проведём перекличку. Я называю фамилию — вы отзываетесь.

Егор удивился: "Это ещё зачем?". О том, что такое перекличка, знали только те военнослужащие Империи, которые хорошо учили историю древнего мира. То есть почти никто не знал. И действительно, зачем нужна эта процедура, если командование и так в любой момент в курсе, кто где находится. Егор успел подумать: "У них тут что, в штрафбате, Устав какой-то не такой, как в остальной армии? И если уж делать перекличку, то до речи комбата, а не после...". Но комвзвода не стал объяснять подчинённым, что и почему, а просто начал зачитывать фамилии:

— Абвалов!

Где-то на левом фланге прозвучало: "Я!". Перед глазами Белецкого возникло вращающееся изображение человеческой головы. "Наверное, из личного дела" — Егор скосил глаза в сторону. У некоторых штрафников, — тех, что были с клипсами на ухе, перед лицом светилась такая же вращающаяся голограмма. "Ага, это такая своеобразная церемония знакомства. Ну-с, кто следующий?".

— Белецкий!

— Я! — "Ну да. А какая буква после "А" по алфавиту?". Тут майор прокашлялся, и старший лейтенант сделал паузу.

— Кстати, господа... ..солдаты, проговорил майор, ни к кому конкретно не обращаясь. Хоть вы сейчас и не в офицерских чинах, но по роду службы вам будут положены шпаги. Любителей дуэлей хочу предупредить: у нас наказывают не только за дуэль, но и за сам факт вызова. И я никому не пожелаю испытать на себе это наказание. Продолжайте, старший лейтенант.

"Намёк понял" — подумал Егор. Его личное дело прочитали, выводы сделали, и предупредили... Чтобы потом не говорил, что не предупреждали...

Перекличка продолжилась. Лица и фамилии сменяли друг друга, но комбат не больше не вмешивался в процесс. Пока не прозвучало:

— Рядовой Левинзон!

Вместе с откликом означенного рядового перед Егором возникла физиономия того самого рыжего здоровяка из вертоджета. И тут же послышался довольный голос майора:

— Да-а-а... Не перевелись ещё богатыри на земле... гм... русской. И где же у нас такие молодцы рождаются?

— В Бирюсинске, — чётко ответил здоровяк, глядя прямо перед собой. Майор помрачнел, и больше вопросов не задавал.

В последний раз комбат вмешался в перекличку, когда старший лейтенант произнёс "рядовой фон Стиглиц!".

Фон Стиглицем оказался тот самый аристократ, выручивший сегодня их с Карлашем. Выслушав его "Я!", прозвучавшее в ответ, майор живо поинтересовался:

— Это что же вы, барон, решили пойти по стопам вашего прадедушки? Он тоже побывал в нашем... кхм... заведении. Кстати, по тем же причинам, что и вы. А потом дослужился до генерала... Кстати, бойцы! Я советую вам обратить внимание на портреты в нашем Красном уголке. Это, так сказать, наши "питомцы", достигшие впоследствии значительных высот как в военной, так и в гражданской карьере. Возможно, рядом с их изображениями когда-то будет висеть и ваше.

Белецкого такая перспектива не очень обрадовала. Нет, он, конечно, был обеими руками "За" и в плане возвращения из штрафбата в ВКФ, и в плане дальнейшего карьерного

роста, вот только он хотел бы, чтобы текущий период его жизни был по возможности предан забвению.

После Стиглица начальству и товарищам были представлены ещё четыре бойца. К ним у комбата не возникло никаких вопросов и замечаний. После того, как прозвучала последняя фамилия, майор снова взял слово.

— Бойцы! Все вы запятнали своими проступками честь офицера. Но Империя даёт вам шанс восстановить свое доброе имя. И теперь только от вас зависит, сможете ли вы этот шанс использовать. Подумайте над этим. Империя ждёт, что каждый выполнит свой долг! Даже тот, кто один раз остутился... — и, выдержав паузу, обратился к командиру взвода: — Ну что ж, всё, пожалуй... Командуйте.

Майор с капитаном вернулись в штаб, а старший лейтенант, перестроив свой взвод в колонну по три, повёл его к казарме. Остановив штрафников перед её дверями, он объявил, что они имеют полчаса свободного времени, после чего всем предстоит сдавать зачет по физподготовке, и скомандовал "разойдись".

Большая часть народа после этой команды проследовала в казарму — обустроить быт. Да и погода особо не способствовала пешим прогулкам. Белецкий и Карлаш решили по рекомендации прапорщика использовать свободное время для похода в военторг. Всё-таки надо было приобрести предметы первой необходимости и для себя, и, чтобы вернуть должок выручившим их людям. После переклички штрафники-новобранцы получили через комм план расположения учебной роты, так что дорогу к магазину военторга нашли без труда.

Но на полдороге до магазина их внимание привлек золочёный купол местной часовни.

— Всегда удивлялся военным городкам, — заявил Егор, притормаживая. — Здания выкрашены в камуфляжные цвета, а бордюры у дорожек побелены, и купол вон, золотом блестит...

— Это всё мелочи. Вон, посмотри туда: Видишь во-о-он возле того ангара притулились мобильные ракетные установки ПКО. Что тут делают МОБИЛЬНЫЕ установки, если этот остров? Где им маневрировать? И что вообще здесь делает ПКО? Долбанут по острову с орбиты, и всё...

— Ну, может быть, командование решило, что с Острова ракеты будут лететь до цели на какие-то доли секунды быстрее... — выдвинул свою версию Белецкий, — Кстати. Раз уж мы собирались за спасение свечку ставить в ближайшем храме, то вот он — ближайший... Зайдём?

— Да. Пожалуй, надо зайти. Господь Бог заслужил. Даже не по одной, а по две свечки с брата. На подлете сюда тоже ведь Косая рядом прошла... Мимо, Слава Богу...

И приятели дружно зашагали к часовне.

Первым, что бросилось Егору в глаза, когда они вошли внутрь, был богато украшенный алтарь. Наличие алтаря говорило о том, что в штрафбате возвели даже не часовню, а полноценный храм. В принципе, Егор не раз слышал, что в местах лишения свободы (а штрафбат, как ни крути, как раз являлся одним из таких мест), многие ударяются в религию. Так что в таком ключе наличие здесь храма, а не часовни, было неудивительно. Так же не удивительно, но довольно-таки неожиданно было наличие в этом храме прапорщика Шелехова. Увидев этого уже успевшего зарекомендовать себя перед ними не с лучшей стороны бравого вояку, друзья нерешительно затоптались на пороге, не ожидая от случайной встречи ничего, кроме очередной порции неприятностей. К счастью, прапорщик не оправдал их мрачных ожиданий: не обращая на двух вошедших штрафников никакого внимания, он

домолился у одной из икон, получил благословение стоящего рядом священника, и, сердечно с ним попрощавшись, направился к выходу. Проходя мимо Белецкого и Карлаша, Шелехов скопил на них взгляд, но ничего не сказал. Егору даже показалось, что в его глазах мелькнул огонёк одобрения.

Когда прапорщик покинул храм, друзья взяли из свечного ящика по две свечи, зажгли их и поставили в большой напольный подсвечник перед иконой Николая Чудотворца. Оба, перекрестившись, прочитали вполголоса заученную с детства молитву, а затем просто постояли молча, думая каждый о своём. Не то, чтобы они были сильно верующими... Сходить в церковь после того, как без потерь выбрался из серьезной передраги, поставить там свечку Святому Николаю, поблагодарить Бога за спасение было среди пилотов скорее суеверием, чем актом веры. Может быть, именно поэтому этот ритуал и выполнялся так неукоснительно. Не поблагодаришь Высшие Силы за спасение — в следующий раз ведь могут и не помочь.

Честно говоря, Егору было приятно приходить в храм и просто так, без причины. Возможно, это было связано с детскими воспоминаниями: Бабушка по материнской линии была истинно верующей, и часто водила внука в церковь. Ребенку нравилась торжественная и немного таинственная атмосфера храма, запах ладана, голоса певчих, и слова молитв. С икон и настенных росписей на него смотрели суровые, но добрые лики святых. Детская вера маленького мальчика была искренней и светлой. Потом, взрослея, общаясь с другими людьми, и получая всё больше и больше знаний, молодой человек изменил свое отношение к религии на модное сейчас среди дворянства снисходительно-скептическое. "Мол, это религия для невежественных простолудинов, но мы-то с вами знаем...". Но на где-то уровне подсознания у Егора сохранилась детская психологическая установка, и сейчас, как и обычно в стенах храма, он впервые за время с оглашения приговора немного расслабился и отвлекся от гложущих его мрачных мыслей.

Священник не стал подходить к молящимся, но и далеко не отходил, чтобы в случае надобности те могли обратиться к нему за благословением и утешением. Утешение новым штрафникам не понадобилось, а вот благословения они попросили, и, получив его, заученно поблагодарили Святого Отца, и покинули пределы храма.

Едва выйдя на улицу, Сашка весело обратился к другу:

— Похоже, мы с тобой получили "плюсики" в глазах этого прапорюги.

— Ага, господин Шелехов явно решил, что мы — такие же, как он. Пришли в церковь зарабатывать эти самые "плюсики" перед начальством.

— Ну, в чём-то он прав. Сегодня-то мы заскочили "отдать должок", а завтра зайдём и "для галочки". Сам знаешь — будь ты хоть трижды героем: не будешь регулярно посещать храм — повышения по службе не жди...

— Это да, — согласился с приятелем Егор, — Вот только сдаётся мне, что наш доблестный прапорщик Шелехов пороху не нюхал, а офицерам завидует, или обидел его кто из нас... Из них. Оттого и срывает на нас свою злость, хотя бы и на бывших... А повышение при его "боевых заслугах" вряд ли светит, сколько в церкви не молись.

— В Армии — да. А на гражданке ему эти "галочки" очень пригодятся. Военную службу он отслужит, частые посещения церкви тоже на счётчик капают. Значит — в ряды низшей власти пробиться сможет. Там таких много... Вместе с женщинами небольшими городками и селами управляют.

За такими разговорами друзья добрались до магазина военторга. Здесь они долго не

задержались: затребовав электронный каталог товаров, и сделав по нему заказ, они уже через пять минут получили то, что заказывали, и отправились со своими покупками в казарму. Деньги были списаны с их счётов автоматически: наличные в Империи можно было увидеть только в музеях. Все пользовались безналичным расчётом через встроенные в коммы кредитно-расчетные карты. Поскольку комм с такой картой был у каждого гражданина, естественно, что никаких касс в магазинах не наблюдалось за ненадобностью. В принципе, после того, как Егор с Александром получили допуск к коммуникационной системе штрафбата, они могли бы и вообще не ходить в магазин: Получить каталог и заказать по нему товар можно было в любом месте, хоть в той же казарме. То же самое и с оплатой. А сам товар могли доставить покупателю имеющиеся здесь, как и в любом нормальном магазине, роботы-курьеры. Но после долгого пребывания в четырёх стенах друзьям захотелось побыть на открытом пространстве. Да и осмотреться на новом месте не мешало. Электронные карты электронными картами, а визуальное знакомство с местностью тоже не помешает...

В общем, приятели совместили приятное с полезным. И вернулись в казарму с несколько поднявшимся по сравнению с последним временем настроением.

Успели они почти впритык. Через пять минут после того, как Белецкий с Карлашем зашли в расположение своего взвода, появился старший лейтенант, и скомандовал построение. Друзья даже не успели отдать фон Стиглицу и оказавшемуся обладателем замечательной фамилии Похмелов Толстяку купленные в магазине вещи.

Когда штрафники построились, комвзвода сообщил, что взвод будет разбит на пять отделений. Постоянных командиров отделений назначать не предполагалось, по крайней мере в первое время. Бойцы отделения должны были командовать своими товарищами по очереди. Штатное расписание и график командования тут же были сброшены штрафникам вместе с правилами внутреннего распорядка. В отделении Егора, кроме его самого, оказались знакомые всё лица: во-первых: Сашка Карлаш, каковому факту Егор очень обрадовался, во-вторых, "Аристократ" фон Стиглиц, в третьих "Толстяк" Похмелов (вот это обстоятельство совсем не радовало: У Егора были большие сомнения в физических кондициях нового сослуживца, и почему-то — и в его моральных качествах. Уж очень пронырливый вид был у Толстяка, и очень уж бегали его маленькие глазки). Замыкал список добродушный здоровяк Левинзон. Вот уж в чьей физической силе сомневаться не приходилось. Таким образом, в отделении Егора насчитывалось пять человек. Одного человека не хватало. Согласно графику сегодня командовал отделением Карлаш, что, судя по выражению его лица, отнюдь его не радовало.

О плане боевой подготовки старлей сказал только то, что он есть, и будет доводиться до личного состава однодневными порциями в начале каждого дня. Сама боевая подготовка, по словам Кособокова, должна была продлиться три недели на Земле, а потом ещё как минимум неделю в космосе, не считая стажировки на вполне реальном "Змеееже". Под конец комвзвода ещё раз напомнил своим подчинённым банальную истину, что их шансы на выживание в бою прямо пропорциональны от успехов в учёбе, и повёл взвод сдавать зачёты по ОФП.

Зачёты в учебке, Слава Богу, сдавались в тренажерном зале, а не, как уж начал было подозревать Егор, на открытой всем ветрам спортплощадке, расположенной за казармой. Тренажерный зал представлял собой помещение размером в две баскетбольные площадки, в котором стройными рядами стояли давно устаревшие и снятые с вооружения лёгкие

скафандры модели "Стриж". С вооружения-то их сняли, но не списывали, а использовали в качестве тренажёров. Для этого никаких особых переделок не требовалось. Скафандр просто поднимался за пояс над полом с помощью специального подъёмника, а его программное обеспечение переписывалось так, чтобы псевдомускулы экзоскелета не помогали движениям находящегося внутри человека, а наоборот, создавали сопротивление. В итоге получался универсальный тренажёр, с помощью которого можно было работать с любой группой мышц, при этом непрерывно отслеживая изменения основных физиологических параметров организма.

Егор огляделся вокруг. Некоторые из находящихся в тренажерном зале скафов уже висели над полом, совершая нелепые с точки зрения непосвящённого человека движения. Осторожно обходя их вдоль стеночки, к замершему у входа второму взводу приближался невысокий сухопарый человек с капитанскими погонами. Походка у него была какая-то не военная, и даже не человеческая, а... Егор замешкался подбирая слово... Вот! Звериная! Штрафникам показалось, что к ним приближается готовый напасть или отпрыгнуть любой момент хищник. Когда офицер подошел к строю, комвзвода, доложив: "Господин капитан! Второй взвод для сдачи зачёта по общефизической подготовке прибыл!", отошел в сторонку, а капитан ("Капитан Сеницын. Инструктор" — прочитал Егор), мельком оглядев прибывшее пополнение, едва заметно скривился, и будничным тоном произнёс, указав на одну из шеренг скафандров:

— Ну что, бойцы? Вот эти скафандры — ваши. На всё время обучения за каждым будет закреплён персональный скаф. Сейчас, как и сказал ваш командир, вы сдадите зачёт по ОФП, совмещённый с небольшой тренировкой. Собственно говоря, это скорее не зачет, а вступительный экзамен. Мы должны понять, в какой форме каждый из вас, — (взгляд капитана задержался на Толстяке), — с тем, чтобы выработать для вас оптимальную программу тренировок. А теперь все в раздевалку и по местам.

Через пять минут Белецкий уже влазил в гостеприимно раскрытый скафандр. Оказавшись внутри, Егор дал скафу команду на переход в рабочее положение. Тот послушно закрылся, прогнал тестовую таблицу, и доложил о готовности. В ушах прозвучал голос инструктора: "Начали!"

Всё вокруг окутал плотный серый туман. Егор, вытянув перед собой руки, двинулся вперёд, и, сделав несколько шагов, наткнулся на старую деревянную дверь. От слабого толчка кончиками пальцев дверь с лёгким скрипом отворилась, и Егор вышел в летнее утро. Рыжее солнце ещё не оторвалось от горизонта. В прозрачном голубом небе не было ни облачка. Деревья, растущие вдоль уходящей вдаль полевой дорожки, начинающейся у ног Егора, и стоявшие поодаль друг от друга особняки отбрасывали длинные тени. Лёгкий ветерок принёс с полей запах луговых цветов и свежескошенной травы. С веток растущих неподалёку кустов вспорхнула небольшая стайка воробьёв. "Наверное, опять Мурзик вышел на охоту", — подумал Егор. Его домашний кот — всеобщий любимец, охотился на всё, что шевелится: начиная от мух и бабочек, и заканчивая птицами. Без его внимания оставались только рыбы и собаки. Первые — потому что он был не в ладах с их средой обитания, а от последних ему, как и всякому нормальному коту, приходилось спасаться бегством.

Насладиться пейзажем Егору, как обычно, не дали. За его спиной раздался возмущённый звонкий девичий голос:

— Нет, это ж надо! Опоздал, да ещё стоит тут, пялится вокруг, а на девушку никакого внимания!

Улыбнувшись, Егор обернулся. Так и есть. У края дорожки стояла Катерина — младшая дочка одного из соседей Белецких, у которого, кстати, Егор и тренировался. Одета она была в облегающее спортивное трико, позволявшее полностью оценить достоинства её фигуры. Оценить было что: фигура полностью соответствовала последним требованиям моды. Егор вздохнул. Модная в прошлом сезоне грудь третьего размера нравилась ему гораздо больше, чем вошедшая в моду с весны грудь размера второго. Но — против моды не попрёшь. Приходилось довольствоваться тем, что есть. Впрочем, это "то, что есть" тоже выглядело довольно соблазнительно. Егор оглядел себя: он, как и девушка, был в лёгком тренировочном костюме. В свободном, естественно, а не в облегающем.

— Ну что, побежали? — Катька озорно блеснула глазами и отшвырнула в сторону полуоципанную ромашку.

— Давай, — согласился Егор. И ежедневная совместная утренняя пробежка началась.

Дорожка была достаточно широкая, чтобы два человека могли бежать по ней рядом. Сначала она шла под уклон. Бежать было легко. Да и Катя особо никуда не торопилась. Егор, как обычно, бежал чуть впереди, чтобы можно было время от времени оборачиваться, и видеть, как колышется на бегу грудь девушки, поддерживаемая только эластичным материалом трико. Та против военной хитрости своего спутника совсем не возражала. А какой девушке не приятно, когда её разглядывают с таким восторгом?

Когда дорожка спустилась в низину, и пошла горизонтально, Катя побежала быстрее. Егору тоже пришлось увеличить скорость. Мышцы уже разогрелись, и тело вышло на рабочий режим. Бежали молча. Любая попытка заговорить пресекалась Катькиным: "Держи дыхание".

Постепенно дорожка пошла вверх. Бежать стало чуть тяжелее. Постепенно подъём становился всё круче и круче. Дорожка сузилась. Теперь бежать рядом стало невозможно. Спутница Егора поднажала, и вырвалась вперёд. Теперь у него перед глазами мотались из стороны в сторону её собранные в пучок волосы — на этой неделе цвета вороного крыла, а если опустить взгляд пониже, можно было наблюдать соблазнительные упругие ягодицы. Но этим наблюдениям сильно мешал заливающий глаза пот. Несмотря на то, что бежали теперь в гору, грунт под ногами становился всё мягче, увеличивая сопротивление движению. Приходилось напрягать все силы, чтобы не отстать позорно от без видимых признаков усталости сверкающей впереди пятками девушки. Время от времени Катерина бросало через плечо своё вечное "Держи дыхание".

Егор держал. И не отставал. Какое-то время. А потом злобная девчонка всё же начала отрываться. И тут у Егора появился дополнительный стимул передвигаться быстрее. Из кустов с радостным лаем выскочил здоровенный соседский чёрный пёс, и кинулся за бегущими. С этой зверюкой у Егора отношения были натянутые, поэтому он, постоянно оглядываясь, припустил со всех ног. Чёрный монстр летел сзади, чуть-чуть не хватая незадачливого бегуна за пятки. Внезапно за одним из поворотов дорожки Егор увидел одиноко стоящую посреди склона холма белую дверь. Спасение! Катерина, бежавшая впереди метрах в пятнадцати, влетела в дверь впервой, Егор за ней...

И оказался в небольшом спортзале. У стен расположились разнообразные тренажёры. Между ними лежали гири, гантели, штанги, и прочий спортивный инвентарь. Посреди зала стоял, уперев руки в боки, невысокий поджарый налысо побритый мужчина в тренировочном костюме — отец Катерины.

— Ну что, не догнал? — поинтересовался он у, прислонившейся к стене глубоко

дышавшей девушки.

— Ага! — озорно улыбнулась та, смахивая с лица капельки пота.

— Смотри: Будешь от мужиков убегать — останешься в девках, — шутливо пригрозил дочери отец.

— Да сейчас такие мужики пошли, что лучше в девках остаться! — заявила та, гордо вздёрнув носик, — А родить троих детей, как положено, и без мужа можно. Вот!

Девушка показала присутствующим язык, и гордо вышла из комнаты. На тренажёрах она не занималась принципиально: говорила, фигуру портят.

Дверь, в которой исчезла Катя, не успела закрыться, как в неё зашёл Семён — старший брат девушки. Он под руководством отца серьёзно занимался бодибилдингом. Даже если бы Егор не знал об этом, то легко догадался бы о хобби парня по его атлетически сложенной фигуре. Молодые люди поздоровались друг с другом, и Семён сразу же направился к одному из тренажёров.

— И что ты с ней сделаешь? — сокрушённо развёл руками тренер, весело глядя на Егора. — Всё шуточки... — и без перехода продолжил, указывая на другой тренажёр: — Ну что, молодой человек? Отдышись немного, и приступим? Егор согласно кивнул головой...

Время пролетело незаметно. Под чутким руководством Катькиного отца парни прошли почти все тренажеры. Начали с лёгких нагрузок, а потом, постепенно, раз за разом увеличивая их, дошли до предельных. При этом тренер внимательно следил за состоянием подопечных, и время от времени подносил к их губам тубу, из которой те через соломинку пили питательный раствор. Когда было особенно трудно, держаться Егору помогало желание не упасть в грязь лицом перед Семёном, с лёгкостью ворочавшим тяжёлые железяки. Наконец всё закончилось. Мышцы гудели, налитые тяжестью. Навалилась усталость. Но, не смотря на это, на душе было хорошо, как и каждый раз после такой тренировки. Семён с отцом остались в спортзале — для них это была ещё не вся программа на сегодня, а Егор, попрощавшись, направился в душ.

В коридоре он встретил Катю, уже успевшую переодеться в лёгкое летнее платье, и распустить волосы. Улыбнувшись, от чего на её щеках образовались милые ямочки, девушка поинтересовалась:

— Что, уже всё?

— Да, сейчас в душ, и домой, — ответил Егор, стараясь не подходить к красавице слишком близко. Основательно пропотев в ходе тренировки, он сейчас, мягко говоря, не благоухал.

Девушка ещё раз продемонстрировала парню свою белозубую улыбку, взмахнула густыми ресницами, и прощепетав: "Тогда пока. Приходи завтра. Буду ждать в том же месте", — упорхнула в глубь дома. Егор проводил её взглядом, и распахнул дверь душевой.

За дверью его укутал знакомый серый туман. Через несколько секунд туман рассеялся, и перед взором Егора предстал интерьер тренажерного зала штрафбата.

Скаф выдал сообщение "Конец программы" и раскрылся. Егор с трудом покинул свой тренажёр. Из соседнего скафа с бурчанием: "Чуть не загоняли насмерть. И без обеда оставили", выбирался Толстяк. Стоявший рядом инструктор, расслышав эти слова, жёстко бросил: "Привыкайте. Тяжело в ученье — легко в бою. А обед вы получили во время тренировки в виде питательного раствора и инъекций".

Когда последний пошатывающийся от усталости штрафник наконец вылез из своего скафа, инструктор скомандовал: "А теперь в душ и на ужин". Напоминание об ужине

придало измученным людям новые силы, и взвод дружно потопал в душевую. Стоя под упругими горячими струями, Егор размышлял о только что увиденном. Совмещать тренировку и сеанс психотерапии было в обычаях военных психологов. Образы и психоматрицы знакомых были взяты из его памяти, и наложены на график тренировки. Собственно говоря, из памяти даже ничего не забирали — это было противозаконно. Просто встроенному процессору Егора дали задание подобрать соответствующие персонажи с заданным психоэмоциональным откликом, выдали график тренировки, а соответствующий сценарий полусна-полуяви он уж подобрал сам.

И Катерина, и Семён, и их папа были вполне реальными лицами. Чего нельзя сказать о тренажёрах, которые Егор, как и любой другой гражданин Империи видел только в таком вот виртуальном виде. Зачем использовать кучу дорогих тренажёров, если можно заменить их одним дешёвым скафом? Что все и делали...

Егор улыбнулся: Катька, так сокрушавшаяся об отсутствии нормальных мужиков, вышла замуж два года назад, и уже была беременна второй раз, Семён сейчас так же, как и Егор, служил в армии, а их отец за это время ничуть не изменился, и всегда был рад увидеть соседского сына у себя в гостях. "Когда ещё доведётся вернуться домой?" — вздохнул молодой человек. Но всё равно, не смотря на усталость, настроение Егора поднялось. Он как будто съездил в краткосрочный отпуск. У остальных на лица тоже время от времени набегали улыбки. После душа и столовой, где штрафники в мгновение ока расправились с ужином, взвод отмаршировал в казарму.

Доковыляв до родного второго этажа, усталые штрафники попадали на нерасстеленные койки. Команды "Отбой" ещё не было, так что спать было нельзя, поэтому люди просто сидели на койках, бездумно глядя перед собой, или переговариваясь вполголоса. Говорили тихо не из соображений секретности, а просто потому, что громко говорить не было сил. Естественно, те, кому достался верхний ярус кровати, присаживались пока на нижний, подложив между своей спиной и спинкой кровати подушку. Егору и Толстому повезло: в их распоряжении была вся кровать, хватало места, чтобы не присесть на нижнюю койку, а развалиться на ней полностью. Впрочем, на койку Егора тут же подсел Карлаш. Может, он и хотел о чём-то поговорить, когда шёл с другом, но, плюхнувшись на жалобно заскрипевшую койку, прикрыл глаза и сидел молча. Остальные бойцы отделения тоже не проявляли излишней разговорчивости.

Молчание нарушил Аристократ.

— Господа! Я понимаю, что все мы сегодня устали, и не особо расположены к беседе, — начал он, тихо, но чётко и ясно выговаривая слова, — Но нам какое-то время предстоит жить, а может быть, и сражаться вместе. Поэтому для начала нам следует познакомиться поближе. Я не прошу вас рассказать, из за чего вы сюда попали, но хотелось бы знать хотя бы ваши имена-отчества, прежний род войск, и, если вас не затруднит — звание. Начну с себя: капитан второго ранга... бывший... Андрей Павлович фон Стиглиц, специальность — артиллерист, а вы? — Аристократ обратил взор на Егора?

— Егор Белецкий. Лейтенант. Тоже бывший. Пилот ВКФ, — представился Егор, сочтя предложение фон Стиглица о знакомстве в пределах отделения вполне разумным.

— А по батюшке как? — поинтересовался барон.

— Да молод я ещё, по батюшке меня величать, — смущённо отозвался Егор.

— Вы это бросьте, — возразил ему собеседник, Да, пусть мы сейчас не офицеры, но дворянами то мы остались. И значит, должны соблюдать традиции русского дворянства и

офицерства. Да и просто правила вежливости. Итак?

— Егор Николаевич, — сдался молодой человек.

— Приятно познакомиться, Егор Николаевич.

— Карлаш Александр Петрович, лейтенант, инженер — представился Сашка, на которого перевёл взгляд барон.

— Приятно познакомиться, — точно так же ответил фон Стиглиц.

— Толстяк, немного помявшись, представился как Похмелов Илья Ефимович, бывший майор, интендант. "Да... Не дай Бог вместе с этим тюфяком в бой идти придётся", — невольно подумал Егор.

Последним рассказал о себе рыжий здоровяк:

— Левинзон Яков Иосифович, старший лейтенант, штурмовая рота космической пехоты.

"Ого!" — Егор сразу зауважал нового сослуживца. Штурмовая рота — это вам не интендантство. И даже, если уж смотреть правде в глаза — не артиллерия и не авиация.

Вспомнив диалог между новым знакомым и комбатом, Егор не удержался от вопроса:

— А правда, что вы из Бирюсинска? — на "вы", так на "вы". Егор ничего не имел ни против традиций, ни против вежливости.

— Правда, — буркнул тот, снова мрачняя.

— А как же удалось уцелеть? — задал Егор бестактный вопрос, не заметив осуждающего взгляда барона. Да и не только барона. И Толстяк, и даже Карлаш, глянув на любопытного, слегка покачали головой.

— Пятнадцать лет назад, когда при прорыве нашей планетарной обороны над Бирюсинском взорвался ядерный заряд, — глухо произнёс здоровяк, ни на кого не глядя, — я отдыхал на море в детском лагере. И там я узнал, что родители погибли. Родственников не осталось. Так я попал в приют, потом меня усыновила одна семья... Очень хорошие люди. Я даже хотел из уважения взять их фамилию, когда достиг совершеннолетия. Но они убедили меня оставить старую в память о родителях. Я плохо помню родителей... Отца... Матушку... Но, я поклялся отомстить, и поступил в военное училище. В пехотное. Чтобы рвать сволочей своими руками. Закончил. Дослужился до старлея. Ну, а тут один тип начал издеваться над моей фамилией. Я терпел... Терпел... Ну, потом не вытерпел, и поучил его немного, — вздохнул гигант, сжав в кулак правую руку, и с сокрушённым видом на неё поглядев. Не рассчитал... И вот я здесь.

— Егор, наконец-то осознав свою бестактность, пробормотал смущённо:

— Извините... Я не хотел...

— Да ничего, — улыбнулся гигант, — Я рад, что мне подвернулся случай рассказать, что я люблю своих покойных родителей, и горжусь ими. Так же как я люблю и горжусь своими приёмными родителями. Я бы ещё добавил, что люблю свою Родину, и горжусь ею, но эти слова я обычно произношу в кругу друзей после третьей рюмки, — снова улыбнулся Левинзон. Уж они-то точно не станут подозревать меня в неискренности.

— В любви к Родине нет ничего постыдного, чтобы её скрывать, — заметил барон.

Егор промолчал. Среди его сверстников против любви к Родине вроде бы никто ничего не имел, но о ней старались не говорить. Наоборот, модно было критиковать власти за любое действие или принятое решение, и напирать на общечеловеческие ценности, а не на патриотизм.

— Ну что ж, господа. Вот мы и познакомились, — удовлетворённо произнёс фон

Стиглиц. Надеюсь, вы извините меня, за то, что неволью заставил вас ещё немного напрячься после столь тяжёлого дня...

— Да... Денёк сегодня был тот ещё... — проворчал бывший интендант.

— Ничего. То, что нас не убивает, делает нас сильнее, — бодро возразил ему бывший штурмовик.

— Или ломает... — вздохнул барон, озабоченно оглядев новых сослуживцев, и задержав свой взгляд на Толстяке. — Но будем надеяться, что ни с кем из нас этого не случится...

Беседу прервал сигнал отбоя. Не прошло и пяти минут, как взвод в полном составе лежал на своих кроватях под одеялами. Но не спал. Одновременно с сигналом отбоя каждый боец получил файл, с содержимым которого сейчас и ознакомился. Очевидно, руководство учебки решило, что если их подчинённые не имеют в данный момент физической нагрузки, то пусть поработают хотя бы головой.

Егор поворочался на нижней койке своей кровати, которую занял по примеру Толстяка, и не подумавшего лезть на "свой" второй ярус, развалившись на свободном нижнем, и приступил к изучению содержимого файла. Собственно говоря, файлов было два: текстовый и графический. Егор начал с текстового. Его он быстро пробежал глазами по диагонали, так как изложенная информация в общих чертах была ему известна. Файл описывал ситуацию, сложившуюся в настоящее время вокруг имперских транспортников.

Вкратце история вопроса выглядела следующим образом: Природные ресурсы Земли были истощены довольно давно. В связи с чем властями было принято решение оставшиеся на планете сравнительно небольшие запасы природных ископаемых сохранить "на чёрный день", а всё необходимое для работы промышленности завозить извне. Собственно говоря, в некоторых горячих головах родилась идея и промышленность вынести за пределы планеты. Что частично и было сделано. Но полностью уничтожить заводы на поверхности не позволил вовремя изданный Императорский указ, хотя после продолжительных препирательств, в ходе которых было сломано немало копий, и Дума, и Сенат уже были склонны принять такое решение. Конечно, было бы экономически выгоднее ввозить на планету уже готовую продукцию, но тогда в случае внезапного прекращения внешних поставок страна была бы обречена. А при принятой схеме своя промышленность обеспечила бы выживание в случае какого-либо непредвиденного кризиса.

Внешнее снабжение требовало создания большого и дешёвого, как в изготовлении, так и в эксплуатации, транспортного флота. Первоначально доставка сырья к Земле происходила двумя способами: На громадных транспортниках с внутренней загрузкой, и в виде отдельных лихтеров с навешенными на них реакторами, двигателями, и блоками управления. Первый вариант транспортников просуществовал недолго из-за сложности и дороговизны изготовления, эксплуатации, и проблем с логистикой. Второй вариант со временем трансформировался в конструкцию "Змеежа". Грубо говоря, этот транспортник без груза напоминал собой многократно увеличенный кусок гибкого резинового шланга с надетыми на него гайками. Каждая "гайка" на "шланге" была повернута относительно предыдущей на тридцать градусов. Цилиндрические лихтеры крепились к граням "гайки" перпендикулярно её продольной оси. На каждый лихтер надевалось скользящее кольцо с закреплённым на нём двигателем. За счёт того, что теперь можно было использовать один источник энергии для всех лихтеров вместо индивидуального реактора для каждого, и с учётом того, что один "Змееж" мог нести этих лихтеров более сотни, достигалась та самая желанная экономия в производстве и эксплуатации транспортников. То же самое касалось систем управления и

навигации. Гибким несущий корпус пришлось сделать для гашения вибрации, облегчения масс-центровки и маневрирования получившегося монстра. Конечно, возникла проблема с согласованием работы такого количества двигателей, но при существующем уровне технологии она была быстро решена. В итоге получилось, что эта сотня-две движков была даже дешевле в производстве и эксплуатации, чем один два-движка большой мощности.

Длина "Змеежа" могла варьироваться. Он собирался из стандартных сегментов, подобно тому, как поезд собирается из вагонов. "Змеежи" позволили решить проблему доставки к Земле столь необходимого сырья. Так как маршруты доставки были небезопасны, они прикрывались эскадрами ВКФ, расположенными так, чтобы при появлении кораблей противника быстро подтянуться к любой точке маршрута. До недавних пор такая система работала. Но всё изменилось после того, как у врагов появились малоразмерные суда, способные укрываться полем, скрывающим их от систем наблюдения имперского флота. Они скрытно подбирались к транспорту, и брали его на абордаж. После чего, отцепив столько лихтеров, сколько могли утянуть с собой, скрывались так же внезапно, как и появлялись. Счастьем для Империи было то, что пока эти "невидимки", судя по всему, не могли быть больше определённого размера, и им не хватало энергии для транспортировки больших масс в обоих направлениях, иначе имперские транспортники были бы вообще обречены.

Собственно говоря, "невидимки" не были полностью невидимы, а просто обнаруживались существующими системами контроля космического пространства гораздо позже обычных кораблей такого же размера. Только за счёт этого внезапного нападения у них всё же не получалось.

Расправившись с текстовой информацией, Егор запустил на воспроизведение видеофайл:

Перед его глазами возникло изображение замершего среди звёзд серебристого "Змеежа". На самом деле, конечно, транспортник вовсе не замер, а летел с вполне приличной скоростью, но не настолько приличной, чтобы звёзды проносились мимо, как это показывают в дешёвых голофильмах. И он вовсе не был серебристым. Хоть "Змеежи" официально не считались военными кораблями, но окрашивались в чёрный маскировочный цвет так же, как и военные. Реально это, конечно, не могло скрыть корабль от врага, но покраска производилась из принципа: "а вдруг у корабля противника отказали все сенсоры, кроме оптических?". В таком исключительно маловероятном случае чёрный цвет должен был помочь. Дополнительно на "эффект статичности" работали характерные изгибы корпуса транспортника, которые всегда образовывались при его масс-центровке. Интуитивно по аналогии с настоящим змеем, казалось, что двигаться он может, только извиваясь.

Статичной картинка оставалась меньше минуты. "Иглы"-лихтеры озарились сотнями вспышек двигателей, и корабль начал медленно сворачиваться в кольцо. Одновременно несколько спарок кинетических пушек ПКО, установленных на свободных торцах лихтеров выпустили в разные стороны короткие очереди. Пока это были не боевые выстрелы. Отсутствие в космосе воздуха, а следовательно — трения, позволяло использовать снаряды кинетических пушек в качестве разведзондов. В атмосфере подобный номер не прошёл бы: Высокая температура разогнанного до огромной скорости снаряда очень быстро вывела бы из строя его электронную начинку. В космосе достаточно было, чтобы разведывательная электроника выдерживала момент выстрела.

Картинка сменилась: Теперь в поле зрения находились зависшие в пустоте

кальмарообразные корабли неприятного грязно-коричневого цвета с зажатými в щупальцах серыми контейнерами. На самом деле эти корабли тоже были чёрными, но программа компа, отвечающего за визуализацию объектов голофильма, автоматически раскрашивала вражеские объекты так, чтобы они были хорошо видны, но производили на зрителя неприятное впечатление. В имперской классификации эти рейдеры, живо напомнившие Егору орбитальный терминал, с которого они с Карлашем спускались последний раз на Землю, имели название "Спрут".

Сменилось несколько картинок со "Спрутами" в разных ракурсах, а затем перед взглядом Егора возникла тактическая схема: одинокую зелёную точку "Змеежа" медленно охватывала почти правильная полусфера красных точек "Спрутов". Две красных точки, находящихся чуть поодаль остальных кораблей противника, ярко вспыхнули, увеличились в размерах, и перекрасились в оранжевый цвет. Голос за кадром пояснил: "носители ядерного оружия". Ещё две красных точки на краях полусферы сменили цвет на синий с пояснением: "носители аппаратуры РЭБ".

Тактическая схема снова сменилась изображением "Змеежа". К этому времени он уже заметно выгнулся в дугу и окутался облаком противолозерной защиты. От торцов транспортника отделились "гайки" с лихтерами системы обороны, которые тут же расстыковались, и начали совершать самостоятельные манёвры. Двое из лихтеров внезапно осветились яркими вспышками, и из них вырвались хищные силуэты ракет.

"Спруты" в свою очередь окутались противолозерными облаками, и отпустили свои контейнеры, тут же устремившиеся к цели — одинокому имперскому транспортнику. Контейнеры оказались свёрнутыми в транспортное положение штурмовыми боевыми платформами. Ещё не успев полностью развернуться, платформы тут же выплюнули залп противоракет в сторону приближающихся ракет противника.

Вновь появившаяся тактическая схема показала маршруты и ракет, и противоракет, и расчётную точку перехвата. Она лежала где-то на полпути между противоборствующими сторонами. Однако ракеты "Змеежа" не стали дожидаться, пока их перехватят. Одна из них, чуть повернув, вспыхнула ослепительным светом. Практически мгновенно погасла одна из красных точек, и замигала одна из оранжевых. Голос за кадром пояснил: "визуализация срабатывания гамма-лазера с ядерной накачкой. Поражен корабль противника на линии огня. Вражескому носителю ядерного оружия нанесены не критические повреждения". Мощности импульса хватило бы, чтобы поразить цель даже через противолозерную пыль, но один из обычных "Спрутов" случайно или намеренно оказался на линии огня и значительно уменьшил мощность луча лазера.

Второй ракете "Змеежа" повезло больше: почти перед самым перехватом она отстрелила кассету с двенадцатью боеголовками, продолжившими путь к цели, то и дело случайным образом меняя траекторию. Девяти из боеголовок маневрирование не помогло: восемь были перехвачены ещё одним залпом противоракет, две — кинетическими пушками ПКО "Спрутов". Но десятая боеголовка свою цель всё-таки накрыла. Одиннадцатая и двенадцатая самоликвидировались ввиду отсутствия цели почему-то не торопились, и устремились дальше в открытый космос.

"Змееж" к этому времени уже почти свернулся в кольцо. Вражеские штурмовые платформы выстрелили свои разведзонды. Их целью было выяснить наличие и расположение на атакуемом транспорте стальных лихтеров. В отличие от лихтеров из обогащённой руды, на которых стояли кинетические пушки, на стальных монтировались

рейлганы, которые производили болванки для стрельбы прямо на месте из подручного материала — лихтера, на котором были закреплены. Такое оружие могло стрелять чуть ли не вечно, и ввиду этого представляло для атакующих более серьезную опасность на ближних дистанциях, чем кинетические пушки, боезапас которых был отнюдь не бесконечен. Именно поэтому атакующие эти рейлганы очень не любили, и старались уничтожить их в первую очередь.

Постановщики помех атакующих не остались без внимания экипажа имперского транспортника. Но пущенные по ним ракеты отклонились от цели, и прошли мимо. Связь по-прежнему была заблокирована.

На короткое время в боевых действиях возникла пауза. Транспортник практически не имел эффективного оружия дальнего действия. Его вооружение предназначалось в основном для ближнего боя. Штурмовые платформы, притащенные "Спрутами" тоже не несли оружия, способного поразить противника издалека. Основной целью рейдеров являлся груз имперского транспортника: металлы и обогащённая руда. В идеале, отстыковав столько лихтеров, сколько могли увезти, "Спруты" скрывались с ними, а пара-тройка ядерных боеприпасов предназначалась для уничтожения транспорта уже после того, как у него удастся позаимствовать как можно больше целых и неповреждённых лихтеров. Так как всё в том же идеале к этому моменту оборона "Змеежа" уже должна быть подавлена, доставить заряды к беспомощной жертве можно и без ракет дальнего действия. Именно по этим причинам при обороне транспортник старался в первую очередь выявить и уничтожить носители ядерных зарядов: потом может быть уже не чем. Сами "Спруты" практически не были вооружены: Мощности реакторов рейдеров едва хватало, чтобы одновременно поддерживать режим невидимости, и маневрировать с пристыкованными к ним относительно лёгкими штурмовыми платформами.

А уж в обратном пути с тяжелыми лихтерами в качестве довеска "Спруты" вообще маневрировать не могли: слабые движки сгорали при разгоне, и дальше скрытые маскировочным полем рейдеры и их добыча двигались в заданную точку встречи с Флотом исключительно по инерции.

Активная фаза боевых действий возобновилась, когда атакующие платформы достигли радиуса эффективного действия управляемых кинетических снарядов. Стороны обменялись залпами. Целью кинетических пушек транспортника были противометеорные поля платформ. Они были рассчитаны на определённую плотность потока, и при перегрузке сгорали, открывая противнику "доступ к телу" платформы. В то же время атакующие старались выбить рейлганы "Змеежа". С платформ одновременно взлетели тысячи небольших беспилотников, и, подобно только что отработавшим ракетам имперского транспортника, по сложным ломаным траекториям устремились к цели. Кстати, о ракетах: одна из двух уцелевших ракет "Змеежа" сделала большой круг, и, развернувшись, добила-таки уцелевший ядерный носитель, потерявший ход после контакта с лазерным лучом. Между тем обмен ударами управляемыми кинетическими снарядами принёс частичный успех и той, и другой стороне. Были поражены несколько штурмовых платформ атакующих, и несколько рейлганов обороняющихся.

Тем временем "Змееж" полностью свернулся. Сработали стыковочные устройства, и теперь транспортник представлял собой двигающееся по сложной траектории замкнутое кольцо. Теперь это был скорее "Бубликоёж". Кроме того, гибкий корпус транспортника медленно вращался вокруг своей продольной оси, выводя в бой "внутренние" установки

ПКО, и предоставляя поврежденным установкам время для ремонта, если он был возможен.

Внезапно наблюдаемая Егором картинка исчезла в вспышке слепящего белого света, и вновь померкла. Подрывом специального боеприпаса, сгенерировавшего эту вспышку, экипаж транспортника пытался выполнить две задачи: первая — донести просьбу о помощи сквозь созданные вражеской службой РЭБ помехи до ближайшего имперского патруля. Вторая: вывести из строя дежурные сенсоры вражеской техники. Всплеск энергии был не только в оптическом, но и в радиодиапазоне.

На какое-то время снова высветилась тактическая схема. Теперь что-то разобрать в этой круговерти было невозможно. Хотя обе стороны действовали в пределах четкой логики.

Беспилотники гибли пачками, но орудия ПКО транспортника тоже замолкали одно за другим: одни — расстреляв боекомплект, другие — повреждённые огнём противника.

Тактическая схема показала, что с уцелевших штурмовых платформ стартовала вторая волна автоматов. На этот раз это были абордажные роботы. Чуть погодя от подтянувшихся ближе "Спрутов" пошла третья волна.

На мгновение перед взором Егора промелькнули летящие к ещё отбивающемуся "Змеежу" фигуры в скафандрах.

Последние установки ПКО ещё держались, когда часть беспилотников сосредоточила огонь на небольшом по площади участке корпуса транспортника. Здесь располагался один из технологических люков. Сейчас пробраться внутрь можно было только через них. Но предварительно требовалось взломать противометеорное силовое поле "Змеежа", которое было несколько мощнее, чем у "Спрутов" и штурмовых платформ. Как только брешь в поле была пробита, к люку устремились абордажные роботы. Взлом люка занял меньше минуты, и роботы один за другим начали скрываться внутри корабля. Вскоре за ними последовали и подоспевшие фигуры в скафандрах. ПКО транспортника на данный момент было почти полностью подавлено. Но и от атакующих сил практически ничего не осталось.

Какое-то время ничего не происходило. Только "спруты" подошли поближе. Егор мрачно подумал, что их правильнее бы было назвать "Грифами" — уж очень их поведение походило на поведение падальщиков.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Внезапно от корпуса корабля отстыковался один из лихтеров. За ним второй... третий... Егор насчитал их около двадцати, до того момента, как процесс прекратился. Что в это время происходило внутри транспортника, можно было только догадываться...

Прошла одна минута... Другая... Больше лихтеры от "грузовика" не отделялись. К отстыкованным тысячетонным громадам приблизились "Спруты", и, обвив их своими щупальцами, один за другим скрылись в космической тьме. "Добыча" досталась не всем рейдерам — некоторые ушли пустыми. Но для развития успеха у них не было больше сил. Вслед уходящим отработали несколько уцелевших установок ПКО. Им удалось уничтожить один из "Спрутов", который тут же был заменён другим из числа свободных. Оставшийся в одиночестве "Змееж" разомкнулся из кольца, и начал принимать походное положение. При этом он отчаянно извивался — масс-центровку надо было проводить заново. На этой оптимистической ноте фильм закончился.

"Отбились...", подумал Егор, погружаясь в объятия сна. "Значит, можно отбиться. И вернуться в строй. И стать... кем там стал прадедушка барона? Надо будет утром посмотреть в Красном Уголке"...

... Бой почти затих. К отстыкованным тысячетонным громадам лихтеров приблизились

"Спруты", и, обвинив их своими щупальцами, один за другим скрылись в космической тьме. Вслед уходящим с добычей рейдерам отработали несколько уцелевших установок ПКО. Им удалось уничтожить один из "Спрутов", который тут же был заменён другим из числа свободных. Оставшийся в одиночестве "Змееёж" разомкнулся, и начал принимать походное положение. При этом он отчаянно извивался — масс-центровку надо было проводить заново.

Картинка сменилась: теперь камера демонстрировала внутренности "Змееежа". В центральном тоннеле повсюду вперемешку валялись искорёженные обломки роботов и окровавленные трупы людей. То там, то сям вдоль стен проскакивали синие искры. Да и сами стены время от времени подёргивались, словно в нервном тике. Видимость была не очень: порошковая взвесь автоматической системы пожаротушения упорно не хотела оседать. Камера медленно двигалась вдоль этой безрадостной панорамы, пока не остановилась на двух стоящих на коленях сцепившихся в объятиях фигурах в закопчённых помятых скафандрах. Фигуры пошатывались. Создавалось впечатление, что они не борются, а держатся друг за друга, чтобы не упасть. Наконец одному из соперников удалось оттолкнуть другого. Тот упал навзничь, и пока он пытался подняться, его враг, нащарив дрожащей рукой лежащую рядом на полу шпагу, неловко воткнул её в левый бок противника. И тут же сам был пронзён силовым лезвием подползшего сзади на трёх оставшихся целыми лапах-манипуляторах "каракурта". Остальные три лапы безвольно тащились за роботом-арахноидом, перебитые в бою. Тело последнего оставшегося в живых защитника транспорта медленно осело на пол. Рядом с ним последний раз дёрнул лапой и затих "Каракурт", вложивший в свой последний удар весь энергозапас аварийного накопителя...

...Люди, со стеклянными взглядами сидевшие, замерев, у стоящего посреди громадного роскошного кабинета монументального стола из драгоценных пород дерева, зашевелились на своих местах, переглядываясь друг с другом, и ожидающе поглядывая на сидящего во главе стола представительного молодого статного красивого мужчину с правильными чертами лица, и благородной сединой на висках. В обществе развитой косметологии и победившей пластической хирургии, в котором средняя продолжительность жизни составляла сто шестьдесят два года, так мог выглядеть либо человек, уже вплотную приблизившийся к этой самой средней продолжительности, либо человек, стремящийся максимально соответствовать сложившемуся у обывателя портрету Мудрого Благородного Правителя, нарисованному секретной группой социопсихологов по результатам закрытых исследований на основании социологических опросов. (Естественно, работа велась и в обратном направлении: обывателям через масс-медиа ненавязчиво внушался именно тот образ, который и был нужен).

Неискушенный наблюдатель сказал бы, что этот человек одет "скромно, но со вкусом". Наблюдатель искушённый оценил бы строгие деловые костюмы хозяина кабинета и сидящих от него по левую руку людей в гражданском, в шесть-восемь месячных лейтенантских зарплат каждый. Сидящие по правую руку тоже вполне могли себе позволить одеваться так же, но по роду службы они были обязаны носить маршальскую, генеральскую и адмиральскую форму.

Человек во главе стола, выдержав паузу, по очереди окинул внимательным взглядом своих подчинённых, только что вместе с ним просмотревшим несколько более полную версию фильма, продемонстрированного штрафникам, и заговорил, обращаясь к сидящему справа генерал-адмиралу ВКФ:

— Николай Фёдорович, доложите о потерях среди контрабордажных команд транспортников? Их ведь набирают из штрафников, если я не ошибаюсь?

— Совершенно верно, Светлейший, — ответил адмирал, вставая — из штрафников. Общие потери составляют шестьдесят процентов. Но пополнение приходит регулярно: в такой большой армии, как наша, всегда находится достаточное количество преступивших закон.

— А каковы потери среди непосредственно участвующих в боестолкновениях? — равнодушным тоном поинтересовался титулованный Светлейшим, внимательно разглядывая свои холёные пальцы с идеальным маникюром.

— Девяносто процентов, — доложил флотоводец, немного напрягшись.

— Спасибо, — благосклонно кивнул председательствующий адмиралу, и обратился к одному из сидевших слева людей в штатском:

— Каковы наши грузопотери в результате подобных нападений за последний год в процентном соотношении?

— Девять процентов, — доложил тот, в свою очередь вытягиваясь в струнку.

— Девять процентов... — задумчиво повторил председательствующий, — Девять процентов...

— Но мы включили их в план перевозок, — поторопился добавить человек в штатском. Так что потребности земной и околоземной промышленности в сырье удовлетворяются полностью...

Сидящий во главе стола встрепенулся.

— Надо ли это понимать так, — начал он, обводя присутствующих тяжелым взглядом, и постепенно повышая тон, — что мы платим девятипроцентный "транспортный налог"?... И кому? Противнику! И ПЛАНИРУЕМ платить его и дальше? Я не против потерь сред штрафников. Каждый из вас знает, что штрафбат служит не столько для исправления в него угодивших, сколько для того, чтобы остальные, видя судьбу правонарушителей, задумались, стоит ли нарушать Закон? Но девять процентов грузов... Это колоссальные потери, господа... Так дело не пойдёт.

— Генерал-Адмирал! Напомните-ка присутствующим, сколько лет уже вы не можете справиться с этими пиратами? — председательствующий вновь обернулся вправо.

— Первые нападения начались шесть лет назад, Светлейший, — с достоинством ответил вновь поднявшийся военачальник. Но заметный ущерб они наносят только последние четыре года.

— Четыре года, — кивнул сидящий во главе стола, словно соглашаясь со своими мыслями. То есть теперь никто не сможет назвать нас нерадивыми налогоплательщиками. Мы четыре года безропотно платим врагам налоги, и не делаем ничего, чтобы изменить ситуацию.

В ответ на поднявшийся протестующий ропот, хозяин кабинета поднял руку, и продолжил:

— Я думаю, настала пора принимать решительные меры. Итак: первое — Николай Фёдорович, я понимаю, что у вас каждый корабль в деле, но наскребите хоть несколько эсминцев для сопровождения транспортников.

— Но это значительно повысит себестоимость доставки, — возразил один из штатских слева. Эксплуатация военных кораблей обходится значительно дороже гражданских, и если каждый отдельный транспорт будет сопровождаться военным кораблём... Нам дешевле

будет терять эти девять процентов.

— Пока будем сопровождать отдельный транспорт. Но не каждый. На каждый у нас просто кораблей не хватит. Вот, Николай Фёдорович не даст. И будет прав. Они ему нужны для других дел. Теперь: что у нас с программой по повышению количества транспортников и перестройки логистики в портах для перехода на работу не отдельными транспортами, а конвоями?

— Сидевший почти на противоположном конце стола мужчина в штатском, поднялся, и, заикаясь, начал говорить:

— В связи с недостатком финансирования...

— Не рассказывайте мне про недостаток финансирования! — прервал его председательствующий, — Деньги выделяются из казны в полном объёме. Но ваши сметы растут как на дрожжах! Значит так: Начатая в прошлом году программа должна была завершиться два месяца назад. Даю вам ещё месяц. Больше денег вам никто не даст. Наоборот, компании-подрядчики уплатят штраф за нарушение сроков работ. Если в указанные сроки всё не будет готово, я поставлю вопрос о возбуждении уголовного дела на предмет казнокрадства и растраты казённых денег, и лично буду контролировать его ход. Вы знаете, что это значит. Нельзя думать только о своих карманах, господа. Про Родину тоже надо хоть иногда вспоминать.

Теперь ещё одно неприятное известие: По данным внешней разведки СИБ, в ближайшее время возникает высокая вероятность того, что мы будем отрезаны от сырьевой базы. В связи с этим, у меня возникает вопрос к Вам, Николай Анатольевич: А что у нас со стратегическими запасами?

Поднявшийся мужчина неуверенно начал:

— В связи с потерями при транспортировке...

— Так. Теперь потери виноваты, — снова оборвал говорившего председательствующий. Даже с учётом потерь у вас хватало ресурсов для выполнения плана хотя бы на семьдесят процентов. А вы его сорвали. Я не хочу слушать ваших детских оправданий! Я недоволен! Ответственного за стратегические запасы, кто это у вас там, Кузьмин, кажется? — снять. СИБу проверить, не является ли он саботажником и вредителем.

Далее: Через месяц... Вы слышите, Фёдор Иванович? Через месяц. Когда начнётся переход на конвойную схему перевозок, перебазируете согласно плану экстренного создания запасов по одному из северных и южных грузовых терминалов к выделенным морским бухтам. Пусть сбрасывают порезанные на диски лихтеры прямо в воду без парашютов. Пока бухты не будут заполнены. Николай Анатольевич, если это задание не будет выполнено, вы последуете вслед за Кузьминым. Ясно?

Кстати, Евгений Петрович, что за происшествие было недавно на третьем северном терминале? — обратился сидящий во главе стола к Командующему Наземными Силами.

— Авария со спускаемым с орбиты аэрокосмическим модулем, — чётко доложил тот. Следственная комиссия пришла к выводу, что причина — брак при изготовлении одной из конструкций. Фирма-изготовитель оштрафована. Дело передано следственной комиссии СИБ согласно циркуляру "о трёх случаях".

— То есть, мы имеем три крупных ЧП, случившиеся примерно в одно время в одном округе, — с удовлетворённым видом произнёс председательствующий. Он уже и сам получил информацию об этих происшествиях согласно тому же циркуляру, но хотел, чтобы её заслушали и остальные. Как он знал из собственного опыта, такие вот совещания имели

гораздо больший эффект, чем просто передача информации через имеющиеся у каждого сидящего здесь импланты, — И какие же ещё два?

— Было обстреляно звено вертоджетов, следующих на объект "Ванкор". Следственная комиссия уже завершила работу. Выводы: звено было обстреляно из ПЗРК "Скорпион" Союза, несколько кассет с которыми были сброшены на поверхность планеты в числе прочего во время последнего Прорыва. Края в тех местах гиблые — сплошные леса и болота. Все ПЗРК обнаружить не удалось. "Скорпионы" хорошо маскируются, и выбирают цель случайным способом. Могут пропустить сто пролетающих над ними объектов, и ударить по сто первому. Система рассчитана на затруднение воздушных перевозок. Поскольку тот район и так закрыт для гражданских воздушных судов, особых неприятностей эти ПЗРК нам не доставляют. Военный транспорт следует с соблюдением необходимых мер предосторожности. Последняя атака "Скорпиона" до этого случая была зафиксирована пять лет назад. Поскольку из последствий прорыва до прессы доведена только информация о ядерном взрыве над Бирюсинском — её никак нельзя было скрыть, свидетелям вчерашнего обстрела была доведена официальная версия случившегося — нештатное срабатывание автоматической системы ПВО объекта "Ванкор".

— Так-так... — затарабанил пальцами по крышке стола Председательствующий. Значит, пятнадцать лет у вас там ползают "Скорпионы"... А командование не может их всех найти и обезвредить, так как они "хорошо маскируются"... Евгений Петрович, я настаиваю на оргвыводах. Грош цена руководителям, которые не могут за пятнадцать лет обезвредить вражескую технику на своей земле. Так и передайте Командующему Северо-Западным Округом.

Третье происшествие рассматривать не будем — сбой в подаче электропитания на одной из линий метро пусть расследует СИБ, как ей и положено. Перейдём к кораблестроительной программе.

При этих словах военные перевели дух, — они получили передышку, а вот штатские заметно поднапряглись.

— Что у нас по ходовым испытаниям "Императрицы Анны"?

— Испытания проходят в штатном режиме. Удалось достичь максимальной мощности двигателей в девяносто пять процентов от расчётной...

Кстати, Николай Фёдорович, — обратился председательствующий к генерал-адмиралу, перебив докладчика. — Пусть линкор проходит дальнейшие ходовые испытания поближе к транспортным маршрутам. У него ведь система контроля пространства восьмого класса? Вот заодно и испытает... А может, и оружие опробует... — и, вновь обернувшись к докладчику, произнёс: — Продолжайте. Так почему девяносто пять процентов, а не сто?...

Совещание закончилось через час. Его участники, попрощавшись по очереди с хозяином кабинета, покинули помещение через высокие богато украшенные парадные двери. Сам хозяин посидел минут пять неподвижно, а потом вдавил кнопку не то что старинного, а просто антикварного устройства, служившего для связи с находившимся в приёмной секретарём. Светлейший очень любил подобные антикварные вещи, и собирал их везде, где мог найти.

— Сергей Анатольевич пришёл? — спросил он в микрофон переговорного устройства, и, получив утвердительный ответ, приказал: — Пусть войдёт.

Почти сразу двери открылись, и в них не то вошёл, не то вкатился невысокий румяный лысоватый толстячок с неизменной добродушной улыбкой на лице. Это был начальник

Службы Имперской Безопасности.

Прапорщик Шелехов занимался увлекательным и в высшей степени полезным как для физического, так и для умственного здоровья занятием — он отжимался. Несмотря на морозящий холодный мелкий дождь, прапорщик был одет по форме номер два — с голым торсом. Каждый раз, прижимаясь к земле, он чуть не окунался носом в солидных размеров грязную лужу. Прапорщик должен был отжаться сто раз, а потом проползти по-пластунски по маршруту "вертолетная площадка — санчасть — столовая — вещевого склад — казарма". Правда, о втором пункте программы он ещё не догадывался.

"Девяносто восемь...", "Девяносто девять...", "Сто...". Прапорщик с трудом поднялся на ноги. Егор, лёгким движением пальца стряхнув затесавшуюся среди капель дождя снежинку, упавшую на его погоны, на которых не было ни одного просвета, а только зигзаги и большие звёзды, собрался уж было отправить прапорщика в путь, как вдруг тот заорал:

— Подъём!

Команда была продублирована внутренним баззером, так что, Егор, подскочив в кровати, ударился головой о металлическую сетку верхнего яруса кровати, и, чертыхаясь, принялся одеваться в ускоренном темпе. В училище тоже на первых курсах иногда устраивали ночные подъёмы (кстати, встроенные часы показывали, что сейчас полпервого ночи), и, если не уложиться в норматив, можно было запросто прыгать из кровати — в кровать и до получаса. Рядом точно так же спешно натягивали обмундирование сослуживцы. При каждом резком движении в натруженных вчера мышцах вспыхивала боль. Егор возмущался про себя: "Наяву — прапорщик Шелехов, во сне — прапорщик Шелехов. И никуда от него не деться! Ну чего стоило хотя бы той же Катке присниться? Так нет...".

Взвод построился вовремя. Прапорщик, несколько разочарованный этим фактом, своим обычным медленным шагом прошёлся вдоль строя туда-сюда, а затем остановился перед штрафниками, заложив пальцы рук за ремень и покачиваясь на носках.

— В вашем взводе случилось ЧП, — начал он говорить ласковым голосом. При этом вид у него был довольный, как у кота, только съевшего полную миску кошачьего корма, — Пропали два бойца: Белецкий и Похмелов. Автоматическая система наблюдения не обнаружила их на отведённых им местах, — прапорщик поочерёдно указал на непримятые верхние койки кроватей Егора и Толстяка. Егор уже набрал в грудь побольше воздуха, чтобы объявить, что он здесь, и никуда не девался, но бывший интендант оказался проворнее: Он выпалил: "Господин прапорщик! Разрешите обратиться!", первым.

"Не разрешаю!" — отрезал Шелехов, ещё раз заставив Белецкого вспомнить своё предположение о родственных связях, связывающих прапорщика и сержанта Викулова.

— Мы должны непременно найти ваших товарищей. Возможно, они дезертировали из части, а возможно, заблудились ночью где-то на её территории. То есть, попали в беду.

Ловя обращённые на себя злые и раздражённые взгляды сослуживцев, Егор подумал, что он точно попал в беду — невыспавшиеся люди вряд ли станут обвинять в ночном подъёме прапорщика. Конечно, в их глазах виноваты будут те, кому лень было вечером залезть на верхнюю койку.

— Так что сейчас взвод полном составе, в форме одежды номер два — для лучшей а-э-ро-ди-намики, — прапорщик по слогам произнёс сложное слово, — выбегает на улицу и делает три круга вокруг спортплощадки. Думаю, этого будет достаточно, чтобы ваши потерявшиеся товарищи нашлись и вернулись в родной коллектив.

Когда полуодетые штрафники выбежали на улицу, то оказалось, что там моросит такой

же холодный мелкий дождик, как и во сне Егора. Падая на холодную землю, вода тут же замерзала, превращая дорожки для ходьбы в дорожки для катания на коньках. Пронизывающий холодный ветер так и норовил сдуть бегущих в растущие рядом с дорожкой аккуратно подстриженные кусты. Кто-то поскользнулся и упал. Слава Богу, обошлось без вывихов и переломов. Красный от стыда Егор бежал молча, низко опустив голову. Ему было стыдно смотреть окружающим в глаза. В то же время в душе Егора поднималась злость на прапорщика: Ну что ему стоило просто подойти, если он такой любитель порядка, к прилётшим "не там, где надо" бойцам, и предложить им перелечь "как положено"?

Всё когда-нибудь заканчивается. Закончилась и эта незапланированная ночная пробежка. Холодные, мокрые и злые штрафники вернулись в казарму, и принялись укладываться в свои остывшие за это время постели, вполголоса поминая "добрым словом" и прапорщика Шелехова, и "виновников торжества". Громко никто высказываться не решался — все знали, что система наблюдения в казарме работает постоянно, и все выпады в чей либо адрес будут ей неумолимо зафиксированы. Перед тем, как лезть к себе наверх, Егор на всякий случай привёл в идеальный порядок нижнюю койку: кто его знает, каким будет следующий повод для придинок прапорщика. Глянув на Егора, интендант, очевидно, признал его действия правильными, потому что проделал то же самое. Наблюдавший за этими эволюциями прапорщик Шелехов, не сказав ни слова, дождался, пока все улягутся по местам, и удалился. Свет в казарме снова погас.

Утро встретило штрафников всё теми же обледенелыми дорожками, по которым надо было совершить уже плановую, в отличие от незапланированной ночной, пробежку. Рядом, по такому же лабиринту скользких дорожек, но нигде не пересекаясь друг с другом, бегали ещё две группы. Судя по всему — первый и третий взводы. Потом было умывание-одевание-заправка кроватей. Друзья наконец-то отдали купленные ещё вчера принадлежности выручившим их барону и интенданту, ещё раз поблагодарив их за выручку. Сделать это вчера было сначала некогда, а потом, когда все были в полубессознательном состоянии, было как-то не до того. С претензиями по поводу ночных событий к Белецкому и Похмелову никто не подходил, только некоторые бросали хмурые взгляды, но всё равно Егор чувствовал себя несколько неудобно. Заметивший его состояние здоровяк Левинзон хлопнул расстроенного молодого человека по плечу, отчего тот чуть присел, и добродушно прогудел: "Не берите в голову, Егор Николаевич". Наблюдавший этот процесс барон согласно кивнул головой. Поддержка в трудную минуту — великая вещь, пусть даже от малознакомых людей. Егору стало чуть полегче, и завтрак в столовой он уплетал наравне со всеми, безо всякой потери аппетита. Даже наоборот, ему захотелось добавки. Он уж было собрался обратиться за ней к автомату на выдаче, но там уже стоял Похмелов с аналогичной просьбой. В коей автомату ему было отказано, с формулировкой "достаточное количество витаминов, жиров, белков и углеводов уже получено". Сидящий рядом Карлаш пихнул друга локтём в бок, и поинтересовался: "А ты не заметил, что порции у всех разного размера, и состав блюд разный?". Егор отрицательно покачал головой. Ему было как-то не до разглядывания порций в чужих тарелках, когда он увидел свою.

После завтрака взвод вернулся в казарму, где бойцов уже ожидал старший лейтенант Кособоков. Построив подчинённых, он произнёс:

— Итак, бойцы, начинается новый день. Проведите его с толком. Сейчас вы получите план боевой подготовки. Советую обратить внимание на первый пункт.

На пару секунд все замерли, открывая полученный файл, знакомясь с его содержимым,

и пытаясь сообразить, что, действительно означает этот самый первый пункт? Один из бойцов не выдержал:

— Господин старший лейтенант, разрешите обратиться!

— Разрешаю, — ответил комвзвода, с улыбкой глядя на самого любопытного.

— А что за "Церемония выбора"? Кого мы будем выбирать?

— А кто вам сказал, что выбирать будете вы? — ответил Кособоков вопросом на вопрос, и скомандовал:

— Взво-од! Напра-во! На Церемонию Выбора... Шагом марш!

Как и следовало ожидать, Церемония Выбора должна была пройти на том же плацу перед штабом, где проводилась первая (и пока последняя) перекличка, которую Егор в свете грядущих событий переименовал про себя в Церемонию Представления. Когда штрафники подошли к плацу, оказалось, что остальные два взвода уже находились там, выстроенные в две шеренги. Взвод Егора под управлением зелёных линий тоже построился так же, но под прямым углом к остальным, так что общее построение в плане стало напоминать букву "Г".

Из штаба, как и вчера, вышли командир батальона и командир роты, но на этот раз они направились прямо на трибуну. Очевидно, действительно намечалась настоящая Церемония, а не какая-то там перекличка. Для полной торжественности не хватало только оркестра и Знамени батальона. "Интересно, а у штрафного батальона вообще есть знамя?", подумал Егор, глядя, как комвзвода выходит вперед, и поворачивается лицом к своим подчинённым.

"Сейчас скажет речь" — обречённо вздохнул Белецкий. Речей он не любил, особенно, если надо было их слушать два часа подряд, вытянувшись по стойке "смирно". Однако Кособоков не стал командовать "смирно", а просто начал говорить. Причём совсем не торжественно.

— Как до вас уже довели, ваша служба будет заключаться в защите наших транспортников от вражеских абордажных команд. Вплоть до того, что придётся сойтись с абордажниками в рукопашную. Однако, есть в транспортнике места, например, вентиляционные шахты, а так же разнообразные технические тоннели, где вы бороться с врагом не сможете. Просто потому что туда не пролезете. Но зато туда пролезут... — старлей выдержал паузу, — рыси.

По строю прошёлся удивлённо-недоуменный гул.

Да, вы не ослышались — Боевые Рыси. Очень важно, чтобы человек и рысь, с которой он будет работать, достигли как можно более полного взаимопонимания. Поэтому рыси у нас выбирают себе напарника сами, — лейтенант выдержал ещё одну паузу, на этот раз заполнившуюся гулом недоуменно-возмущённым (как же, их, людей — царей природы, будут выбирать какие-то кошки-переростки), и добавил: До сих пор ни одна рысь не ошиблась в выборе, — ещё одна пауза, — Выбирают не всех. Кто-то останется без напарника, — строй при этих словах облегчённо вздохнул, — Теперь — собственно о процедуре: Сейчас рыси выйдут из вольера, — старлей кивнул на расположенное неподалёку низкое продолговатое здание, так же, как и все остальные здания здесь, раскрашенное в камуфляжные цвета. И построятся напротив них, — теперь комвзвода кивнул на замерших в строю штрафников из других взводов. Вы по очереди выходите на середину плаца, становитесь перед животными, и если вас кто-то выберет — идёте со своим новым партнёром во-он туда, — Кособоков кивнул на противоположную сторону плаца, — оборачиваетесь, и становитесь напротив нашего строя. Если не выберут — возвращаетесь в строй. Всё, вот они идут...

Из вольера по одной начали выбегать рыси. Бежали они не так, чтобы уж очень резво — неторопливой трусцой. Добежав до плаца, животные, как и обещал комвзвода выстраивались в одну шеренгу напротив трибун. Теперь, с учетом рысей, строй напоминал уже не букву "Г", а букву "П".

— Вот они — совершенные боевые машины, — то ли шутя, то ли серьёзно сказал командир взвода, махнув рукой рукой в сторону представителей семейства кошачьих.

"Совершенные боевые машины", в количестве примерно тридцати особей, уже расселись по местам, и вид имели совершенно не угрожающий: кто зевал, демонстрируя пасть с острыми зубами, кто, наплевав на воинскую дисциплину, тут же разлёгся прямо на плацу, кто чесал задней лапой за ухом... В общем, кошки как кошки, только большие, серые, пятнистые, и с кисточками на ушах. О том, что животные не дикие, говорили надетые на них ошейники.

— Начинаем Церемонию Выбора! — послышался с трибуны голос командира батальона. Почти сразу же из строя вышел один из штрафников, и четким шагом направился к середине плаца. Там он остановился и, повернувшись лицом к шеренге "боевых машин", замер на месте. Какое-то время рыси сидели, не обращая на него никакого внимания. Потом одна из них, самая большая, подошла к Якову Левинзону, (именно его из-за выдающихся габаритов угораздило стать правофланговым в строю, а следовательно, удостоиться чести первым пройти Церемонию), и уселась у его левой ноги. Гигант, наклонив голову, как-то растерянно-жалобно посмотрел на внезапно свалившуюся на него новую напасть. Увидав выражение его лица, Егор не удержался от улыбки. И судя по раздавшимся рядом приглушенным смешкам — внезапно повеселело не только ему. Яков постоял на месте ещё немного, очевидно, в надежде, что приблудившийся "подарок" передумает и уйдёт, откуда пришёл. Но его надежды не сбылись: рысь сидела рядом, и уходить никуда не собиралась. Поэтому по истечении минуты Левинзону пришлось повернуться, и направиться к до сих пор ещё свободному краю плаца. Его новый напарник с довольным видом потрусил сзади. Когда только что образовавшаяся "сладкая парочка" остановилась и развернулась лицами (а точнее, лицом и мордой) к зрителям, негромкие смешки послышались уже и со стороны остальных штрафников. Даже стоявшие на трибуне майор с капитаном заулыбались — настолько комичный вид имели "напарники". Сочетание убитой горем физиономии гиганта, и скалящейся довольной ехидной морды его напарницы-рыси создавало впечатление момента регистрации брака, когда жених вынужден связать себя ненавистными узами по причине "залёта" невесты.

Следующий кандидат постоял на месте ровно минуту, но вниманием со стороны кошек удостоен не был, и с видимым облегчением вернулся обратно в строй. Та же участь постигла и последовавшего за ним бойца. Правда, ему пришлось пережить несколько неприятных секунд, когда одна из рысей вдруг поднялась, и, подойдя к нему, начала его обнюхивать. К великой радости обнюхиваемого, его запах кошке, очевидно, не понравился, так как она недовольно фыркнула, отвернулась, и, гордо задрав вверх кущее недоразумение, которое природа подарила рысям вместо нормального кошачьего хвоста, вернулась на своё место.

К моменту, когда очередь идти на "смотрины" дошла до Егора, количество парочек на противоположной стороне плаца достигло пяти. Глядя на них, остальные штрафники уже откровенно покатывались со смеху. Лица "осчастливленных" бойцов выражали странную смесь обиды ("почему я?"), и растерянности ("и что мне теперь с этим делать?"). Морды кошек прямо-таки светились довольством.

Направляясь к центру плаца, Егор не знал, что сейчас выражает его собственное лицо, но в голове крутилась лишь одна мысль: "Только не это". Не то, чтобы он не любил животных вообще, или кошек в частности. Наоборот: домашний кот семьи Белецких Мурзик был его любимцем. Егор никогда не упускал случая погладить его или почесать за ухом... Но как общаться с Боевой Рысью, Егор себе не представлял, и, честно говоря, представлять не очень хотел. "Лучше бы дали истребитель. Я бы показал, на что способен. А делать из пилота дрессировщика кошек?... По-моему, кто-то из командования не дружит с головой". Но приказ есть приказ, и бывший пилот Белецкий, дойдя по зелёной линии до указанной точки, повернулся налево, и застыл в неподвижности перед шеренгой пушистых воинов. Секунды уносились прочь одна за другой, но никто из сидящих напротив не изъявлял желания выбрать в напарники очередного кандидата. Некоторые рыси вообще не смотрели в его сторону, другие лениво переглядывались, словно обсуждая про себя личные качества претендента.

Пошла уже вторая половина минуты. Надежда, что "пронесёт", приобретала всё более зримые очертания. Но, увы, сбыться ей было не суждено. Третья слева рысь внезапно поднялась, и, быстро подойдя к Белецкому, принялась обнюхивать его левую ногу. Егор еле удержался от того, чтобы не дёрнуть ногой и заорать "Брысь!". Церемонией такие телодвижения явно были не предусмотрены. Оставалась ещё надежда, что запах претендента рыси не понравится, как уже было пару раз с предыдущими претендентами. Но нет — рысь, немного поразмыслив, уселась у ног своего нового партнёра. Окончательно надежды Егора рухнули, когда минута истекла. Он сокрушённо вздохнул, и под смех зрителей поплёлся к уже нашедшим друг друга "счастливым парам".

До конца шоу "нашли друг друга" ещё несколько штрафников и рысей. Но Егор уже не обращал внимания на окружающее. Осознание того факта, что теперь он вдобавок ко всем своим неприятностям ещё и стал... "А кстати, кем?", — задумался Белецкий, — "если со служебными собаками — это кинолог, а как называется тот, кто работает со служебными кошками?". На ум ничего не приходило. Если бы это была обычная часть, можно было бы полазить в поисках ответа по Сети, но в штрафбате всякая связь с внешним миром была обрублена. Действовала только локалка, да и то на время Церемонии она была заглушена. И, наверное, это было к лучшему. Егор представил, как бы его сейчас подкалывал Карлаш, которого минула чаша сия, отчего он имел очень довольный вид. Впрочем, факт отсутствия локалки вовсе не означал, что никаких подшучиваний не будет. Просто они переносились на более поздний срок — на перерывы между занятиями и вечер. Хотя, если сегодня намечались такие же нагрузки, как и вчера, вечером вряд ли у кого-то могли найтись силы для шуток.

Время от времени Егор поглядывал на своего нового товарища, который, кстати, как оказалось согласно появившейся рядом надписи, отзывался на гордое имя Пантелей. "Кто ж тебе такое имячко придумал? Пока в бою окликнешь, убьют или тебя, или меня, а может и обоих успеют", — пробормотал Белецкий. "Сокращённо — "Понт"", — тут же сменилась надпись. "Это ж надо, какие умные опознавательные чипы пошли" — восхитился Егор. Хотя, подобные чипы всюю были в ходу и у обычных домашних животных. Встроены они были, как правило, в ошейник (против вживления чипа прямо под кожу протестовало общество защиты животных, хотя и процедура вживления, и последующее ношение чипа были абсолютно безболезненны). В таком чипе помещалось и официальное имя домашнего любимца, и ласкательное, и его гастрономические предпочтения, и медицинская карта, и,

естественно, координаты хозяев. Кроме того, опознавательный чип животного отслеживался системами наблюдения, так же как и комм человека, так что потерять четвероногого друга было практически невозможно. Как и выкинуть на улицу без весьма неприятных для себя последствий.

Тем временем последний штрафник из взвода Белецкого, безрезультатно отстояв перед шеренгой рысей свою минуту, с явным облегчением отправился обратно в строй.

— Церемония Выбора закончена! — торжественно провозгласил комбат со своей трибуны. Поздравляю Избранных с обретением напарника!

"Блин, где я?" — подумал Егор. "В штрафбате, или в сказку попал? Страшную... Или глупую... Или страшно глупую... "Церемония"... "Избранные"... "Обретение"... Что за слова? Что-то я в Уставе таких не помню..."

Локальная сеть разблокировалась сразу после слов майора об окончании церемонии, и Белецкий тут же получил приказ комвзвода встать обратно в строй. "И это всё? Разыграли, что ли?", подумал Егор. Бросив своему рысю: "Извини — служба. Пока...", он поспешно зашагал к своим улыбающимся товарищам. Вместе с ним тот же приказ получили и остальные "осчастливленные" рысями бойцы. Встав в строй, Егор увидел, что рыси уже уходят в свой вольер. Первый и третий взводы тоже двинулись куда-то по своим делам. Комбат и комроты спустились с трибуны, и удалялись в штаб.

Старлей, бросив: "Получившие напарника начнут занятия с рысями на следующей неделе", повёл взвод к уже знакомому штрафникам тренажерному залу. Следующим пунктом программы на сегодня была общефизическая подготовка.

Сегодняшнее занятие, вопреки опасениям Егора, оказалось легче вчерашнего. Никаких сверхусилий прикладывать не пришлось, шла нормальная работа по направлениям, определенных тренером на основе вчерашнего зачёта. Так что, когда занятие закончилось, Егор, конечно, ощущал усталость, но далеко не такую, как вчерашняя. Но обед сегодня второй взвод снова пропустил. То есть получил его, как вчера — в виде питательного раствора и инъекций. Вылазя из тренировочного скафа, Белецкий обратил внимание на то, что сегодня тренировка закончилась не одновременно для всех. Часть скафандров уже стояли пустые, причём их владельцев нигде не было видно, часть ещё дёргалась, выполняя программу тренировки. Одновременно с Егором вылазили из скафов только ещё два человека. Стоящий неподалёку тренер подозвал всю тройку к себе, и сказал:

— Ну, что ж... Пока неплохо. На сегодня всё, бойцы. Сейчас в душ — и все в санчасть — на модернизацию.

Модернизация значилась третьим и последним пунктом в полученном штрафниками сегодняшним утром плане. В принципе необходимость этой процедуры была вполне логична: у новых штрафников внешний чип, выполняющий функции комм и модуля сопряжения с техникой и оружием, был "заточен" у каждого под конкретные задачи: У Белецкого, например — под управление истребителем, у кого-то другого — под действия в составе пехотной части, или под управление сектором обороны космического корабля. Простой перепрошивки, чтобы приспособить его под решение необходимых контрабордажникам задач, было недостаточно. Поэтому чип и приходилось менять.

Войдя в дверь, к которой его и двух его спутников привела зелёная линия, Егор увидел за стеклянной перегородкой операционной три поднимающихся в вертикальное положение операционных стола, на которых лежали лицом вниз, а точнее, уже стояли лицом к столу три пациента. Знакомый по вчерашнему медосмотру капитан-медик уютно пристроился в

кресле в углу кабинета, полуприкрыв глаза. Услышав звук открывающейся двери, он приоткрыл один глаз, и кивнул вошедшим на стоящую в противоположном углу вешалку:

— Раздевайтесь до нижнего белья.

Пока вновьприбывшие выполняли указание врача, столы встали вертикально, и захваты, удерживающие тела прооперированных, разжались. Получившие новые чипы штрафники направились к своей одежде.

— Теперь в казарму. До утра — постельный режим. Могут быть головные боли, лёгкое головокружение, и странные сны ночью, — напутствовал их капитан.

— А как же ужин? — забеспокоился один из только что прошедших модернизацию бойцов.

— Ужин вам подадут в постель — улыбнулся медик.

Услышав эту новость, все присутствовавшие тоже довольно заулыбались.

"Всегда бы так — ужин в постель", — подумал Белецкий. "Вот только откуда головокружение со "странными снами"? Замена внешнего чипа по идее не имеет никаких побочных эффектов...".

Когда за прооперированными, одним из которых, кстати, был барон фон Стиглиц, закрылась дверь, врач обратился к заканчивающим разоблачаться штрафникам:

— Итак. По хорошему, вам кроме замены чипа надо внедрить мышечные импланты и ускорить прохождение импульсов по мышечным нервам. Но у нас нет на это времени, так что ограничимся заменой внешнего чипа, и внедрением комплекса наноботов, который займётся некоторой перестройкой вашей Внутренней Сети. Сейчас проходите к столам, — врач кивнул на стоявшие вертикально лежаки, у которых застыли в ожидании три операционных робота, — и становитесь к ним лицом. Голову поверните направо. Операция займёт десять минут. Время пошло.

Белецкий, согласно инструкции, подошёл вплотную к операционному столу, поверхность которого тут же приняла очертания его тела, и повернул голову вправо. Захваты на руках, ногах и поясе сомкнулись. Стол начал наклоняться вперед, переходя в горизонтальное положение. Когда его поверхность оказалась строго параллельной полу, ожил стоящий рядом операционный робот. Зашипел иньектор — и шея Егора онемела. Робот поднёс к ней манипулятор, и сделал за правым ухом оперируемого крестообразный разрез. После чего скальпель мгновенно втянулся обратно в манипулятор, а выдвинувшиеся зажимы ухватились за кожу у середины "креста", и оттянули её в стороны, образовав что-то вроде четырёхлепесткового цветка, внутри которого появилась "шайба" чипа. Робот обработал разрез кровоостанавливающим составом, и, сменив манипулятор, вонзил в сквозное отверстие в центре процессора иглу шприца, содержащего раствор с наноботами. Снова сменился манипулятор. Робот начал аккуратно вытягивать старый чип.

Без чипа Белецкий почувствовал себя слепоглухонемым. Привыкнув к возможностям, предоставляемым электроникой, тяжело остаться наедине только со своим обычным набором органов чувств. Хорошо хоть пауза между извлечением старого чипа и установкой нового была недолгой. Секунда — и перед взглядом оперируемого пошел прогон тестовых таблиц нового оборудования. "Горошина" между тем уже наполовину погрузилась в тело, а к моменту, когда операционный робот вернул кожу на месте разреза в нормальное положение, заклеил швы, и наложил сверху регенерационный пластырь, почти полностью "вросла" в тело.

Робот, прошелестев сервоприводами становящихся в нейтральное положение

манипуляторов, замер в ожидании следующего пациента. Операционный стол начал подниматься. Рядом синхронно поднимались ещё два стола. За стеклянной перегородкой хлопнула дверь. Прибыла очередная партия штрафников.

— Раздевайтесь до нижнего белья, — послышался из-за стекла голос доктора.

Стол встал вертикально. Захваты разомкнулись. Прооперированные пошлёпали обутыми в одноразовые больничные тапочки ногами к своей одежде.

— Теперь в казарму. До утра — постельный режим. Могут быть головные боли, лёгкое головокружение, и странные сны ночью, — создавалось впечатление, что эти слова говорит не человек, а автомат. Произнесённая фраза не отличалась от той, которой медик напутствовал предыдущую партию прооперированных, ни на букву.

Про ужин никто из тройки спрашивать не стал — уже слышали, поэтому штрафники просто попрощались с капитаном, и покинули санчасть.

Кто не служил в армии, тот никогда не поймёт, какое это счастье — валяться в своей койке, когда до отбоя ещё три часа, и быть при этом уверенным, что тебя оттуда никто не выдернет аж до утра. Егор со всем возможным старанием предавался ничегонеделанью, лёжа на "втором этаже" своей кровати. Он понимал, что такой подарок судьба ему вряд ли скоро подкинет ещё раз. Казарма потихоньку заполнялась народом: группами по три подходили "модернизированные" штрафники, и тоже укладывались на кровати. Кто-то лежал молча, кто-то тихо переговаривался с соседями. В отделении Белецкого было тихо, пока в казарму не ввалился, как обычно, весёлый и неунывающий Карлаш. Не успев даже усесться на свою кровать, он сразу весело поздравил "неустрасимых укротителей диких зверей" с появлением подопечных.

— Халявщики! — громко вещал он, поглядывая на смущённых товарищей. — Это ж теперь вам и воевать не придётся. За вас всех врагов победят эти "совершенные боевые машины"!

— Я не халывщик, я партнёр, — вяло пытался отбиться Белецкий. Слышал, что начальство говорило? Что мы обрели партнёров. Или они нас... — с сомнением почесал подбородок Егор.

— По очереди... — рассмеялся Карлаш. Но вообще, я думаю, господину Левинзону вместо Боевой Рыси больше бы подошёл Боевой Медведь, — при этих словах остряк на всякий случай отодвинулся от "господина Левинзона".

— Боевой Медведь не пролезет в коммуникационные тоннели — резонно возразил здоровяк.

— Тогда — Боевые Ежи! — продолжал подтрунивать над товарищами избежавший их участи Сашка. Они маленькие, могут перекатываться, и, если что, отстреливать противника вольфрамовыми иглами.

— Какими иглами? — заинтересовался Белецкий.

— Вольфрамовыми, — повторил Карлаш.

— И откуда у ежей вольфрамовые иглы?

— Оттуда же, откуда в штрафбате Боевые Рыси. Кстати, интересно, а их-то за что в штрафбат?

— Интересно — пойдя спроси, — подал другу идею Егор.

— Ну, ты же у нас дрессировщик кошек. Вот и поинтересуешься при встрече.

— Во-первых, не дрессировщик, а... — Егор замялся. Ну, в общем — не дрессировщик. Во-вторых, не кошек, а рысей. А в третьих, сам слышал: ближайшая встреча на следующей

неделе. До неё ещё дожить надо, — возразил другу Егор, — Кстати: интересно, а почему такая задержка?

— Так у единственного на всю страну дрессировщика кошек гастроли, — снова съязвил Карлаш. Как закончатся, он сразу сюда — делиться опытом.

— Иди ты. Я серьёзно, — надулся Егор.

— Так откуда ж я знаю? — изумился балагур. И вообще: относись к ситуации с юмором. Нельзя быть таким серьёзным.

— Я думаю, рыси уже дрессированные, — подал голос со своей койки барон. Просто вас научат командам, с помощью которых этими милыми зверушками можно управлять. За две недели выдрессировать взрослую рысь с нуля невозможно. Барон помолчал немного, и добавил: хотя, у меня большие сомнения в эффективности применения этих бедных животных в качестве контрабордажников. Лучше бы боевых роботов добавили...

— Начальству виднее, — философски вздохнул Левинзон.

Егор хотел ответить, но его отвлекла появившаяся пиктограмма "входящее сообщение". Судя по тому, что взгляды остальных собеседников на мгновение стали отсутствующими, сообщение пришло всем одновременно.

— К нам идет комвзвода, — Карлаш прочитал сообщение первым.

— И просит не вставать при его появлении, — добавил Егор. Какая забота...

— Вспомни начальство, оно и появится, — пробурчал Левинзон. Отдохнуть спокойно не дадут.

— Ладно, завершая тему рысей: — вполголоса проговорил Карлаш. — Не понимаю, чего вы так на этих милых кошечек взъелись? Такие лапули... И кисточки на ушках... А вы... Глядя на вас, я понимаю, почему учебка штрафбата расположена на летающем острове. Чтобы избранники рысей не удрали от своих любимых партнёров.

— Не только поэтому, — вмешался в беседу подошедший старший лейтенант, у которого оказался на диво хороший слух. Или неплохой направленный микрофон... — Тут вопрос не столько в том, чтобы вы отсюда не ушли, сколько в том, чтобы к вам никто не нагрязнул. Сюда ведь за разные преступления попадают... На некоторых штрафниках по десятку-два жизней висит. И желающих отомстить хватает. А на Летающий Остров "мстителем" пробраться труднее...

— Как самочувствие, бойцы? — поинтересовался комвзвода у лежащих штрафников.

— Нормально..., Вполне... Хорошо..., — послышался в ответ нестройный хор голосов.

— Это хорошо, что хорошо — довольно улыбнулся Кособоков, — Голова не болит? Головокружения нет?

У двух бойцов оказались легкие головные боли, а ещё у трех — лёгкое головокружение.

— Если станет хуже — не терпите: вызывайте медиков, — приказал старлей.

— А зачем нужна перестройка Внутренней Сети? — поинтересовался Карлаш. — По спецификациям, она может работать со всеми имеющимися типами вооружений.

"А где "Разрешите обратиться!""", — подумал Белецкий. "Сдаётся мне, что сейчас кто-то нарвётся...".

Но старший лейтенант не оправдал его ожиданий. Не став делать замечание обратившемуся не по Уставу бойцу, командир взвода усмехнулся, и ответил:

— Наука не стоит на месте. Разрабатывается новое оружие, внедряются новые методики его применения. Для этого стандартной конфигурации Внутренней Сети уже не хватает.

— А почему нам в помощники определили именно рысей? — осмелев, задал свой

вопрос Белецкий, — по-моему, логичней было бы обезьян. Или собак, на худой конец. — И что это за странная Церемония? Зачем она нужна? Построили бы взвод отдельно, и пусть рыси выбирают, кого хотят...

— Почему именно рыси — Страшная Военная Тайна, — сделав большие глаза, ответил Кособоков, — Даже я не знаю. Но, наверное, какой-то смысл в этом есть. Кстати, о смысле: На следующей неделе третий взвод заканчивает наземный этап обучения и отбывает в космос, — старлей показал глазами на потолок. Им на смену придут новые люди. И они тоже будут проходить эту Церемонию. Вы, конечно, будете присутствовать. Тогда, надеюсь, и поймёте, в чём смысл... Ещё вопросы есть? — обратился комвзвода к подчинённым.

— А как отсюда можно связаться с родными? — послышался голос из дальнего угла казармы.

— Почти никак, — отрезал командир. Есть одна возможность... Очень маленькая. О ней вы узнаете завтра. Да, о связи: рядовые Белецкий и Карлаш: командир батальона получил рапорт о вашем весьма достойном поведении при аварии аэрокосмического модуля. Было принято решение о вашем поощрении. Связаться с родными мы вам разрешить не можем, но "Жив-здоровы" отправить разрешено.

Егор обрадовался. "Жив-Здоровом" называлось сообщение, содержащее дату записи и основные физиологические параметры отправителя, подтверждающие, что он жив и здоров, и заверенное его личной электронной подписью, которое военнослужащим разрешалось отправлять домой, если они по соображениям секретности не могли прибегнуть ни к какому другому способу связи.

Получив его, родные могли быть уверены, что с отправителем всё в порядке. Пожалуй, "Жив-здоров" был сейчас для друзей лучшим выходом. Можно было отсрочить объяснения с родными по поводу попадания в штрафбат, и в то же время успокоить их сообщением о том, что с Егором и Александром всё в порядке.

Друзья тут же сформировали стандартные "Жив-здоровы", и, по совету командира взвода, скинули их на почтовый сервер роты, откуда они должны были быть переправлены адресатам через анонимайзер.

Поскольку больше вопросов к командиру ни у кого не было, он удалился, оставив подчинённых набираться сил, "которые", — добавил он с загадочной улыбкой, — "завтра всем очень понадобятся".

Ужин, как и было обещано, был доставлен прямо в казарму. Универсальные погрузочно-транспортные автоматы притащили пакеты с пищей, на каждом из которых стояла метка, указывающая, для кого именно он предназначен, подождали, пока люди закончат трапезу, и удалились, унося с собой разорванные пакеты и использованную посуду. Почти сразу после ужина в казарму ввалились штрафники, не являвшиеся потомственными дворянами. У них не было имплантов, а значит, и модернизировать им было нечего. Замена клипсы на ухе много времени не занимала, поэтому, пока потомственные дворяне расслаблялись после операции в своих постелях, дворяне непотомственные (каковых набралась примерно треть от общего количества) в это время усиленно потели на тренажёрах. Так что сил возмущаться у них не осталось. Как и вчера, и они просто попадали на койки. Не расстилая их, естественно. Ведь официально лежать в постелях было разрешено только "модернизированным".

После отправки "Жива-здоровая" Карлаш перестал шутить, и впал в расслабленно-созерцательное настроение. Какое-то время он лежал, молча уставившись невидящим

взглядом в нависшую над ним сетку верхнего яруса кровати, а потом вздохнул:

— Мои сейчас тоже на летающем острове... В круизе по южным морям. Солнце, море, тепло, девочки в купальниках... — Сашка ещё раз вздохнул, — Родители каждый год в это время ездят на юга...

— Да... — улыбнувшись, прогудел со своей койки Левинзон... Я бы не отказался поменять этот Остров на тот...

— А я на Острове путешествовал всего один раз, — признался Егор, тоже глядя в потолок. Вместе с классом, когда учился в гимназии. Хорошее было время... — Егор улыбнулся.

— Ну да, параллельный женский класс, наверное, вместе с вашим отправили? — подколот друга Сашка.

— Нет, я учился в мужской гимназии, — ответил Егор, — Хотя женский класс из другой школы с нами на Острове был. Перезнакомились с девчонками... А в основном мы с семьёй ходим по морю на своей яхте. Отцу не нравятся Летающие Острова. Говорит, романтику моря можно почувствовать только на корабле. Помню, попали мы в шторм... — Егор, прикрыв глаза, передёрнул плечами. Ох тогда романтики и нахватались...

— Не повезло тебе с гимназией, — посочувствовал другу Карлаш. У нас гимназия была смешанная. Девочки рядом были, только в параллельных классах. Мы их на переменах видели, в гости ходили. Говорят, где-то есть даже смешанные классы. Представляешь — девчонки постоянно рядом! — Сашка мечтательно прикрыл в глаза.

— Извините, что вмешиваюсь в вашу беседу, господа, — вклинился в разговор со своей койки барон, — но в смешанных классах нет ничего хорошего. По статистике самый большой процент разводов, и вообще, аморального поведения, именно среди выпускников таких классов. Слава Богу, что их у нас почти нет.

У друзей было своё мнение о смешанных классах. Ничего страшного они в совместном обучении не видели, а какая-то там статистика, по их мнению, вполне могла и ошибаться. Однако спорить с бароном они не стали, тем более, что за этими разговорами не заметили, как прозвучала команда "Отбой". Надо было засыпать и набираться сил для предстоящего им завтра какого-то очередного то ли испытания, то ли, по мнению Карлаша, издевательства. Минут через пятнадцать все заснули. "Интересно, а обещанный странный сон будет?" — подумал Егор, погружаясь в дремоту...

Странный сон приснился, как и было обещано. Егору приснилось, что он — гигантский червяк, висящий в космической пустоте. Раньше Егору снились разные сны. Весёлые и грустные, эротические и кошмарные. Но всегда во сне он находился в своём теле. А тут — червяк... И зачем-то ему очень надо было попасть в одну из густо натканных по чёрному небосводу светящихся точек. Хотя бы ещё эта точка была самая яркая, так нет — наоборот, она была почти незаметной. Как до этой точки было добираться, Егор себе представлял не вполне... Точнее, совсем не представлял. Он попробовал подвигать телом, поизвиваться. Тело слушалось, но оч-ч-чень заторможено. Такое с Егором иногда происходило в кошмарах, когда он убегал от преследования, или очень торопился куда-то. Но ноги с трудом отрывались от земли, и ме-е-едленно делали один маленький шагок за другим. А тут и ног не было. Поизвивавшись немного (причём это у него получалось всё лучше и лучше), Егор плюнул на это дело и проснулся. Каким-то образом во сне он осознавал, что это всего лишь сон, и покинуть его можно в любой момент. Проснувшись, Егор полежал немного в темноте, размышляя на тему "Приснится же такое!", и снова заснул. На этот раз ему ничего не

снилось.

Этой ночью сон штрафников не был побеспокоен даже явлением Шелехова. То ли у прапорщика не было повода, то ли желаниа (в чём Егор сомневался), то ли начальство запретило. По крайней мере на эту ночь.

Так что утром бойцы второго взвода проснулись бодрыми и свежими. Побочные эффекты вчерашней операции прошли даже у тех, у кого они были, от разрезов под регенерационными пластырями остались только тонкие розовые шрамы. В общем, жизнь налаживалась. После утренней пробежки и завтрака, штрафники, как обычно, на построении в казарме получили от командира взвода план подготовки на сегодняшний день. Неизвестно, как другие, а Белецкий горел нетерпением узнать, на что же намекал вчера командир, когда предупреждал, что силы его подопечным сегодня очень понадобятся.

Открыв файл с планом, он глянул на первый пункт сегодняшней программы...

Оглянувшись по сторонам, Егор убедился, что остальные испытывают такое же удивление, как и он. Первым пунктом оказался
ФЕХТОВАЛЬНЫЙ ТУРНИР.

По локалке с Егором связался Карлаш: "Я не понял, это штрафбат, или церемониальная рота лейб-гвардии????!! Церемония Представления, Церемония Выбора, Фехтовальный Турнир... Ни дня без какой-нибудь церемонии".

Между тем комвзвода, предупреждая неизбежные вопросы, дал пояснения:

— Фехтовальный турнир проводится раз в неделю. Помните, я вчера говорил про небольшой шанс связаться с родными? Вот это он и есть. Приз для победителя — право на сеанс связи с родственниками или друзьями.

Во взводе обрадовано загалдели. Почти каждый уже представлял себя в роли победителя.

Карлаш опять вставил свои пять копеек: "Интересно, чем фехтовать будем? Теми непонятными дубинками, что таскаем за спиной?"

Взводный переждал, пока гул уляжется, и продолжил:

— Турнир виртуальный. Проводится в тренажерном зале. Но на этом основании относиться к нему легкомысленно не советую. А теперь вперед, к победе".

"А победа-то достанется только одному", — подумал Егор, спускаясь по лестнице казармы, — "причём не обязательно самому сильному. Связь с домом нужна не всем, и те, кому она до лампочки, выкладываясь в полную силу не будут. Так что реально самого сильного фехтовальщика с помощью этого турнира определить невозможно. Из чего следует, что мероприятие организовано просто для поднятия духа бойцов и развлечения начальства. Лучше бы это время потратили на учёбу".

В тренажёрном зале царило оживление. Штрафники занимали места в своих скафандрах, и сразу начинали разминаться. Поодаль у стены о чём-то оживлённо спорили два старлея и капитан — инструктор. "Наверное, делают ставки", — шепнул Белецкому Карлаш.

Старший лейтенант Кособоков построил своих бойцов у закрепленных за ними скафандров, и направился к этой троице. Там он и остался, включившись в оживленную беседу с командирами двух остальных взводов. Вместо него ко второму взводу подошёл капитан Сеницын.

После стандартного приветствия он огласил вводную:

— Как вы уже знаете, сейчас вам предстоит участвовать в фехтовальном турнире. Что

предлагается в качестве Главного Приза, вы уже знаете. Собственно, этих призов будет три. Потому что рота будет разделена на три группы. Третья группа — ваш взвод. Третья, потому что уровень владения шпагой у вас самый низкий во всей роте, что бы там не воображали о себе некоторые... Вторая группа — основная. В неё входят бойцы, уже прошедшие какую-никакую подготовку. И, наконец, первая группа, — в неё сейчас входят всего восемь человек — это те, кто достигли в этой подготовке больших успехов, чем остальные. Желаю вам когда-нибудь в неё попасть. От уровня вашей фехтовальной и рукопашной подготовки будут зависеть ваши жизни. Потому что другого оружия, кроме шпаг, у вас не будет.

Эта новость привела слушателей в состояние, близкое к прострации. Инструктор полюбовался произведенным эффектом, и продолжил:

— Особенностью "Змеежей" — транспортников, на которых вы будете служить, является гибкая конструкция корпуса. Это вызвало необходимость в широком использовании силовых полей — иначе корабль просто развалился бы на части в полете. Транспортник не конструировался, как военная машина, поэтому внутренние коммуникации и силовые генераторы защищены только снаружи — противометеорным полем. Довольно мощным, надо сказать... А вот изнутри они не защищены ничем. Поэтому любой выстрел из кинетического или энергетического оружия внутри "Змеежа" может привести к непредсказуемой деформации силового поля, самыми лёгкими последствиями которой будет смятие в лепёшку тех, кто находится в зоне деформации, а самыми неприятными — многовекторный пиковый всплеск силового поля, который разнесёт на своём пути всё, включая сам транспортник и пристыкованные к нему лихтеры. Эдакая мегабомба... Такое случилось... Раньше. Сейчас ни мы, ни противник, не применяем внутри "Змеежей" никакого другого оружия, кроме силовых шпаг, и, с определёнными оговорками — дыроколов и лёгких рейлганов с регулируемым импульсом выстрела. По крайней мере, на этапе абордажа. Это не значит, что вы будете отбиваться от врага голыми руками. Но обучение фехтованию, как и рукопашная подготовка, входят в курс вашего обучения. И то, и другое умения понадобятся вам в последнюю очередь. Я имею ввиду — после того, как вы примените знания, полученные вами по остальным учебным дисциплинам, — капитан ненадолго замолчал, и обвёл всех суровым взглядом, — Но, если, а точнее, когда они вам понадобятся... Это будет означать, что кроме них, вас уже ничто спасти не может.

Ошарашенные штрафники подавленно молчали. Егор, как и все остальные, тоже, честно говоря, рассчитывал, что схватка с вражескими абордажниками будет проходить далеко не на "зубочистках". Вообще, в свете последних событий ему всё больше казалось, что он попал не в штрафбат, а в дурдом... То какие-то Боевые Рыси, то война на шпагах... Ещё копья и дубинки бы выдали.

Капитан не дал бойцам долго предаваться унынию и растерянности, скомандовав "По тренажерам!". Егор, как и все, быстро занял своё место, и приготовился к началу схватки. Пока только морально — ибо никакого оружия, он, естественно, не получил. Для виртуального поединка оно не нужно. В это время в ушах снова зазвучал голос инструктора. Он обращался ко всем на общем канале:

— И ещё одно. Помните: Поединок виртуальный, но если вы позволите сопернику проткнуть себя — боль будет вполне реальной. Не забывайте об этом.

Голос инструктора затих, и перед глазами Егора загорелась надпись:
"ПЕРВЫЙ ТУР".

Изображение тренажерного зала начало терять фокусировку....

... Первое, что увидел Белецкий, когда окружающее обрело резкость — это застывший в двадцати шагах противник, облаченный в скафандр средней защиты, и сжимающий в правой руке рукоять силовой шпаги, а в левой — силовой пехотный щит. Егор по лётной привычке моментально, не крутя головой, окинул взглядом окрестности. Вокруг, куда не кинь взгляд, простиралась бесконечная ровная как стол плоскость матово-серого цвета. Точно такая же плоскость нависла над головой, причём непонятно, насколько высоко — штатный дальномер скафа исправно показывал расстояние до соперника, но наотрез отказывался определять расстояние до висящей над головой плоскости. "Может, это иллюзия?", подумал Белецкий, и, на всякий случай, протянул верх руку. Краем глаза он заметил, как его соперник, до того вертевший головой во все стороны, что говорило об отсутствии у него встроенных имплантов, пошёл ещё дальше, и, вытянув руку вверх, слегка подпрыгнул. Эти попытки определить высоту местного "неба" не принесли успеха ни одной, ни другой стороне. Но, по крайней мере, становилось ясно, что можно было прыгать, не боясь удариться головой об верхнюю плоскость. Судя по всему, плоскости всё же не были бесконечными. Где-то далеко-далеко они заканчивались, и там в просвете между ними по всему периметру клубились ярко-алые клубы то ли дыма, то ли пара, в которых время от времени то что-то вспыхивало, то проскакивали ветвистые молнии. В общем, местечко, куда закинуло поединщиков, оставляло мрачное и гнетущее впечатление. "Постановщики эффектов, создавшие эту местность, ели свой хлеб не даром" — подумал Егор.

Долго рассматривать окрестности Белецкий не стал, решив использовать оставшееся до начала поединка время, чтобы ознакомиться со щитом, так же, как и у соперника, висевшим у него на левой руке. Традиционно дворянские дуэли проводились без щитов, и сейчас Егору надо было срочно обучиться владеть этим средством защиты хотя бы в первом приближении. В файле с инструкцией, приложенном к щиту, были кратко описаны основные приёмы его применения. Там же указывалось, что точка наибольшей плотности силового поля может перемещаться по поверхности щита в автоматическом и ручном режиме. Белецкий немного погонял эту точку, на деле оказавшуюся небольшим пятном, туда-сюда, и переключил щит в автоматический режим: надеяться на то, что за несколько минут неподготовленный человек превзойдёт встроенную автоматику, было бы глупо. Напротив Егора такие же манипуляции со своим щитом проделывал соперник. Егор, глядя, как по розовой прозрачной розовой плёнке "вражеского" щита бежит красное пятно, с удовлетворением подумал, что, соперник, судя по всему, тоже держит щит первый раз. "Удачно сложилось...такой же неумеха в обращении со щитом, как и я. Против профессионального пехотинца шансов было бы меньше". Не то, чтобы пехотинцы фехтовали со щитом в совершенстве — современная война была по большей части бесконтактной, и основной упор в обучении бойцов делался именно на бесконтактные виды боя, но основные азы рукопашки с применением личного силового оружия пехотинцам всё же давали, в отличие от пилотов.

Наконец прозвучал долгожданный сигнал к началу схватки. Тут же "зажглись" клинки силовых шпаг, и соперники закружились по серой поверхности, постепенно сокращая дистанцию. Атаковать первым никто не торопился. Щиты обоим явно больше мешали, чем помогали. Техника фехтования со щитом довольно сильно отличается от техники фехтования без него. Так что наработанные рефлексy пришлось отбросить в сторону. Точнее, попытаться отбросить. Рефлексy на то и рефлексy, чтобы срабатывать на уровне подсознания. И так вот запросто "отключить" их ещё никому не удавалось.

Первым не выдержали нервы у соперника Егора. Он резко сократил дистанцию, и нанёс

удар, подсмотренный, судя по всему, в инструкции к щиту. Белецкий автоматически уклонился от стремительно мелькнувшего алого клинка, и попытался провести контрудар. Если бы у соперника не было щита, дуэль на этом бы и закончилась. Но щит был, и, как бы безграмотно он в данный момент не применялся, своего владельца он уберёт. Зелёный клинок бессильно соскользнул по силовому полю, вместо того, чтобы проткнуть бок противника. Соперники одновременно отпрыгнули друг от друга, и вновь принялись нарезать круги.

Вторым попробовал атаковать Егор. С тем же успехом. Так поединок и продолжался. Бойцы в основном держали дистанцию, и лишь изредка сближались, чтобы обменяться ударами.

Между тем Белецкий, привыкший краем глаза следить за окружающей обстановкой, начал замечать, что с "небом" что-то происходит. Оно темнело прямо на глазах. И вспышки в далёком алом тумане стали чаще и ярче. Только с плоскостью под ногами ничего не происходило. Потемнение неба могло означать что угодно: от просто эффекта для отвлечения внимания, до симптомов глобального катаклизма в этом мире. Поскольку о точных последствиях этого явления Егору ничего известно не было, он принял за основную версию первый вариант. Но за небом всё равно следил — благо, неспешный темп поединка это позволял.

Внезапно "небо" стало абсолютно чёрным. "Сейчас что-то будет" — подумал Белецкий. И он не ошибся. Единственное, чего он не мог предугадать, что это "что-то" окажется сильнейшим ударом по голове, просто впечатавшим его в землю. В падении он успел заметить, как в опасной близости блеснул клинок соперника. Упав, Егор перекатился в сторону, и попытался вскочить. Попытка закончилась ещё одним ударом головой о "небесную твердь", которая, как оказалось, находилась теперь на высоте не более метра.

"И небо обрушилось на землю...", — пробормотал Егор, встав на четвереньки, "положив" перед собой щит, и высунув над ним шпагу остриём сторону соперника. Отменять поединок "ввиду неблагоприятных погодных условий" никто, похоже, не собирался, так что надо было думать, как его теперь вести в столь резко изменившейся обстановке.

Соперник, тоже ошарашенный произошедшим, воспроизвёл позицию Белецкого, и бойцы на какое-то время замерли, пытаясь придумать, что делать дальше. Между тем "небо" над их головами постепенно светлело, возвращаясь к исходному оттенку серого. Это навело Егора на показавшуюся ему интересной мысль. Чтобы проверить своё предположение, он поднял вверх руку со шпагой. Предположение подтвердилось: "небесная твердь" поднималась, и уже позволяла стоять, пригнувшись. Решив использовать свое открытие, пока соперник не очухался, Егор резко вскочил, и попробовал нанести удар справа-сверху. Ничего не вышло: соперник, прикрываясь щитом, тоже вскочил на ноги, и отпрыгнул в сторону. "Танец" со шпагами продолжался. Теперь обмены ударами следовали ещё реже, так как оба бойца постоянно настороженно поглядывали вверх.

Но "небо" пока оставалось неизменным. На этот раз темнеть начала поверхность под ногами. "Головы бы пооткручивал тем, кто придумал эту виртуалку", — подумал Егор, одновременно лихорадочно размышляя на тему, чем надвигающаяся пакость будет отличаться от предыдущей, и можно ли это отличие как-то использовать. По всему выходило, что можно... Шансы на успех были не очень велики, но попробовать стоило.

Поэтому, когда поверхность под ногами налилась тьмой под завязку, Егор симитировал паническое приседание, и когда его соперник, полностью согласившийся с оценкой

соперником ситуации, купился на уловку и повторил его движение по-настоящему, на секунду раскрывшись, Белецкий вложил все силы в решающий удар. Получилось! Раздался полный боли крик соперника ("Ничего себе!" — удивился Егор. "А весь поединок радиосвязи не было"). И тут же вздыбившийся под ногами пол подбросил торжествующего победителя вверх, где его уже пострадавшую сегодня голову с нетерпением ожидала верхняя плоскость. Свет померк в глазах Белецкого...

Когда способность различать окружающие предметы вновь вернулась к Егору, первым, что он увидел, была висящая прямо перед глазами надпись большими красными буквами: "ВЫ ПОБЕДИЛИ!". За надписью проглядывался тренажерный зал с, как обычно дёргающимися, словно в пляске Святого Витта, скафандрами. Надпись висела недолго. Через несколько секунд она погасла, и вместо неё высветилась другая:

"ВТОРОЙ ТУР".

"Хоть бы отдохнуть дали, сволочи", — ругнулся про себя Белецкий при виде уже знакомого пейзажа — бутерброда из двух серых плоскостей с начинкой в виде двух человек в скафандрах. Новый соперник отличался от предыдущего только ростом. Но, к рогам изменившегося роста соперника, были в окружающей обстановке и другие отличия в лице двух паукообразных роботов, застывших между бойцами. Один из них находился ближе к Егору, а второй, соответственно, ближе к его сопернику.

Монотонный женский голос, зазвучавший в ушах Егора, сообщил, что это абордажный робот-арахноид противника модели "Каракурт-Б1". Перед глазами высветилась табличка с ТТХ девайса: оказалось робот может бегать со скоростью до ста двадцати километров в час ("пауки" тут же сорвались с места, и мгновенно рванули один направо, другой налево. Пробежав метров двести, ни остановились, и с той же скоростью вернулись обратно), прыгать на высоту до трёх с половиной метров (роботы резво подскочили на указанную высоту, и приземлились, амортизовав на своих шести "лапах"), висеть на потолке (верхняя плоскость потемнела. Оба бойца невольно втянули голову в плечи. Но после того, как "Каракурты", подпрыгнув, повисели немного на "потолке" и снова соскочили вниз, "небо" снова окрасилось в "нормальный" серый цвет). Кроме того, оказалось, что "Каракурты" могут перекачываться ("Пауки", согнув хитрым образом лапы, образовали вокруг своих тел некое подобие шарообразных каркасов, и немного покатались по "полу"). После того, как роботы вернулись на исходные позиции, голос всё так же безразлично добавил, что "Каракурты" могут нести на себе различное вооружение, например, аналог имперских офицерских шпаг (Пауки синхронно потянулись правыми передними лапами к закреплённым на спине рукояткам, и вот уже перед обоими "засветилось" по силовому клинку. Причём клинок того "Каракурта", что был ближе к Егору, засветился зелёным, а того, что поближе к сопернику — красным. С минуту роботы демонстрировали свои фехтовальные возможности. Оказалось, они одинаково хорошо владеют шпагой, независимо от того, в каком манипуляторе она находится: хоть в правой передней, хоть в левой задней. С учётом прыгучести и подвижности "Каракуртов", это делало их довольно опасными противниками).

Закончив демонстрацию, роботы подошли поближе каждый к своему хозяину (или, точнее, союзнику, ибо хозяева потому и называются хозяевами, что обладают возможностью отдавать приказы, а ни Егор, ни, похоже, его соперник, не имели с роботами даже связи). Егор смотрел только на "своего" робота. Тот замер, повернувшись к нему "передом" (или "задом". Задняя и передняя части робота были практически неразличимы). Несколько

участков на корпусе механизма засветились красным. "Уязвимые точки" — прокомментировал голос. "Каракурт" покрутился перед Егором, демонстрируя себя со всех сторон, даже встал на задние манипуляторы, а затем упал на спину.

Закончив демонстрацию, роботы отошли от людей метров на десять в сторону, и без всякого предупреждения кинулись друг на друга. Замелькали, непрерывно меняя конфигурации, разноцветные клинки, то вспыхивали, то снова гасли щиты. Егор отметил про себя, что уязвимые точки не погасли. Тактик скафа продолжал их показывать.

Наконец сигнал начать схватку получили и люди. Поначалу поединок не слишком отличался от предыдущего. Разве что, бойцам теперь приходилось отвлекаться не только на серые плоскости, но и на дерущихся рядом роботов. Однако, поскольку те не обращали на людей ни малейшего внимания, бойцы постепенно перестали на них отвлекаться, и сосредоточились друг на друге. Схватка шла ни шатко, ни валко: соперники не успели восстановить силы после предыдущего поединка, да и навыков в обращении со щитом за такое короткое время у них не сильно прибавилось. Гораздо активнее вели себя роботы, но и там успеха пока не удалось добиться ни одной из сторон.

Тем временем "небо" начало менять цвет. На этот раз оно, наверное для разнообразия, стало не темнеть, а светлеть. Соперникам оставалось только гадать, что бы это значило, но на всякий случай, когда плоскость над их головами вдруг вспыхнула ослепительно ярким светом, оба отскочили друг от друга, пригнулись и сгруппировались. Сжавшись, Белецкий приготовился в очередной за сегодня раз получить по голове. И он не обманулся в своих ожиданиях. Одновременно со вспышкой изменился вектор тяжести, и оба соперника грохнулись на внезапно ставшее "землей" тут же снова посеревшее "небо". Если бы не скафандры и предварительная группировка, тяжёлых травм было бы не избежать. Пока люди приходили в себя, упавшие рядом роботы как ни в чём ни бывало продолжили бой. Егор, глядя на мельтешение их клинков, задумался, а что же будет, когда один из роботов победит другого?

Наиболее очевидный ответ на этот вопрос лежал на поверхности, но проверить его можно было только эмпирическим путём. Белецкий решил рискнуть, и, поднявшись на ноги, ринулся не в сторону опешившего соперника, а в сторону схватки роботов. Уязвимые точки вражеской машины всё так же мелькали перед глазами, и Егор, улучив момент, не замедлил всадить клинок в одну из них. Внутри "Каракурта" сто-то затрещало, вспыхнуло, от корпуса повалил дымок. Робот пару раз дёрнулся и затих, всё медленнее скребя лапами—манипуляторами. Клинок его шпаги погас, а рукоять выпала из захвата, и покатилась в сторону.

"Свой" робот, не теряя времени, тут же переключился на соперника Белецкого. Егор поспешил к нему присоединиться. Вдвоём они быстро проббили оборону одинокого бойца. Вторая за день победа была одержана.

И почти сразу же начался третий тур. Егор и его очередной соперник вновь очутились в уже ставшем привычным "бутерброде" в компании уже знакомых роботов. Белецкий даже немного разочаровался: он думал, что в очередном туре роботов будет больше. Долго разочаровываться закончившейся у организаторов турнира фантазией ему не пришлось: "Каракурты", вместо того, чтобы выяснять отношения между собой, бросились на людей.

Фактически, бой закончился, не начавшись. Люди, не ожидавшие от роботов такого "финта ушами", позорно проворонили нападение и получили по хорошему удару шпагой каждый. Белецкому не повезло. Он пропустил удар раньше, чем его соперник. Тело пронзила

невыносимая боль. "Да что ж вы делаете, садисты?!", — чуть не заорал Егор, выпадая в реальность. Перед глазами сквозь внезапно выступившие слёзы проступила размытая надпись "ВЫ ПРОИГРАЛИ!". Егор закашлявшись, согнулся, и инстинктивно приложил руки к больному месту.

— А никто не обещал, что будет легко, — послышался откуда-то сбоку насмешливый голос инструктора, — Отдышись пока. Из скафа не вылезай. Вот тебе сетевой адрес трансляции, — перед Егором возникла пиктограмма, — Рекомендую посмотреть.

Инструктор двинулся к другому замершему тренажерному скафу, оставив Белецкого зализывать раны. Скаф Егора и не думал делать обезболивающую инъекцию, так что приходилось ждать, пока боль пройдёт сама. Хорошо хоть рана, по данным системы меддиагностики скафа, оказалась ненастоящей. Боль постепенно проходила. Но уж как-то слишком постепенно. К такому Егор не привык. Обычно медицинская автоматика скафа гасила болевые ощущения практически мгновенно. Даже когда Белецкий получил тяжелейшую рану в дуэли с фон Ливеном, и то было не так больно.

Поразмыслив, Егор смог по достоинству оценить "придумку" местных организаторов учебного процесса. Старый армейский принцип: "Не можешь — научим, не хочешь — заставим" предстал тут во всей красе. Прежив подобную боль, каждый будет стараться изо всех сил если не для того, чтобы победить и получить морковку в виде сеанса связи с родными, то хотя бы для того, чтобы не получить стимул к обучению в виде мощнейшего болевого удара. Белецкий криво улыбнулся, вспомнив случайно услышанное где-то первоначальное значение слова "стимул" — "острая палка, которой подгоняют ослов". Действительно: ослы, угодившие в штрафбат, в наличии — так почему бы их не "простимулировать"? В строевых частях, и даже в гражданских тюрьмах такой номер не прошёл бы, но штрафной батальон — это отдельное государство со своими законами. Сюда правозащитники не ходят...

Егор вздохнул, и переключился на трансляцию поединков. Переключаясь между боями, он заметил, что схватки новичков не транслировались. Егор вспомнил два проведенных им только что боя, и горячо одобрил такое решение: Действительно, смотреть на это можно было только для того, чтобы посмеяться, или чтобы увидеть, как не надо фехтовать. Егор вообще начал подозревать, что участие новичков в турнире нужно только для того, чтобы проэкзаменовать их на предмет наличия базовых навыков фехтования. По крайней мере, то, что он сейчас видел, разительно отличалось от того, что только что было продемонстрировано им самим.

Поединки велись не в "бутерброде", как у новичков, а на примерно пятнадцатиметровом отрезке не очень широкого чёрного тоннеля, у которого и стены, и пол, и потолок словно бились в конвульсиях, то сжимаясь, то вновь расходясь. Причём эти движения чередовались без какой-либо видимой закономерности. То тут, то там постоянно сверкали вспышки, сыпались искры, что-то отваливалось, норовя при этом угодить по бойцам. Изменения коснулись и "состава команд": за каждого участника здесь играло не по одному, а по три робота — с виду таких же, как те, с которыми Егор уже успел познакомиться, но двигающихся гораздо резвее. Они не закликивались на противостоянии какому-то одному противнику, а постоянно меняли приоритеты: могли нападать на одного из своих собратьев-роботов, потом на другого, а через пару секунд переключиться на человека. При этом они активно перемещались, в том числе по стенам и потолку. Егор понял, что если бы оказался сейчас в такой ситуации, то не продержался бы и минуты. А поединщики фехтовали не то,

что бы без видимых усилий, но вполне уверенно. Конечно, это был уже не первый тур — самые слабые отсеялись, но всё же...

И группа, между прочим, была лишь вторая... Чего же надо было ожидать от бойцов, входящих в первую? Которая, кстати, к поединкам ещё не приступала. Они должны были начаться только после завершения поединков в третьей и второй группах. Наверное, это было сделано для того, чтобы отмучавшиеся участники второй и третьей групп не просто отдыхали после боёв, а одновременно учились на примере поединков лучших фехтовальщиков.

Бои во второй и третьей группе закончились довольно быстро. Среди новичков победителем оказался барон фон Стиглиц, каковой факт Белецкого чрезвычайно обрадовал. Порою бывает просто удивительно, насколько быстро многие, попадая на правах "винтика" в чужой коллектив, начинают считать его "своим", и гордиться успехами людей, о существовании которых три дня назад не имели ни малейшего представления. Особенно, если учесть, что на первое впечатление от барона у Белецкого было не очень благоприятное.

Перед началом поединков первой группы был сделан небольшой перерыв, чтобы последние победители в группах смогли отдышаться, а последние побеждённые — немного отойти от дикой боли. Очевидно, организаторы турнира посчитали, что десяти минут и для того, и для другого вполне достаточно, так как сигнал, возвещающий о продолжении турнира, прозвучал именно через указанный промежуток времени.

Егор наугад, не глядя на рейтинговую таблицу, выбрал одну из пар, и был поражён ещё раз:

Сами поединки проводились всё в том же уже знакомом мрачном неприветливом постоянно изменяющем конфигурацию участке тоннеля. Но смотрелись они при этом совершенно по-другому: Во-первых — у каждого участника в подчинении было не три паукообразных робота, а целых десять, во-вторых — четыре из этих роботов были вооружены двумя шпагами, а не одной, а у одного робота в команде кроме шпаги имелся ещё и "дырокол". Изменилась и тактика ведения боя: соперники поначалу держались позади своих "Каракуртов", не вступая в схватку. Роботы рубились самостоятельно, причём стараясь при этом пробиться к человеку. Голос комментатора пояснил, что самостоятельность роботов только кажущаяся: на самом деле они находились под управлением людей, уворачивающихся чуть поодаль от агрессивных стенок тоннеля.

Когда количество роботов у одной из сторон сократилось до пяти (у второй стороны на этот момент оставалось ещё шесть "Каракуртов", хотя при этом было на одного "двухшпажного" робота меньше, и выбыл носитель "дырокола"), сошлись в поединке и фигуры в скафандрах. Чёрные пауки двигались ещё резвее, чем даже в поединках второй группы. Как, впрочем, и люди. За движениями сражающихся было трудно уследить. Вдобавок ко всему, как сообщил комментатор, поединок вёлся не до первого пропущенного удара, а до второго. Егор вспомнил свои ощущения после пропущенного удара, и передёрнул плечами... Как можно фехтовать, испытывая подобную боль, он не представлял. Но, оказывается, можно: у него на глазах пронзённый шпагой боец выбыл из поединка всего на несколько секунд. Пропустив удар шпагой, он отпрыгнул назад, выставив между собой и соперником заслон из роботов. Передышка стоила ему одного двухшпажного "Каракурта", но после короткого перерыва "раненый" боец смог вернуться в схватку. Закончившуюся в конечном итоге его победой.

Остальные поединки в первой группе, конечно, в чём-то отличались от первого

увиденного Егором, но не намного. Уровень участников был примерно одинаковым, и победа скорее была делом случая, а не заметного превосходства в искусстве фехтования. Так как народу в группе было немного, победитель определился довольно быстро. Согласно информации комментатора, он выиграл Главный Приз: десятиминутный сеанс видеосвязи. Победители во второй и третьей группах выиграла соответственно пятиминутный и трехминутный сеансы аудиосвязи.

Вроде бы на этом турнир должен был закончиться, но команды покинуть скафандры не было. Картинка перед Егором сменилась: теперь он видел тренажерный зал, а точнее, одну из дверей, ведущих в служебные помещения. Дверь распахнулась, и оттуда вышел человек в таком же скафандре, как и у всех в этом зале, только зачем-то полностью выкрашенном в чёрный цвет. Егор убрал на секунду картинку, и посмотрел в зал. Действительно: чёрная фигура подошла к одному из свободных подъёмников, и на её поясе сомкнулся захват. Егор вернулся обратно в трансляцию. Комментатор никак не объяснял происходящее, поэтому в надежде получить хоть какую-то информацию Белецкий переключился на общий канал, где сразу потонул в гуле возбужденных голосов. Из этого гула удавалось вычленишь лишь отдельные фразы, из которых Егор уяснил, что сейчас будет поединок между "Чёрным Фехтовальщиком" (надо понимать, той самой загадочной фигурой в черном скафандре), и победителем в первой группе. Кроме того, удалось понять, что штрафники делают ставки на исход предстоящего поединка. Этот факт очень удивил Белецкого, считавшего, что в штрафном батальоне азартные игры должны бы быть запрещены. Обратившись к справочной системе, он узнал, что так оно и есть — запрещены, за исключением одного случая — поединка с участием "Чёрного" — как штрафники сократили для себя длинное прозвище странного бойца. Кем являлся этот "Чёрный", — от справочной системы добиться не удалось.

Егор решил в тотализаторе пока не участвовать, хотя, как выяснилось, размер ставок был ограничен, и спустить все свои сбережения никому из штрафников не удалось бы при всём желании. Для начала следовало оценить возможности дерущихся, а попытать удачу можно было и в следующий раз, благо турнир был еженедельным.

Ещё сильнее Белецкий удивился, когда узнал, что ставки делаются исключительно на победу одного из участников — Чёрного. Вопрос был только в том, через какой промежуток времени эта победа наступит. По мнению игроков, противник Чёрного мог продержаться от сорока пяти секунд до пяти минут тридцати шести секунд. То есть всё походило на запланированное избиение победителя в первой группе. Такой подход руководства части Егора несколько озадачил: Зачем макать лицом в грязь лучшего фехтовальщика роты? Немного поразмыслив, Белецкий сам ответил на свой вопрос: во-первых, чтобы не зазнавался, во вторых, чтобы менее искусные в фехтовании или просто менее удачливые штрафники ему не завидовали, и наконец, просто чтобы бойцы расслабились после тяжёлых нагрузок... Или перед ними...

Когда перед глазами Егора появилась картинка, изображающая уже знакомый участок тоннеля, в котором замерли друг напротив друга два бойца, он резко изменил своё мнение о предстоящем "избиении": В команду, выступающую против Чёрного, кроме, собственно, победителя в первой группе, входило пять "Каракуртов". Причём трое из пауков держали в манипуляторах по две шпаги, а двое в дополнение к одному клинку были вооружены "дыроколами". Чёрный же был один. И даже без щита. Вместо него он сжимал в левой руке рукоять второй шпаги. Егор сильно засомневался, что один человек, каким бы он ни был

мастером, сможет противостоять настолько численно превосходящему противнику.

Как вскоре выяснилось, сомневался он совершенно напрасно. Как только прозвучал сигнал к началу схватки, вся паучья свора мгновенно бросилась на неподвижную чёрную фигуру. Однако на тот момент фигура уже не была неподвижной. Чёрный ловко уклонился от двух выстрелов из "дырокола", и встретил "Каракуртов" огненными росчерками своих клинков. Вокруг одинокой фигуры мгновенно образовалась куча-мала, разобрать что-либо в которой было весьма сложно. Соперник Чёрного поначалу даже не мог вступить в бой — только растерянно перемещался вокруг светящегося кокона из мелькающих клинков, пытаясь как-то подобраться к противнику. Ему это удалось только тогда, когда из общей свалки вылетели четыре тут же погасших шпаги, а вслед за ними — три паучьих тушки. Причём некоторые "Каракурты" отправились в полёт по частям. Но приближаться к "машине смерти", в которую превратился человек в чёрном скафандре, было неправильным решением. Чёрный буквально взорвался каскадом ударов, в результате чего все три оставшихся его соперника — два робота и один человек, разлетелись в разные стороны. Поединок закончился. Бегущие в левом нижнем углу обзора цифры остановились на 3:37.

Общий канал взорвался восторженными криками. "Действительно, есть чему восторгаться" — мысленно согласился Егор с общим мнением. "И есть возможность немного заработать", — добавил он про себя, узнав, что одному из штрафников удалось-таки угадать точную длительность поединка.

Кстати, а не нашли инструктор выступает в чёрном скафе? — заинтересовался Егор.

Проверить это предположение было очень просто — всего-то выйти на минутку из виртуалки, и поглядеть по сторонам на предмет местонахождения капитана Синицына. Сказано — сделано. Егор быстро окинул взглядом тренажерный зал, и обнаружил инструктора влезавшим в скаф. "Раз влезает, а не вылезает — значит не он" — логично рассудил Егор. Вернувшись на общий канал, Белецкий понял из обрывков фраз, что шоу ещё не закончено. Предстоял ещё один поединок — показательный. Между инструктором и Чёрным. Его ожидали с не меньшим интересом, хотя в этом случае ставки на чью-либо победу не принимались.

Перед началом поединка комментатор порекомендовал всем включить видеозапись. Егор заинтересовался: такого предложения не делали даже перед предыдущим боем. Значит, предстояло что-то действительно интересное.

Как выяснилось в ходе короткого поединка, если в нём и было что-либо интересное, то увидеть это можно было только в той самой видеозаписи. Причём прокрученной в сильно замедленном темпе. В реальном времени две замершие фигуры, сжимающие по шпаге в обеих руках, после сигнала к началу схватки внезапно смазались, и слились в одну светящуюся туманность, которая принялась беспорядочно кататься по тоннелю, временами забираясь чуть ли не на потолок. Внезапно непонятно откуда в дополнение к этой туманности на поле боя выпрыгнуло... что-то в количестве двух экземпляров, и тут же присоединилось к забаве. Экземпляры выглядели, как небольшого размера тёмные пятна неопределённой формы, время от времени ошетиливающиеся вспышками силовых клинков. Причём сколько этих клинков имелось в наличии у каждого пятна — было неясно. Но явно больше двух. Размытые тёмные пятна то вливались в общую свалку, то вываливались из неё и сходились друг с другом. Бой продолжался всего пару минут, а потом беснующаяся туманность как-то внезапно исчезла, и на её месте снова застыли неподвижные фигуры в скафандрах.

Зал взорвался аплодисментами. Егор аплодировал вместе со всеми. Мастерство поединщиков того стоило. Аплодируя, он одновременно прокручивал в голове замедленную запись поединка: Мастера двигались на сверхскоростях, выпады, блоки и контр-выпады слились в одну нескончаемую череду. Время от времени один из соперников имитировал ошибку, и второй мгновенно наносил удар. Болевые "стимуляторы" у обоих, наверное, были отключены, иначе оба давно бы загнулись от боли. А вот появились и загадочные "пятна"... Егор остановил просмотр и укрупнил нужный участок изображения. Заинтересовавшее его "что-то", принятое им сначала за ускоренного "Каракурта", имело четыре, а не шесть конечностей. И к каждой было прикреплено по шпаге. У непонятных существ имелась голова — ещё одна шпага была закреплена на имевшем довольно необычную форму шлеме. Сочетание небольших размеров, относительно большой мощности вооружения, отличной реакции и высокой скорости делало из непонятных существ грозных противников.

Тем временем проснулся комментатор: "поединок мастеров фехтования с участием двух боевых рысей закончился...". Егор опешил: И это были те самые пушистики, которых он видел вчера на плацу? Действительно — Совершенные Машины Смерти. "Как бы не вышло, что мой будущий пушистый напарник окажется лучшим фехтовальщиком, чем я сам..." — забеспокоился Егор, — "Сраму не оберёшься...".

Трансляция закончилась, и перед глазами штрафников появилось суровое лицо инструктора.

— Итак, господа новички: Вы только что продемонстрировали свои навыки фехтования, надо сказать — не блестящие, — капитан скривился, — И посмотрели, к чему надо стремиться. Я не себя имею ввиду. Без мышечных имплантов всё это проделывать невозможно. А они имеются далеко не у каждого из вас. Но достичь уровня лучших бойцов второй группы вполне в ваших силах, — инструктор сделал небольшую паузу, и продолжил: — Также сегодня вы познакомились с болью. В ближайшем будущем вам предстоит развить это знакомство. И на тренировках, и на турнире каждый пропущенный удар означает боль. На тренировках — вполне терпимую. А на турнире... Показавшие наихудший результат в группе, пропустив удар на следующем турнире почувствуют ещё более сильную боль. Ещё раз покажут худший результат — боль усилится... В результате на третьем турнире отстающие могут просто умереть от болевого шока. Такие случаи бывали... Поэтому рекомендую всем вам не отлынивать от учёбы, дабы избежать подобной участи. Да! Ещё: Ваш уровень фехтования известен. И если на турнире арбитр определит, что один из вас поддался другому... Из благородных, так сказать, побуждений... Поражение будет засчитано обоим. О последствиях, я думаю, вы догадываетесь... В то же время для тех, кто после Турнира в рейтинге окажутся выше, болевой удар станет сильнее ненамного. Для победителей в группах — вообще останется на том же уровне. У меня всё. А теперь по горячим следам начнем тренировку по фехтованию, плавно переходящую в тренировку по общефизической подготовке. Первое, что вам надо освоить — это основные стойки со щитом...

И понеслось... Базовые стойки, движения, нападение и защита, потом занятия на тренажерах... Естественно, всё это снова без обеда. Казалось, сегодня инструктор решил отыграться за то, что вчера вынужден был отпустить второй взвод раньше времени.

Когда взмыленные и уставшие бойцы вылезли из скафандров, оказалось, что день мучений сегодня был не только у них. Рота провела день в тренажерном зале в полном составе. Однако "старички", несмотря на примерно одинаковый уровень нагрузок,

выглядели явно бодрее молодого пополнения — сказывалась привычка.

В душевую все пошли одновременно, благодаря чему "молодые" получили возможность перекинуться парой слов со "стариками". Особо поговорить не удалось: все были слишком уставшими, чтобы молоть языком. Но "старики" подтвердили слова капитана Синицына о смертях во время турнира. Последняя была не так давно — на прошлой неделе. Так что, имея перед глазами живые, то есть мёртвые примеры, каждый прилагал все силы, чтобы не оказаться в числе отстающих. Зашел разговор и о Чёрном Фехтовальщике. Тут "старики" ничего определённого сказать не могли. Ходили разные слухи: от самых нелепых, утверждающих, что в чёрном скафандре вообще нет человека, а так здорово фехтует тактик новой модели, управляющий псевдомускулами экзоскелета скафа, до более реалистичных, таких, например, что под ником "Чёрный Фехтовальщик" скрывается кто-то из персонала базы. Большинство склонялось к варианту, что это сам комбат. Правда, зачем ему так шифроваться, никто не знал. Была выдвинута версия — чтобы не давить на соперника своим начальственным авторитетом.

После душевой бойцы наконец-то отправились в столовую, а оттуда — в казарму. Проходя мимо церкви, наткнулись на выходящего оттуда прапорщика Шелехова, проводившего их каким-то нехорошим взглядом. При этом прапорщик разве что не облизывался плотоядно. "Не к добру" — подумал Белецкий... В казарме все снова попадали по постелям в нелегальном режиме. Если бы сейчас сюда явился всё тот же прапорщик Шелехов, он вполне мог бы отправить взвод наматывать круги по беговой дорожке. Егор поделился этим соображением с товарищами. Те вяло отмахнулись, и только Карлаш сделал испуганные глаза:

— Не надо поминать Шелехова к ночи! Возьмёт, да и явится.

— Все так же вяло рассмеялись, но дежурного для наблюдением за входом казарму выставлять не стали, решив, что не так страшен Шелехов, как его малюют.

Действительно, до отбоя измученных бойцов никто не потревожил, а после отбоя валяться в постели можно было уже на вполне законных основаниях. И не просто валяться, а даже бессовестно дрыхнуть. Чем все и занялись.

Ночью Егору снова начал было сниться вчерашний сон про червяка. Но досниться до конца не успел, будучи нагло прерван смутно знакомым громким голосом, оравшим неприятное слово "Подъём!". Раскрыв глаза, Белецкий увидел, что обладатель неприятного голоса был знаком ему далеко не смутно: Это был прапорщик Шелехов собственной персоной... Егор спрыгнул со своего второго яруса, бросив на ходу Карлашу: "Накаркал", и принялся ускоренно одеваться. Рядом так же торопливо натягивали форму остальные.

Прапорщик наблюдал за этим процессом, вышагивая туда-сюда вдоль "взлётной полосы" — дорожки между кроватями. При этом он поглядывал то на одевающихся солдат, то на странный предмет в руке. Присмотревшись, Белецкий опознал в этом предмете старинный механический хронометр, стоивший, между прочим, бешеных денег. Откуда такая редкая и дорогая вещь могла взяться у прапорщика, было неясно. Егор решил, что наиболее вероятно — кто-то из предков Шелехова был богатым и уважаемым человеком. Так тоже бывает: прапрадед — какой-нибудь министр или финансовый магнат, а его потомок — прапорщик в штрафбате.

Когда обутые и одетые штрафники выстроились вдоль прохода, прапорщик взглянул на свой хронометр, и заявил:

— Ну что ж. В стандартный армейский норматив вы уложились. Но ведь вы не обычные

солдаты. Вы — контрабордажники! Элита! И должны одеваться на пять секунд быстрее, чем все остальные. Так что — незачёт. Будем тренироваться... Отбой!

Штрафники с глухим ропотом бросились обратно по койкам. С одной стороны — требовать одеваться на пять секунд быстрее норматива было со стороны прапорщика откровенным издевательством. С другой стороны — приказы в армии не обсуждаются, а выполняются. Так что по следующей команде "Подъём!" все принялись одеваться ещё быстрее.

Когда взвод снова замер по краям "взлётной полосы", прапорщик удовлетворённо заметил:

— Вот! Ведь можете, когда хотите!

Затем он прошёлся перед строем туда-сюда, окидывая каждого цепким взглядом, и, остановившись напротив одного из штрафников, ласково поинтересовался:

— А вы знаете, рядовой Сычёв, что по Уставу спать в носках не положено?

— Я не в носках спал... — начал было оправдываться обвиняемый, но Шелехов не стал его слушать.

— Рядовой Сычев! Вам продемонстрировать запись системы наблюдения? Значит так: За сон в неуставной форме одежды — первое предупреждение! За попытку обмануть командира, — то есть меня, — второе предупреждение! Третье предупреждение будет автоматически означать трехсуточную командировку на гауптвахту!

Разобравшись с попавшим под руку нерадивым бойцом, прапорщик принялся за остальных. Шагая вдоль строя туда-сюда, он начал размеренно вещать с видом академика, читающего лекцию студентам:

— Как все вы знаете (А может, кто-то прослушал), все мы сейчас находимся на левитирующем, а по-простому, — на летающем, острове. Это значит, — если кто-то ещё не понял, — что если вдруг коварный враг внезапно нападет на планету и, конечно, первым делом решит уничтожить нашу учебную роту, чтобы она не смогла больше готовить величайших бойцов в нашем секторе Галактики из г... героев, стоящих передо мной, то всем нам придётся э-ва-ку-и-роваться... А по простому — убежать. Куда надо бежать в случае тревоги, чтобы покинуть Остров? — задал прапорщик вопрос пространству перед собой. И сам же на него ответил: — Конечно, к вертолётной площадке. Вот туда вы сейчас и пробежитесь... Кстати! — прапорщик остановился, и, подняв вверх палец с видом, как будто вспомнил что-то очень важное. — А вы знаете, что согласно последним исследованиям Минздрава спать в носках опасно для здоровья? Не верите? А зря. — Шелехов неуловимо быстрым движением выхватил откуда-то из-за отворота комбинезона парализатор, и ткнул им в несчастного Сычёва. Тот моментально обмяк и рухнул на пол.

— Я же говорил, — удовлетворённо проговорил прапорщик, оглядывая остальных бойцов, и держа при этом парализатор наизготовку, — А вы не верили... Но я уверен: вы не бросите товарища в беде и доставите его к вертолётной площадке. Даже если из-за него не уложите в норматив, и вам придется возвращаться в казарму и делать ещё одну попытку... Так! Быстро подхватили пострадавшего, и к вертолётной площадке бегом... марш! Штрафники дружно рванули к выходу. Двое из отделения Сычёва подхватили парализованного под руки, и поволокли вслед за остальными. Егор услышал, как барон окликнул Левинзона:

— Яков Иосифович! Может, поможете? Они его точно вовремя не дотащат. Гигант, оглянувшись, согласно кивнул, и притормозил, дожидаясь пока два бойца с безвольным

телом на руках поравняются с ним. "А ну-ка, дайте сюда этого героя!". Взяв чересчур хитрого (или чересчур глупого?) штрафника за руки, он взвалил его себе на спину, и со всех ног припустил вслед за остальными, уже топающими по хрустящему под ногами тонкому льду на успевших замерзнуть лужах. Красная линия привела штрафников к вертолетной площадке, как и обещал прапорщик. К финишу Левинзон со своим грузом прибыл если не в первых рядах, то и не в последних.

Оказалось, что на вертолетной площадке штрафников уже ждали. Но не вертодженеты, а старший лейтенант Кособоков в сопровождении двух вооруженных солдат из взвода охраны. Егор, в принципе, догадывался, что в штрафбате должна быть какая-то охрана, но до сих пор её не видел.

Взвод построился возле площадки. Левинзон, усадив свою ношу спиной к мачте освещения, встал в строй. Взводный не торопился что-либо объяснять своим подчинённым. Но благодаря его присутствию становилось ясно, что происходящее — не очередной акт издевательства со стороны прапорщика Шелехова. Или, по крайней мере, не только он. Сам прапорщик подтянулся к площадке через две минуты. Кособоков поинтересовался у него, кивнув на неподвижное тело Сычёва:

— А что это с ним?

— Воспаление хитрости. Сейчас пройдет, — весело ответил Шелехов, и снова ткнул несчастного нарушителя парализатором:

— Отомри...

Сычёв зашевелился, и с трудом поднялся на ноги.

— Встать в строй! — жестко приказал Шелехов. Боец, покачиваясь, занял своё место.

Дождавшись этого момента, прапорщик, повернувшись к взводному, доложил, козырнув:

— Господин старший лейтенант! Второй взвод для проведения занятий по экстренной эвакуации прибыл!

Егор оглядел окрестности. Если где-то рядом и был какой-нибудь вертоджет, то это в ангаре рядом с площадкой. Скорее всего, упражнения по скоростной посадке в летательный аппарат предстояло отрабатывать именно там... Егор возмутился про себя: "Целый день мучили, и ночью отдохнуть не дают!".

Командир встал перед строем, как раз под свет фонаря с мачты, под которой только что прохлаждался Сычёв. И начал проводить занятия.

— Как до вас уже довел прапорщик Шелехов, в случае возникновения внешней угрозы или получения соответствующего приказа личный состав роты должен как можно быстрее эвакуироваться. Для эвакуации используется, — старлей закинул левую руку за плечо, и вытащил из ножен ту самую загадочную дубинку, которую штрафники повсюду таскали с собой, не имея представления о её предназначении, — изделие ЭЭ-13, или Экстренный Эвакуатор. Он же — "раскладушка". Держим его вертикально за среднюю часть на вытянутой руке, — комвзвода сопровождал свои пояснения действиями, — нажимаем вот здесь... — "Дубинка" со щелчком удлинилась. От её верхней и нижней части разошлись штанги, от чего она стала похожа на положенную на бок букву "Н". — Все эти действия выполняем в непосредственной близости от эвакуационного троса, — командир кивнул головой в сторону расположенного рядом низкого продолговатого строения. Его стены начали откидываться вверх, образовав навес, под которым расположились в ряд пятнадцать зияющих чернотой круглых отверстий в земле, диаметром метра в полтора каждое. Что-то

щёлкнуло, и из под крыши строения в эти отверстия протянулись тонкие серебристые тросы. Они покачивались несколько секунд, а потом с тихим гудением натянулись, подобно струнам. Отверстия тут же были перекрыты лепестковыми диафрагмами.

Взводный, подойдя к одному из тросов, встал прямо на диафрагму, и продолжил:

— Подносим к тросу вертикальную штангу эвакуатора. Ждём захвата. Когда загорается красный сигнал, держась руками за верхнюю перекладину эвакуатора, становимся ногами на нижнюю перекладину. После того, как загорелся желтый сигнал, докладываем "Готов!". Ждём команды. По команде "Отбой!" сходим с эвакуатора, и, держа его левой рукой за середину, нажимаем на ту же кнопку. Эвакуатор открепится от троса и свернется в транспортное положение. Возвращаем его в ножны, и становимся в строй. А теперь переходим к выполнению упражнения: На первый-второй рассчитайсь! Первые номера — пощи!

Белецкий, оказавшийся среди первых номеров, рванул по красной линии к своему тросу, на ходу переводя оказавшуюся эвакуатором дубинку в рабочее положение. Добежав, он с опаской встал на диафрагму и поднёс свой эвакуатор к тросу. Тот сразу как будто приварился к тонкой туго натянутой струне: не то что не вращался вокруг вертикальной оси, по поводу чего были серьезные опасения, но даже не шелохнулся, когда Белецкий, взявшись за верхнюю перекладину, встал ногами на нижнюю — как только что продемонстрировал командир. Загорелся желтый сигнал. Егор доложил "Готов!". Остальные доложили о готовности почти одновременно. Убедившись, что все выполнили упражнение, как положено, комвзвода дал команду "отбой". После того, как первые номера встали в строй, те же действия повторили вторые номера. Затем опять первые, но уже с хронометражем. Затем снова вторые. Потом снова первые... Вроде бы уже и в норматив все уложились, но Кособоков продолжал гонять своих подчинённых до седьмого пота...

Егор в очередной раз подбежал к тросу. Мысленно он был уже в постели, но, подобно лунатику, автоматически прикрепил эвакуатор к тросу, встал на него, и доложив о готовности, прикрыл глаза, чтобы несколько секунд подремать в ожидании команды "отбой". Однако раздалась совсем другая команда:

"Пошёл!". Не успел Егор подумать "Кто пошел?", "Куда пошел?", как на его руках и ногах сомкнулись силовые захваты, диафрагма под ногами разошлась, и он ухнул в чёрный провал шахты.

Кромешная темнота довольно быстро сменилась призрачным лунным светом. Судя по расположению светила, сегодня очередь отражать солнечный свет на эти дикие края выпала Варьясилу — то есть Первой крепости. Внизу красиво серебрились вершины крутых сопкок, обвитый полупрозрачными струйками поднимающегося тумана. Над головой полнеба закрывала мрачная громада Острова. Рядом, — кто выше, кто ниже (ускорение свободного падения, конечно, одно на всех, но есть ещё и аэродинамика, которая у каждого пусть чуть-чуть, но разная), казалось, зависли в воздухе товарищи Егора. Ветер в ушах не свистел — силовой колпак надёжно защищал и от ветра, и от осадков, которых сегодня, кстати, не было, — но одежду трепал довольно сильно. "В прошлой жизни" Егор любил прыгать с парашютом, и ему нравилось пьянящее ощущение свободного полёта между прыжком и раскрытием купола. "Кстати, о раскрытии", — забеспокоился Белецкий. "Парашюта нет, раскрываться нечему, эта чёртова раскладушка, похоже, тормозить не собирается, а земля всё ближе и ближе. Может, конечно, это проверка на мужество и устойчивость психики... Не станут же они просто так гробить пятнадцать штук штрафников?". Земля приближалась

всё быстрее. Идущие рядом тросы перестроились из линии в окружность. Где они заканчивались — видно не было: серебристые нити растворялись в одной из залитых тьмой впадин между сопками.

"Или станут?!"...

Скорость снижения, то есть падения, нарастала. Тормозить, похоже, никто и не думал... До поросших чахлыми деревцами серебристых вершин сопок, казалось, уже можно было дотянуться рукой. Вот падающие, — теперь уже, похоже, никто не сомневался, что именно падающие, а не летящие, штрафники оказались ниже этих вершин. До жёсткого контакта с поверхностью остались какие-то секунды.... Рядом кто-то дико заорал в предсмертном ужасе. Егор сцепил покрепче зубы, и закрыл глаза. Мелькнула мысль "Как глупо..."

Последние секунды, казалось, растянулись в вечность. Егор вспомнил, что, по поверью, когда человек стоит на пороге смерти, перед ним проходит вся его жизнь. Но перед его мысленным взором никаких картинок не возникало. Разве что плавающие цветные круги — следствие слишком сильно сжатых век. Секунды тянулись... Тянулись... И ничего не происходило.

Белецкий открыл глаза. Ничего не изменилось. Та же тьма, и те же цветные круги в ней. Руки и ноги всё так же жёстко закреплены на "раскладушке". Ветер так же треплет одежду.

Объяснение этому феномену могло быть только одно: он продолжал падение уже в глубокой вертикальной шахте. Через пару минут Егор уточнил свои выводы: — "в очень глубокой шахте". Падение в неизвестность начинало раздражать: Хотелось бы, чтобы оно наконец закончилось, и не так уж важно чем. Словно подслушав мысли Егора, в лицо ему ударил мощный порыв ветра. Одновременно эвакуатор отомкнулся от троса, и Белецкий полетел спиной вперёд куда-то во тьму. Через несколько мгновений ветер ударил уже в спину, затормозив скорость полёта. "Сейчас обо что-нибудь приложусь" — мелькнуло в голове Егора, и он инстинктивно сгруппировался. Ещё через несколько секунд Белецкий благополучно совершил посадку на какую-то упругую поверхность. Спиной, естественно. Перевернувшись пару раз, он замер, завалившись на бок. Захваты на ногах и руках разжались. На полу появилась красная линия, по которой Егор и рванул в неизвестность, предварительно убедившись, что все кости целы, и прихватив "изделие ЭЭ-13", благодаря которому получил сегодня массу впечатлений.

Красная линия, попетляв по подземному лабиринту, вывела его к большому помещению, выгодно отличавшемуся от только что пройденных им наличием освещения. Почти сразу за Белецким начали подтягиваться, похрамывая и потирая бока, и остальные его "товарищи по полёту". Не успели они ещё собраться в полном составе, как за спиной Егора послышался шум отъезжающей в сторону двери. Обернувшись, он увидел, как из лифта выходит командир взвода в сопровождении угловатой приземистой тушки медицинского робота. Поскольку все остальные, похоже, ещё находились в ступоре, орать "Смирно!" пришлось Белецкому. Командир в ответ махнул рукой: не вставайте, мол, и бросил: "Вольно, по плану".

"Что-то я не помню в плане пункта "ночные полёты"" — поморщился Егор, потирая немного пострадавшее при посадке левое плечо.

Командир оглядел присутствующих бойцов, и поинтересовался: А почему эвакуаторы не все захватили с места приземления? Забывчивые получают первое предупреждение. Что это значит — знаете. А теперь — бегом за эвакуаторами. Когда пятеро бойцов потрусили выполнять приказание, комвзвода обратился к остальным:

— Ну, как леталось?

Все промолчали, сочтя вопрос риторическим. Очевидно, таковым он и являлся, так как старлей не стал дожидаться ответа, а продолжил после короткой паузы:

— Ничего, сейчас подойдёт вторая партия... Я прибыл вместе с ними, и чуток срезал путь, — Кособоков кивнул на лифт, ... — как только все соберётесь, сразу возвращаемся. И сегодня даже не на лебёдках, а в честь Первого Прыжка — на вертоджете.

Обещание командира приободрило штрафников, и все с нетерпением принялись ожидать подхода второй партии. Медицинский робот тем временем не терял времени даром, а занимался лечением ссадин, ушибов и даже одного вывиха. К моменту, когда все наконец-то собрались и начали грузиться в лифт, на котором приехал комвзвода, первая медицинская помощь оказывалась последнему в ней нуждающемуся.

Лифт поднимался довольно долго. Егор прикинул, сколько времени летел под землёй, сопоставил это время с временем подъёма, и сделал вывод, что помещение, использованное в качестве места сбора штрафников, находится на глубине не менее полукилометра. Солидное убежище...

Когда лифт наконец-то поднялся на поверхность, выяснилось, что взводный их не обманул: рядом действительно стоял вертоджет, который и доставил ночных летунов обратно на Остров. А там уж до казармы было рукой подать. Куда и направились все, кроме незадачливого Сычёва, для которого предупреждение за брошенный эвакуатор оказалось не первым, а третьим. В сопровождении вооружённой охраны он отбыл на гауптвахту, провожаемый злорадными, сочувствующими и безразличными взглядами сослуживцев.

В казарме бойцы быстро попадали по постелям, и попытались заснуть. Возможно, кому-то это и удалось, но у Егора в остаток этой ночи спать получалось как-то урывками — заснул, подремал полчаса, — проснулся. Правда, постепенно время сна увеличивалось, а промежуток бодрствования уменьшался. Окончательно Белецкий проснулся за полчаса до подъёма, и заснуть снова у него не получалось, хоть убей. Так он и лежал полусонный, пялясь в потолок, пока его кровать не закрипела, чуть качнувшись. Кто-то ворочался на нижней койке. На нижней?! Но ведь Егор был единственным "жильцом" на оба яруса кровати. Заинтересовавшись, кто бы это мог завалиться на чужую койку после столь убедительной демонстрации наказания за подобный проступок, продемонстрированной прапорщиком Шелеховым, Егор, перегнувшись через край кровати, глянул вниз.

На нижней койке лежал абсолютно незнакомый боец. Раньше его Егор точно не встречал — иначе бы запомнил. Тонкие черты лица, гладкая кожа, остриженные чуть длиннее допустимого уставом тёмные волосы... Левая лямка такой же, как у остальных штрафников, майки защитного цвета сползла вниз, полуобнажив прелестную небольшую грудь...

Полуобнажив... ЧТО???!!!!

Егор окончательно проснулся. И обнаружил, что ко всем прочим странностям рядом с лежащим, а точнее, лежащей внизу, не высветилось имя и звание. В принципе оно обычно и не высвечивалось без запроса, за исключением первой встречи. Так что тут или встреча не первая, или... Белецкий послал запрос. Ноль эффекта. На всякий случай проделал то же самое с дрыхнувшим на нижнем ярусе соседней койки Сашкой. Рядом с тем нарисовалось: "рядовой Карлаш". Работает! Да и не было ещё случая, чтобы не работало...

Егор решил разбудить друга. Получив по Сети сигнал "Подъём", тот раскрыл глаза, и рывком перешёл в сидячее положение, уже намереваясь вскочить. Но, обратив внимание, что

все остальные продолжают спокойно досматривать свои сны, остался сидеть, недоуменно оглядываясь по сторонам. "Это я" — послал ему сообщение Белецкий. Карлаш поднял взгляд на койку Егора, и уже открыл было рот, явно чтобы высказать много интересного о тех, кто не даёт уставшему бойцу досмотреть интересный сон, но Егор приложил палец к губам, а затем указал на нижний ярус своей кровати, одновременно послав сообщение: "Ты видишь то же самое, что и я?".

Сашка опустил взгляд ниже. Глаза его расширились от удивления.

— Ух ты! Какой шикарный сон!

— Не за чем так орать в Сети, — поморщился Егор, — остальные тебя, конечно, не слышат, но я чуть не оглох. И это не сон. Может, ты ещё и не проснулся, а я уже давно не сплю.

— Тогда это мираж, — авторитетно заявил Карлаш, откидывая в сторону одеяло и опуская ноги на пол, — Вот смотри, сейчас я до него дотронусь, а там ничего нет.

Не успел Белецкий ничего возразить, как Сашка, приподнявшись с кровати, протянул руку вперёд, намереваясь дотронуться до плеча спящей.

Егор ощутил, как кровать под ним дёрнулась, грозя сбросить его на пол, и на секунду отвлёкся, чтобы вцепиться и неё покрепче. Когда он снова взглянул вниз, то обнаружил, что его друг лежит в проходе между кроватями, уткнувшись лицом в пол, а таинственная незнакомка устроилась на нём сверху, одновременно проводя болевой захват... Тут прозвучал сигнал "Подъём", и штрафники начали вскакивать с кроватей, сразу же замирая, оторопело уставившись на странное зрелище...

Незнакомка, не отпуская Карлаша, у которого на глазах уже выступили слёзы, подняв голову, обвела всех взглядом, и прошипела:

— Я угодила сюда после того, как оторвала одному офицеру с шаловливыми ручонками некоторые лишние части тела. И если кто-то ещё позволит себе распустить руки... — Она наклонилась к уху Карлаша, — Ты понял? — Тот, как мог, изобразил утвердительный кивок головой. — Вот и чудненько, — оскалилась незнакомка, и тут же перетекла в вертикальное положение.

Егор перевёл взгляд с поднимающегося на ноги сконфуженного Сашки на новоявленную фурию, дабы ознакомиться с её внешностью поподробней... Благо, одеяло теперь ничего не скрывало. Собственно, и скрывать-то, как выяснилось, особо было нечего. Про грудь незнакомки можно было сказать, пожалуй, только то, что она у неё была. И то, что Егор обнаружил наличие этих бугорков даже когда их владелица находилась в горизонтальном положении, скорее было плюсом его зоркости и догадливости, чем формам странной гостьи. Бёдра у неё тоже были как бы чуть шире, чем у присутствующих здесь представителей мужского пола, но ненамного. Надетые на них уставные семейные трусы нивелировали отличия до почти неразличимого уровня. Правда, наличие бёдер подчёркивала талия, опять таки, чуть меньшая относительно мужской, но она тоже успешно скрывалась под надетой навывпуск майкой.

Широкие плечи и мускулистые ноги, в дополнение ко всему вышеперечисленному, рисовали образ скорее женственного юноши, чем мужественной женщины. У Егора одна из знакомых по прошлой жизни профессионально занималась греблей. Так вот, новая знакомая (то есть, пока ещё не знакомая, но это только пока), чем-то напомнила ему ту "девушку с веслом". У той тоже основным вторичным половым признаком, по которому в ней можно было опознать девушку, были длинные волосы. Причёска у неё, кстати, сначала была такая

же короткая, как и у этой появленки, но волосы пришлось отрастить, чтобы на улице со спины не обращались: "эй, парень...". Что делать? — физические упражнения неизбежно накладывают отпечаток на женскую фигуру, приближая её по внешнему виду к мужской... Это только в телесериалах прекрасные воительницы имеют безразмерную грудь, осиную талию и развевающиеся волосы до самых "нижних девяноста". В жизни всё иначе... Увы.

Между тем незнакомка уселась на свою койку и принялась спокойно натягивать форменные армейские штаны, как будто ничего не случилось. Попялившись на неё немного, остальные занялись тем же делом. Утреннюю пробежку никто не отменял, и получать предупреждение за опоздание не хотелось никому.

Однако задержаться с пробежкой всё же пришлось. Штрафники не успели выбежать на улицу, как в казарме появился взводный в сопровождении прапорщика Шелехова. Когда взвод построился, старший лейтенант объявил:

— У нас пополнение. Рядовой Ржевская, выйти из строя! — По строю прокатилось фырканье: с бессмертными анекдотами об однофамильце их новой сослуживицы был знаком каждый. Егору показалось, что улыбнуться захотелось и старлею, и даже прапорщику. Но скорее всего, только показалось, так как те сохраняли каменные выражения лиц. Такое же лицо было и у прапрапра... правнучки знаменитого поручика. Кстати, рядом с этим лицом сразу после представления командиром появилась табличка со званием и фамилией.

— Рядовой Ржевская! За утренние неуставные отношения получаете первое предупреждение. Три предупреждения — гауптвахта! Понятно?

— Так точно! — гаркнула новенькая.

— Дальнейшую службу будете проходить в третьем отделении. Рядовой фон Стиглиц!

— Я! — отозвался барон, выполняющий сегодня обязанности командира отделения.

— Введёте нового бойца в курс дела.

— Есть! — подтвердил получение приказа фон Стиглиц.

— Рядовые Белецкий и Карлаш!

— Я! — слитно ответили означенные рядовые, прервав свои размышления на тему, как "повезло" их отделению с новым бойцом.

— Вы там по дороге чемоданы потеряли... — при этих словах взводного стоящий чуть позади него прапорщик презрительно ухмыльнулся, — Ваши чемоданы прибыли одним рейсом с "пополнением". Вам их доставят перед отбоем. Теперь слушаем все: получите план боевой подготовки на сегодня, — штрафники принялись изучать сброшенный им файл. Сегодняшним планом никаких Церемоний и Турниров предусмотрено не было, зато появился новый предмет: занятие по матчасти. Оно должно было начаться сразу после завтрака, и продолжаться аж до обеда.

— Всё. Дальше по плану, — закончил своё выступление комвзвода. Штрафники наконец-то отправились на свою утреннюю пробежку.

Очевидно, для разнообразия, занятия по матчасти проводились не в тренажёрном зале, а в здании, помеченном на плане учебки, как "учебный корпус". Класс скорее был похож на маленький театр: кресла учащихся расставлены ярусами — каждый следующий ярус выше предыдущего. Столы не предусмотрены: зачем они там, где нет ни конспектов, ни учебных пособий? Необходимая информация сбрасывалась напрямую в память коммов. Если надо было с чем-то ознакомиться визуально — картинка транслировалось прямо на глазной нерв имплантированных потомственных дворян, и на стандартный тактический дисплей-очки в виде полумаски — для дворян непотомственных, а следовательно — неимплантированных.

Тактический дисплей был отнюдь не единственным устройством, встроенным в полумаску. Кроме него, в ней были смонтированы, например, дальномер, и устройство адаптивного камуфляжа. Также полумаска могла использоваться, как запасной противогаз, в случае отказа или повреждения основного противогаза — встроенного в комбинезон.

Занятия вёл незнакомый до этого момента штрафникам капитан — техник. После уставного приветствия он сразу перешёл к делу:

— С сегодняшнего дня у вас начинаются занятия по основному предмету вашей подготовки. Да. Основной предмет — именно "материальная часть", а вовсе не силовая или фехтовальная подготовка. Надеюсь, вы понимаете, что внутренняя оборона кораблей, на которых вы будете проходить службу, не ограничивается фехтовальными поединками. Вам уже должны были говорить, что ваши шпаги — это последний рубеж обороны. И хвататься за них вам придётся только после того, как все остальные рубежи прорваны. Но это вовсе не означает, что борьба, фехтование, и некоторые другие предметы, которые вам ещё предстоит начать изучать, вам не нужны. В курс подготовки входят ТОЛЬКО жизненно необходимые дисциплины. Недостаточный уровень подготовки по любой из них может привести не только к срыву задания, но и к вашей гибели. И гибели ваших товарищей.

Выдержав паузу, капитан продолжил:

— Прежде, чем мы приступим собственно к занятиям, просмотрите видеофайл, — Белецкий, как и все остальные, "кликнул" по возникшей пиктограмме входящей почты, и запустил файл на воспроизведение...

Перед его взглядом возник уже знакомый по трансляциям фехтовальных поединков чёрный тоннель. Правда, на этот раз его стенки были спокойны. Ничего не искрило, не дымило, не падало. В общем — царила полная идиллия. Впереди, метрах в тридцати, тоннель был перегорожен створом аварийного шлюза. Голос за кадром пояснил, что шлюз предназначен для изоляции аварийных отсеков корабля. Егор недовольно хмыкнул про себя — для чего предназначен аварийный шлюз, знают даже первоклашки. Зачем объяснять элементарные вещи?

В это время на поверхности створа сначала малиновым, а потом слепяще-белым светом вспыхнула почти правильная окружность. Несколько мгновений — и под сильным ударом извне вырезанный кусок брони упал внутрь, и в образовавшееся отверстие тут же хлынула чёрная шевелящаяся масса, оцетинившаяся алыми клинками силовых шпаг. Белецкому понадобилась пара секунд, чтобы понять, что он видит перед собой всё тех же уже знакомых "Каракуртов", но просто в нереальных количествах. За эту пару секунд пауки, рассредоточившись по полу, стенам и даже потолку, успели подобраться к оторопело наблюдающим за ними человеку почти вплотную, но тут из стен тоннеля вырвались десятки зелёных клинков, и мгновенно превратили нападающих в груды металлолома. Картинка погасла, и Егор снова оказался сидящим в классе.

— Вот так в штатном режиме работает стационарная система защиты корабля, — прокомментировал видеофайл капитан. Вопрос только в том, что в штатном режиме она работает относительно недолго: в реальных условиях нападающих гораздо больше, чем в продемонстрированном вам учебном ролике, и они первым делом стремятся подавить систему обороны. Для этого совсем не обязательно полностью уничтожить оборонительные устройства. Достаточно вывести из строя внешние датчики, на основании показаний которых эти устройства срабатывают. И всё... Точнее, было бы "и всё", если бы оборонительные устройства не могли срабатывать и без собственных датчиков — по

внешней команде. Которую будете отдавать вы. А теперь перейдём к изучению предмета, официальное название которого звучит, как "теория и практика управления внутрикорабельным оборонительным комплексом".

Перед штрафниками снова возникла картинка. На этот раз это была трёхмерная схема отрезка тоннеля между двумя аварийными шлюзами. Стены тоннеля были утыканы зелёными пиктограммами обозначающими стационарные боевые установки. Как только Белецкий сфокусировал взгляд на одной из пиктограмм, появился направленный в тоннель полупрозрачный зелёный конус с вершиной в этой пиктограмме. "Вы видите конус досягаемости оборонительного устройства. Конкретно — стационарной силовой шпаги". Внезапно вся схема заполнилась конусами. Егор увидел, что они многократно пересекаются, в результате чего "мёртвые зоны" практически отсутствуют. Конусы, повисев с полминуты, погасли. Вместо них на стенах тоннеля нарисовались светящиеся белые линии, возле каждой из которых стоял её порядковый номер. Эти линии — они же "маркеры", как пояснил капитан, в большинстве случаев видны оператору даже когда противник применяет системы оптического и радиоподавления. Как это достигается технически, инструктор уточнять не стал, сославшись на военную тайну. По линиям должно было определяться более менее точное местоположение боевых единиц противника, то есть, попросту говоря — "каракуртов" и людей (именно в таком порядке: первыми идут роботы. Люди — за ними), и оборонительные устройства, в конусе действия которых этот противник находится.

Егор вздохнул: эти канцелярские названия... "оборонительное устройство"... "конус досягаемости"... "боевые единицы противника"... Ведь всему же есть неофициальные короткие имена. Почему бы их не использовать сразу при обучении? Так нет...

Его "страдания" были прерваны голосом капитана:

— А теперь практическое занятие, — вновь появилась картинка тоннеля с уже прорезанным отверстием в шлюзе. В отверстие, нетерпеливо перебирая "лапами", заглядывал одинокий "каракурт". Через несколько секунд на картинку наложились маркеры и пиктограммы оборонительных устройств, — Ваша задача — поразить движущуюся цель. Приступайте, — при этих словах "каракурт" резво рванул вперёд...

...Довольно быстро все уяснили, что прорвавшийся виртуальный робот наносит своим виртуальным оружием такие же реально болезненные удары, как и его собратья на вчерашней тренировке по фехтованию. Поэтому, дабы избежать боли, приходилось "осваивать матчасть" ускоренными темпами ("Интересно, кто обозвал это издевательство таким безобидным названием" — мимоходом подумал Белецкий, пытаясь поразить очередного юркого паука, неуклонно подбирающегося к его несчастному телу).

Но и ускоренные темпы помогали не очень. Постепенно "паучки" становились всё шустрее, а скрытое в стенах оружие начало срабатывать далеко не всегда. Приходилось учитывать и это.

В общем, время до обеда пролетело незаметно, но результативно. По крайней мере, капитан после занятий имел весьма довольный вид. Хотя, возможно, он просто был садистом, наподобие прапорщика Шелехова, и радовался мучениям своих подопечных, когда их пырлял шпагой очередной прорвавшийся "каракурт".

"Обрадовав" штрафников заявлением, что от занятия к занятию количество нападающих роботов будет увеличиваться, а количество работоспособного оружия в стенах тоннеля, наоборот — уменьшаться, капитан отпустил всех на обед.

— Какое сегодня число? — прошамкал Карлаш полным ртом, тщательно пережевывая

куриное крылышко, входившее в комплект второго блюда.

— Да какая разница? — флегматично ответил Левинзон, который кушал чуть помедленнее и сейчас только заканчивал полировать куском хлеба дно тарелки, в которой только что был суп, — всё равно раньше, чем закончится обучение, отсюда не сдёрнуть...

— Сегодняшнее число надо запомнить и сделать на будущее красным днём календаря. У нас был настоящий обед. А не эта смесь питательной бурды с инъекциями. Сдаётся мне, что такой праздник, как сейчас, здесь бывает не часто... — пояснил свою мысль Карлаш.

Егор скосил глаза в сторону уничтожавшей свой обед за соседним столиком вновьприбывшей дамы, понизил голос, и заметил, улыбнувшись:

Это в честь твоих сегодняшних "неуставных отношений" с девушкой... Кстати: как, понравилось?

Карлаш вспыхнул: — Да она!.. — и тут же замолк под тяжёлым взглядом "девушки", у которой ко всем прочим её достоинствам (или недостаткам), похоже, оказался ещё и отличный слух.

— Ладно, проехали... — буркнул Сашка, делая вид что полностью поглощён процессом дегустации компота.

Всё хорошее когда-то кончается. Причём всё очень хорошее, как, например, этот обед, кончается очень быстро. Отдыхать после обеда штрафникам никто не дал. Взвод тут же погнали в тренажёрный зал. Уже чуть похудевший за эти дни толстяк Похмелов пробурчал себе под нос что-то типа "издевательство..." Егор в душе горячо с ним согласился — сейчас поваляться бы немного, а тут гонят прямо на тренажёры...

Издевательство из смеси фехтовальной и общефизической подготовки продолжалось до вечера. Приёмы, упражнения, боль от пропущенных "ударов"... В общем — обычная программа. Необычное началось после тренировки. Душевая в спорткомплексе была одна — общая. Не было предусмотрено не то что отдельной душевой для женщин, но даже и отдельных кабинок. Так что все с интересом ожидали, как будет выкручиваться новая сослуживица. Кстати, судя по измученному виду, ей сегодня "досталось" больше остальных. Егор вспомнил изматывающий "зачёт по общефизической подготовке", который сам сдавал сразу по прибытию в штрафбат, и едва заметно понимающе кивнул головой.

К всеобщему удивлению и одобрению, новая сослуживица, похоже, не собиралась выкручиваться никак. Она вместе со всеми спокойно разделась, спокойно вошла в душевую и встала под распылитель. По крайней мере, на её лице никаких особых эмоций не отражалось. Да и кожа если и покраснела, то только от тугих струй горячей воды.

Зато у мужской части взвода — то есть у всех остальных, возникли небольшие проблемы. То есть, у кого небольшие, а у кого и побольше... Нормальную реакцию мужского организма на обнажённое женское тело никто не отменял, а обнажённому мужчине, в отличие от такой же женщины, скрыть своё состояние весьма проблематично. В общем, мужики выглядели довольно глупо. Белецкий представил, что такая картина теперь будет наблюдаться в душевой каждый день, и чуть не застонал от досады. В его душе зародились подозрения, что женщину к ним во взвод руководство подослало из садистских побуждений: чтобы штрафники мучались, как в поговорке: "Близок локоть, да не укусишь...". Егор и не думал, что ему придётся пожалеть о том, что сексуальные функции мужского организма в Армии Империи не подавлялись в принудительном порядке. Хотя по просьбе военнослужащего это было возможно. Но таких просьб со стороны этих самых военнослужащих к медикам поступало не то, чтобы немного, а скорее ничтожно мало. Люди

предпочитали "держаться", — благо, отпуска в обычных условиях предоставлялись довольно часто. И уж в них народ отрывался по полной... Отпуска были практически единственной возможностью удовлетворить свои естественные половые потребности.

Противоестественные же, (они же — однополые) отношения в войсках были невозможны.

"Голубые" в Империи, конечно же, имелись наличию, как и "розовые" — куда же без них? Но в армии им было служить запрещено. Как и работать в образовательных учреждениях. Как и избираться или избирать в органы власти. Сторонники однополый любви не имели права голоса при обсуждении вообще любых вопросов, решаемых голосованием (от разнообразных референдумов до выборов в Думу и Сенат). Но все остальные гражданские права извращенцев соблюдались неукоснительно, хоть большинство населения Империи и смотрело на это дело косо. Как триста лет назад выразился покойный Император Михаил VI — "эти люди не виноваты в том, что больны. Но наше общество от этой заразной болезни, подобной раковой опухоли, должно быть ограждено". Однополые отношения в войсках карались разжалованием, лишением дворянства, если таковое имело место быть, и пожизненной Каторгой. При пребывании на которой слово "пожизненно" означало не так уж и много лет.

Но сейчас-то речь шла о "нормальных" межполовых отношениях, которые как раз как были разрешены... По обоюдному согласию. Но не в душе же под десятками взглядов этим согласием интересоваться? Разве что после...

Белецкий вспомнил причину, по которой сюда попал, и мрачно усмехнулся... Теперь во взводе начнётся негласное соперничество перед дамой, попытки установить отношения, ревность... Хорошо хоть дуэли, как сказал комбат, здесь невозможны.

Егор вздохнул... Нет. Второй раз он на ту же удочку не попадётся. Тем более, что эта дама, которой на вид можно было дать лет двадцать — двадцать два, уже успела родить троих детей. Иначе бы ей служить не разрешили. Значит, она в любом случае старше бывшего лейтенанта, и парой ему быть никак не может... Вот только как объяснить это своему организму?...

...Сегодня многие штрафники, в том числе и Белецкий, выскочили из душевой раньше, чем обычно, и, недовольно ворча, принялись одеваться. Но им всё равно пришлось ждать остальных — в том числе и новую сослуживицу, которая вышла из душевой последней с довольной улыбкой на губах. Видимо, дразнить голодных мужиков ей понравилось. Егору внезапно пришла в голову мысль, что на душевой всё это отнюдь не закончилось: впереди была ночь, в которой тридцать мужчин будут осознавать, что с ними рядом лежит практически раздетая женщина... С ума, скорее всего, никто не сойдёт, а вот сразу заснуть большинству вряд ли удастся. Подъём завтра будет в то же время, да ещё и может быть ночью чего-нибудь учудят, типа вчерашнего... А потом будет ещё одна ночь... И ещё...

Сейчас Белецкий был готов повторить вчерашний полёт, лишь бы не видеть эту даму... Хотя, с другой стороны... Может, пусть будет?

Его мыслительный процесс был прерван ужином. Во время поглощения пищи ни о чём другом, кроме как о том, как этой самой пищи мало, думать не получалось.

Сегодня по возвращению в казарму штрафники уже не падали без сил по койкам. День за счёт "изучения матчасти" выдался чуть полегче, да и перед дамой в грязь лицом никому падать не хотелось.

Сама же "дама" на тайные и откровенные поглядывания в свою сторону не обращала

никакого внимания. Тяжело опустившись на свою постель, она не легла, а холодно обратилась к барону:

— Вам поручили ввести меня в курс дела? Можете приступать.

— Как изволите, — любезно, словно на светском рауте, согласился барон, — позвольте для начала представиться и представить ваших сослуживцев по отделению...

Дождавшись от собеседницы утвердительного кивка, барон представился сам, а затем по очереди представил каждого бойца отделения. При представлении каждый вставал, и склонял голову в коротком поклоне. К процессу попытался примазаться какой-то "красавец-мужчина" из другого отделения, а за его спиной уже наметилась целая очередь. Но новая сослуживица их отшила, заявив, что вне её отделения ей вполне достаточно тех данных о человеке, которые можно получить с помощью комма. Разочарованный ловелас позорно удалился. Остальные подойти не решились.

Закончив представлять сослуживцев, барон вопросительно взглянул на новенькую. Та поняла этот взгляд правильно, и, задумавшись на секунду, представилась:

— Ржевская Ольга Викторовна, майор. Командир абордажной штурмгруппы тяжелого крейсера "Три Святителя".

Егор обратил внимание на то, что Ольга... Викторовна (как-то не шло к её молодому лицу обращение по имени-отчеству), назвалась майором и командиром штурмгруппы не в прошедшем времени, а в настоящем. Тому могло быть два объяснения: первое — она ещё не привыкла к своему новому положению, а второе — была уверена (или хотела быть уверена), что лишилась звания и должности ненадолго, и вскоре вновь вернётся в строй. Так же он подивился про себя иронии судьбы, превратившей абордажника в свою противоположность — контрабордажника.

Как только бывшая абордажница представилась, фон Стиглиц начал обстоятельно доводить до неё всю информацию о штрафбате, которая могла бы ей пригодиться. Включая, кого из командного состава злить не стоит (а именно прапорщика Шелехова), и как эвакуироваться с Острова в случае экстренной ситуации.

Белецкий слушал барона вполуха: во-первых, он всё это уже знал, а во-вторых, через пять минут после начала разговора в казарму ввалился транспортно погрузочный робот с двумя чемоданами на "загровке". Сдав их владельцам под электронные подписи, он тут же удалился, а Белецкий с Карлашем принялись изучать содержимое чемоданов — они ведь и сами не знали, что в них лежит.

В чемодане Белецкого сверху на вещах лежала голограмма, запечатлевшая его вместе с родителями, братом и сестрой у входа в лётное училище. Егор взял в руки тонкий прямоугольник. Над ним сразу же появились до боли знакомые и такие родные лица.... Кто мог предположить в запечатлённый момент, что не пройдёт и двух месяцев, как молодой лейтенант окажется в штрафбате? Егор со вздохом выключил голограмму, и отложив её в сторонку, вытащил из чемодана парадный офицерский мундир с лейтенантскими погонами. Тут он заколебался: оставить мундир, или выбросить в утилизатор? Ведь придётся ли когда-нибудь ещё щеголять в этом мундире, предсказать было трудно.

— Оставь. Надо всегда надеяться на лучшее, — услышал он раздавшийся из-за спины голос сослуживицы.

Егор обернулся. Его новая соседка по койке уже закончила беседу с бароном, и смотрела на бывшего лейтенанта спокойным взглядом. "Я не был таким спокойным, когда попал сюда" — подумал Егор, решив всё-таки последовать полученному совету, и не

выбрасывать мундир. "Да я и сейчас не очень-то спокоен", — констатировал он, снова возвращаясь к своему чемодану. "А у неё, пожалуй, есть чему поучиться"...

В это время Карлаш, ковырявшийся в своих вещах, издал удивлённый возглас.

— Гляди-ка, твоя "игрушка" не пропала! Кто-то был столь любезен, что положил её в мой чемодан! — с этими словами Карлаш протянул другу рукоять старинной шпаги, найденную тем в Мёртвом Облаке.

Егор повертел рукоять в руках. Что с ней делать — было непонятно. Выяснить, кому она принадлежала раньше, сейчас не было ни времени, ни средств, ни сил. Отдавать командованию штрафбата тоже не хотелось. В принципе, у штрафбатовского персонала связь с внешним миром, безусловно, имелась. Но вот было ли у них желание заниматься поисками родственников неизвестного солдата? Получив на свою голову мороку в виде этой шпаги, они вполне могли ограничиться передачей её на какой-нибудь склад военного утиля, а там уж древнее оружие затеряется не хуже, чем в Мёртвом Облаке.

Нет. Заниматься этим вопросом надо было самому. А если уж никаких концов не найдётся — то оставить артефакт себе. В память о пребывании в Мёртвом Облаке. Значит, самым правильным выходом было оставить пока рукоять у себя, в личных вещах. А при отлёте сдать на хранение, приложив соответствующую записку. Тогда он сможет заняться поисками, когда вернётся из штрафбата, а если он погибнет, родственники получат пакет с приложенной к нему инструкцией, что надо делать.

— Егор Николаевич, разрешите? — барон встал со своей койки и протянул руку к Белецкому.

— Да, конечно, — ответил тот, передавая мёртвую шпагу барону. Фон Стиглиц осторожно, словно хрупкую фарфоровую чашку, взял рукоять в руки, и принялся её разглядывать со всех сторон, разве что не нюхая и пробуя на зуб. Через пару минут он протянул раритет обратно Егору. Но тут неожиданно вмешалась абордажница:

— Можно, я посмотрю?

Дождавшись утвердительного кивка Белецкого, барон передал рукоять даме, а сам, посидев немного с задумчивым видом, вынес вердикт:

— Очень древняя вещь... Поверхность рукояти покрылась микротрещинами. Обычно для этого материала это происходит не менее, чем через пятьсот лет. Форма нестандартная — да вы уже и сами это заметили. Это не полицейская модель. Моему роду принадлежит одна из самых полных коллекций оружия в Империи. Там есть все полицейские модели. Возможно — самоделка. Ничего не могу сказать определённо. «Кроме того, что это ОЧЕНЬ дорогая вещь» — добавил фон Стиглиц лично Егору по закрытому каналу связи.

— Да. Согласилась с произнесёнными вслух выводами барона госпожа Ржевская, возвращая Белецкому шпагу после тщательного осмотра. Это не серийная модель. И очень старая. Что вы собираетесь с ней делать? — Егор пожал плечами и озвучил свой план. Фон Стиглиц, выслушав, одобрительно кивнул головой, и заметил:

— Молодой человек, я или моя семья будем рады выкупить у вас эту вещь для своей коллекции. Я не смею настаивать, но просто имейте это в виду.

— Мой род тоже готов это сделать, — тут же заявила бывшая майорша, поджав губы, и хищно сузив глаза.

Вспомнив крутой нрав новой знакомой, Егор поспешил сообщить конкурентам в борьбе за антиквариат, что «он будет помнить об их просьбах, и, в случае чего...», и быстро спрятал оказавшуюся такой ценной шпагу обратно в чемодан. Решив про себя, что «в случае чего»

она ему и самому не помешает.

Перевернув содержимое своих чемоданов, Белецкий и Карлаш единогласно решили, что практически ничего из этого в ближайшем будущем им не пригодится, сложили вещи обратно, и сдали чемоданы на хранение в каптёрку.

Новенькая, потеряв интерес к происходящему, откинулась на кровати, и молча лежала с открытыми глазами. Хотя это вовсе не означало, что она в этот момент не бессовестно дрыхла. Имплантированный человек мог просто перенаправить сигналы с глазных нервов в имплант, который и «бдил», пока его носитель спокойно смотрел сны, а в случае чего глаза снова «подключались» к мозгу, одновременно с отправкой имплантом к этому самому мозгу сигнала пробуждения.

У неимплантированных, естественно, таких возможностей не было. Что можно было наблюдать на примере толстяка Похмелова. Тот, добредя до казармы, сразу плюхнулся на койку, и, судя по всему, отрубился. Учёба давалась ему нелегко. Взглянув на измученное лицо Толстяка, Егор подумал, что видит перед собой одного из кандидатов в покойники после третьего фехтовального турнира. В первом турнире бывший интендант занял последнее место, и, судя по всему, собирался удерживать его за собой и в последующих состязаниях...

В это время прозвучал сигнал «Отбой». Штрафники принялись расстилать постели. Егор кивнул Сашке на Толстяка, и тот, согласно кивнув головой, принялся расталкивать бывшего интенданта. Если местный кошмар — прапорщик Шелехов способен устроить человеку крупные неприятности за сон в носках, то страшно было даже подумать, какие причудливые формы и размеры эти неприятности могут принять, если спать, вообще не снимая формы.

Поняв, чего от него хотят, Похмелов с недовольным ворчанием изволил всё-таки раздеться, и отключился вновь. «Да, вот уж на кого наличие рядом полуголой женщины не произведёт никакого впечатления...» — подумал Егор, укладываясь поудобнее, и пытаясь заснуть. Сон долго не приходил. И судя по скрипу кроватей вокруг — не только к нему одному. Похоже, только «виновница торжества» спала спокойно. В помещении, где под наблюдением находился каждый квадратный сантиметр, вряд ли бы нашёлся сумасшедший, осмелившийся нанести какой-либо вред её здоровью или чести... А если бы и нашёлся... Егор усмехнулся в темноте, вспомнив утреннее «приключение» Карлаша.

В конце-концов Белецкому всё-таки удалось уснуть. Чтобы увидеть тот самый уже поднадоевший сон про «космического червяка», который на этот раз почему-то был утыкан длинными иглами... Впрочем, наутро, снился ли ему червяк всю ночь, или пару минут, Егор сказать бы не смог. Он помнил только начало сна, и момент перед пробуждением, в котором он был уже вовсе не червяком, а самим собой — Егором Белецким, гонявшим по чёрному тоннелю «каракуртов» при помощи силовой шпаги и встроенного в стены тоннеля оружия... Честно говоря, кто кого гонял — сказать было сложно, но сам факт, что удары чёрных пауков не причиняли боли, радовал донельзя.

Новый день принёс с собой очередную новость: некоторых штрафников начали готовить по дополнительным специальностям: Так, например, Карлаша отправили на курсы бортиженеров транспортника, фон Стиглица — на курсы артиллеристов, а Белецкого — на курсы пилотов. Остальных в это время гоняли по физподготовке и фехтованию.

Курсы пилотов проводились всё в том же учебном корпусе, что и вчерашние «занятия по матчасти». Даже класс был почти такой же. Пилотскому мастерству обучались

одновременно все отобранные для этого штрафники из всей учебной роты. Просто каждый находился на своём этапе обучения.

Егор прошёл по зелёной линии на своё место, уселся в удобное кресло — копию пилотского кресла «змеежа», врубил программу-симулятор полёта....

...И ощутил себя гигантским утыканным иглами червяком, висящим в космической пустоте. С задачей попасть в одну из густо натыканных по чёрному небосводу светящихся точек...

Однако, в отличие от снов, тут он не был брошен на произвол судьбы. Симулятор подсказывал, что и как надо делать, заставлял прорабатывать отдельные моменты снова и снова, пока они не закреплялись достаточно хорошо, и только потом переходил к следующему этапу обучения.

В общем, в конце сеанса Егор худо-бедно мог самостоятельно провести процедуру масс-центровки. «Лётную практику» инструктор — ещё один капитан, на этот раз с лётными петлицами и нашивками за ранения, пообещал начать со следующего занятия. «Под занавес» штрафникам, пришедшим сюда в первый раз, был сброшен информационный файл, вместе с сообщением, что доступ к его содержимому откроется для них после отбоя. Егор про себя помянул «незлым тихим словом» командование учебки, заставляющее людей учиться и после отбоя, и даже во сне, и отправился по зелёной линии на фехтовально-силовую подготовку. Как и предполагал вчера Карлаш, сегодня штрафников на обед отпускать никто не собирался. Питательный раствор, инъекции — вот и всё, что бойцы получили во время тренировки.

«А на гауптвахте сейчас, наверное, макароны дают... По-флотски», — вздыхал Белецкий, уворачиваясь от очередного «Каракурта». «Сычѳв, зараза, жирует, пока мы тут вкальваем до седьмого пота». Но деваться было некуда — и Егор продолжал атаковать, отступать, уворачиваться...

После окончания тренировки повторилась вчерашняя сцена в душевой. С тем различием, что некоторые предпочли раздеться быстрее всех, первыми влететь в душевую, и первыми же оттуда вылететь. Другие, наоборот, старались занять места поближе к бесплатному зрелищу, и не упустить из него ни одного момента. Егор выбрал свою тактику: он, с одной стороны, как бы особо никуда и не спешил, а с другой, старался сильно не пялиться на какие-никакие, но женские «прелести».

Третьим, и последним пунктом программы на сегодня, было «изучение матчасти». Сегодня вражеская матчасть бегала ещё шустрее, а своя, родная, барахлила ещё сильнее. К концу занятия Егор мрачно подумал, что если так пойдѳт дальше, то в конце концов «Каракуртов» придѳтся останавливать голыми руками, так как на этих занятиях у штрафников не было вообще никакого личного оружия — даже виртуальной шпаги. Но пока до такой ситуации дело ещё не дошло. На момент, когда мучения штрафников закончились, процентов тридцать встроеного в стены «тоннеля» виртуального оружия ещё работало.

После долгожданного ужина бойцы вновь вернулись в свою казарму, чтобы и ночью во сне учиться бить врага. Но дождаться сна без происшествий не удалось. За пять минут перед отбоем в казарму ввалился робот-посыльный. Остановившись перед койкой Похмелова, он засунул один из манипуляторов в свой транспортный контейнер, и извлѳк оттуда... Бутылку водки. «Столичная» — прочитал название на этикетке обалдевший Белецкий. Робот вручил бутылку бывшему интенданту, и быстро удалился.

— Продукты в местном магазине военторга купить нельзя — пояснил происходящее

довольный толстяк. А спиртное, оказывается можно...

— Купить то можно, но вот пить нельзя — заметил со своей койки Левинзон.

— Вот! — просиял Похмелов. То есть, если я сейчас сделаю глоток, — с этими словами он начал отвинчивать пробку, — то трое суток гауптвахты мне обеспечено. Там я хоть отдохну немного... Уж лучше трое суток на нарах, чем трое суток этих мучений! С этими словами Толстяк собрался осуществить свой Хитрый План...

— Илья Ефимович, — обратился к «хитрецу» фон Стиглиц, — Ни в коей мере не хочу мешать взрослому человеку, не моему подчинённому, и пока ещё не моему другу принимать самостоятельные решения... Пусть даже ошибочные. Но хочу вам напомнить, что у нас уже есть «свой человек» на гауптвахте. И скоро он оттуда вернётся. Дождитесь, пожалуйста, момента, когда он сможет поделиться с нами своими впечатлениями о месте, куда вы так хотите попасть. Быть может, там не так уж и здорово, как вам кажется...

Толстяк замер с бутылкой в руке.

— Да, пожалуй, вы правы, — согласился он с доводами барона, закручивая крышку. Я потерплю ещё сутки...

— Позвольте, я сохраню вашу бутылку — протянул руку фон Стиглиц. Видя колебания бывшего интенданта, он продолжил: — Готов дать слово дворянина, что верну вам её завтра вечером, — Похмелов поколебался, но передал емкость с драгоценной жидкостью барону. Тот поднялся, чтобы отнести бутылку в свою ячейку в каптёрке.

— Пусть бы и вылакал. Раз так хочет на губу... — презрительно пробормотала абордажница, отворачиваясь.

На сегодня инцидент был исчерпан. А завтра... До завтра ещё надо было дожить.

После отбоя, как и было обещано, открылся файл, переданный Егору инструктором по пилотажной подготовке. В принципе, информации в нём было немного. В основном она касалась расположения постов управления пилотируемым кораблём. Оказывается, только основных постов могло быть больше трёх, причём в каждом конкретном случае они располагались в разных отсеках корабля, а кроме основных постов имелись ещё и запасные точки доступа, посты ручного управления, и точки подключения к отдельным управляющим контурам. И со всем этим предстояло научиться работать хотя бы в первом приближении... Егор тяжело вздохнув, закрыл файл и глаза...

Ночь прошла без эксцессов, а утром после обязательной пробежки и завтрака вместо развода по местам учёбы было объявлено общее построение. Как выяснилось, сегодня отправлялся в космос закончивший наземное обучение третий взвод.

Вся рота была выстроена на плацу. Бойцы третьего взвода, теперь уже бывшего, стояли отдельно от остальных в колонне по шесть. Справа и слева каждой шеренги сидели рыси. И у людей, и у животных был мрачный вид. Люди чётко осознавали, что сегодня они покидают Землю, может быть навсегда, и, хотя у них впереди была ещё неделя подготовки на орбите, перед распределением по кораблям, всё равно настроение было не очень. Рыси как будто чувствовали настроение бойцов, и сидели, словно пушистые статуи. Никто не вертел головой, не зевал, не чесал лапой за ухом. В общем, их поведение разительно отличалось от виденного Белецким на Церемонии Выбора.

По случаю отбытия третьего взвода командир батальона произнёс небольшую речь, которую закончил традиционным напутствием: «Помните, что ваша задача не умереть за Родину, а заставить сделать это вашего противника!».

После чего отбывающие отправились грузиться в два вертодзета, к этому времени уже

стоявшие «под винтами». Буквально через полминуты после того, как спина последнего бойца из бывшего третьего взвода исчезла из видимости в чреве летательного аппарата, обе винтокрылые машины оторвались от бетона, чуть приподнявшись, выполнили синхронный разворот и вскоре растворились в ставшей уже привычной окружающей Остров сизой хмари.

Проводив взглядами удаляющиеся вертодженеты, ещё не закончившие наземное обучение штрафники разошлись по занятиям. Шагая по хрустящему льду ещё не оттаявших после ночных заморозков луж, Белецкий думал о том, что незаметно почти пролетела первая неделя обучения — треть от всего срока наземной подготовки. До момента, когда и он покинет Землю, оставалось не так уж и много. Хотя с такими учебными нагрузками до этого светлого момента надо было ещё дожить.

Расписание занятий на сегодня полностью повторяло вчерашний день: специальная подготовка, фехтовально-силовая, и «матчасть». Но нагрузки по каждому предмету возросли. Или это накопившаяся усталость создавала такое впечатление? Точно Егор сказать не мог. В душевой снова повторилась вчерашняя сцена. Разве что «стеснительных» стало поменьше. Как ни странно, среди «озабоченных» наметилась та же тенденция. Егор подумал, что с такими темпами скоро ни у одного из штрафников не возникнет никаких желаний по поводу «боевой подружки», даже если их положат на ночь в одну постель...

По возвращении в «родную» казарму после тяжёлого трудового дня штрафников ожидал очередной сюрприз.

Переезд. Вопреки народной мудрости, гласящей, что один переезд равен трём пожарам, всё прошло относительно гладко. Не считая глухого ворчания уставших людей, которым пришлось перетаскивать свои вещи на новое место жительства — первый этаж той же казармы. В отделении Белецкого больше всех, конечно, возмущался бывший интендант, считавший, что вся эта затея с переселением направлена исключительно на то, чтобы ещё больше вымотать несчастных штрафников.

Пройдя с вещами по зелёной линии, бойцы увидели, что их новая жилплощадь имела отдельный вход — с торца здания. Вход в расположение первого взвода был с противоположной стороны, а сами расположения разделяла прочная стена.

Однако ворчание народа поутихло, когда усталые люди наконец-то добрались до нового места жительства. Оказалось, что каждому отделению теперь выделен шестиместный кубрик с современными удобными одноэтажными кроватями. В сочетании с тем фактом, что каждый кубрик имел отдельный санузел и умывальную комнату, новые условия жизни можно было назвать просто райскими. Особенно по сравнению с прежними.

Второй взвод занял не все жилые помещения в этом крыле первого этажа: Их хватило бы ещё на пару взводов. Очевидно, такая же картина наблюдалась и в противоположном крыле, занятом первым взводом.

Развалившись на новой удобной койке, Белецкий выразил недоумение, почему штрафников по прибытию сразу не поселили здесь, а не на доисторических кроватях в громадном помещении на втором этаже.

Здоровяк Левинзон, раскладывающий личные вещи в своей тумбочке, оторвался от этого занятия, и, повернувшись к Егору, дал пояснения:

— Есть такой анекдот: Приходит в штурмовую роту на должность командира взвода лейтенант только из училища. И видит, что командир роты держит своих солдат «в чёрном теле». Постоянно занятия, учения, строевая... Но почему-то никто не жалуется. Вот и поинтересовался он у начальника, в чём секрет. А тот и говорит: «Протяни руку». Лейтенант

протянул. Командир обхватил его ладонь своей, и сильно сжал. «Больно? Только честно» — спрашивает. Лейтенант отвечает: «Больно»... Тот сжимает ещё сильнее... «А сейчас?». «Ещё больнее». Командир сжимает ладонь со всей дури, а лапа у него... — Яков посмотрел на свою ладонь, и улыбнулся, — примерно вот такая... «Больно?». Лейтенант уже еле терпит: «Очень!». Тогда комроты чуть-чуть отпускает руку. «А сейчас?». «Хорошо-о-о!»...

Вот нас сейчас чуть-чуть «отпустили»... И нам хорошо... А не было бы второго этажа, и отпускать было бы нечем... — С этими словами Левинзон снова вернулся к своей тумбочке, оставив Белецкого размышлять над тонкостями управления людьми.

Время близилось к отбою, и отделение уже готово было испытать новые кровати. Только Карлаш, который не отнёс свой чемодан в новую каптёрку сразу, а сначала поковырялся в нём, выискивая какую-то очень нужную ему вещь, наконец-то потащил чемодан на новое место хранения. Отсутствовал он не долго. Буквально через пять минут ввалился в кубрик со словами «Сычёва ведут!». Все бросили свои дела, и столпились у дверей. Действительно, по коридору в сопровождении двух вооружённых охранников шёл, а точнее плёлся единственный пока боец во взводе, который умудрился получить три предупреждения и путёвку на гауптвахту. Вид у него был — краше в гроб кладут. Похоже, охрану ему выделили не для того, чтобы он не сбежал по дороге в казарму, а чтобы поддержать, если он вдруг начнёт падать. Охранники довели подопечного до нового места жительства, и удалились. Весь личный состав взвода рванул в кубрик Сычёва, чтобы «попросить его поделиться впечатлениями» о прошедших трёх днях.

Но разговор не получился — «злостный нарушитель» рухнул на койку, и даже не открывал глаза. Так, не открывая глаз, он и отчитался о своей «командировке»: «Тренировки... Сплошные тренировки. Есть не давали — только питательный раствор. Спать не давали. Только стимуляторы. Плохо старался — боль...» Последние слова «герой вечера» произнёс уже почти шёпотом, и вырубился.

Переглядываясь, штрафники разошлись по своим кубрикам... Последним в кубрик отделения Белецкого зашёл барон. Он молча подошёл к Похмелову, и так же молча протянул ему памятную бутылку водки. Тот, тоже не говоря ни слова, взял бутылку, со вздохом поднялся, и выкинул её в утилизатор. Обернувшись, он обозначив короткий кивок в сторону барона выдал: «спасибо», и, тяжело ступая, направился к своей койке. Прозвучала команда «Отбой»...

Ночь на новом месте прошла спокойно. Сны снились строго по учебной программе, злобный прапорщик Шелехов штрафников не навещал... В общем, даже как-то скучно. Немного разнообразия в жизнь бойцов второго взвода внесла традиционная утренняя пробежка. Во-первых, потому что с утра началась настоящая метель, чего до сих пор здесь ещё не было, а во-вторых, что во время пробежки бойцы встретили наконец не почтившего их своим вниманием ночью Шелехова: Он ме-е-едленно шёл по дорожке в направлении санчасти, а за ним, зябко ёжась, брела толпа хмурых людей в летней офицерской форме со споротыми знаками различия.

Прибыла новая партия штрафников. В громадной армии Империи всегда находилось достаточно преступивших закон, чтобы штрафбат не испытывал недостатка в кадрах.

Увидав эту картину, Белецкий испытал двойственные чувства: С одной стороны — злость на прапорщика за его очередное издевательство над людьми. С другой — некоторое облегчение при мысли, что теперь у грозы штрафников, возможно, появится более интересный объект для издевательств, чем второй взвод. Второе чувство Егору очень не

понравилось. Решив, что подобные мысли недостойны дворянина и просто нормального мужчины, он попытался изгнать их из головы, но они почему-то упорно не хотели изгоняться... Так Белецкий и боролся с самим собой до утреннего построения, на котором оказалось, что вместо занятия по спецподготовке его сегодня ожидает встреча с особистом.

Шагая вдоль зелёной линии, Егор размышлял на тему, какие вопросы к нему могли возникнуть у начальника местного Особого Отдела. Вроде бы за дуэль с фон Ливеном он уже осуждён, за спасение «Сапсана» — уже поощрён. А больше никаких «подвигов» совершить не успел. Оглянувшись, Белецкий обнаружил, что в одном направлении с ним топают ещё двое его сослуживцев. Егор сделал логический вывод, что, скорее всего, они идут туда же, куда и он. И оказался прав. Все три бойца собрались под дверь с надписью «начальник особого отдела». Выяснилось, что местный особист обитал не в штабе, а в здании вещевого склада. Только вела в его апартаменты отдельная дверь. За дверью оказалась приёмная, где все вызванные и разместились. Переговорив с сослуживцами, Белецкий узнал, что они тоже не догадываются, зачем их вызвали. Оставалось только ждать.

Ожидание надолго не затянулось. Первым «на ковёр» был вызван Белецкий.

Кабинет уже знакомого Белецкому по первому дню в штрафбате капитана Кухтина оказался совсем небольшим. Где-то три на четыре метра. Из внутреннего убранства имелись в наличии несгораемый шкаф, стол, и два стула рядом с ним. На одном из стульев восседал хозяин кабинета, второй предназначался для посетителя. На него Белецкий и опустился, повинуясь жесту капитана.

Особист с минуту молча глядел в глаза Егору фирменным «особистским» взглядом, под которым тот, на кого он обращён, по идее, сразу же должен начать признаваться во всех своих грехах, а затем перешёл к делу:

— Вы вызваны сюда по следующему поводу: Система диагностики вашего тренировочного скафа вчера доложила, что появились первые результаты работы введённого вам недавно комплекса наноботов. Я вызвал вас, чтобы убедиться в этом.

Егор удивился: вроде бы, контролировать ход работы перестройки его мозга должен был медик, а никак не особист. Хотя, начальству, конечно, виднее...

Между тем капитан Кухтин продолжил:

— Сейчас вам будет сброшен секретный файл. Ознакомьтесь с содержимым.

Белецкий открыл файл, оказавшийся текстовым, и начал «ознакомливаться»

Текст гласил: «Буря мглою небо кроет...». Непроизвольно Егор глянул в окно. За стеклом не то, чтобы бушевала буря, но начавшаяся с утра метель не прекращалась. Переведя взгляд на собеседника, Егор увидел, что тот ожидающе смотрит на него, и вернулся к файлу: «... вихри снежные крутя...». Что за чёрт?

— Это секрет? — поинтересовался он у особиста.

— Сейчас узнаем, — ответил тот с довольным видом, — Расскажите мне, пожалуйста, о чём идёт речь в файле?

Белецкий пожал плечами. То ли ему по ошибке подсунули не тот файл, то ли... Он хотел было ответить на вопрос капитана, но с удивлением обнаружил, что не то, что не может издать ни звука, но даже и рот у него не открывается. Помучавшись так с полминуты, Егор вопросительно взглянул на капитана. Тот удовлетворённо кивнул, и достав из ящика стола электронный планшет — точную копию того, с помощью которого Белецкий в школе учился писать, и предложил собеседнику написать, что он прочитал. С планшетом тоже ничего не вышло. Рука никак не хотела писать ни одной буквы. Тогда особист предложил

просто переслать ему файл. Егор честно попытался, но система запретила операцию, ссылаясь на отсутствие у адресата подтверждённого допуска. Капитан ещё раз удовлетворённо кивнул, и заговорил:

— Наноботы закончили первый этап своей работы. Теперь вы являетесь секретносителем по допуску «А». Вам больше не надо давать подписки о неразглашении: вы физически не сможете передать информацию, помеченную грифом «секретно» никому, кроме лиц, обладающих допуском. Вот таким, — с этими словами капитан сбросил Белецкому подтверждение своего допуска, — Попробуйте сейчас отправить файл.

На этот раз попытка Егора увенчалась успехом.

— Первый этап трансформации организма прошёл успешно, — улыбнулся капитан.

— А что, будут и другие? — осторожно поинтересовался Белецкий.

— Будут, — утвердительно кивнул особист. В чём они будут заключаться, пока не скажу. Но, если с вами начнёт происходить что-то, на ваш взгляд, странное — не удивляйтесь. Вы теперь участник совершенно секретного проекта по трансформации человеческого организма в военных целях. Естественно, вы участвуете в эксперименте в качестве подопытного кролика.

— Я слышал, что для участия в таких проектах по законам Империи требуется добровольное согласие испытуемого, — возмущённо заметил Егор.

— Совершенно верно! — легко согласился с ним особист. Но, во-первых, сам факт отбора добровольцев для проекта уже может указать разведке противника, что «что-то происходит». И вызвать нежелательный интерес. Во-вторых, на начальных этапах смертность испытуемых достигала сорока процентов, — Егор побледнел, — Сейчас меньше, — поспешил «успокоить» его собеседник. Как вы сами понимаете, штрафбат, с его высокими потерями — просто идеальный источник «сырья». Никто ничего не заподозрит, если погибнет на несколько штрафников больше, чем обычно, а выжившие никому ничего не расскажут. Сейчас вы в этом сами убедились, — снова улыбнулся капитан. Сегодня у него явно было хорошее настроение. — В общем, поздравляю вас, — продолжил особист, — теперь, когда вам можно доверять любые секреты, вы допускаетесь к работе с Боевыми Рысями. Точнее, с Боевой Рысью. Той, что вас выбрала. Первое занятие — прямо сейчас. Следуйте по зелёной линии.

Выйдя из кабинета, Белецкий придержал дверь, в которую уже собирался войти следующий приглашённый, и направился вдоль зелёной линии к вольеру рысей. Двигался он «на автомате» — мысли витали где-то далеко от этого места.

Сказать, что информация, сообщённая особистом его потрясла — значит ничего не сказать. Сама новость о том, что ты против своей воли стал подопытным кроликом в каком-то опасном эксперименте, и теперь, даже если выживешь — то превратишься неизвестно во что, способна потрясти кого угодно. А тут вместе с этой новостью рухнуло старательно внушаемое Белецкому с детства представление о том, что он живёт в самой лучшей и справедливой стране, в которой царит верховенство закона и справедливости... В общем, мироощущение бывшего лейтенанта кардинально изменилось. То есть почти изменилось... После нескольких минут напряжённых размышлений, в голове Егора мелькнула мысль, за которую он тут же с готовностью уцепился: что он стал жертвой заговора группы лиц, действующих без ведома властей. Ну, по крайней мере, верховных властей. Хотя эта группа вроде бы действовала с благими целями... Разве повышение боеспособности Вооружённых Сил Империи — не благая цель? Так что с этой стороны вопрос как-то утрясся... Пс

крайней мере стал не таким острым. Но вот знать, что сейчас внутри тебя армия наноботов выполняет вовсе не рутинную модификацию внутренней Сети, а какие-то непонятные действия, в результате которых ты в любой момент можешь отдать Богу душу, было, мягко говоря, не очень приятно. Но сделать с этим было ничего нельзя. Ни рассказать, ни каким-то другим образом передать информацию о незаконном эксперименте было нельзя — особист только что это наглядно продемонстрировал.

Чертыхнувшись очередной раз, Белецкий вошёл в здание, в котором содержались рыси. Удивительно, но никаких запахов, характерных для мест содержания животных, не ощущалось. Как не было видно ни самих рысей, ни их вольеров. Был просто длинный коридор с множеством дверей. Причём в каждую дверь снизу была встроена ещё одна относительно небольшая дверка. Зелёная линия упиралась в одну из дверей.

За дверью оказался небольшой кабинет размером даже меньше, чем только что посещённый Егором кабинет особиста. Здесь не было даже шкафа — только стол — и придвинутые к нему два стула. Один, надо понимать, для инструктора, который сейчас будет делиться секретными методиками укрощения больших строптивых кошек, а другой — для обучаемого. А где же место для рыси? Оглядевшись, Белецкий решил, что это коврик возле порога. Кабинет был пуст. Егор занял место, у которого обрывалась зелёная линия, и стал ждать инструктора. Но первой распахнулась не большая дверь, а маленькая дверца, и в неё проскользнула большая пушистая гибкая кошка с кисточками на ушах. Не обращая внимания на находящегося в комнате человека, рысь запрыгнула сначала на стул инструктора, а потом и на стол. Такая наглость зверя настолько поразила Белецкого, что он даже забыл на какое-то время о своих мрачных мыслях. Можно было попытаться согнать обнаглевшего пушистика на его место у двери, но, взглянув на острые зубы зевнувшей рыси (точнее, Рыся — рядом с пушистой мордой зверя высветилось уже знакомое Егору имя «Пантелей»), будущий бесстрашный укротитель решил ничего не делать до прихода инструктора.

Между тем Рысь почесал задней лапой у себя за ухом, ещё раз зевнул во всю пасть, продемонстрировав красный язык и красивые острые зубы, и, ехидно уставившись на замершего человека, поинтересовался:

— Ну, чего сидим? Кого ждём?

— И... и... инструктора, — заикаясь, автоматически ответил оторопевший Белецкий.

— Я за него, — важно ответил Рысь, приняв серьёзный вид, — странно, но его... морда?... лицо?... морда лица, как оказалось, была способна на довольно богатую мимику. И всю эту способности использовала...

— А-а-а?... — начал Егор, пытаясь подобрать выражения.

— Да, умею разговаривать, — перебил его пушистый инструктор, — и не только.

— Ты... Вы... — Егор попытался сообразить, как теперь обращаться к сидящему на столе Рысю.

— Так. Помолчи немного, — взял инициативу в свои лапы Пантелей, — Обращаться ко мне можно на "ты". В боевых условиях обращаться по имени-отчеству — слишком долго. Теперь немного обо мне, любимом: Родился... Ну, в общем, родился... Как и все. Нормальным рысёнком. Попал сюда. Стал не совсем рысёнком... И не совсем нормальным... В хорошем смысле — не отодвигайся. Теперь я официально называюсь: "Комбинированная биотехническая система". Рысиный мозг слишком мал, чтобы мочь мыслить, как человеческий. Поэтому фактически думаю я гибридом биологического мозга и электронного устройства. Но считать меня компьютером в теле рыси тоже неправильно...

Вопросы?

Егор помолчал немного, собирая разбежавшиеся мысли...

— Но почему — Рыси? — наконец ухватился он за один из крутившихся в голове вопросов?

— Тебе чем-то не нравятся рыси? — недовольно оскалился Пантелей, — Может, тебе больше бы подошёл Боевой Скунс?

— Нет, что вы?... Что ты... — открестился от такого предположения Егор, наконец-то догадавшийся ущипнуть себя под столом за ногу, и убедившийся, что это не сон, — Просто интересно...

— Мне тоже интересно, — вздохнул рысь, дёрнув левым ухом, украшенным смешной кисточкой, — Но есть такое понятие — Военная Тайна. Слыхал?

— Слыхал... — грустно вздохнул Белецкий, вспомнив о своём сегодняшнем визите к особисту.

— Вот! — рысь поднял вверх правую переднюю лапу, очевидно, пытаясь выглядеть солидно. Но в исполнении большой серой кошки этот жест мог вызвать только улыбку, заметив какую на лице своего напарника, Пантелей быстренько опустил лапу обратно на стол. Ещё вопросы?

Егор задумался, пытаясь выделить самый важный из всех вопросов, которые он бы хотел задать сидящему перед ним уникальному существу... Ага!.. Вот!

— И как... тебе..., — начал Белецкий, тщательно подбирая слова, — быть?... жить?... Ты ведь не рысь..., — Егор запнулся, — И не человек...

— Ты знаешь, я бы тебя не выбрал в напарники, если бы предположил, что ты видовой шовинист, — ухмыльнулся Пантелей, перетекая из сидячего положения в лежачее. То ли ему сидеть надоело, то ли он хотел подчеркнуть неофициальность беседы... — Вот и ты как бы не обезьяна... Но и не Бог. И как ты себя чувствуешь? Не отвечай — вопрос риторический. А если серьёзно... Ты знаешь, я не испытываю к людям никакой зависти. Да, вы стали разумными раньше, чем мы (ты ведь помнишь, я не один такой). Да, мне недоступно многое из того, что доступно тебе. Но ведь и у тебя нет такой мягкой пушистой шерсти, как у меня... Нет красивых кисточек на ушах... Даже хвоста нет! У меня он, правда, тоже не очень большой... Но есть! Так что, ты уж извини, но с моей точки зрения люди — довольно неуклюжие, слабые и некрасивые существа... В общем, Бог создал человека только затем, чтобы человек создал вершину эволюции — Боевую Рысь! — патетически закончил свою маленькую речь Учёный Рысь. И, поглядев на обалдевшего от такой логики человека, насмешливо фыркнул: — Шутка, — а затем продолжил: — Ладно, от лирики переходим к делу. У нас тут всё-таки занятия, если ты ещё не забыл... — Рысь снова принял официальный вид, и сказал: Для начала ты должен научиться надевать на меня скафандр. У меня-то рук нет, — Пантелей посмотрел на свою лапу, зачем-то выпустив когти..., — Конечно, у меня есть роботы-"гувернёры", но на войне всякое случается... А потому приступим:, — при этих его словах из нижней части стены выдвинулся ящик с уложенным в него рысиным скафом...

Первое занятие с рысем прошло по ускоренной программе, из-за того, что много времени ушло и на встречу с особистом, и на знакомство с новым напарником. А опаздывать на общую фехтовально-силовую подготовку было нельзя. Следующее занятие Пантелей пообещал провести по полной программе. Правда, на просьбу Белецкого дать ознакомиться с этой программой заранее, только ухмыльнулся, продемонстрировав зубы и встопорщив

усы, и указал лапой на дверь.

Как ни спешил Белецкий на следующее занятие, но всё же по дороге решил заскочить в храм. В принципе, у штрафников всегда было немного свободного времени между тренировками, которое можно было потратить на поход в церковь или военторг, — кому что нужнее. Однако до сих пор сослуживцы Белецкого и он сам предпочитали в это время отдыхать. Но сейчас бывшему пилоту надо было поговорить с кем-то о том, что с ним произошло, и как-то по детски хотелось попросить защиты. Как показал утренний разговор с особистом, кроме как к Богу обратиться по этому вопросу было не к кому.

При входе в храм Белецкий чуть не сбил выходящего оттуда прапорщика Шелехова, который проводил штрафника, явно находящегося не в себе, удивлённым взглядом. Но Егору сейчас было не до прапорщика. Войдя в церковь, он остановился у иконостаса, и принялся бестолково, но страстно молиться, переводя взгляд с одной иконы на другую. Лики с икон бесстрастно взирали на очередного просителя, как и многие другие до него, вспомнившего о Боге в момент опасности. Молитва с оглядкой на секундомер не очень способствует восстановлению душевного равновесия, но всё же из храма Егор вышел, чуть успокоившись. Возможно, того же результата он достиг бы, просто присев на скамейку у дорожки, и поглядев на красиво летящие с низкого тяжёлого неба снежинки. Хотя нет — сейчас ему нужно было не расслабление, а соломинка, помогающая удержаться на плаву. И Вера на роль этой соломинки подходила как нельзя лучше...

Впрочем, как оказалось, благотворное влияние на нервную систему оказывает также боевая подготовка. Егор, начавший было тренировки в отрешённом состоянии "ох-как-мне-плохо", пропустив пару болезненных ударов, вынужденно выбросил из головы горькие мысли о своей нелёгкой доле и отсутствии в мире справедливости, сосредоточился, и остальные учебные поединки провёл более-менее ровно. К началу "изучения матчасти" он почти вернулся в своё обычное состояние, но вот вечером, после занятий, снова расклеился, что не ускользнуло от внимания Сашки. На настойчивые расспросы Карлаша, вполне логично связавшего вечернее состояние друга с его утренним визитом к особисту, Егор по понятным причинам ответить не смог. Чтобы отвязаться, он сослался на подписку о неразглашении, что, кстати, было недалеко от правды.

Следующий день начался с Церемонии Выбора. На этот раз взвод старшего лейтенанта Кособокова выступал в роли зрителей вместе с первым взводом. В роли клоунов, то есть избираемых, выступали бойцы вновь сформированного третьего взвода. Рыси были те же. А может, и не те же — для Белецкого все рыси были на одну морду. Но это было не важно.

Вообще, в пушистиках пропадали великие актёры. Они вполне натурально изображали не обременённых разумом животных, и, если бы Белецкий не знал, что эти "звери" умнее, чем некоторые из стоящих напротив них людей, то не догадался бы об этом ни за что.

Всё шло по накатанному сценарию. Кандидаты один за другим становились напротив "избирательной комиссии", а рыси решали, подходит им этот штрафник, или нет. Глядя на церемонию, Егор вспомнил, какой именно вопрос он не задал Пантелею: Как он выбирал? Что в бывшем лейтенанте Белецком оказалось такого, что понравилось Рысью? Записав себе напоминание поинтересоваться об этом на следующей встрече с напарником, Егор продолжил наблюдать за происходящим.

По мере роста числа "парочек" на одном из краёв плаца веселье среди зрителей нарастало. Глядя на это представление, Егор, кажется, начал понимать, зачем оно было устроено. Церемония Выбора отнюдь не была прихотью начальства штрафбата, неровно

дышащего к торжественным мероприятиям. Скорее всего, она устраивалась по рекомендациям и при участии военных психологов — чтобы личный состав получил хоть немного разрядки от накапливающегося за время сверхинтенсивной учёбы психологического напряжения. И, похоже, идея работала хорошо. По крайней мере, на занятия штрафники направились, обмениваясь весёлыми замечаниями и шутками по поводу некоторых моментов церемонии. Не обошлось и без взаимных напоминаний о том, что сегодняшние зрители неделю назад смотрелись со стороны так же потешно, как и сегодняшние участники.

В общем, к традиционным безобидным занятиям по фехтованию и прилагающейся силовой подготовке люди приступили в хорошем настроении. Наверное, именно этим, а также осознанием того факта, что уже завтра состоится фехтовальный турнир, на котором всех строго проэкзаменуют, можно было объяснить особое усердие бойцов именно сегодня. Штрафники выложились полностью, что немедленно аукнулось им на следующих занятиях по "матчасти". Реакция обучающихся ослабилась, внимание рассеивалось, поэтому даже из обычного количества виртуальных "Каракуртов", к этому времени уже равнявшегося трём, один да прорывался к цели, а уж когда пауков внезапно стало в два раза больше — народ взвыл. Но сделать было ничего нельзя — все силы были отданы предыдущему занятию. Оставалось только терпеть боль. Которая, как обрадовал всех "под занавес" инструктор, отныне будет усиливаться с каждым пропущенным ударом. Так что если от плохого владения фехтованием можно было загнуться только на турнире, то от плохого освоения "матчасти" в перспективе можно было загнуться и прямо на занятии.

В результате этого заявления настроение, поднятое людям утром Церемонией Выбора, к вечеру у всех основательно испортившись, упало до прежнего уровня. А как бы оно испортилось, если бы Церемонии не было? На этот вопрос ответа у Егора не было.

Ночь прошла как и день — в учебных буднях, и вот настало утро, которого все и ожидали, и побаивались — утро начала Фехтовального Турнира. По идее, ни для кого из второго взвода этот день пока не мог стать последним, но предпосылки для этого заложить мог. Сегодня штрафники состязались в условиях, на которые прошлый раз только смотрели. Но неделя тренировок не прошла даром — уровень владения шпагой практически у всех, даже у толстяка Похмелова, занявшего ожидаемое последнее место во второй группе, значительно вырос. Первое место во второй группе занял барон фон Стиглиц. Это тоже было вполне прогнозируемым результатом. По крайней мере, для Белецкого, как и в прошлый раз, оказавшегося где-то в середине рейтинга. Правда, теперь второй группы. А вот госпожа Ржевская, занявшая в той же группе второе место, очевидно, ожидала какого-то иного результата... Потому как вид у неё был довольно обескураженный, а на барона она бросала далеко не нежные взгляды. Тем не менее она вместе с фон Стиглицем и ещё парой бойцов из второго взвода перешла в третью группу, в которой ей и предстояло побороться за первое место через неделю.

Во время боёв во второй группе одного из участников санитарный робот утащил в реанимацию прямо в скафандре. Через пять минут пришла информация, что он скончался. Неизвестно, как другим, а Белецкому после этого смотреть на поединки первой группы, последовавшее за ними плановое избивание победителя Чёрным Фехтовальщиком, и финальный "танец" Чёрного Фехтовальщика и инструктора в сопровождении двух Боевых Рысей как-то расхотелось...

Хотя нет, — почему "неизвестно"? Ставки на Чёрного Фехтовальщика делались так же,

как и прошлый раз, следили за этим поединком с не меньшим азартом, и завидовали сорвавшему куш точно так же... Не все из здесь присутствующих были молодыми сопливыми лейтенантами-пилотами, не нюхавшими крови...

После окончания турнира начальство снова зарядило совместную тренировку всей роты на целый день. А после тренировки...

Все пошли в душ. Если второй взвод уже привык... ну, или почти привык к ежедневной демонстрации обнажённого женского тела, то среди остальных штрафников Ольга произвела фурор. Вокруг неё собралась целая толпа голодных мужиков, жаждущих посмотреть на это чудо — настоящую живую обнажённую женщину. Которая находилась настолько близко, что её можно было потрогать...

Второй взвод помнил инцидент с Карлашем, но вот остальные штрафники об этом не знали — потому беспечно столпились вокруг. Ольга успешно продолжала делать вид, что вокруг никого нет, пока не дошло до обсуждения её тела и сальных шуточек. Тут уж не вытерпели её одновзводники. Переглянувшись, отделение Белецкого в полном составе и ещё несколько человек из других отделений, двинулись в сторону остряков, намереваясь объяснить им, что такое поведение дворянам не подобает...

Но они не успели... После очередной шуточки с виду спокойная женщина вдруг словно взорвалась каскадом жёстких ударов, от чего несколько человек из её "окружения" разлетелись в стороны, как кегли, получив травмы разной степени тяжести. Их товарищи, взревев, кинулись на обидчицу. Они уже забыли, что сами были причиной такого поведения женщины, и горели желанием отомстить. Куда только и делся тонкий налёт цивилизации.

Тут уж оттащить ненормальных в стороны бросились все остальные. Намечалась не то чтобы массовая, но серьёзная драка...

Внезапно панели на стенах душевой соскользнули в сторону, и из-за них вылетело штук шесть "Каракуртов". Только не виртуальных, а вполне настоящих. Щедро раздавая направо и налево удары парализаторов, которыми они были сейчас вооружены вместо силовых шпаг, роботы быстро навели порядок в помещении. Те, кто не догадался отскочить подальше, неподвижно лежали на полу. Остальные были загнаны в угол, и ждали, что будет дальше.

Дальше в течении полуминуты каждому был сброшен файл с перечнем дисциплинарных мер по инциденту. Двенадцать человек получили предупреждения, двое — сразу по два предупреждения, трём "особо активным" участникам вклеили по шесть суток гауптвахты. Трое суток получила и "виновница торжества". Последнее решение командования вызвало недовольный ропот, но выступать голяком против вооружённых "Каракуртов" никто не решился. Кстати, присмотревшись, Егор заметил, что реальные "Каракурты" имеют некоторые отличия от виртуальных. Незначительные, но всё же... Этот факт его удивил: обычно объекты в виртуалке соответствовали реальным с точностью чуть ли не до микрона...

Когда вооружённая охрана увела наказанных на гауптвахту, а "Каракурты" снова исчезли в своих нишах, предварительно разблокировав обездвиженных. Люди быстренько домыслили, и так же быстро покинули душевую.

Вечером, сидя на своей койке, Егор возмущался решением начальства наказать Ольгу, которая, по его мнению, вполне адекватно ответила на недостойное поведение некоторых дворян. Левинзон со своей койки выразил с ним солидарность и сожаление о том, что сам не успел накостылять хамам. Фон Стиглиц же, как обычно, сидевший с задумчивым видом, возразил:

— Думаю, всё было продумано, — и, видя недоумённые взгляды сослуживцев, разъяснил свою мысль: — Сравните список отправившихся на гауптвахту с составленным сегодня рейтингом фехтовальщиков.

— Все, кроме Ольги, на последних местах, — сделал вывод Карлаш, первый сопоставивший данные (первый после барона, конечно).

— Вот! — поднял указательный палец барон, скорее всего, всё было просчитано заранее. Психотипы штрафников командованию известны, и оно вполне могло предположить, кто из них окажется втянутым в конфликт. Который вполне мог быть пресечён в зародыше, но тогда пришлось бы придумывать другой повод, чтобы отправить троих отстающих на гауптвахту для усиленного обучения. Кстати, я должен извиниться перед вами, Илья Ефимович, повернулся фон Стиглиц к интенданту, который вёл себя во время заварушки тише воды, ниже травы.

— За что? — удивился тот.

— За то, что не дал вам глотнуть из той бутылки. Если бы я не помешал, сейчас вы бы были на гауптвахте. А значит, не участвовали бы в турнире... Вы понимаете, что это для вас бы означало?... Плюс получили бы трое суток усиленной подготовки. Не обижайтесь, но она вам очень нужна. А я всё это поломал..., — барон сокрушённо покачал головой, — помолчав немного, он продолжил: Так вот, возвращаясь к сегодняшнему... инциденту: думаю, что командование просто решило подтянуть трёх отстающих, а заодно напомнить остальным о дисциплине. Ценой отправки на гауптвахту единственной женщины в роте... — фон Стиглиц улыбнулся, — которая, я думаю, вовсе не будет возражать против такого "подарка судьбы".

На этом обсуждение происшествия закончилось.

Утром у Белецкого первым пунктом программы оказалась спецподготовка с Рысем, а у Левинзона и ещё четырех человек из взвода — беседа с особистом. Егор проводил уходящих к вещевому складу сослуживцев сочувственным взглядом — им ещё только предстояло узнать то, с чем он уже жил третьи сутки.

Когда Егор вошёл в знакомый кабинет в "вольере", оказалось, что Пантелей уже ждёт его, развалившись на столе. После обмена приветствиями началось обучение. То есть продолжилось. Белецкий на скорость надевал скафандр на пушистого бойца, и снимал его снова... Надевал, и снимал... Надевал, и снимал... Наконец, видимо, удовлетворившись результатами тренировки, Пантелей милостиво разрешил сделать перерыв. На пять минут.

Чем Егор тут же воспользовался, чтобы задать напарнику заинтересовавший его вопрос:

— Послушай, а почему ты выбрал именно меня?

— Ну нравишься ты мне, — ответил, ухмыляясь, четверолапый инструктор, — А если серьёзно, то извини — пока сказать не могу... Но обещаю, что когда придёт время, обязательно расскажу. Так что не дуйся...

— Да я не дуюсь, — ответил Белецкий, пытаюсь скрыть написанное на лице разочарование, — Слушай, а ты вот на прошлой встрече отвечал на мои вопросы раньше, чем я их успевал высказать... — это у меня всё на лице было написано, или ты такой хороший физиономист?

— Вовсе нет..., — изобразил улыбку Рысь, — просто вы, люди, при первой встрече всегда задаёте одинаковые вопросы..., — тут пушистик помрачнел, — А ты у меня уже третий... Ладно, хватит расслаиваться! Скафандр надеть!

И Егор в который раз за сегодня начал одевать партнёра (кстати, как оказалось —

старшего)

Когда процесс облачения завершился, Пантелей переступил с лапы на лапу, потянулся, проверяя, как сидит скаф, с глухим стуком выпустил титановые когти на лапах, втянул, опять выпустил, и вдруг с места сиганул на стену, оттуда на потолок, снова на стену — только на противоположную, и вновь, как ни в чём не бывало, уселся на столе.

— Хорошая штука этот скафандр — послышался из внешних динамиков скафа его довольный голос ... — Удобный..., лёгкий..., экзоскелет мощный..., — проследив за взглядом Белецкого, рассматривающего глубокие борозды, оставленные когтями скафа на стенах и потолке, Рысь добавил: А-а-а! Не бери в голову. До следующего занятия зарастёт! А теперь перейдём к следующему этапу тренировок: откинься на спинку стула и отключи зрение.

— Это ещё зачем? — поинтересовался Егор, откинувшись на спинку, как и было сказано, но зрение отключать не торопясь.

— Рядовой Белецкий! — произнёс Пантелей голосом прапорщика Шелехова, — приказы в армии не обсуждаются, а выполняются. Выполнять!

— Ну, хорошо, хорошо... — краски окружающего мира погасли, и Егора окутала тьма.

Во тьме послышался голос рыся:

— Пятый канал.

Белецкий переключился на указанный канал, и увидел странную картинку. Больше всего она походила на изображение на экране прибора ультразвуковой диагностики: Какое-то переплетение грязно-зелёных линий, пятен... Причём по картинке временами пробегала какая-то рябь, изображение то тускнело, то становилось ярче...

— Узнаёшь? — послышался голос напарника-инструктора.

— Что-то напоминает... а вот что, понять не могу, — честно признался Егор.

— А сейчас? — изображение уменьшилось и сдвинулось влево. Справа появилась до боли знакомая по "матчасти" координатная сетка тоннеля с линиями маркеров и пиктограммами встроенного в стены оружия. Оба изображения начали увеличиваться и двигаться друг к другу. В конце концов сетка наложилась на странную картинку, и Белецкий понял, что эта зелёная хрень представляла собой вид тоннеля откуда-то сверху-справа.

— И зачем это? — поинтересовался он, повернув голову в сторону, откуда последний раз слышал голос Рыся.

— Тебе уже говорили, что маркеры на стенах тоннеля видны всегда — даже при работе систем РЭБ противника? — Пантелей ответил совсем с другой стороны. Успел неслышно переместиться, гад.

— Говорили, — кивнул головой Белецкий.

— Соврали! — довольно объявил Рысь. При последних абордажах РЭБ нападающие давила маркеры наглухо секунд через двадцать после начала проникновения в тоннель. Вместе со связью. Вот эту проблему мы с тобой и призваны решить... В общем, схема такая. Я лезу в вентиляционный или сервисный тоннель. Но не сражаться в нём с проклятыми захватчиками, как это вам, наверное, тоже втирали, а совсем по другим делам. Видишь ли... Мы — Боевые Рыси, ко всем нашим достоинствам умеем ещё и видеть сквозь стены... Правда, не очень хорошо, и стены должны быть не очень толстые. Зато никакая установка РЭБ задавить эту способность не может, — с этими словами Егору пришел код подтверждения, что услышанная им информация является секретной, — Так вот, — продолжал невидимый Пушистик, — лежу я, значит, в вентиляции, и сканирую обстановку.

Картинку сбрасываю тебе. А ты уж активизируешь защиту. Я этого не могу. Наша задача — в первую очередь подавить вражеские постановщики помех. После этого снова станут видны маркеры, и появится связь, что позволит вступить в бой твоим друзьям. Инструктор выдержал паузу, и, вздохнув, добавил: Хреново во всём этом то, что для того, чтобы эффективно управлять системой обороны, тебе надо находиться в тоннеле. Иначе не получится... А в это время там агрегатов супостата — выше крыши... Так что крутиться придётся, как в Аду на сковородке. Понятно?

— Так точно! — невесело доложил Белецкий.

— Ну, раз понятно, то приступаем... Для начала тебе надо научиться разбираться в картинке: Смотри: вот этот силуэт — стационарная силовая шпага, вот этот — дырокол, а это — рейлган. Вот так выглядит "Каракурт". Понимаю, что не очень похоже, — привыкай. Лучше изображения не будет...

К концу занятия Егор уже мог довольно сносно ориентироваться в зелёной мути перед глазами. Перед самым финалом Пантелей даже "выпустил" пару виртуальных "Каркуртов". Конечно, Белецкий не смог их остановить. Инструктор-напарник утешил его, сообщив, что с первого раза это ещё никому не удалось, и что на следующем занятии успехи будут лучше. А за каждого пропущенного "Каракурта" ученик будет получать подзатыльник. Вот такой...

— За что? — вскричал Егор, открывая глаза, и потирая ушибленное бронированной лапой место.

— Не забавы ради, а пользы для! — наставительно заявило существо в чёрном скафандре, усевшееся прямо перед Белецким, — Не понимаю, почему ты считаешь, что получить оплеуху от настоящего Боевого Рыся чем-то хуже, чем от какого-то виртуального "Каракурта"... Не вспыхивай так! Понимаю, дворянская честь, человеческое достоинство, и всё такое... Но у меня имеется прямой приказ к применению физического воздействия при обучении. Могу предъявить. Причём, случаи ОБЯЗАТЕЛЬНОГО применения и сила удара строго оговорены. Так что уж не взыщи...

— Ну да... Пожалеешь палку — испортишь ребёнка, пробормотал Белецкий, всё ещё держась за голову — Так это ты мне оговоренную силу удара продемонстрировал?

— Догадался! — довольным тоном проговорили динамики рысиного скафа, На сегодня всё. Ну, почти всё... Давай, снимай с меня эту сбрую...

Выйдя в коридор, Егор увидел, что почти одновременно отворилась ещё одна дверь, и оттуда с оторопелым видом вывалился Левинзон, утирая пот со лба. Белецкий улыбнулся: он и сам в прошлый раз был поражён не меньше. Увидев Егора, Левинзон слабо улыбнулся, дёрнул головой, и пробормотал что-то вроде "Хатуль мадан...". Белецкий подумал, что Яков ругается от избытка чувств, и сделал вид, что ничего не услышал. Ибо ругаться дворянину не подобает. Даже неизвестными присутствующим выражениями...

Подойдя к Егору, Левинзон поинтересовался:

— А твою рысь как зовут?

— Пантелей. Сокращённо — Понт, — ответил Егор.

— А мою — Вася, — выдохнул гигант.

— Василий, значит... Хорошее имя, — улыбнулся Егор.

— Василиса, — поправил его Левинзон.

— Так она у тебя это... того... девочка?

— Не проверял, — огрызнулся собеседник.

Егор вспомнил комплекцию выбравшей Якова рыси, и пробормотал:

— Да... Есть женщины в..., — тут он замылся..., — В общем — есть... Она у тебя точно коня на скаку остановит.

— И что-то ему оторвёт... — теперь настала очередь Левинзона улыбаться, — Хотя... Думаю, это скорее можно сказать про Ольгу.

Собеседники рассмеялись.

— Что, кобели, женщинам косточки перемываем? — послышался сзади низкий, но, без сомнения, женский голос.

Оглянувшись, Белецкий и Левинзон увидели стоящую прямо за их спинами большую рысь. Почему то Егору живо представилась тётя по материнской линии. Он частенько был свидетелем, как она, уперев руки в боки, вычитывает мужу за очередную "провинность", а тот — здоровенный детина размерами примерно с присутствующего здесь Левинзона, — покорно всё это выслушивает... Ибо знает, что если начнёт огрызаться — будет ещё хуже.

— Нет. Как можно? — быстро ответил Яков. Мы вообще уже почти уши.

— Ну-ну... Прищурила глаза большая кошка, — Но на всякий случай при дальнейших разговорах учтите: здесь повсюду уши, — в подтверждение её слов тут же приоткрылось несколько маленьких дверок, и оттуда показались сначала эти самые уши с кисточками, а затем и любопытные пушистые морды.

Товарищи быстро попрощались с Василисой, и ускоренным шагом направились к выходу...

Остальные дневные занятия сегодня прошли, как обычно, а вечером всё отделение снова собралось в своём кубрике. То есть почти всё. Ольга всё ещё была на гауптвахте.

Егор воспользовался временем перед отбоем, чтобы обдумать информацию, почерпнутую из бесед с рысем. В некоторых деталях она отличалась от предоставленной ранее командованием. Версия, услышанная от пушистика, казалась более правдивой. Тем более, что получена она была уже после того, как штрафник Белецкий стал физически неспособен разгласить доверенные ему секреты. Но всё равно, тенденция настораживала... Не было никаких гарантий, что сказанное Егору пушистым инструктором было действительно правдой, а не очередным измышлением, призванным эту правду скрыть. И даже не обязательно Пантелей обманывал своего напарника сознательно. Просто до него самого могли довести ложную версию. Похоже, те, кто здесь всем заправлял, были просто помешаны на секретности. А нет лучшего способа сохранить секрет, чем выложить его на всеобщее обозрение, немного "творчески доработав"...

От размышлений Белецкого отвлёк подошедший с заговорщицким видом Карлаш. Усевшись на койку рядом с её хозяином, он сразу взял быка за рога:

— Ты знаешь, я поговорил о твоей шпаге с инструктором по инженерной подготовке... У него, в отличие от нас, есть выход в гражданскую Сеть. А ещё он может порыться в военных архивах с информацией "Для служебного пользования". В общем, он согласился посмотреть, что ты там нашёл...

— Но только посмотреть! — предупредил Егор, вспомнив о том, что его находка, как оказалось, стоит кучу денег даже в нерабочем состоянии. Хотя, если положить руку на сердце — дело было не столько в цене: Егор решил или отдать шпагу потомкам бывшего владельца, как и планировал раньше, или оставить её себе — в память о пребывании в Мёртвом Облаке. Но продавать её он пока никому не собирался.

— Хорошо, — согласился Сашка, после чего друзья договорились, что Егор передаст товарищу раритет утром, перед занятиями. Карлаш уже собирался возвращаться к своей

койке, как дверь в кубрик скользнула в сторону, и в образовавшийся проём ввалился робот-посыльный. Остановившись перед койкой Похмелова, он засунул один из манипуляторов в свой транспортный контейнер, и извлёк оттуда... Бутылку водки. "Дежа-вю" — подумал Егор, привстав со своей койки и изогнувшись, чтобы увидеть этикетку.

«Столичная». Вкусы бывшего интенданта с прошлого раза не изменились. Робот, вручив купленный товар покупателю, исчез за дверью, а Толстяк принялся отвинчивать с бутылки крышку. При этом вид у него был такой, словно его заставляют это делать под дулом пулемёта.

На недоумённые взгляды соседей по кубрику, Похмелов коротко ответил: "жить хочу"... И поскольку взгляды всех, кроме барона, стали ещё более недоумёнными, он пояснил свои действия. Причём пояснил именно фон Стиглицу, который, похоже, и так уже всё понял.

— Вы были правы. Мне жизненно необходимы дополнительные занятия по фехтованию. Иначе следующий турнир я не переживу. Выход один — гауптвахта. Поэтому мне надо только решиться, и сделать над собой маленькое усилие, — при этих словах Похмелов поднёс горлышко бутылки ко рту, и сделал хороший глоток, — а остальное от меня уже зависеть не будет ... Сейчас придёт охрана, и... — Толстяк на секунду замер, получив сообщение по Сети, и тут же рассмеялся, вызвав у окружающих недоумение: что такого смешного он мог получить? Отсмеявшись, Похмелов пояснил своё поведение: — Вердикт ожидаемый: трое суток гауптвахты. Но конвоя не будет, — тут выявившийся мазохист восхищённо замотал головой: — Мне предлагают добираться до места назначения своим ходом по красной линии. Садисты... Ну что ж, встретимся через трое суток. Я надеюсь... — с этими словами бывший интендант скрылся за дверью. На его тумбочке одиноко осталась стоять початая бутылка "Столичной".

Больше никто из отделения повторять только что увиденный "подвиг" не захотел. Барон одобрительно покачал головой:

— Ай да Илья Ефимович! Решился всё-таки... Ну что ж, господа... Поступок достойный уважения... А бутылочку я, пожалуй, выкину в утилизатор. Не по Уставу она тут стоит... Прапорщику Шелехову может не понравиться...

Барон оказался провидцем: Не успела ещё хлопнуться крышка утилизатора, как в дверях материализовался Шелехов. Обведя штрафников подозрительным взглядом, он разочарованно вздохнул, и вышел, не сказав ни слова. Все облегчённо вздохнули...

На следующий день первым занятием у Белецкого оказалась пилотажная подготовка. Отбив положенное время Космическим Червяком, он собрался уже идти на фехтование, как получил по Сети вызов от Карлаша. Тот довольно возбуждённым голосом заявил, что дело по, как он осторожно выразился, "твоему антиквариату", сдвинулось с мёртвой точки, и попросил разрешения оставить на время у инструктора по техподготовке блок питания шпаги. Подробности обещал рассказать вечером. Подумав, Егор поинтересовался, а нельзя ли перенести решение по этому вопросу на тот же вечер, после оглашения подробностей? Сашка с некоторыми нотками разочарования в голосе ответил, что в принципе, можно... На том и порешили.

Вечера с нетерпением ожидали оба: Карлаш тоже загорелся идеей если не найти хозяина древней шпаги, то хотя бы узнать о ней побольше. Так что два товарища даже не особо расстроились тому, что в душевой вот уж второй день не хватало "гвоздя программы", в то время как остальные их сослуживцы, лишившись зрелища обнажённой Ольги, чувствовали себя не в своей тарелке. Кстати, в душ второй взвод попал только к вечеру: с

сегодняшнего дня занятия по "матчасти" также проводились в тренажёрном зале. При этом штрафникам разрешили отбиваться от прорвавшихся "Каракуртов" виртуальными шпагами, но при этом дополнительно увеличили количество этих самых "Каракуртов", и соответственно уменьшили количество работоспособных стационарных оборонительных устройств.

Едва штрафники после всех занятий вернулись в казарму, Карлаш подлетел к Белецкому и возбуждённо жестикулируя, начал рассказывать о том, что, оказывается, сервисный интерфейс блока питания частично совпадает со стандартным. И немного помучавшись, Карлашу, а точнее, его инструктору, удалось выяснить, как сделать переходник со стандартного зарядного устройства, чтобы попытаться вдохнуть жизнь в этот древний энергонакопитель. Егор засомневался, что накопитель вообще может находиться в рабочем состоянии через полтысячи лет после изготовления, на что Сашка ему возразил, что лет триста может без проблем, а точный возраст этого девайса всё равно никому неизвестен. Не факт, что если рукояти пятьсот лет — то и блоку питания столько же. В общем — попытка не пытка. На вопрос Белецкого, в котором в последнее время проснулась подозрительность, а не взорвётся ли блок питания при зарядке к чертям собачьим, Карлаш только развёл руками, и напомнил о том, что кто не рискует...

...Того не хоронят в дубовом гробу, — закончил Белецкий мысль товарища, но разрешение на эксперимент дал. При условии, что издеваться будут только над блоком питания. Всё остальное пока побудет у Егора. Сашка с радостью согласился. Пока ему вполне достаточно было и этого. Хоть какое-то развлечение в нудных буднях учебки.

Ночь прошла как обычно, а утром штрафника Белецкого ждал сюрприз в виде персонального расписания занятий на сегодня, состоящего из одного слова:

"Испытание".

За время нахождения в штрафбатовской учебке Егор стал подозрительно относиться ко всему, а особенно ко всяким мероприятиям, название которых начиналось с большой буквы. А тем более — продолжающимся целый день. Но делать было нечего, и бывший лейтенант потопал по зелёной линии навстречу неизвестности.

Зелёная линия привела его в до боли (как в переносном, так и в прямом смысле) знакомый тренажёрный зал, к ставшему уже почти родным скафу-тренажёру. Влазя в скаф, Белецкий напряжённо размышлял, какую виртуальную пакость с реальными последствиями можно сделать человеку, кроме "зачёта по общефизической подготовке", и "Фехтовального турнира"... Выходило что-то вроде комбинации этих предметов с "матчастью". Вот скаф был уже полностью надет, тестовая таблица прогнана... Егор приготовился к погружению в виртуальный мир.

Захват на поясе тихо щёлкнул, размыкаясь, и перед глазами загорелась надпись: "Режим тренажёра отключен". Тут же сменившаяся надписью "штатный режим" и предложением следовать вдоль зелёной линии. "Да. Вот что уж умеют делать хорошо организаторы местного учебного процесса — так это удивлять", — думал Белецкий, шагая вдоль зелёной линии, и одновременно размышляя, куда бы она могла его привести.

Линия привела его к пустынной заснеженной вертолётной площадке, на которой сейчас не было ни вертоджетов, ни людей. Только у края площадки застыл одинокий силуэт рыси, так же, как и Белецкий, упакованной в скафандр. Егор не стал даже посылать запрос, чтобы установить личность рыси, а точнее рыся, а, подойдя поближе, бросил своему напарнику: "Привет, Пантелей!". И действительно: кто ещё мог ожидать его здесь? Предположения

Егора подтвердились, когда он услышал ответное насмешливое приветствие: "И тебе не хворать, начальник"

По мнению Белецкого встреча с Рысем могла означать только одно: Что испытание будет совместным с Пушистиком (или, поскольку от руководства учебкой можно было ожидать чего угодно — Пушистик мог сегодня играть ПРОТИВ своего напарника).

— Ну что, готов к Испытанию? — раздался знакомый голос из внешних динамиков рысиного скафа.

— Всегда готов, — буркнул Егор, оглядываясь по сторонам в поисках какого-нибудь подвоха.

— Тогда делай, как я, — при этих словах Рыся ближайшая к собеседникам часть ограждения расположенного рядом эвакуационного тоннеля резво поднялась вверх, осыпав напарников тысячами мелких искрящихся снежинок. Взору Егора открылись два закрытых диафрагмами колодца с уже натянутыми тросами. Пантелей подошёл к одному из колодцев, и, хитро изогнувшись, встал на задние лапы, прислонившись к тросу спиной. Раздался тихий щелчок.

— Ну, чего встал? — прикрикнул на напарника Рысь, надо сказать, смотревшийся в этой позе довольно нелепо.

Егор быстро подошел к второму тросу, и прижался к нему спиной. Снова раздался щелчок, и скаф доложил, что есть захват троса эвакуатора. "Если это Испытание, — то вроде бы я его уже проходил. И прошёл" — мрачно подумал Белецкий, готовясь к тому, что сейчас диафрагма под ногами разойдётся и...

Диафрагма не подвела его ожиданий. Егор ухнул в колодец, успев увидеть краем глаза, что рядом то же самое произошло и с Пантелеем.

Сегодня момент, когда Остров закончился, и началось открытое пространство, был виден яснее, чем прошлый раз, благодаря какому-никакому — но свету, пробивавшемуся сквозь серые клубящиеся облака, в которых пока и проходил спуск. То есть падение. Рядом то проявлялся то снова растворялся в серой каше угольно-чёрный силуэт Рыся. На этот раз лететь было спокойнее — Егор знал, что ждёт его впереди. "Могли бы, кстати, и в прошлый раз предупредить", — подумал он, ожидая, когда же тучи наконец закончатся, и можно будет увидеть землю.

Этот момент настал где-то на высоте двухсот — двухсот пятидесяти метров. Серая мгла внезапно сменилась стремительно приближающимся зимним чёрно-белым пейзажем. Разглядеть что-нибудь толком за оставшиеся несколько секунд до поверхности Егор так и не успел, и под радостный крик раскинувшего лапы в стороны Пантелея "Я лечу-у-у-у-у!!!", человек и рысь провалились сквозь изображающую белые сугробы оптическую маскировку в глубокую чёрную шахту.

Дальше всё было, как в прошлый раз — толчок воздуха в грудь, отделение от троса, свободный полёт, приземление кувырком в кромешной тьме, и бег по красной линии. В конце которой Егора уже ожидал его пушистый напарник, упорно пытающийся почесать задней лапой за ухом. Дотянуться то лапой до того места, где под шлемом находилось ухо, скаф позволял, но вот с тем, чтобы добраться до уха, были проблемы. Увидав Белецкого, Пантелей бросил своё бесперспективное занятие, и смущённо пробормотав: "инстинкты, будь они...", поднялся, и кивнул Егору на находящийся рядом подъёмник, сильно напоминающий тот, от которого Белецкий пятнадцать минут назад отцепился в тренажёрном зале. Разве что прикреплён он был не к полу, а к потолку.

— Становись.

Егор, пожав плечами, встал в нарисованный на полу круг. На поясе сомкнулся захват. "Значит, Испытание всё же будет виртуальным" — сделал вывод испытуемый, — "Но почему тогда оно проводится здесь, а не в тренажёрном зале?", — недоумённо подумал он, перед тем, как окружающий его мир погрузился во тьму. Скаф отключил наружные камеры по внешней команде...

— В наступившей полной темноте можно было ориентироваться только по косвенным признакам. Рывок, и ноги оторвались от пола... Ну, это понятно. В тренажёрном зале это происходит на каждом занятии. Вот только экзоскелет скафандра там создаёт нагрузки, маскирующие это движение.... Толчок. Скаф, а точнее, захват со скафом, начал двигаться. Судя по всему — вперёд... А вот это уже интересно. Наверху тренажёры не разъезжали по залу. Боковое ускорение. Слева... Теперь справа... Тренажёр маневрировал. Вообще, оказаться на самоходном тренажёре — почти то же самое, что оказаться на самоходной печке из сказки. Тренажёры, как и печки, предназначены отнюдь не для езды...

Петляние по подземельям продолжалось не очень долго. По субъективным ощущениям (часы как скафа, так и комм были отключены вместе с внешними камерами) — не больше десяти минут. После чего Белецкий почувствовал, что под ногами снова появилась опора. О том, что захват на поясе разомкнулся, Егору рассказал почти незаметный рывок, сопровождавшийся лёгким щелчком. Одновременно с отсоединением подвеса полностью отключились все системы скафа. А заодно вырубился и комм. Егор остался без связи, света, системы навигации и ещё кучи полезных мелочей, которых не замечаешь, пока они есть, но, как только они исчезают, оказывается, что без них очень плохо. Откинувшееся по внешней команде забрало шлема было последним приветом затерянному в абсолютной тьме человеку от организаторов очередного издевательства. Подумав, Егор одобрил это решение. Сам бы он долго сомневался, стоит ли разгерметизировать скаф — ведь в помещении, где он сейчас находился, вполне могло просто не оказаться воздуха. Или он мог быть отравлен.

Но до этого фантазия местных маньяков-садистов не дошла. Воздух был хоть и затхлый, но вполне пригодный для дыхания. Так что от сомнений на этот счёт Белецкий был избавлен. Теперь оставалось решить, что делать дальше. Почему-то об этом ему сообщить забыли. Вспомнив, что в подземелья под летающим Островом он спустился вместе с рысем-напарником, Егор предположил, что Пантелей должен быть где-то рядом. И если даже и он не знает, что делать, то всё равно вдвоём будет веселей. Егор прислушался. Звуков не было никаких. Вообще. Так бывает очень редко. Особенно в подземельях, где гулкое эхо постоянно доносит до ушей попавшего в них человека какие-то шорохи, стуки, скрипы...

Но сейчас не было слышно НИ-ЧЕ-ГО. Рассудив, что Рысь, как представитель семейства кошачьих, может подкрасться и незаметно, то есть в данном случае — неслышно, Егор решил для начала просто позвать его. Поскольку других методов общения, кроме подаренного матерью-природой голосового, испытуемому не оставили, он просто громко крикнул в темноту "Пантелей!". "...эй, ...эй, ...эй" — отозвалось эхо со всех сторон. И больше — ни звука. "Значит, рыся здесь нет" — сделал логический вывод Егор, и серьёзно задумался над вопросом, что делать дальше.

Определённо, раз Испытание называется испытанием, значит что-то должно испытываться. Что-то из его личных качеств или способностей... Или не его... На секунду у Белецкого мелькнула мысль, что испытывать должны были какое-то новое странное создание, типа Боевого Рыся, или новую боевую систему... Она должна была найти в этом

тёмном подземелье человека и... Дальше думать на эту тему Егору не понравилось, и он переключился на более приятный (и вероятный) вариант, в котором испытуемым был всё-таки он. Что в нём могли испытывать? Боевые качества в отключенном скафандре? Кстати... Белецкий поднял одну ногу, а затем опустил её на место. Так и есть. Экзоскелет скафа тоже был отключен. То есть скаф движениям не сильно мешал, но и не помогал, как раньше... Какие уж тут "боевые качества"? Силу воли? То есть сколько он сможет продержаться один во тьме, погребённый под толщей земли? Может, и так...

В общем, поразмыслив, Егор решил, что, пока от него ничего не требуют, логично будет ничего и не делать. Чем он и занялся...

Поначалу это занятие оказалось даже приятным, особенно после изматывающего учебного марафона наверху. Но полноценно расслабиться не давала мысль, что это всё-таки испытание, и в любой момент можно ожидать какой-либо гадости от его организаторов. Однако минуты проплывали мимо одна за другой, и ничего не происходило. Егору стало скучно, и он решил потратить немного времени на обследование подземелья, в котором находился. Раз было эхо, значит, должны были быть и стены, от которых оно отражалось. Причём относительно недалеко. Вряд ли под землёй стали бы строить помещение площадью в несколько футбольных стадионов.

Короче, план у Егора нарисовался простой: двигаясь прямо, упереться в стену, а затем обойти помещение по периметру. Сказано — сделано. Егор двинулся вперёд, осторожно ступая, чтобы не провалиться в какую-нибудь ямку глубиной метров в сто, и отсчитывая на всякий случай шаги...

Уже на пятисотом шаге у него возникли сомнения в правильности оценки им размеров помещения, а на тысячном он решил, что случайно угодил в длинный прямой тоннель. Проверить это предположение было просто: Белецкий повернул на девяносто градусов вправо, и продолжил движение...

На этот раз он остановился уже через сто шагов. Тоннеля такой ширины быть не могло. Конечно, существовал вариант, что он снова случайно угодил в перпендикулярный предыдущему тоннель, но это было весьма маловероятно. Подумав, Егор решил двигаться по расширяющейся спирали. Где-нибудь на стенку и наткнётся. А что уже не сможет вернуться на первоначальное местоположение — не важно. Те, кто его сюда засунул, точно отслеживают его передвижения, и если им будет очень надо — смогут его найти в любом случае.

Ещё минут сорок ушло на наматывание кругов... Стенки не было.

Егор плюнул, и решил прекратить это неблагодарное занятие, не принесшее никаких результатов, кроме потраченных сил. Сколько ещё предстояло проторчать в этой тьме, было неизвестно, как и чем предстоит заниматься... Так что силы могли ещё пригодиться.

Поэтому испытуемый просто опустился на пол, и, усевшись по-турецки, стал ждать... Сидеть в такой позе в скафандре было не очень удобно, поэтому, подумав немного, Белецкий улёгся на спину. Лежал он так долго, — пока в один прекрасный момент не осознал, что только что проснулся... Это его испугало: нельзя засыпать в незнакомом месте. Мало ли что... Он поднялся, и начал шагать туда сюда: десять шагов вперёд, десять назад... Почему десять? Так получилось... Можно было отмерять и пять шагов, и пятнадцать. Эхо шагов едва слышно отражалось от невидимых стен, до которых так и не удалось добраться... Захотелось пить. Да и есть тоже. Но увы. "Поилка" и "кормушка", как называли в войсках системы подачи воды и пищи, в скафе не работали. А если бы и работали, то всё равно были

пусты. Это Егор узнал, ещё когда надевал скафандр в тренажёрном зале.

Обстановка не менялась. Всё та же тьма, всё тот же затхлый воздух подземелья, всё та же тишина... Походив немного, Белецкий снова лёг. Потом снова походил... Потом опять лёг... Постепенно ему начало казаться, что вот так он бродил в этой вечной тьме всегда, а вся его "жизнь" — только сон... Навалилась апатия. Вскоре он уже не боялся заснуть. Ну, убьёт его кто-нибудь во сне — какая разница? В этом полусне-полуяви прошло бессчётное количество долгих секунд. Наверное, они складывались в минуты, часы, дни... Егор не мог точно сказать, пробыл он здесь несколько часов, или несколько дней. Он потерял счёт времени.

Он начал растворяться в этой тьме... В очередной раз вынырнув из забытья, Белецкий вдруг испугался, что забыл своё имя. Напрягшись, он неуверенно тихо произнёс: "Егор?..."

— Егор... Егор... — ещё тише ответило равнодушное эхо. Раньше бы он его не услышал, но сейчас слух настолько обострился, что, казалось, можно бы было услышать, даже как бежит муравей. Если бы муравьи здесь водились...

Обрадовавшись, что вспомнил своё имя, Егор заворочался, устраиваясь поудобнее и намереваясь снова провалиться в дрему. Спать мешало эхо, монотонно повторявшее: "Егор..., Егор..., Егор...". Эхо?! Никакое эхо не могло бы повторяться так долго, не затухая. Да и голос "эха" казался знакомым...

— Пантелей! — закричал Егор, вскочив на ноги.

— И незачем так орать! — послышался тихий, но чёткий ответ, — Я тебя слышу, я рядом... Возьми себя в руки, и продолжим...

— А мы что-то начинали? — саркастически поинтересовался Белецкий, автоматически оглядываясь по сторонам, будто бы в окружающей его крошечной тьме можно было разглядеть этого несносного пушистого индивидуума, — Что продолжать-то? — Егор наконец осознал, что занимается бессмысленным делом, и перестал крутить головой, — И "рядом" — это где? — решил он добыть информацию о местоположении напарника более доступным путём.

— Неважно... — уклонился тот от ответа. Егор ещё раз повертел головой, пытаясь уловить направление, откуда идёт звук, но и этот манёвр не увенчался успехом. В шлеме направление до источника звука не очень определишь... — между тем Рысь продолжил беседу: — Кушать хочешь?

— Издеваешься, гад? — взвился Егор, — у меня тут уже давно живот к спине прилип. Кажется, что неделю не ел... Кстати, а сколько времени я здесь?

— Неважно... — снова ответила наглая зверюка ("Выберусь — поймаю, убью!" — подумал Егор), — Важно то, что если ты хочешь кушать, то должен беспрекословно выполнять все мои указания. Не отвлекаясь на не относящиеся к делу вопросы. Как только выполним программу — сразу в столовую.

При упоминании столовой у Егора потекли слюнки. "Рефлекс, однако" — подумал он и бросил во тьму: — Давай свои указания.

— Вот и чудненько, — обрадовался Рысь, — Первым делом сними шлем.

Егор с радостью выполнил приказ, тем более, что он отвечал и его желаниям: без шлема легче было определить, в каком направлении затаился "командир".

— Снял? — послышался голос Рыся. Егор разочарованно вздохнул. Направление всё равно не угадывалось.

— Да, — коротко ответил человек, напряжённо вслушиваясь в окружающую тишину.

— Теперь закрой уши руками, — последовала следующая директива.

— Егор, пожав плечами, поставил шлем на пол, и прижал ладони к ушам. Приказ был странный, но выполнять его было надо. На всякий случай испытуемый ещё и закрыл глаза. Никаких других причин закрывать уши, кроме намечающегося взрыва светозумовой гранаты он не видел.

— Закрыл уши? — послышался голос Пантелея.

— Да, — автоматически ответил Егор.

Стоп! Он же действительно закрыл уши! Тогда как он услышал рыся?

— Пантелей! — Белецкий широко раскрыл глаза, и окликнул напарника, не отнимая руки от ушей.

— Чего? — голос Рыся с явно проскальзывающими в нём ленивыми интонациями был слышен вполне отчётливо, не смотря на то, что не мог быть слышен никак.

— Я тебя слышу! — поспешил удивить пушистика Егор.

— Это хорошо..., — послышался в его голове совсем не удивлённый, а скорее, довольный голос, — Это правильно... А теперь позови меня. Мысленно...

Легко сказать! Мысли у Белецкого сейчас как раз разбежались в разные стороны. Но он собрался, и крикнул в уме: "Пантелей!". Ответа не было. Ещё раз: "Панелей!".... Тишина...

Наконец, рысю надоело молчать.

— Зовешь? — поинтересовался он, — Вслух отвечай.

— Зову, — сообщил Егор тьме перед собой, — Слышно?

— Нет. Плохо стараешься. Видно, совсем есть не хочешь, — пришёл ответ, — Представь меня как можно подробнее. И зови опять. Давай!

Белецкий попытался вызвать перед глазами образ своего напарника. Ну, серый... Ну, пятнистый... Ну, с коротким хвостом. Морда пушистая... Наглая.

— Пантелей!

— И снова: зачем так орать? — "прозвучал" в голове довольный голос, — На полтона ниже. Получилось... Теперь, если хочешь мне что-то сказать — то делаешь это только мысленно. На звуковые сигналы не отзываюсь. Понятно?

— Понятно, — протелепатировал Егор. Когда идём в столовую?

— Какая столовая? — фыркнул в ответ Рысь. Ты что, думаешь, что Испытание уже закончилось? Ишь, какой быстрый... Надень шлем.

Егор со вздохом выполнил команду.

— Теперь закрой глаза. И ме-е-едленно поворачивайся на триста шестьдесят градусов. Увидишь что-нибудь — останавливайся, и говори мне. Выполнять!

— Белецкий закрыл глаза, и начал поворачиваться на месте. Задание на первый взгляд было нелепым. Что можно увидеть закрытыми глазами? С другой стороны, а что можно слышать закрытыми ушами? Но слышно же... Потому Егор отнёсся к делу со всей ответственностью: "вглядывался" во тьму до боли в глазах, пытаюсь углядеть что-то необычное. Но ничего необычного не попадалось. Только чуть более светлое — почти на пределе видимости, пятно где-то на пол-второго... Сделав полный оборот, Егор доложил о результатах Рысю.

— Пятно, говоришь, — хмыкнул тот. А ну-ка, повернись в сторону этого пятна, и сделай несколько шагов в том направлении.

Егор починился. Пятно стало ярче, и приобрело зеленоватый оттенок.

— Понятно, — отозвался Пантелей на очередной мысленный доклад Егора, — А теперь

стой на месте, и докладывай об изменениях.

В течение следующих пятнадцати минут пятно становилось то ярче, то темнее, то расплывалось, то фокусировалось вновь. Егор честно докладывал по мыслесвязи обо всех его эволюциях. В конце-концов пятно трансформировалось в некий более-менее различимый замысловатый объект, так и оставшийся светиться грязно-зелёным светом.

— А теперь самое интересное: — услышав довольный голос рыся, Егор почти явственно представил себе, как тот потирает лапы в предвкушении этого самого "интересного"... — Подойди к этой шкуровке поближе...

Егор подошёл.

— А потрогать это можно? — поинтересовался он у напарника.

— Трогай, — великодушно разрешил тот.

— Егор протянул руку. Рука не дошла до зелёного-непонятно-чего сантиметра на два, уперевшись в перпендикулярную полу плоскость.

— Стена, — пояснил невидимый Пантелей, — В ней дверь. А в ней замок. Откроешь — выйдешь отсюда.

— А как оно открывается? — поинтересовался Белецкий, за время пребывания в шрафбате научившийся чувствовать подвох "пятой точкой".

— Легко, — судя по интонациям, невидимый в темноте рысь сейчас издевательски улыбнулся, — Головой.

— А серьёзно? — обиделся Егор, — издеваться над человеком в такой ситуации — этого я бы мог ожидать от прапорщика Шелехова, а не от напарника.

В ответ в ушах послышался какой-то неясный шум, в котором можно было выделить всхлипывание и сдавленные стоны. Отметя в сторону версию, что Пантелей нашёл в этом подземелье какую-то рысиную особь женского пола, и сейчас усиленно работает над продолжением рода, Егор классифицировал звуки как безудержный смех. Через полминуты звуки прекратились, и снова "послышался" голос Рыся:

— Извини... Не смог удержаться... А про "головой" я вполне серьёзно. Чем, ты думаешь, будешь активировать оружие на транспортнике в условиях радиоподавления? Тем же, чем сейчас со мной общаешься. Вот только тут всё будет происходить немного по другому... — При этих словах включился комм Белецкого. Пока прогонялись тестовые таблицы, рысь продолжил объяснения: — Чтобы активировать механизм, тебе надо для начала научиться генерировать управляющий код. Система активации каждого такого механизма проста, как три копейки: она может распознать только одну кодовую последовательность. По получении которой и срабатывает. Коды будешь генерировать своим серым веществом — но при помощи электроники. Сейчас получишь файл с кодом — и электронная часть системы начнёт пытаться заставить биологическую часть выдать требуемый результат. Программное обеспечение у тебя уже прошито — осталось только отладить систему. Предупреждаю — процесс долгий. Так что можешь присесть. Будет болеть голова — терпи. У меня всё. Отключаюсь до достижения тобой успешного результата. Работай.

Егор со вздохом опустился на бетонный пол. Мучения продолжались...

Он снова потерял счёт времени... В голове как будто что-то шевелилось, распирая череп изнутри. Появилась тупая боль, которая постепенно переросла в невыносимую режущую. Казалось, черепная коробка вот-вот лопнет, а ненавистная зелёная конструкция, из-за которой он не мог отсюда уйти, так и останется равнодушно висеть в кромешной тьме... Но

Егор терпел, сцепив зубы... А что ещё оставалось? Не хотелось выглядеть хлюпиком в глазах партнера — рыся, да и были серьёзные подозрения, что если он сейчас не выдержит, то потом через эти мучения придётся пройти ещё раз...

Когда сознание уже готово было погрузиться во тьму, что-то тихо щёлкнуло, зелёный механизм погас, а в стене появилась яркая линия, которая тут же превратилась в расширяющуюся полосу света. Дверь открылась.

Егор вскочил на ноги. Не стоило этого делать так резко... Голова закружилась, и он чуть не упал обратно на холодный пол. От яркого света глаза слезились. "Надо было опустить забрало скафа", — подумал измученный штрафник, — "поляризационный светофильтр работает автономно, даже при отсутствии питания". Пошатываясь, Белецкий сделал шаг вперёд, но в ушах раздался строгий голос рыся:

— Куда?

— Туда, — мотнул Егор головой в сторону двери. Этого тоже делать не стоило... Головная боль ещё не прошла, и любое резкое движение отдавалось в голове.

— Рано, — заявил Пантелей. На данном этапе только закончилась настройка автоматики. Теперь ты должен сам открыть замок, — при этих словах злобного инструктора полоса света снова начала уменьшаться, пока не превратилась в линию и исчезла. Зелёное изображение дверного замка засветилось вновь, но Егор смог разглядеть его снова не сразу — глаза адаптировались к темноте медленно.

— И как эта железяка открывается? — меланхолично спросил Белецкий у рыся-мучителя. После несостоявшегося освобождения из подземелья на него навалилась апатия.

— Легко! — бодренько ответил напарник, — Действия те же, что при активации оборонительных устройств на тренировке по "матчасти".

— Так просто? — Егор недоверчиво хмыкнул, опустил на всякий случай забрало, и произвёл необходимые манипуляции. Дверь начала открываться. Одновременно вспыхнул свет и с этой стороны двери. На этот раз поляризационный фильтр смягчил нагрузку на глаза. Егор огляделся вокруг. Оказалось, всё это время он находился в относительно небольшом помещении — где-то метров двадцать на двадцать...

— Ты вверх погляди, — раздался в голове насмешливый "голос". Егор поднял взгляд. Оказалось, что почти над его головой расположился маленький балкончик, на котором вольготно разлёгся Пантелей.

— Ах ты!.. — Егор не договорил. Дворянину ругаться не подобает, да и за что ругать бедное пушистое существо. Рысь всего лишь выполнял приказы.

— Ну-ну, попрошу без выражений! — Пантелей легко спрыгнул на пол, — Я к нему, понимаешь, со всей душой, даже шоколадку заготовил, а он... — рысь отвернулся, и принялся чертить что-то правой передней лапой на полу.

— Я тебе не девушка, чтобы меня шоколадками задабривать, — пробурчал Егор, но тут в животе забурчало... — Ладно, давай!

Плитка горького черного шоколада была уничтожена практически мгновенно.

— Ну вот, совсем другое дело... — довольным голосом заметил рысь, — А теперь двинули...

— Куда? — поинтересовался Белецкий, которому и в самом деле стало немного лучше. Плюс "завёлся" скаф. С его экзоскелетом вполне можно было ещё побродить по подземелью даже в таком убитом состоянии...

— Вперёд и ввысь! — осклабился пушистик, — За мной!

Пантелей не соврал. Действительно, сначала шли вперёд, по наклонному тоннелю (правда, уклон у него был вовсе не ввысь, а в противоположную сторону). А потом тоннель кончился, и партнёры оказались в широком круглом зале. То есть это Егор сначала подумал, что в зале, но когда человек и рысь подошли к двум уходящим от пола и теряющимся в темноте вверху вертикальным тросам, то стало ясно, что это та самая шахта, через которую с Острова попадают в подземелье. Напарники пристегнулись к тросам. Включились лебедки, и две фигуры в скафандрах взмыли ввысь. Как Пантелей и обещал.

Подниматься по тросу оказалось медленнее, чем спускаться по нему же. Чего, впрочем, и следовало ожидать. Мощности лебёдки не хватало, чтобы тянуть тело в скафандре вверх с тем же ускорением, как оно падало вниз — ускорением свободного падения. Поэтому подъём в шахте занял больше времени, чем спуск. Кстати, о времени: Егор наконец-то с момента включения комма догадался взглянуть на часы и ужаснулся: оказывается, он провёл в подземелье более полутора суток. Когда он поделился этим открытием с поднимающимся рядом рысем, тот только отмахнулся лапой:

— Это очень даже неплохой результат. Обычно на инициализацию уходит от двух до трёх суток, не считая того, что возможен и летальный исход. Так что, считай, что тебе повезло.

"Ничего себе, повезло..." — подумал Белецкий. "Попал в штрафбат, вляпался в этот эксперимент... Кстати:"

— Так я теперь, получается, телепат и телекинетик? — озвучил Егор свой вопрос.

— Ну как тебе сказать, — задумчиво ответил рысь, задрав морду, и глядя на медленно увеличивающийся в размерах светлый кружок где-то далеко вверху, — Телепат ты стопроцентно... Как и я. Но вот только "телепатить" ты можешь или с такими как я, или с такими, как ты. То есть, инициированными. И больше ни с кем. И мысли ты читать не можешь, не надейся... — Егор погрустнел. Он как раз подумал, какой успех можно иметь у женщин, если читать их мысли, — Но поверь — это само по себе уже достаточно много, — продолжал Пантелей, — По крайней мере, так считает СИБ, для которой существование группы индивидуумов, чьё общение между собой невозможно зафиксировать — уже само по себе является большой головной болью. А вот что ты не телекинетик — это так же стопроцентно. Ты можешь воздействовать только на специально сконструированные устройства. Кстати, с обретением этих способностей ты прошёл второй, и, насколько мне известно, последний этап трансформации организма.

— Так ты знаешь про эксперимент?! — чисто автоматически спросил Егор, и только потом удивился, что смог задать вопрос.

— Я его часть. Такая же, как и ты — просто ответил рысь. И допуск у меня такой же, как и у тебя.

— Значит, всё это преобразование... — начал Белецкий.

— Имело целью сделать из тебя помехозащищённый приёмопередатчик. А ты что думал? Что станешь суперсолдатом, и плевком будешь сбивать линкоры, а чихом уничтожать орбитальные крепости? Спустись с небес на землю, мой юный друг.

Вопреки последнему пожеланию Пантелея, напарники никуда не спустились, а наоборот, продолжали возноситься в небеса, выбравшись наконец из шахты на белый свет. Сегодня он был действительно белый — под светом солнечных лучей склоны покрытых снегом сопok сверкали серебром. На блёклом зимнем небе не было ни облачка, только прямо над головой висела сизая туча — оптическая маскировка Острова. Насколько Егор

знал, такая маскировка применялась на всех Летающих Островах. Вовсе не для того, чтобы скрыть сам Остров, а скорее затем, чтобы вид висящей над головой тысячетонной махины не нервировал находящихся под ней людей.

Рысь с видимым удовольствием оглядывал открывавшийся с высоты зимний пейзаж.

— И почему рыси не летают, как птицы? Вот так взмахнул бы лапами — и полетел... — продекламировал он, сопровождая свои слова соответствующими движениями лап. Вид у него при этом был настолько комичный, что Егор не смог сдержать улыбки.

Несмотря на то, что подъём по тросу был медленнее спуска, много времени он не занял. Промелькнула тёмная полоса внутренностей острова, и вот уже человек и рысь "вынырнули" у вертолётной площадки. Диафрагмы колодцев закрылись, захваты тросов расцепились. "Ну вот я и дома" — мелькнуло в голове Егора. Каковой мысли он тут же удивился. Здесь он был всего две недели — маловато, чтобы начать считать учебку своим домом. Хотя... После тёмного уютного подземелья и учебка штрафбата покажется родной.

— На сегодня мы закончили — сообщил Белецкому Пантелей. Мне налево, тебе направо. Пока, — и удалился в сторону вольера. Егору было действительно направо — в столовую. Но не сразу. Сначала предстояло заскочить в тренажёрный зал и снять скафандр. В принципе, Егор бы с удовольствием отправился в столовую и прямо в скафандре, но указания в полученном сразу по возвращении на Остров файле были чёткими и однозначными: сначала — снять скафандр. Мысленно пожелав отдавшим этот приказ самим когда-нибудь после полуторасуточного голодания быть направленными не в столовую, а в тренажёрный зал, Егор быстрым шагом, почти бегом отправился разоблачаться.

В тренажёрном зале в это время как раз были в разгаре занятия. Раньше Белецкий не имел возможности взглянуть на этот процесс со стороны. Сейчас у него просто зарябило в глазах от такого количества фигур в скафандрах, совершающих разнообразные нелепые движения. В этой картине была своя прелесть, и в другой раз Егор, может быть, и задержался на минутку поглазеть на происходящее, но сейчас на первом месте был голод. Встав на своё место в зале, Белецкий с трудом дождался, пока на поясе скафа сомкнётся захват, а сам скаф раскроется, выпуская своего оператора наружу. Как только это произошло, Егор пулей выскочил из скафандра, и полетел в столовую, словно на крыльях.

Столовая в это время оказалось пустой. Ну, почти пустой. За одним из столов поглощал пищу одинокий штрафник. Услыхав стук открываемой двери, он поднял голову... Ольга!

Трое суток гауптвахты не пошли на пользу её внешнему виду. Щёки ввалились, под глазами круги... Но вид у неё был скорее довольный, чем несчастный. Егор взял на раздаче свой обед, и подошёл с ним к столику женщины.

— Разрешите?

— Да шадишь уж, раж пришёл, — прошамкала Ольга набитым ртом.

— Как ты? — спросил Егор, присаживаясь, и тоже сразу приступая к трапезе. В принципе, беседовать с набитым ртом было не совсем прилично, но сейчас явно был тот случай, когда приличиями можно было немного пренебречь..

— А то не видно! — иронично хмыкнула его собеседница между двумя глотками.

— Мы тогда хотели вмешаться, — виновато проговорил Егор, — но не успели...

— Да не бери в голову, боец! — жизнерадостно ответила Ольга, заканчивая расправляться со своим обедом, — Я затем и закрутила эту карусель, чтобы вы не успели... А то бы на губе народу оказалось намного больше. А она, в отличие от меня, не всем так уж необходима.

Слова "девы-воительницы" подтверждали правильность недавних умозаключений барона фон Стиглица. Улыбнувшись, Егор отправил в рот очередную ложку гречневого супа, и продолжил беседу:

— Да вот, Похмелову оказалась нужна...

— Толстяку? — удивилась собеседница, — вот уж от кого не ожидала... Молодец! А у тебя почему вид, как будто с креста сняли? Тоже повышал квалификацию на гауптвахте?

— Лучше бы уж на гауптвахте — вздохнул Белецкий, вспомнив свои подземные приключения... — суп закончился очень быстро. Егор оперативно перешёл ко второму блюду, — Нет. В другом месте. Не могу рассказать — подписку давал...

— Ну, не можешь, так не можешь... — быстро сказала Ольга, допив компот, и поднимаясь из-за стола. В общем, ты тут кушай, поправляйся, а мне пора. У меня ещё фехтовально-силовая до вечера...

Ольга скрылась за дверью, а Белецкий остался уничтожать остатки обеда. Быстро справившись с этой задачей, он с сожалением оглядел пустые тарелки, и тоже отправился на учёбу. Сегодня в расписании после обеда значилась лётная подготовка. Отдохнуть не дали даже после такого изматывающего испытания. Начальство учебки очень не любило, когда штрафники бездельничали...

Вечером в казарме состоялась не то чтобы бурная, но тёплая встреча "блудных сынов и дочерей", как выразился Карлаш, с остальными сослуживцами. Коих было ровно два — как выяснилось, Левинзон сегодня тоже убыл проходить Испытание. Егор мысленно пожелал ему удачи. На посыпавшиеся вопросы он ответил ссылкой на подписку о неразглашении, и внимание присутствующих тут же переключилось на Ольгу. Точнее, с дамой общался только барон, так как Белецкий взял Карлаша под локоток, и отведя его в сторонку, поинтересовался, как обстоят дела с блоком питания от шпаги... По всем нормам, тот давно уже должен был зарядиться...

— Сашка после вопроса друга сначала почесал затылок, вызвав этим жестом подозрения Егора, что блок питания постигла скоропостижная кончина, а потом начал путано объяснять, что "эта железяка" ещё не зарядилась. Егор вопросительно вскинул брови. Сашка развёл руками, и поднял взгляд к потолку. Как выяснилось из его дальнейших объяснений, блок питания исправно поглощал энергию от зарядного устройства, но сигнала ни об окончании зарядки, ни даже о зарядке на двадцать пять процентов не выдавал. При том, что система оповещения о состоянии зарядки в блоке функционировала нормально. Техник-инструктор объяснял такой феномен изменениями внутренней структуры накопителя за время бездействия. Теперь он, мол, способен поглощать только часть поданной на него энергии. На вопрос Белецкого, куда же девается "неусвоенная" энергия, Карлаш только ещё раз развёл руками. Куда-то девается... Нагрева нет, вообще никаких эффектов нет. Была безумная идея, что ёмкость накопителя гораздо больше ёмкости стандартного блока питания, но Карлаш с инструктором её отвергли из-за её неосуществимости при современном уровне развития техники, а тем более полтысячи лет назад. Так что оставалось только ждать, когда блок зарядится... Если зарядится...

На этом разговор с блока питания перешёл на другие темы. Карлаш сообщил, что в день отбытия Белецкого на Испытание проводили в космос первый взвод, и сегодня с утра прапорщик Шелехов уже выгуливал по дорожкам Острова очередных новичков. Кроме того, оказалось, что сегодня один из штрафников прямо с занятий по "матчасти" был отправлен в санчасть. С ним случилось что-то вроде приступа эпилепсии. Из санчасти он пока не

возвращался, и никакой информации о его состоянии нет. Егор тут же вспомнил слова особиста о летальных исходах при проведении эксперимента. Настроение у него испортилось, — ведь не было никаких гарантий, что с ним в любой момент не произойдёт то же самое, и он прервал беседу, сославшись на сильную усталость, тем более, что действительно чувствовал себя совершенно разбитым.

После Испытания, или, как его называл Рысь, инициации, учебные будни для Егора потекли своим чередом. Новым для него было то, что с рысем он теперь занимался в реальном макете тоннеля с реальными боевыми устройствами. Виртуальными остались только голограммы "Каракуртов", которых надо было уничтожать.

На следующий день после окончания Испытания прошла традиционная Церемония Выбора, где "старожилы" учебки дружно отсмеялись над новичками, а на следующий день — Фехтовальный Турнир. Выиграла его Ольга, победив в финальной схватке фон Стиглица. Очевидно, три дня дополнительных тренировок на гауптвахте не прошли для неё даром. Как не прошли они даром и для Похмелова, вернувшегося с губы сильно похудавшим, но довольным. Он занял в Турнире предпоследнее место во второй группе. И в результате остался не только жив, и даже и здоров. Егор же итогами турнира оказался расстроен: В рейтинговой таблице взвода он опустился на несколько пунктов. Даже Карлаш, который раньше фехтовал заметно хуже, теперь стоял почти на одном уровне с Белецким, а ниже в рейтинге из отделения Егора был только Похмелов.

Пантелей, с которым Егор на очередном занятии поделился своими переживаниями, "утешил" молодого штрафника, заявив, что "кошатники", как в шутку называли в штрафбате бойцов, работающих в паре с рысями, традиционно фехтуют хуже остальных. Так как у них больше времени уделяется спецподготовке. А Егор, кроме всего прочего, ещё и пилот... Так что ничего удивительного...

На следующий день после Турнира отделения преобразовали в группы, и назначили постоянных командиров. В отделении Егора командиром стала Ольга Ржевская. В принципе, такое решение командования никого не удивило. Все и так думали, что командиром будет либо она, либо барон. В некоторых отделениях произошли перетасовки. Очевидно, руководство учебки стремилось добиться оптимальных показателей по боевой подготовке групп и по морально-психологическому климату в них. Группы Ржевской эти перестановки не коснулись — она осталась в прежнем составе.

Ещё одним нововведением было разбиения групп на звенья по три человека. Звено состояло из одного "кошатника" и двух силовиков. В звено Егора вошли Ольга и Сашка Карлаш, в звено Левинзона — барон и Толстяк. Прикрытие у Якова оказалось явно слабее, чем у Егора, но он, как бывший штурмовик, и сам владел шпагой почти на уровне фон Стиглица и Ржевской.

Сразу же после этих преобразований началось боевое слаживание звеньев: Тренировки теперь максимально соответствовали боевой обстановке: Отрабатывались разные тактические схемы обороны: как в обычных условиях, так и в условиях полного радиоподавления. Все работали на пределе. Болевое стимулирование никто не отменял, в результате чего один боец из взвода погиб прямо на тренировке. В группе Егора обошлось без жертв, но все были на пределе нервного и физического истощения.

Так что пришедшую в конце второго дня форсированных тренировок новость о том, что завтра взвод передислоцируется в космос, все восприняли с облегчением. Минимум полдня отдыха было гарантировано. А то и целый день.

Вообще-то новость об отправке "на самый верх" особой неожиданностью не была. Считать умели все, а время между Турниром и отправкой можно было легко вычислить по двум взводам, покинувшим учебку за время пребывания здесь взвода Белецкого. Так что Сашка Карлаш забрал у своего инструктора так и не зарядившийся блок питания к шпаге Егора ещё утром — до официального объявления об отправке. Заодно он выклянчил у него и собранный из списанных запчастей переходник.

Вечером после занятия состоялось бурное обсуждение дальнейшей судьбы шпаги. Егор хотел исполнить свой первоначальный план и оставить старинное оружие на хранение на Земле вместе с переходником к зарядке. Карлаш выступил в роли змия-искусителя, убеждая друга, что если уж теоретически блок питания можно зарядить, то грех откладывать это событие на неопределённый срок, а лучше взять шпагу с собой, и продолжить зарядку уже от бортовой сети корабля. В глубине души Егор и сам не хотел расставаться со своей находкой, и надеялся лично увидеть, как она заработает, поэтому в конце-концов Сашке удалось уговорить его на свой план. Егор вздохнул и уложил шпагу в свой чемодан, который вместе со своим хозяином должен был покинуть планету завтра утром.

Утро началось необычно. Вместо традиционной пробежки сразу после подъёма взвод повели в Храм на утреннюю службу. Если бы это был не штрафбат, а обычная часть, такие "добровольно-принудительные" походы в церковь происходили бы каждое воскресенье. Но здесь были свои традиции. В течение всего срока обучения бойцы были вольны посещать или не посещать службы по своему желанию. И многие предпочитали беседе с Богом дополнительные минуты отдыха. Но пропустить напутственный молебен командование части не могло, даже если бы у него вдруг появилось такое желание — Церковь бы посмотрела на это весьма косо. А влияние Церкви в Империи было велико...

Так что штрафники во главе со своим уже почти бывшим командиром отстояли службу, как положено. Кто-то искренне молился, кто-то терпеливо отбывал повинность, не забывая при этом шевелить губами и осенять себя крестным знаменем. Все с некоторым злорадством поглядывали на присутствующего здесь же одиозного прапорщика Шелехова. Сегодня штрафники наконец-то гарантированно избавлялись от его своеобразных методов работы с личным составом. Сам Шелехов не обращал на стоящих рядом бойцов никакого внимания. Он сосредоточенно изображал благочестивое рвение, шепча слова молитвы, время от времени крестясь и отбивая поклоны.

Служба закончилась, как и положено, кроплением святой водой и целованием креста. В казарму штрафники уже не вернулись. Зелёная линия повела их по заметным снегом дорожкам прямо на плац. С тёмного ещё неба падали густые хлопья снега, красиво сверкающие в конусах света от фонарей, выстроившихся вдоль дорожки. Хозяйственные роботы, сегодня выполнявшие функции снегоуборочных машин, спешили убраться с пути строя. Чемоданы с собой никто не нёс — они уже находились на борту одного из двух стоявших на вертолётной площадке вертоджетов.

Шагая по дорожке, Егор, глядя на эту красоту и слушая мерный скрип снега под ногами, внезапно осознал, что, может быть, видит всё это в последний раз. Радостное настроение предвкушения окончания выматывающей учёбы сменилось грустью расставания. Не с родными и близкими, а с родной планетой. Разумеется, Белецкий и раньше, как любой другой военный служащий, покидая Землю, понимал, что может никогда уже не вернуться. Но сейчас вероятность такого развития событий была намного больше. Поглядев на лица товарищей, Егор понял, что они испытывают такие же чувства. Никто не улыбался, и не

пытался не то чтобы пошутить, а вообще что-то сказать. Штрафники шагали навстречу судьбе в полном молчании.

На плацу отбывающие выстроились отдельно от всех. Каждая группа образовывала одну шеренгу. "Кошатники" стояли по краям. Из вольера выбежали рыси и встали рядом. Егор автоматически погладил прижавшегося к его ноге Пантелея. Напротив стояли бойцы, ещё не закончившие обучение. Внезапно Егор понял, что он завидует им, хотя ещё вчера вечером сочувствовал. Прогнав эту мысль прочь, Белецкий попытался сосредоточиться на напутственной речи комбата. Но это у него не очень получалось. Вся речь пролетела мимо ушей, кроме заключительной фразы, запомнившейся ещё с прошлой такой же церемонии: «Помните, что ваша задача не умереть за Родину, а заставить сделать это вашего противника!». После того, как Белецкий стал свидетелем гибели нескольких человек ещё при обучении, а не в бою, эти слова показались ему лицемерными.

На этом торжественная часть закончилась, и штрафники из бывшего второго взвода, преодолевая сопротивление ветра от раскрученных винтов, двинулись сквозь образовавшийся буран к ожидающим их вертоджетам. На каждый летательный аппарат пришлось по две группы: к концу наземного обучения пятое отделение, с самого начала бывшее в неполном составе, было расформировано на пополнение групп, в которых в процессе обучения выбыли люди. Штрафники быстро загрузились в поданные машины. Дверцы вертоджетов захлопнулись, отрезая пассажиров винтокрылых машин от внешнего мира...

Когда гул турбин окончательно затих вдали, на заснеженном плацу остались стоять только командир учебной роты и командир батальона. Майор, улыбнувшись, подмигнул капитану:

— Ну, что, Пётр Дмитриевич, по такому случаю можно и по пятьдесят?

Капитан тяжело вздохнул:

— Подождём, Василий Григорьевич. Пусть сначала долетят...

Егор обратил внимание на то, что поданные вертоджеты отличаются от серийных, ещё при посадке. Дверь была значительно толще стандартной. Да и грузопассажирский отсек был несколько меньше, чем обычно, что явно указывало на дополнительное бронирование. В то же время снаружи летательные аппараты ничем не отличались от обычных транспортников.

На этот раз пилоты не стали включать для своих пассажиров внешний обзор. О том, что машины сразу после отрыва от площадки начали набор высоты, а так же о включении маршевых двигателей и переходе в "самолётный" режим можно было догадаться только по силам инерции при манёврах да по звуку этих самых двигателей. Когда вертоджеты вышли на крейсерский эшелон полёта и легли на курс, исчезли и эти скудные источники информации о полёте. Равномерный гул турбин убаюкивал, и многие штрафники поспешили воспользоваться случаем, чтобы немного подремать. Егор попытался мысленно поболтать с Пантелеем, но в ответ получил вежливое предложение потратить время полёта с пользой — поспать. Немного поразмыслив, Белецкий согласился с доводами напарника, и уже через несколько минут погрузился в чуткий сон...

Егор вынырнул из него только тогда, когда машина заложила крутой вираж и начала резко снижаться. Открыв глаза, он увидел, что большинство остальных пассажиров тоже проснулись, и, вцепившись руками в подлокотники кресел, тревожно оглядываются по сторонам. Только Ольга продолжала безмятежно дрыхнуть. Егор позавидовал её

самообладанию. Чисто формально просыпаться было не обязательно — никаких команд никто не давал. Бодрствовать в данной ситуации, по сути, было бессмысленно — штрафники никак не могли повлиять на ситуацию, что бы сейчас не случилось. Поэтому командир, а точнее, командирша отделения продолжала представлять собой живое воплощение известной народной мудрости: "солдат спит — служба идёт". Между тем снижение перешло в крутое пике. Летательный аппарат охватила мелкая тряска. Ольга продолжала сидеть с закрытыми глазами. "Хорошо, что у неё грудь маленькая", — ни с того, ни с сего подумал Егор, "Была бы большая — она бы сейчас не была так спокойна. Да и остальные пассажиры тоже", — усмехнулся он, представив это зрелище.

Машина начала выходить из пике. Навалилась перегрузка. В глазах потемнело. На секунду-две Егор отключился. Но перед тем, как мир погрузился во тьму, успел заметить, что госпожа Ржевская наконец-то соизволила тоже раскрыть глаза. Чтобы тут же вырубиться, как и все остальные. Когда сознание снова вернулось, перегрузки уже закончились. Вертоджет продолжал снижаться, но теперь он именно снижался, а не пикировал. Командир корабля по внутренней связи предложил всем приготовиться к посадке. "Лучше бы про пикирование предупредил, камикадзе хренов", — недовольно подумал Белецкий, и хотел мысленно ещё немного пройтись по "этим безбашенным пилотам", но тут вспомнил, что и сам некоторым образом принадлежит к пилотской гильдии, и тоже любит вот так повыдываться. Поэтому он только смущённо заёрзал в кресле и крепче вцепился в подлокотники. Если таким был заход на посадку, то от самой посадки можно было ожидать всего, что угодно.

Но посадка прошла штатно. Машина, коснувшись бетонки колёсами шасси, пару раз подпрыгнула, опустила нос, и покатилась, постепенно снижая скорость. Второй вертоджет приземлился почти сразу за первым. Звено многоцелевых ударных атмосферников, сопровождавшее вертодзеты от самого Острова, заложило вираж над самой землёй, и удалилось куда-то на юго-запад, на прощанье покачав коллегам крыльями. Но штрафники этого не видеть не могли. Первое, что предстало их глазам, как только пассажирские дверцы остановившихся наконец вертоджетов распахнулись, был необъятный борт орбитального транспортника. Вопреки опасениям командира учебной роты, очередной выпуск учебки добрался до аэрокосмической базы без происшествий.

Пересадка с одного борта на другой прошла так быстро, что Белецкий даже не понял, находится он на той же базе, куда его доставили после вынужденной посадки "Сапсана" или на какой-то другой. Бойцы, выбравшись из вертоджета, не успевали размять мышцы после долгой неподвижности, как, подгоняемые вооружённой охраной, вынуждены были забираться по грузовой рампе в громадное чрево орбитальника. Это была отнюдь не пассажирская машина, на которой можно путешествовать со всеми удобствами. Большая часть громадного грузового отсека была занята разнообразными контейнерами необъятных размеров с непонятной непосвящённому маркировкой. И только чуть ближе к носу гиганта среди контейнеров почти затерялся стандартный пассажирский модуль на полсотни мест. Точнее, не совсем стандартный, как понял Белецкий, попав внутрь его. Часть "человеческих" ложементов была демонтирована, и вместо них были установлены "рысиные". Если в вертоджете рыси ещё могли разместиться прямо на полу (кстати, Егор поймал себя на мысли, что если бы он был разумным рысем, то, скорее всего, дико возмутился бы такой вопиющей дискриминации), то для космического путешествия такой "метод" уже не годился.

Похоже, что орбитальник ждал только штрафников: рампа начала подниматься, едва последний из них попал на борт. Люди и рыси ещё только рассаживались по местам, а буксировщик уже потащил тяжёлую машину по рулѣжным дорожкам к началу взлѣтной полосы. Поставив транспортник на разгонную "свечу", буксировщик резво отвалил, а громадный летающий монстр, отпустив тормоза и клюнув носом, начал неторопливо разгоняться. Помогали ему в этом "свеча" — фактически линейный электродвигатель, антигравы, и твердотельные ускорители. "Свеча" работала, пока орбитальник не оторвался от полосы, ускорители отработали чуть дольше, и, после того, как они были отстрелены, подъѣм осуществлялся только с помощью жидкостных реактивных двигателей, антигравов, да силовых плоскостей, в рабочем режиме разворачивавшихся чуть ли не на полкилометра. Пожалуй, тяжѣлые орбитальные транспортники, — фактически, те же "челноки", но раздутые до гигантских размеров, остались единственными аппаратами на планете, использующими жидкое топливо. Но они и использовались не так уж интенсивно — в основном, когда надо было доставить на орбиту негабаритные грузы. Почему вместе с грузами сегодня отправили и людей, которых гораздо проще и дешевле было поднять в космос любым из военных орбитальных лифтов — для Егора было загадкой.

По мере набора высоты крылья помогали летательному аппарату всё меньше и меньше, и последний отрезок пути орбитальник прошѣл только с помощью движков и антигравов. Кстати, Белецкого всегда интересовал вопрос, почему на любом летательном аппарате антигравы были способны компенсировать не более тридцати процентов его массы, тогда как на несравненно более тяжѣлых Летающих Островах масса компенсировалась полностью. Официальная версия гласила, что антигравы Летающих Островов очень дороги в производстве, но, по мнению Егора, лучше бы более мощные девайсы устанавливали на боевых машинах, чем на сооружениях, без которых вполне можно было обойтись.

Наконец движки корабля отключились, и наступила невесомость. Транспортник вышел на заданную орбиту. Створки основного грузового люка распахнулись, и к громадному монстру сразу же кинулась свора небольших автоматических буксиров, принявшихся потрошить его внутренности. Один из буксиров подхватил пассажирский модуль, и потащил его к одному ему известной цели. Внешний обзор так и не включили — полѣт снова происходил "вслепую". Время от времени включались маршевые двигатели. Чаще — двигатели коррекции. Хотя: "чаще-реже" — это относительно. Маршевые двигатели включались три раза (из этих трёх раз один — для торможения), а двигатели коррекции — пять раз. Привычные к невесомости люди продолжали дремать, непривычные — переживали неприятный период адаптации. Через пару часов полѣта, как раз после манѣвра разворота, включился внешний обзор, и штрафники увидели конечный пункт своего путешествия. Это была орбитальная учебная станция.

Конечно, на сферическом объекте, напоминавшем доисторическую морскую мину с торчащими во все стороны взрывателями, не было написано большими буквами "ОРБИТАЛЬНАЯ УЧЕБКА ШТРАФБАТА". Но чем ещё мог оказаться этот шар пристыкованными к нему то там, то сям сегментами "Змееежей"? Когда модуль подлетел к станции на полкилометра, на изображении появились два крестообразных стыковочных маркера, которые после заключительной коррекции курса слились в один. Стыковочный узел с мигающим справа от него красным маяком медленно рос в размерах. Последний тормозной импульс двигателями коррекции, захват стыковочной штанги, мягкий толчок... И рядом с переходным люком модуля загорелась надпись: "Стыковка завершена. Осторожно,

включение гравитации". Появившаяся через пару секунд после предупреждения гравитация была слабой — где-то в треть от земной, но зато позволяла передвигаться традиционным способом — при помощи ног. Или лап.

Переходной люк открылся, и пассажиры прибывшего модуля начали переходить на станцию. Через минуту все четыре группы собрались в помещении шлюза. В принципе, на данный момент в этом шлюзе не было никакой необходимости. Давление в модуле было таким же, как и на станции. Но порядок есть порядок, и пока не закрылся внешний люк, створки внутренней двери оставались наглухо замкнутыми. Гравитация в шлюзе была переменной. Точнее, в каждой конкретной точке шлюза она была постоянной, но ближе к внешнему люку она была такой же, как и гравитация в модуле, а уже у внутренней переборки равнялась земной.

Наконец внутренняя дверь раскрылась, и бойцы двинулись вдоль персональных зелёных линий по коридорам станции к предназначенным для них отсекам. По конфигурации отсеки повторяли уже знакомые кубрики из наземной учебки. Единственным различием было наличие стенных шкафов, в которых располагались скафандры. Это были уже не устаревшие "Стрижи", в которых со штрафников сошло семь потов на Земле. Скафандр средней защиты "Сокол-ШУ", или в народе просто "Сокол", был принят на вооружение сравнительно недавно, и на данный момент являлся основным средним скафом в ВКС.

Каюты рысей находились напротив отсеков людей, причём каждый пушистик имел свою персональную каюту.

В первые часы пребывания на станции новосёлы не встретили ни единого человека. В коридорах время от времени попадались сервисные роботы, спешащие куда-то по своим делам, или ковыряющиеся в коммуникациях за сдвинутыми облицовочными панелями. Чемоданы в каюты доставили транспортные роботы. Буквально через пять минут после вселения. В столовой, куда бойцы отправились сразу после того, как привели себя в порядок после перелёта, на раздаче был такой же автомат, как и в наземной учебке. После то ли позднего обеда, то ли раннего завтрака люди снова вернулись в свои каюты, где выяснилось, что сегодня занятий не будет, и они могут отдыхать до утра.

Причём на Станции по правилам внутреннего распорядка разрешалось валяться в койке и до отбоя. Только не расстилая её и не раздеваясь. Чем большинство народа и занялось. Вторая приятная новость заключалась в том, что на станции можно было принимать все каналы голо — и телевидения. Правда, в них была отключена интерактивная связь. Доступ в Сеть также был по-прежнему закрыт. Но после практически полного информационного вакуума и эти послабления были приняты на "ура". Егор вспомнил байку о рукопожатии, рассказанную Левинзоном. Захват ослабили ещё немного...

Белецкому спать почему-то не хотелось. Головизор он включать не стал, чтобы не беспокоить товарищей, а вот телепрограммы можно было смотреть, формируя изображение прямо на глазных нервах. Чем Егор и воспользовался. В принципе, ничего интересного по телевизору не передавали. То есть были новости, фильмы и программы, которые раньше бы молодого человека обязательно заинтересовали, но теперь всё это казалось таким далёким и нелепым. Белецкий переключал каналы, не задерживаясь долго ни на одном. Только один раз он замешкался с переключением. На канале для домохозяек шла любимая мыльная опера его мамы. Сериал продолжался уже седьмой год, и Егор его тихо ненавидел... Но сейчас он представил себе, что где-то там, далеко внизу, на поверхности планеты, забравшись в большое уютное кресло и укрывшись тёплым пледом, тот же сериал по головизору смотрит

мама... А в оконные стёкла барабанит мелкий нудный осенний дождик. Дом семьи Белецких располагался в средней полосе, и там ещё снега не должно было быть.

Егор переключился на канал погоды. Да, так и есть... Температура плюс десять, осадки. В гостиной, наверное, весело горят дрова в камине... В груди защемило... Егор мотнул головой, прогоняя видение... Нет, доступ к телеканалам предоставили совершенно зря! Так совсем расклеиться можно. Егор отключился от телесети и, последовав примеру уже дрыхнувших товарищей, попытался заснуть. Сон долго не шёл: вспоминались мать, отец, старший брат и младшая сестрёнка, бабушки с дедушками, прабабушками... Поскольку при текущей продолжительности жизни родственников у каждого подданного Империи было не много, а очень много, воспоминания затянулись надолго. Егор и не заметил, когда воспоминания превратились в сон...

Сегодня штрафников не мучили не только наяву, но и во сне. По крайней мере, утром Егор не помнил, чтобы ему снились традиционные сюжеты про Космического Червяка и про "войнушку" с Каракуртами.

Доброта начальства по отношению к штрафникам закончилась одновременно с сигналом "Подъём!", прозвучавшим строго в обычное время и ни минутой позже. Хотя — нет. После подъёма выяснился ещё один приятный момент — оказалось, что обязательная утренняя пробежка ушла в прошлое. Теперь штрафники после подъёма и утреннего моциона двигались прямо в столовую, причём уже надев скафандры. Скафандры, кстати, одевали "не по инструкции" — прямо поверх комбинезона. Положенное "бельё" не напыляли. В принципе, еда в скафандре со снятым шлемом не сильно отличалась от еды без скафандра. Поднял забрало и кушай. Только ложку рукой в бронированной перчатке держать было не очень удобно. Сашка Карлаш по этому поводу пробурчал в пространство перед короткой спич на тему, а почему бы не надеть скафандры, как обычно, после обеда. На что сидевший напротив него Левинзон, решивший, что этот риторический вопрос обращён к нему, пожал плечами и ответил, что, наверное, скафы надеваются сразу для экономии времени, чтобы потом не возвращаться за ними в "спальню", а идти прямо на учёбу.

После завтрака штрафники направились вдоль жёлтых линий по местам занятий. Причём у каждой группы место занятий было своё.

В том числе и у группы ефрейтора Ольги Ржевской (когда её назначили командиром группы, тем же приказом присвоили и звание, на что она еле слышно сквозь зубы процедила: "лучше иметь дочь-проститутку..."). Чего никто не расслышал, кроме стоявшего тогда рядом Белецкого. Он хорошо помнил окончание этой популярной в войсках фразы, но ни он, ни кто-либо другой из группы не рискнул произнести её вслух при новом командире. Хотя обычно бедные ефрейторы выслушивали эту сентенцию раз по двадцать на дню). Жёлтая линия вывела штрафников к створу аварийного шлюза, знакомому по наземным тренировкам. Там бойцов уже поджидали Пантелей и Василиса, тоже упакованные в скафандры. Шедшая впереди Ольга подняла руку, приказывая всем остановиться, и подала команду: "Забрала шлемов опустить! Скафандры загерметизировать!".

— Это ещё зачем? — проворчал Карлаш, неспешно выполняя команду.

— Чтобы завтра не заниматься со мной фехтованием после занятий. Занятие сегодня ты уже заработал. За задержку с исполнением приказа.

— И зачем скафы герметизировать? Здесь атмосфера... — пробурчал Сашка вполголоса.

— Приказы не обсуждаются, а выполняются, — отрезала командир, — Не нравится мне эта станция... Кто-нибудь видел со времени прибытия хоть одного живого человека?

Напрягать память никому не пришлось. Действительно, до сих пор на станции им попадались только автоматы. Людей не было.

— А сколько мы тут пробыли? Может, прямо за этой дверью и встретим человека. Должен же нас кто-то учить, — заявил Егор.

— Сейчас увидим, — зловеще улыбнулась Ольга, подавая команду на открытие створа.

Створки распахнулись мгновенно, как и положено открываться и закрываться аварийному шлюзу. Людей за ними не оказалось. Перед штрафниками предстал стыковочный модуль "Змееежа" — вид изнутри. Ничего особенного — короткий шестигранный тоннель, в стенах, полу и потолке которого были вмонтированы люки, ведущие к стыковочным устройствам лихтеров. Заканчивался тоннель ещё одним створом, аналогичным только что раскрывшемуся. Жёлтая линия упиралась в него. Ольга, опять-таки жестом, хотя ничего не мешало использовать для общения защищённый радиоканал, скомандовала следовать за ней, и направилась к следующему створу, который раскрылся, как только группа подошла поближе. "А вот и первый встреченный здесь человек", — подумал Егор. Прямо за раздвинувшимися створками стоял и ласково улыбался, глядя на оторопелых штрафников, прапорщик Шелехов.

Все замерли. Вот уж кого-кого, а сидевшего у всех в печёнках прапоруки из учебки никто здесь встретить не ожидал. Шелехов бросил взгляд на свой неразлучный антикварный хронометр, и резко перестав улыбаться, заявил:

— Вы опоздали на тридцать пять секунд. Это недопустимо.

Штрафники принялись лихорадочно соображать, какое наказание последует за столь вопиющий проступок. Что оно точно будет — никто не сомневался. Шелехова все знали. Но предугадать полёт его извращённой фантазии были не в силах. Оправдываться никто не пытался. От оправданий обычно становилось только хуже.

Пауза затянулась. То ли прапорщик выбирал наиболее подходящий к данному случаю вариант кары, которая должна была упасть на головы провинившихся, то ли просто наслаждался моментом.

Внезапно Шелехов широко улыбнулся, и произнёс:

— Поскольку проступок совершён в первый раз — наказания не будет.

Сказать, что все были поражены такому решению — значит ничего не сказать. Не успели бойцы осознать, что нависший над ними дамоклов меч рассеялся в воздухе, как очертания лица и фигуры прапорщика стали быстро меняться, и через две-три секунды перед обалдевшей группой стоял уже командир учебной роты капитан Криволапов. Он подмигнул штрафникам, и ехидно поинтересовался:

— А вы думали, что виртуалка может моделировать только "Каракуртов"?

До людей начало доходить... Но не успели бойцы возмутиться розыгрышем, как "Криволапов" поднял руку в останавливающем жесте: — А теперь послушайте:

Поскольку приказ был подтверждён соответствующим кодом, полученным каждым участником шоу, штрафникам ничего не оставалось делать, как продолжать молча внимать непонятно кому. Впрочем, с кем группа имеет дело, выяснилось довольно быстро:

— Честь имею представится: Искусственный Интеллект этой Станции, произнёс "капитан". Имени у меня нет, поэтому обращаться ко мне можете просто "ИскИн", — заявил Шелехово-Криволапов, — Другого имени у меня нет, — добавил он, чуть погрузнев, и продолжил: — Должен вас предупредить, что кроме четырёх учебных групп, прибывших вчера, на Станции нет ни одного живого человека. Персонал составляют только роботы со

мною во главе. Военское звание мне присвоить как-то забыли, но мне обязаны подчиняться все находящиеся здесь на данный момент: и роботы, и люди. Дальнейшее ваше обучение будет происходить под моим чутким руководством, ИскИн сделал небольшую паузу, предоставляя людям время осмыслить информацию, и заговорил снова: — Разумеется, я мог бы всё это довести до вас в электронном виде и без шоу под названием "Явление прапорщика Шелехова народу", но это представление является обязательным элементом программы обучения, разработанной внизу. Кому-то там эта шутка показалась очень остроумной.

Белецкий, внимая автомату, одновременно мысленно поинтересовался у Пантелея:

— А ты ведь знал, зараза, что это не настоящий Шелехов?

— Конечно знал, — гордо ответил Рысь, — уж отличить материальный объект от нематериального я могу без всяких датчиков.

— Тогда почему не предупредил?! — возопил Егор.

— Было так интересно посмотреть на вас со стороны... — честно признался Пантелей.

— Рядовой Белецкий, не отвлекайтесь! — послышался оклик аватара ИскИна.

"Он что, тоже мысли читает?" — подумал Белецкий.

"Нет, отслеживаю моторику движений. Она у тебя меняется, когда ты общаешься с напарником" — тут же последовал ответ по индивидуальному каналу связи. А "вслух" ИскИн продолжил:

— Но не смотря на то, что за первое опоздание я вас наказывать не стал, а столь любимый вами прапорщик Шелехов остался на Земле, расслабляться не советую. Здесь тоже есть гауптвахта, и в случае чего провинившийся окажется там очень быстро. Вместе со всей группой, поскольку упражнения здесь вы будете отрабатывать в основном групповые. Но будут и индивидуальные. Причём одно из них — прямо сейчас. За моей спиной, — фантом командира роты мотнул головой назад, — к противоположной стороне сегмента "Змеежа" пристыкован тюремный бот. Он доставит по назначению того или тех, кто откажется выполнять приказ, который я сейчас отдам. Приказ заключается в следующем: Захваченным нами в ходе боевых действий пленным был предложен выбор: оставаться в заключении, или быть отправленными на Родину. Второй вариант возможен, если они сразятся на шпагах с военнослужащим нашей армии, и победят. Среди добровольцев были отобраны претенденты с достойной подготовкой. Это действительно должен быть честный турнир, а не убийство. Четверо из них находятся в боте. Сейчас они будут по очереди выходить в тоннель, а фон Стиглиц, Белецкий, Карлаш и Похмелов будут с ними сражаться. Ржевская и Левинзон в поединках не участвуют, так как они, как служащие штурмовых подразделений, через подобную процедуру уже проходили, — ИскИн снова сделал паузу, опять давая людям время осознать ситуацию, и добавил будничным голосом: — Бои насмерть. Один из соперников должен умереть, — ещё одна пауза... ИскИн повысил тон: — Даже если вы раните противника, и он не сможет продолжать борьбу, вы должны его добить. И он обязан поступить с вами точно так же. Ваши противники были ознакомлены с этим условием заранее, и здесь находятся только те, кто согласился. У вас же выбора нет. Или бой насмерть, или тюрьма, а затем Каторга, — аватар ИскИна усмехнулся, и заявил: — Лично я, если бы был человеком, предпочёл бы Каторге быструю смерть.

Позади штрафников послышался топот множества ног. Обернувшись, люди увидели, что закрывшиеся за время их общения с ИскИном Станции створки снова распахнулись, и в них проскочили трое "Каракуртов". Створки за ними сразу сомкнулись снова, но Егор успел

заметить за ними ещё трёх "пауков". Все арахноиды были при шпагах, но оружие не то что было не активировано, но находилось даже не в манипуляторах, а в зажимах на спине. Зато шпаги было по две. Кроме того, один из "Каракуртов" притащил небольшую коробку. Положив её и одну из своих шпаг на пол перед людьми, он сделал шаг назад, и занял своё место в перекрывающей путь назад шеренге роботов.

В коробке — "чистые" блоки опознавания для шпаг, — пояснил ситуацию ИскИн. Шпага пока одна на всех. Не обессудьте. Будете передавать друг-другу. Кстати, обратите внимание на "паучков"

Белецкий уже давно обратил. Это были те же самые "паучки", которые так эффективно навели порядок при инциденте в бане.

— Это "Тарантулы". Так сказать, наш ответ "Каракуртам", — продолжал вещать ИскИн. "Ходовая" в основном та же, что и у вражеских пауков — вплоть до полной взаимозаменяемости деталей, а "мозги" и вооружение — наше. Не волнуйтесь: они тут не для того, чтобы оказать на вас моральное или физическое давление. В случае чего — я могу вас "вырубить" в доли секунды и без них. Не сомневайтесь. Теперь вопрос: Есть ли среди вас пацифисты и гуманисты, предпочитающие скорее сгнить на Каторге, чем убить врага в честном бою?

Повисла тишина. С точки зрения Белецкого, необходимость убийства в поединке была неочевидна: да, конечно, схватиться предстояло с врагом, но с врагом уже побеждённым и обезвреженным. Так зачем же его вооружать, предоставлять шанс убить подданного Империи, да ещё и в случае, если он этот шанс реализует, отпускать его, чтобы он вернулся в строй и убил ещё больше подданных Империи? С другой стороны, Егор понимал, что собственноручно убить реального человека — это немного не то, что нажать кнопку, после чего погаснет одна из отметок на тактическом дисплее. Если бойцы не будут психологически готовы к убийству, то в реальном бою не только погибнут сами, но и могут послужить причиной смерти своих товарищей и провала задания. Судя по всему, целью поединка насмерть была именно психологическая подготовка. И вряд ли его стали бы проводить, предварительно не убедившись в достаточной физической подготовке бойцов.

Неизвестно, о чём думали остальные, но отказываться от боя насмерть никто не стал.

— Вот и чудно, — усмехнулся "Косолапов", — Первый поединок через пять минут. Идёте в том порядке, в котором я вас перечислил. Удачи! — с этими словами "Призрак Станции" растворился в воздухе.

Барон поднял с пола коробку, раскрыл её, и достал оттуда стандартный блок опознавания. Потом он прошёл с коробкой по кругу, и каждый взял себе по блоку. В том числе и не участвующие в очередном испытании Ольга и Яков. Когда коробка оказалась пустой, барон отбросил коробку в сторону, поднял рукоять шпаги, и вставил в неё блок. Ровно через две секунды из рукояти вырвался сияющий синим цветом клинок. Процесс привязки блока опознавания к хозяину завершился, и оружие приняло хозяина. Фон Стиглиц прогнал шпагу через основные конфигурации силового поля, и повернулся к створкам. Всё это происходило в полном молчании. Но, как только первый боец подготовился к поединку, взяла слово Ольга:

— Запомните: первого человека бывает убить тяжело, а бывает легко. У каждого по-разному. Но его НАДО УБИТЬ. Это война. Не убьешь ты — убьют тебя. Потому надо себя преодолеть. Кто-то в первом бою представляет, что играет на симуляторе, и убивает не живого человека, а виртуального... Кто-то вспоминает убитого брата, дядю, друга, и

накручивает себя, чтобы отомстить... Кто-то выходит на поединок, прекрасно понимая, что должен делать, но как только бой начинается — забывает обо всём. Вы все достаточно подготовлены, чтобы победить в этом бою. Постарайтесь не думать, а работать на рефлексах. Обычно хорошо помогают аптечки скафов инъекциями "коктейля первого боя". Думаю, и в этот раз без них не обойдётся. Они помогут вам успокоиться и работать, как на тренировках. Не кидайтесь в бой сломя голову, сначала проверьте, что из себя представляет противник. Работайте от обороны. Когда нащупаете слабые места противника — атакуйте сразу. Знаю, что всё это вам известно, но напоминаю ещё раз. Вас готовили к первому бою всё время пребывания в учебке. В том числе и психологически. Даже если вы этого не замечали. Я в вас верю. У вас получится. А теперь попытайтесь расслабиться.

Ольга закончила свою речь, и Егор попытался расслабиться, одновременно врубив скафу стандартную программу предбоевой подготовки. Скаф отозвался моментально: зашипел иньектор, впрыскивая спецсостав. Псевдомышцы экзоскелета скафа принялись разминать мышцы носителя. Егор действительно почувствовал себя расслаблено. Вспомнив советы Ольги, он попробовал представить, что ему предстоит виртуальный поединок. Получалось не очень хорошо. То ли фантазии не хватало, то ли ещё чего... Погибших друзей и родственников у него не было. Фон Ливена другом назвать язык не поворачивался. Так что и этот вариант отпадал. Егор вспомнил вполне живых родных, оставшихся внизу: отца, маму, сестренку, брата... Представил, как они расстроятся, если он вернётся на родину "грузом 200". Подумалось: "Мама этого не переживёт". Нет, нужна только победа. И не только для себя, но и для них... Для тех, кто остался внизу. И для его будущей жены, с которой он ещё не встретился, и для детей, которые ещё не родились... Неожиданно для себя самого Егор успокоился. Не совсем, конечно, но где-то до обычного предтурнирного уровня.

Прошло пять минут. Створки шлюза резко разъехались в стороны, и снова сомкнулись за шагнувшим в тёмный тоннель фон Стиглицем. Потянулись томительные минуты ожидания... Никаких звуков из тоннеля слышно не было, видеотрансляция тоже не велась, так что о том, что сейчас там происходит, оставалось только гадать.

Неизвестность длилась недолго. Не прошло и четырёх минут, как створки шлюза позади штрафников открылись на несколько секунд, и в них протиснулся медицинский эвакуатор. "Тарантулам" пришлось прыгнуть на стены, чтобы освободить ему дорогу. У Егора ёкнуло сердце. Неужели?

Но нет — разъехались створки шлюза тоннеля, и из его тёмного зева вышел живой и невредимый барон. Никаких видимых повреждений его скафа, кроме свежей царапины на левом предплечье, заметно не было. Эвакуатор, не обратив на фон Стиглица никакого внимания, ринулся в тоннель. По дороге на спешащую машину успели запрыгнуть двое из присутствующих арахноидов. Шлюз снова закрылся.

— Ну как? — озвучил Яков вопрос, вертевшийся у всех на языке.

— Легко, — пожал плечами барон. И после короткой паузы уточнил, — Даже слишком легко... Но это ничего не значит, — обратился он к ожидающим своей очереди, — Не настраивайтесь на лёгкую победу. Случай — дело такое... Сильному бойцу может достаться слабый противник, слабому — сильный. Так что готовым надо быть ко всему.

Тут створки шлюза снова раскрылись. Возвращался эвакуатор. Силовое поле, обычно защищающее эвакуируемого бойца, включено не было. Да и медицинский кокон не был замкнут. Так что неподвижную фигуру, упакованную в стандартный средний скаф Союза, было видно хорошо. Сегодня эвакуатор выполнял роль "труповозки". Механические пауки

семенили позади. Пропустив всю процессию внутрь стыковочного модуля, створки захлопнулись. Эвакуатор замер на месте. Рядом с ним "проявился" аватар ИскИна.

— А теперь, господа штрафники, — заговорил он голосом эстрадного конферансье, — прошу поднять забрала скафандров и по одному подойти сюда. Наклоняемся, смотрим, трогаем руками. Чтобы никто не подумал, что это сгенерированное изображение или голограмма.

Белецкого такое отношение к покойному несколько покорило. Хоть и враг, но всё же человек. Достойный уважения. Мог бы спокойно сидеть в тюрьме, но предпочёл рискнуть. А тут какой-то цирк устроили... Не дожидаясь вызова, Егор первым откинул забрало, и шагнул к трупу. Да, виден и глазами, при полностью отключенном дополнительном оборудовании. Скафандр пробит в уязвимой точке на левом боку. Место пробоя залито аварийным герметиком, а что толку? Клинок вошёл в сердце. Егор мельком взглянул на показатели телеметрии, высвечиваемые на дисплее эвакуатора. Мёртв. Мёртв уже три минуты. Но мозг не повреждён, окончательная терминальная смерть ещё не наступила, теоретически покойника можно было оживить. Однако, похоже, никто этого делать не собирался. Империя одним выстрелом убила двух зайцев: уменьшила расходы на содержание пленных на один рацион в сутки, и провела психологическую подготовку ещё одного бойца. Рационально. Но как-то гадко на душе...

Егор быстро дотронулся до скафандра погибшего, разогнулся, и, козырнув телу поверженного врага, отошёл на своё место. Вслед за ним те же манипуляции произвели и остальные бойцы. Когда от остывающего тела отошёл последний человек, "капитан" тихо произнёс: "Да. Так и надо...", и растворился в воздухе. Слова "Следующий — Белецкий Готовность пять минут" донеслись уже из пустоты. Эвакуатор скрылся за раскрывшимися и снова закрывшимися створками шлюза.

Егора это закрывание-открывание уже начало раздражать. Но сделать было ничего нельзя. В случае возникновения опасности всё, что может быть закрыто, должно быть закрыто. А не считать опасностью вооружённого вражеского солдата... Гм.

Фон Стиглиц вынул из шпаги свой опознавательный блок, и передал рукоять Белецкому, который тут же вставил в неё свой, ещё "чистый" опознаватель. Последовала процедура обмена информацией между шпагой и его коммом, после чего блок перешёл в рабочее состояние, и реагировал теперь только на одного владельца. Егор, так же как и барон до него, активировал шпагу, проверил основные конфигурации силового поля, и повернулся к створкам шлюза...

Створки распахнулись строго в момент истечения последней секунды выделенного на подготовку срока. Егор шагнул в темноту, одновременно активируя щит и шпагу. "Давай! Я в тебя верю!" — послышался голос Рыся по мыслесвязи. "Вера — это хорошо" — подумал Егор, оказавшись в темноте тоннеля. "Вера двигает горы. Вот только я сам в себя не очень-то верю..." Сердце учащённо забилося. Сейчас ему предстоял первый в жизни бой насмерть. Точнее, второй, но дуэль с фон Ливеном можно не считать. Тогда Егор не знал, что ему угрожает смертельная опасность. Снова зашипел иньектор, вгоняя в кровь "боевой коктейль". Мельком глянув на таблицу расхода спецпрепаратов, Белецкий увидел, что сегодня состав "коктейля" отличается от того, что впрыскивался перед и во время тренировок.

Двери шлюза на противоположной стороне тоннеля быстро разомкнулись и сомкнулись, пропуская внутрь противника Белецкого. Это оказался довольно подвижный

человек, ростом и комплекцией примерно соответствующий Егору. В руках его светились алым цветом щит и шпага.

Егор вспомнил наставления Ольги, и встал в оборонительную позицию. Противник зеркально отобразил его действия.

"Так дело не пойдёт", — подумал Белецкий спустя почти минуту. Соперники ещё не нанесли друг-другу ни одного удара. Схватка начала напоминать первый турнирный поединок Егора. Сейчас он, правда, обращался со шпагой и щитом значительно лучше, чем тогда. А соперник? Чтобы прояснить этот вопрос, Егор провёл пробную атаку. Оппонент отбил её одним из стандартных приёмов. Угу... А так? И так отбил... А так?... Контрвыпад! Егор с трудом уклонился, отделавшись царапиной на скафе чуть ниже левого колена. Нога, конечно, не сердце, но без неё тоже много не навоюешь... Придётся действовать осторожнее. Тем более, что Егор поймал себя на том, что совершает ошибки. Да и с реакцией чего-то не так. Появилась какая-то заторможенность. И это несмотря на действие химии.

Осторожнее, так осторожнее. Егор ушёл в глухую оборону, только время от времени изображая атаки. Противник тоже не спешил нападать. В принципе, им обоим было некуда спешить. Правда, у каждого за спиной ждали своей очереди товарищи, но это не было поводом повышать свои шансы скоростно скончаться в ближайшие минуты.

После нескольких ложных атак Белецкому удалось провести одну настоящую. Правда, единственным её видимым результатом явилась царапина на скафе противника. Тот не остался в долгу, и буквально через пару минут царапнул скаф Белецкого. Зато Егору на контрвыпаде удалось повредить локтевое сочленение вражеского скафандра. Повреждение было не критичное, и скаф не был пробит, но действовать навешенным на левую руку щитом так же эффективно, как раньше, противник уже не мог. Поэтому неудивительно, что очень скоро Егор смог повредить уже коленное сочленение вражеского скафа, а после этого одержать победу не стоило больших усилий. Когда шпага Егора пробила правую руку противника, и тот выронил свою шпагу, исход боя был предрешён.

Но оказалось, что самая сложная часть схватки была впереди. Теперь врага, фактически уже побеждённого и обезвреженного, надо было убить. Всё естество молодого дворянина выступало против такого поступка. Убить безоружного человека... Не этому его учили...

Стоящий перед ним противник как-то удивлённо посмотрел на свои пустые руки, затем перевёл взгляд на валяющуюся на полу тоннеля шпагу... "Ну, давай же! Нагнись, подбери оружие!" — мысленно поторопил его Белецкий, — "И я не промахнусь!". Но тот просто повернул голову к победителю, и поднял забрало шлема.

Егор сделал то же самое. Взгляды победителя и проигравшего встретились. Егор не увидел страха в глазах врага. Сожаление... и гордость... Но страха не было. Соперник улыбнулся, протянул вперёд сжатую в кулак правую руку с оттопыренным большим пальцем, и повернул кисть так, что палец указывал вниз. Улыбнувшись одними губами, он поднёс руку к своей шее, и провёл всё ещё оттопыренным большим пальцем вдоль неё. После этого он сложил руки на груди, и застыл с надменным выражением лица.

Егор поднял руку со шпагой... И опустил её. Поднял ещё раз...

— Он проиграл, и теперь всё равно умрёт, — слышался в голове голос ИскИна, — Даже если ты пойдёшь на Каторгу.

— Добей! — присоединился к нему "голос" Пантелея, очевидно, "подглядывающего" за схваткой сквозь стену.

— Я бы не колебался ни секунды, — наконец разлепив губы, медленно и раздельно с лёгким акцентом произнёс безымянный противник.

Но Егор всё ещё никак не мог решиться нанести финальный удар. Его визави постоял немного, и внезапно нагнулся за шпагой. Не успел он разогнуться и встать в позицию, как Белецкий рефлексивно, заученным движением ткнул шпагой в то же уязвимое место в левом боку, куда поразил своего соперника фон Стиглиц. Противник замер на мгновение, и рухнул навзничь. Шпага снова, теперь уже в последний раз, выпала из его рук, и покатилась к ногам Белецкого.

"А ведь он и не собирался активировать шпагу" — внезапно осознал Егор, топя деревянной походкой к выходу, — "фактически это было самоубийство..."

— Да на тебе лица нет! Ты цел? — кинулся к другу Карлаш, едва тот вошёл в коридор стыковочного блока.

— Цел он... — буркнула Ольга, как командир, имевшая приоритетный доступ к медицинской телеметрии подчинённых, — Почему забрало поднято, боец?

Егор автоматически опустил забрало, и передал шпагу Карлашу, в последний момент вспомнив, что блок опознавания надо оставить себе.

— Всё со мной в порядке, — буркнул он, прислоняясь к стенке, — Ты аккуратней там, Сань... Может попасться сильный соперник.

Мимо прошуршал медицинский эвакуатор, уже избавившийся от предыдущего груза.

К Егору подошёл Пантелей и потёрся об его ногу. Раздался скрежет — оба были в скафандрах. "Молодец! За пятнадцать минут управился", — протелепатировал рысь. "Да? А мне показалось, что минимум полчаса прошло" — вяло удивился Егор.

Эвакуатор проследовал обратно, увозя тело побеждённого врага. Нет, не так. Убитого врага. Убитого, но не побеждённого. Забрало его шлема так и осталось открытым, и было видно спокойное теперь лицо.

"Достойный противник", — "проговорил" Пантелей, провожая взглядом эвакуатор, — "Сколько их ещё будет..."

"Сегодня ещё два", — озабоченно подумал Белецкий. "И хотелось бы, чтобы они были послабее..." — Егор скользнул взглядом по переступающего с ноги на ногу Похмелова, и остановил его на замершем в готовности Александре. "И помочь ничем нельзя... Разве что кулаки держать...". Створки разошлись и Сашка сделал первый шаг навстречу своему первому смертельному бою...

Егору показалось, что ожидать результатов схватки с участием друга тяжелее, чем самому вести бой. Он то и дело поглядывал на таймер, то начиная шёпотом отсчитывать секунды, то замирая и вслушиваясь в тишину, хотя знал, что ничего услышать не может. В конце концов он вспомнил, что его пушистый напарник может видеть, что происходит за стенами, и попросил его передать картинку происходящего или хотя бы прокомментировать ход поединка. Однако Рысь его разочаровал, сообщив, что через бронелисты, которыми, собственно, и являлись створки шлюза, видит довольно плохо, иначе бы ему не пришлось лазить по техническим шахтам. На вопрос, а как же он тогда видел бой Егора, тот ответил, что очень плохо. И "смотреть" было очень тяжело.

У Белецкого сложилось мнение, что его четверолапый друг просто уваливает от работы комментатора. Он вздохнул, и приготовился отсчитывать секунды дальше, но тут на пороге шлюза появился Карлаш. Двигался он довольно уверенно, но затянута герметиком пробойна на левом предплечье говорила о том, что без потерь ему из этой схватки выбраться не

удалось. Не успели сослуживцы накинуться на раненного с расспросами, как проявившийся фантом Искина скомандовал ему двигать в лазарет своим ходом по жёлтой линии. Остальных "Косолапов" поспешил успокоить, заявив, что их друг к завтрашнему утру будет "как огурчик".

Труповозка вывезла из тоннеля очередной труп. Оставалась последняя схватка. Ко входу в тоннель на негнущихся ногах подошёл Похмелов, который с момента объявления новости о смертельных поединках стоял ни жив ни мёртв. Не смотря на то, что каждый старался его успокоить и подбодрить, а может, как раз, и благодаря этому, он бледнел с каждой секундой. Если бы это зависело от Белецкого, он бы не стал выпускать человека на смертельный бой в таком состоянии. Но от него, впрочем как и от остальных, ничего не зависело. Поэтому оставалось только надеяться на Бога, Удачу, и химию скафа.

Бывший интендант провёл в тоннеле более двадцати минут. Наконец, внутренние створки шлюза раскрылись и появилась труповозка. Раскрылись наружные створки. На пороге никого не было... Неужели?...

Труповозка в сопровождении всё тех же "Тарантулов" — погрузчиков проскочила в тоннель, и вернулась оттуда, неся на себе тело, упакованное в пробитый в нескольких местах скафандр типа "Сокол".

Егор глянул на телеметрию, высветившуюся над неподвижным телом, и понял, что сейчас видит перед собой не труповозку, а именно медицинский эвакуатор. Похмелов был жив, хоть и без сознания.

— Три дня в лазарете, — прокомментировал ситуацию визуализировавшийся фантом. На этот раз он прислонился к одной из стенок и скрестил на груди руки, — Ну что ж... Поздравляю! — улыбнулся он. Боевое крещение, можно сказать, пройдено... Вообще, сегодня всё прошло не так уж плохо. С нашей стороны — один труп и два средне раненых, включая вашего Похмелова. Раненые встанут в строй через три дня, а убитый проваляется не меньше недели. Ну да ничего, его есть кем заменить. Завтра из лазарета как раз выписывается один из убитых на прошлой неделе...

Последовала немая сцена...

— А чего вы удивляетесь? — в очередной раз подмигнул обалдевшим штрафникам аватар Искина. Мозг не повреждён, лазарет рядом. У нас здесь умирают насовсем очень редко... Одного, помню, три раза убивали... — с мечтательной улыбкой поведал фантом. Егор представил себя на месте трижды убитого, и ему стало как-то неудобно.

— А... Они?... — все прекрасно поняли, о ком спросил Белецкий.

— А они умирают насовсем, — жёстко отрезал ИскИн, приняв образ прапорщика Шелехова, — Мы честно выполняем условия договора. Свобода или смерть!

Воцарилась тишина...

— Так. Всем, участвовавшим сегодня в поединках — снять скафандры, пообедать и отдохнуть! Не участвовавшим — оставаться здесь и тренироваться, — распорядился "Шелехов", и растворился в воздухе. Фон Стиглиц с Белецким с радостью потопали выполнять приказ, подкреплённый пожеланиями Ольги и Якова хорошо отдохнуть.

По дороге они разминулись с эвакуатором, уже доставившего раненого в лазарет, и теперь спешившего за последним трупом, чтобы отвезти его в морг.

В столовой бойцов ждал сюрприз — возможность самим выбирать меню, и взять добавку. Добило поражённых бойцов разрешение употребить по сто грамм самой настоящей натуральной русской водки. Употребление спиртных напитков в вооружённых силах

Империю, мягко говоря, не приветствовалось. Исключение было сделано только для больших праздников, бывающих не часто, или для большого траура, случающегося ещё реже.

Поразмыслив, Белецкий решил употребить предложенный медпрепарат. Но в количестве пятидесяти грамм.

Несмотря на веселящий напиток, обед прошёл не очень весело. То есть часть штрафников пыталась веселиться, но другая часть подавлено молчала. Лёжа на койке после обеда, Егор глядел в потолок, и думал: А смог бы он сам? Вот так, зная, что всё потеряно, кинуться на вражескую шпагу, чтобы помочь врагу? И не находил ответа...

Когда он поделился своими терзаниями с бароном, тот, спокойный, словно только что убил человека не в первый раз, а в сто первый, пожал плечами, и ответил в том духе, что время покажет... Может быть. Хотя, лучше бы не показывало... И поступок противника Белецкого совсем не означает его жгучего желания помочь врагу. Может, это наоборот, был стыд за проигранный поединок и желание побыстрее покончить с этим позором. Кроме того, фон Стиглиц напомнил Егору, что самоубийство — грех, и помощь врагу — не тот случай, ради которого стоит идти на этот шаг. Егор вслух согласился с бароном, но в душе остался при своём мнении.

Пришедшие вечером усталые Ольга и Яков, увидав находящегося в депрессии Егора, утешили его, что так погано на душе только после первого убитого, а потом пойдёт легче... "Спасибо, обрадовали", — буркнул Егор, и отвернулся к стенке. "Правильно. Поспи... Утро вечера мудренее", — одобрила его действия Ольга и принялась обсуждать с бодрствующими товарищами особенности сегодняшней тренировки.

Действительно, мудрая пословица не подвела. Утром стало полегче. Да и Сашка вернулся из лазарета. Егор за обедом (кстати, выяснилось, что в отличие от наземной учебки, в учебке орбитальной закон "война войной, а обед по расписанию" выполнялся неукоснительно) поделился с другом своими впечатлениями от боя и от противника. Карлаш, противнику которого не пришлось самому бросаться на вражескую шагу, немного подумал, и напомнил другу одну известную старую "молитву": "Господи, дай мне вместо плохих друзей хороших врагов, а там уж я сам разберусь!".

— Радоваться должен! Победа над достойным врагом во сто крат ценнее, чем над какой-нибудь шантрапой, — заявил другу Сашка, и, помолчав немного, добавил, — А честно говоря, мне этих ребят даже немного жалко. Но — на войне, как на войне. Доел? Пойдём тренироваться дальше, чтобы достойно побеждать достойных врагов. И недостойных тоже... В общем, всех, какие попадутся...

Тренировки на Станции, в принципе, не особо отличались от наземных. Работали индивидуально и звеньями. Оружия не выдавали. Настоящую шпагу, выданную в первый день, забрали обратно тогда же — так что тренировки были "реально-виртуальными". Во втором звене Похмелова два дня, пока он валялся в лазарете, заменяла его точная виртуальная копия. Один день такая же копия заменяла и Белецкого. Его и ещё троих пилотов-совместителей погнали на практику вождения настоящего "Змеежа". Транспортник, правда, был короткий — всего из трёх сегментов (отстыкованных, кстати, на время от Станции), но пилотам — стажёрам и с таким обрезком пришлось попариться, выполняя простейшие эволюции.

На следующий день пилоты снова продолжали тренировки, основным отличием которых от земных было включение в программу отработка навыков боя в условиях невесомости, и обучение управления гравитацией на "поле боя". Надо было так изменять её

вектор, чтобы противника, бегущего, допустим, по полу, бросало на силовой клинок, торчащий из потолка или стены. Но это уже был мало кому удающийся "высший пилотаж", тем более, что бросало не только противника, но и отдавшего команду человека, так что без синяков и шишек не обошлось.

Карлаш отработал свои дополнительные занятия с командиром группы в тот же день, когда выписался из лазарета. И никакие призывы к милосердию и гуманности не помогли. Не остался без допзанятий и Похмелов — но он не за провинности, а просто для "поднятия уровня". Чуть не погибнув в реальной схватке, худеющий толстяк проникся важностью учёбы, и против дополнительных занятий не возражал. Ольга вообще вела себя так, как будто всю жизнь командовала контрабордажной группой. Для каждого находилось и слово поддержки в трудную минуту, и угроза наказания при проявлении лени. Кажется, её зауважал даже ИскИн Станции, постоянно следивший за ходом учёбы, и время от времени визуализирующийся в образе капитана Косолапова, если всё было нормально, или в образе прапорщика Шелехова, если надо было подстегнуть какого-нибудь нерадивого бойца. Кстати, ИскИн взял в моду поднимать штрафников по утрам при помощи четырёх фантомов Шелехова, одновременно заходящих в каюты, и орущих "Подъём!". Эти динамические голограммы были чуть менее реалистичны, чем виртуальный Шелехов, так напугавший штрафников при первой "встрече" на борту станции, но спросонья, когда глаза ещё не разлиплись, вполне сходили за настоящего прапорщика.

Белецкий и его товарищи ожидали, что пробудут на Станции шесть дней — именно такой интервал был между отправками в космос из наземной учебки. Однако шесть дней прошли, но ИскИн станции и не заикался об окончании обучения и отправке контрабордажных групп по местам службы. Прошёл ещё один день... А потом ещё... И только тогда к вечеру ИскИн объявил, что следующий, девятый день пребывания на станции будет последним.

Карлаш не удержался, и поинтересовался у "духа Станции", почему не видно следующей партии штрафников, которая должна была прибыть ещё позавчера? Тот улыбнулся, и ответил, что эта партия позавчера и прибыла. Станция большая, и разбита на закрытые сектора, обитатели которых не пересекаются друг с другом.

— Кстати, — покачал головой аватар ИскИна, — в этой партии погибло три человека. Лежат теперь в лазарете своего сектора...

Александр воспользовался моментом, и задал вопрос, уже обсуждавшийся сослуживцами в один из вечеров перед отбоем?

— А те, что погибают внизу, тоже оживляются?

— Не владею информацией, — развёл руками фантом, — Это здесь я царь и бог. А за пределами Станции... Но, честно говоря, не думаю, что там возятся с трупами. Внизу — предварительная обработка и отбраковка, здесь — закалка и шлифовка. Здесь все уже прошли предварительный отбор и обучение, и терять их, то есть вас, без толку, нерационально. Кстати, — фантом трансформировался в прапорщика Шелехова, и "глянул" на "хронометр", — Перед ужином все на "выпускной" медосмотр.

"Выпускной" медосмотр ничем не отличался от пройденного на Земле "впускного". Разве что в лазарете, где были установлены автодиагносты, в отличие от санчасти штрафбата, не было ни единой живой души из обслуживающего персонала. Бойцы быстро прошли все положенные тесты, и отправились на ужин, после которого разошлись по каютам.

Вечером Егор занялся блоком питания для своей антикварной шпаги. Сразу по прибытию на Станцию девайс был размещён в находившемся у изголовья его кровати пустующем сейфе для шпаги штатной. Настоящих шпаг всё равно не у кого не было, а зарядное устройство в сейфе имелось. Так что оставалось только присобачить к нему переходник, и продолжить зарядку. Что и было сделано. Но несмотря на постоянно увеличивающиеся показатели счётчика прошедшей через зарядное устройство энергии, жёлтый сигнал, означающий минимальный рабочий уровень, так и не загорелся, так что сейчас Белецкий отключил устройство от сети, и снова упаковал блок с переходником в чемодан, дабы не забыть случайно при отлёте.

Чемодан уже был закрыт, когда входная дверь жилого отсека отъехала в сторону, и в неё вошёл "призрак Станции". По каким-то одному ему известным причинам ИскИн не захотел визуализироваться прямо в помещении. Фантом не стал отходить далеко от дверей, а сразу с порога заявил:

— Господа, я пришёл, чтобы сообщить вам пренеприятнейшее известие.

— К нам едет ревизор? — блеснул познаниями древнего искусства Похмелов, чьё настроение в последнее время значительно улучшилась.

— Хуже, — нахмурился "капитан Косолапов". Ваш командир по результатам медосмотра остаётся на Станции для лечения, — фантом повернулся к Ольге: Передавайте командование фон Стиглицу и следуйте в лазарет. Ольга нахмурилась:

— А нельзя ли совместить лечение с прохождением службы?

— Если бы было можно — совместили бы, — отрезал ИскИн, — Вот диагноз, — и "испарился".

— Ольга осталась сидеть на своей койке с потерянным выражением лица. Все тактично молчали. Диагноз — это личная и врачебная тайна, и, кроме врача и пациента, знать его никому не полагается. Если, конечно, пациент сам не поделится информацией.

— Рак, — глухо произнесла Ольга, глядя прямо перед собой.

— Ну и что? — удивился со своей койки Похмелов, — Ничего страшного. Тяжелее, чем первая стадия, при нашем-то имперском обязательном полном медосмотре раз в полгода, быть не может. А первая стадия лечится за месяц. Точнее: две недели — лечение, две недели — карантин. Вот моя бабушка...

— Я знаю, что это не смертельно и безопасно, — перебила его Ольга, — Но я задерживаюсь здесь на целый месяц!

Бывший интендант пожал плечами. Сам бы он с удовольствием задержался на безопасной базе на месяцок — другой, и решительно не понимал, что не устраивает в таком раскладе их командира.

— Моя бабушка служила в Армии. Дослужилась до полковника, — объявила Ржевская. Теперь пожать плечами захотелось Белецкому. Если госпоже Ржевской не дают покоя лавры бабушки, то она беспокоится совершенно напрасно. В её годы ("кстати, интересно, а сколько же ей всё-таки лет?" — подумал Егор) она уже майор. То есть, пока ефрейтор, но после того, как выйдет из штрафбата (а в том, что уж кто-кто, а их командир в штрафбате долго не задержится, никто в группе не сомневался), будет восстановлена в звании, и при такой энергии и целеустремлённости вполне может дослужиться и до генерала.

— Моя мама дослужилась до генерал-майора, — продолжала потомственная воительница ("Да! Чтобы переплюнуть маму, этой честолюбивой дамочке придётся стать маршалом!" — мысленно воскликнул Егор), — Я с детства мечтала пойти по их стопам. Я

родила первого ребёнка с помощью искусственного оплодотворения, как только этого позволил закон. Я родила точно так же ещё двоих с минимальными интервалами, и подала документы в военное училище. Я училась на отлично, и майорские погоны на службе тоже получила не за красивые глаза. Я попала сюда... Ладно. Можно сказать, мне и здесь повезло. Из вас может получиться хорошая и сбалансированная группа... Я вам раньше не говорила, чтобы вы не расслаблялись, — грустно улыбнулась она своим уже бывшим подчинённым, привыкшим слышать от неё совершенно противоположную оценку... И вот теперь я мало того, что застряла здесь на месяц... Но неизвестно, с кем сведёт меня судьба в следующий раз... И что из этого получится... Ну да ладно... — Ольга гордо вздёрнула подбородок, — Прорвёмся! И вы прорвётесь... Я в вас верю. Гоняйте этих разгильдяев побольше, — обратилась она к фон Стиглицу, — Я думаю, вы будете не хуже меня справитесь с командирской работой. Ну всё, мне пора... — Ольга поднялась, попрощалась с каждым за руку, и ушла, заявив, что за своим чемоданом позже пришлёт работа.

В повисшей в каюте тишине раздался голос Левинзона:

— Мне её жаль...

— Да. Два облома подряд... Сначала в штрафбат, а теперь вот — болезнь, — поддержал его со своей койки Карлаш.

— Да не в этом дело, — поморщился Яков, — Она женщина... Хоть с первого взгляда этого и не видно... Ей бы сидеть сейчас дома с детишками... На кого она их оставила? На бабушку-полковника? На маму-генерала? В приют сдала? Искусственное оплодотворение... Надо же... Она когда-нибудь с мужчиной?... ну, вы понимаете... Я думаю — вряд ли. Разве что разок из любопытства. Потрогал её кто-то за... А за что её трогать? Она же в одежде фигурой — почти как мы! В общем, потрогал её кто-то. За что-то. А она его в бараний рог скрутила. Так всю жизнь одна и останется, — Яков поднялся, и начал раздражённо ходить по помещению туда-сюда. Станет в конце-концов генералом, или даже маршалом... — Эта сможет! Выйдет в отставку... И что? Жизнь прошла, дети фактически чужие, встретить кого-то и полюбить у неё не получится. Потому что она не сумеет. И воспитает бедняжек, кстати, так же, как её воспитали мама с бабушкой... И им жизнь ломает. В общем, я понимаю, что каждый человек имеет право испортить себе жизнь, но всё же... В общем, жаль мне её...

Яков снова опустился на койку, и в каюте опять воцарилась тишина.

Нарушил её на этот раз новый командир.

— Увы, мы не можем в этом ничего изменить. Остаётся только посочувствовать Ольге. И пожелать удачи. Так как человек она, в сущности неплохой...

— Есть ещё одна вещь, которую мы не можем изменить, — заметил со своей койки Карлаш, — Мы не знаем, кто придёт на смену Ольге. Или группа останется неполной?

— Не останется, — заявил снова "проявившийся" на том же месте, где и исчез, аватар ИскИна. Он сделал несколько шагов, и уселся на койку, на которой минуту назад сидела Ольга. Зря он это сделал, если хотел показаться живым человеком. Под ним не то что кровать не прогнулась, но даже одеяло не примялось — голограммы не имеют веса, — Группа будет пополнена. Обычно на пополнение берут недообученного бойца из следующей группы, уже прибывшей на станцию. А её в свою очередь, пополняют или из числа "убитых", или из числа недоучек с Поверхности. Решение будет принято на Земле. Группа будет пополнена до того, как отправится к месту дальнейшего прохождения службы, — с этими словами он снова "растворился", и штрафники остались одни...

Последний день перед отлётом прошёл как обычно: Тот же крик "Подъём!" от

призрачного Шелехова, те же самые тренировки. Звеньями, парами, одиночные... Ольгу заменяла её виртуальная модель, как раньше Похмелова и Белецкого. Она ничем не отличалась от оригинала, хотя сейчас это было и не обязательно. Всё равно на это место придёт другой боец, и слаживание придётся начинать сначала. На вопросы о том, кто же придёт на замену Ольге, время от времени возникающий рядом аватар ИскИна хранил молчание, хотя решение, по идее, уже должно было быть принято. Какие могут быть проблемы с выбором в тренирующейся рядом группе того, кто заменит выбывшего бойца? Барон даже вполголоса поругивал начальство: Если бы решение приняли ещё вечером или ночью, то сейчас тренировки можно было проводить уже с реальным новым человеком, а не с фантомом старого. Но, как говорится, неисповедимы пути начальства... В этот день штрафникам так и не сообщили, кто же завтра покинет станцию вместе с ними. Очевидно, момент знакомства с новым сослуживцем должен был произойти почти одновременно с моментом отправки.

Следующее утро началось с уже порядком надоевшего зычного Шелеховского крика "Подъём!". ИскИн не изменял своему извращённому чувству юмора. Утешало то, что, скорее всего, слышать этот немзыкальный вопль приходилось последний раз. На "Змеееже", штрафники будут избавлены не только от реального Шелехова, но и от виртуального...

Сегодня, кстати, юмор ИскИна принял особо извращённую форму: Эта куча микропроцессоров, проводов, оптических кабелей и прочей электронной дряни объявила подъём на десять минут раньше обычного, причём только звуком, без дублирования по электронным каналам. Так что люди имели полное право не вставать. Что они и сделали. Полусонный Карлаш, рассерженный тем, что у него украли целых десять минут законного сна, нащупал у кровати один из своих ботинок, и со словами: "Сгинь, нечистая!" бросил его в сторону ухмыляющейся у дверей голограммы прапорщика Шелехова.

Голограмма ловко поймала летящий в неё ботинок, повертела в руках, и отправила его обратно, но не на пол рядом с кроватью, а на саму кровать, где Александр как раз поворачивался к стенке лицом, ко всему остальному... спиной. Раздался громкий крик "Ой!", и разъярённый Карлаш рывком вскочил на ноги. Неизвестно, зачем он проявил такую прыть, может — хотел подражаться с фантомом.

Увидев рядом со стоящей у дверей фигурой надпись "прапорщик Шелехов", Карлаш замер с открытым ртом. На всякий случай протёр глаза... Нет, не исчезала... Конечно, можно было заподозрить коварного ИскИна в подделке надписи, но, если принять во внимание то обстоятельство, что голограммы, даже динамические, физически не способны кидаться ботинками, приходилось признать, что в каюте находится самый настоящий прапорщик Шелехов.

— Три дополнительных занятия, — вердикт Шелехова был вполне ожидаемым. И даже ещё довольно мягким. За бросание ботинком в старшего по званию можно было получить и больше...

— Тем временем один за другим начали подниматься с постелей и остальные бойцы. Точнее, "один за другим" относилось только к Левинзону с фон Стиглицем. Как только последний разобрался в ситуации, то тут же гаркнул: "Группа! Смирно!", и, повернувшись к свалившейся на их головы беде, начал докладывать: "Господин прапорщик! Группа...". "Вольно! По плану..." — прервал его Шелехов. Все принялись лихорадочно одеваться и приводить постели в порядок.

— Скафандры не одевать, — командовал прапорщик, — чемоданы собрать и сложить

посреди комнаты. Уже собрали? Молодцы! Теперь все за мной! — прапорщик обернулся к дверям комнаты, и даже сделал один шаг, но на полпути обернулся, и, хлопнув себя по лбу, заявил с деланным раскаянием: — Да! Совсем забыл! Я — новый командир вашей группы. Получите приказ, — и, сбросив подчинённым файл, возобновил движение. Подчинённые же последовали за ним с некоторой задержкой: несколько секунд они стояли на месте, как пришибленные, и молча переглядывались. Первым пришёл в себя фон Стиглиц, пробывший командиром группы всего сутки.

Со словами: "Ну, чего встали? За ним!", он бросился догонять Ужас учебки, который теперь перевоплотился в Просто Ужас, с которым как-то придётся служить дальше. Остальные поспешили следом. Когда топот шести пар ног стих в лабиринте коридоров Станции, о том, что в каюте только что жили люди, напоминало только пять чемоданов посреди неё. Но и их через полминуты забрал транспортный робот. Ещё минута ушла у своры многофункциональных сервисных машин, чтобы сменить на кроватях постельное бельё и сделать в помещении уборку, совмещённую с мелким ремонтом. Когда за последним покинувшим каюту роботов задвинулась последняя фальшпанель, перекрывающая в обычных условиях вход в сервисный тоннель, помещение было полностью готово к приёму новых постояльцев.

Прапорщик, не снижая скорости, быстрым шагом топал куда-то по коридорам Станции. За ним, как привязанная, следовали его подчинённые, по дороге гадая, чем они так прогневали Высшие Силы, что те им послали такого командира. Замыкали процессию рыси, поднявшиеся самостоятельно. Шелехов к ним не заходил.

Прапорщик ориентировался в лабиринтах станции уверенно, как будто прожил здесь всю жизнь. Можно, конечно, было предположить, что он двигался по путеводной линии, которая для остальных не нарисовалась, но это было маловероятно: наглазный тактический дисплей он не надевал, сверкания динамической голограммы перед его глазами видно не было, по крайней мере, когда он поворачивал голову направо или налево. Хотя, конечно, прапорщик просто по роду службы мог часто бывать на станции, и выучить её внутреннюю компоновку наизусть. Вот только мог-то он мог... Но что ему здесь делать, если с его обязанностями превосходно справлялся местный ИскИн?

Егор отложил решение этой головоломки на неопределённое время. Вместо этого он вызвал план этого сектора Станции, и определил на нём своё примерное расположение и направление движения. Вглядевшись в план, он немного поколебался, а затем крикнул в маячащую впереди спину Шелехова:

— Господин прапорщик, разрешите обратиться!

Шелехов остановился, словно наткнулся на стену. Егор уж думал, что услышит обычное: "Не разрешаю!", с мысленным занесением обращающегося в "чёрный список", но прапорщик, обернувшись, впери в него пристальный взгляд, и процедил: "Разрешаю".

— Господин прапорщик... — Запинаясь, начал Егор, тут рядом лазарет... Разрешите...

— Разрешаю! — неожиданно ответил Шелехов. — Группе пять минут на прощание с бывшим командиром.

"Уж не заболел ли он?" — подумал Егор, направляясь с товарищами к лазарету, — "Или просто потрясён переходом от мирной и безопасной жизни к смертельно опасному назначению. Потому и ведёт себя так непохоже на себя"...

— Пантелей! — мысленно обратился Белецкий к трусящему позади людей напарнику. (Рыси не стали оставаться с прапорщиком, а присоединились к штрафникам — то ли в знак

уважения к бывшему командиру, то ли в знак неуважения к нынешнему)

— Чего? — моментально откликнулся тот.

— Это настоящий Шелехов, или очередная голограмма?

— Самый что ни на есть настоящий, — ответил Рысь довольным "голосом". Очевидно, он считал, что будущие издевательства нового командира над людьми его самого не коснутся, так как он человеком не был. С одной стороны, такое отношение к напарнику нельзя было назвать особо товарищеским, с другой — пушистика можно было понять. Как и любого, знающего Шелехова и находящегося вне его власти.

Когда штрафники подошли к лазарету, Ольга уже ожидала их, стоя в дверях. Точнее, за дверями. Хоть створки дверей и были распахнуты, дверной проем перекрывало силовое поле. Стерильность прежде всего!

Увидав радужную плёнку поля, Егор немного расстроился, хотя он изначально не рассчитывал обняться с Ольгой на прощание. Просто хотелось пообщаться с бывшим командиром без преград, даже таких ничтожно тонких. Но делать было нечего: Штрафники подошли к дверям, и наперебой принялись прощаться и подбадривать больную, которая, судя по всему, в подбадривании не нуждалась, но так было "положено", да и просто по-человечески хотелось утешить хоть и сильную, но всё-таки женщину. Новостью о новом командире поделились только после того, как Ольга об этом спросила. Узнав о том, кто теперь будет командовать группой, больная ошарашено покачала головой, и заявила, что теперь даже не знает, кто кому должен сочувствовать... И, обратившись к барону, попросила его хоть как-то поддерживать боеспособность группы. На прапорщика, ничем более серьезным, чем строевая подготовка, в жизни не занимавшимся, надежд было мало. Точнее, не было вообще.

Пять минут пролетели быстро. Вскоре группа направилась к ожидавшему её командиру. Оглянувшись перед поворотом коридора, Егор увидел, что Ольга всё еще стоит в дверях, и смотрит им вслед...

После воссоединения группы и её командира путешествие по недрам Станции продолжилось. Но длилось оно недолго: вместо ожидавшейся столовой бойцы оказались в раздевалке. Здесь они надели скафандры. Такие же "Соколы", как те, в которых проходили здесь обучение, но в штатном исполнении: с напылённым лёгким скафом в качестве "подкладки". Когда все, в том числе и рыси, и даже прапорщик Шелехов, были полностью экипированы, группа двинулась дальше. Как и предполагалось — к внешнему шлюзу. Только почему-то не к шлюзу стыковочного устройства, а к десантному. Штрафники недоумённо переглянулись: Их, вроде, готовили не в десантники, а если предстояло учебное отражение атаки противника через десантный шлюз (которых, кстати, на "Змеееже" не было), то где шпаги, хотя бы виртуальные?

Как только люди и рыси выстроились у широкого внешнего створа шлюза, горизонтальные створки резко разошлись, и группу выбросило наружу давлением воздуха. Заврацавшие было беспорядочно скафандры быстро стабилизировались, и взорам изумлённых штрафников предстал эффектно смотрящийся на фоне земного шара абордажный бот, легко опознаваемый по характерным обводам корпуса и висящим на пилонах трём стреловидным беспилотникам огневой поддержки. Силовые щиты абордажника были деактивированы, абордажные манипуляторы втянуты внутрь. В общем, машина находилась не в боевой конфигурации. Белецкий когда-то изучал эти эти абордажники в училище — правда, только теоретически. Теперь, похоже, наступила пора

практического знакомства.

На коммы поступил последний приказ ИскИна Станции: "Выдвижение к транспортному средству по директиве 16К." Скафы тут же дёрнулись, и, разлетевшись в стороны, в автоматическом режиме направились к кораблю по случайным траекториям. Летели недолго: бот находился почти рядом. В полёте Егор то и дело оглядывался на Пантелея. Если вид летящей в космосе человеческой фигуры в скафандре был привычен, то как летает в скафандре рысь — Белецкий видел впервые. Конечным пунктом путешествия оказался десантный шлюз абордажника, расположенный, естественно, с противоположной стороны от абордажного шлюза. Ко всем прочим сегодняшним неожиданностям, он оказался какой-то нестандартной конфигурации, но принципы устройства у всех шлюзов были одинаковы, так что особых проблем с переходом на борт абордажника ни у кого не возникло. Едва люди и рыси расположились в противоперегрузочных креслах, как фиксаторы кресел защёлкнулись, и бот резко рванул с места. Причём, судя по перегрузкам — на форсаже.

"Мы так не договаривались" — подумал Егор. Казалось, что на него упал тяжёлый бетонный блок, да так и остался лежать. "Нас готовили в контрабордажники, а не в абордажники". Перегрузка продлилась недолго. Наступила невесомость. Которая очень скоро сменилась очередной перегрузкой — бот тормозил.

В таком духе прошёл весь полёт: перегрузка — невесомость — перегрузка — невесомость — перегрузка... Пилот бота не жалел энергии и запасов рабочего тела. Можно было подумать, что от того, насколько быстро группа прибудет к месту назначения, зависит исход войны. Или, что более реально, — подумал Белецкий, — Союз опять прорвал планетарную оборону, и теперь дыру в ней затыкают всем, что попадётся под руку.

Теоретически, контрабордажников можно было использовать и как абордажников. Правда, при небольшой дополнительной подготовке. Которой не было. Так что пока оставалось только ломать голову, что бы это значило.

Но долго ломать голову не пришлось. Буквально через пятнадцать минут после старта штрафники получили файлы с предложением выбрать дизайн интерьера своих будущих кают на "Змеееже", и программкой для конструирования этого самого дизайна. У Егора глаза полезли на лоб. Нет, практика предоставления офицерам отдельных кают и позволение им меблировать эти каюты по собственному вкусу, хоть и не выходя за определённые рамки, была на Флоте в порядке вещей. Но для рядовых, и не просто рядовых, а рядовых штрафников, такая роскошь была за пределами мечтаний.

Остаток полёта прошёл незаметно. Даже перегрузки, казалось, утихли. Люди увлечённо конструировали интерьер своих будущих апартаментов. Егор быстро пересмотрел стандартные варианты, на предмет, не появилось ли чего нового, и убедившись, что нет, приступил к работе, взяв за основу интерьер своей каюты на Крепости...

К моменту, когда пилот врубил внешний обзор, и перед глазами штрафников предстал корабль, на котором им предстояло нести дальнейшую службу, разработка интерьера была закончена, и файл с техзаданием был сброшен техслужбе корабля для реализации. Остальные тоже управились с поставленной приятной задачей довольно быстро.

Приблизившись к "Змееежу", бот последний раз затормозил всё с той же дикой перегрузкой и медленно полетел вдоль несколькокилометрового гиганта. Сейчас вытянутый в струнку "Змееёж" без лихтеров никак не оправдывал своё название. Скорее он был похож на громадную длинную палку, на которую были надеты "гайки" стыковочных модулей.

Корабль уже был полностью готов к полёту: двигатели и спарки ПКО установлены прямо на стыковочные узлы для лихтеров, часть двигателей, не нужная при "порожном" перелёте, законсервирована, с обоих концов длинного корпуса пристыкованы автономные модули системы обороны.

Добравшись примерно до середины "Змеежа" бот затормозил, выровняв скорости. Пассажиры получили команду "покинуть корабль!". Что и было сделано через всё тот же десантный шлюз. Едва группа прапорщика Шелехова удалилась от абордажника на безопасное расстояние, как тот включил на несколько секунд маршевые двигатели, и стал быстро удаляться.

В корабль пришлось забираться так же, как и вражеским абордажникам — через один из технологических люков. "Хорошо хоть, что не под обстрелом и что люк самим вскрывать не надо" — подумал Егор, вплывая в зияющее тьмой отверстие. Начинаясь за люком сервисный тоннель вывел штрафников в до боли знакомый по тренировкам центральный тоннель корабля. Створки дверей с обеих сторон были наглухо закрыты, что было совсем не удивительно: так как этот отрезок тоннеля использовался сейчас в качестве шлюза, воздух из него был откачан.

Как только последний человек опустился на пол тоннеля, внутренний технологический люк "зарастил" отверстие, и давление воздуха стало повышаться. Сила тяжести в тоннеле явно была ниже земной. Егор чуть подпрыгнул... Да, явно ниже. Раза в два. После того, как давление достигло одной атмосферы, створки с обеих сторон разъехались в стороны. Шелехов командовал "открыть забрала", и, сам сделав это первым, направился к группе офицеров, как оказалось, стоящих за одной из дверей. Естественно, подав подчинённым команду "за мной". Встречающимися оказались маленький толстенький капитан, немного похожий на Похмелова не только фигурой, но и лицом. Однако фамилия у него была совсем другая — Савельев. А по имени отчеству — Андрей Анатольевич. Что выяснилось при его ответе на доклад — приветствие прапорщика Шелехова. Капитан оказался командиром корабля. Стоящий справа старший лейтенант Смышляев Сергей Валентинович был вторым пилотом (почему-то экипаж решил представиться по имени-отчеству, хотя вполне достаточно было звания и фамилии, которые, впрочем, и без приветствия высвечивались рядом), а стоящий слева ещё один старший лейтенант, представившийся Паниным Игорем Николаевичем — бортинженером.

Кстати, в процессе знакомства выяснились и имя с отчеством прапорщика Шелехова, которых бойцы до сих пор не знали. Оказалось, что грозу всех штрафников зовут вполне по-человечески: Павел Евгеньевич, а не "Дракон Горгонович", как его за глаза называли в учебке.

После того, как все представились, Шелехов отправил подчинённых осваивать свои каюты, а сам остался что-то обсуждать с экипажем. Вот тут-то и выяснилось, что каюты не просто отдельные, а ещё и разбросанные по всему кораблю.

— Это чтобы нельзя было одной удачно пущенной ракетой покончить со всеми сразу, — пояснил Пантелей, следуя вместе со своим напарником вдоль зелёной линии. Оказалось, что их каюты расположены рядом. По крайней мере, попасть в них можно было из одной стыковочной секции.

— Это потому что ни я без тебя, ни, извини уж, ты без меня особой ценности не представляем. Не будет одного, другой всё равно практически бесполезен. Но на всякий случай каюты всё равно из секции в разные стороны выходят. Так что накрыть их одним

ударом тоже сложно, — с этими "словами" Рысь отправился в коридор, ведущий в его каюту, а Егор — в свои апартаменты.

Немного задержавшись перед входом, он закрыл глаза, и дал команду двери открыться. Когда послышался шелест отъезжающей в стороны двери, сделал шаг вперёд. И открыл глаза.

Комната, в которой Егор оказался, была почти точной копией его комнаты в родительском доме, в которой прошло его детство и юность, в которой он жил, когда приезжал в отпуск из училища. И в которую, может быть, ещё вернётся.

Старинная дубовая кровать, подаренная когда-то прадедушкой была накрыта покрывалом, сотканным бабушкой по материнской линии. Стоящий рядом у стены шкаф перетащен из отцовского кабинета. За тумбочкой стоял торшер, купленный во время путешествия всей семьёй на южные острова... Всё это, и десятки других мелочей, каждая из которых имела свою историю, создавало в комнате уютную и спокойную атмосферу... Противоположной входу стены не было. Вместо неё там располагалось огромное окно, за которым виднелось поблёскивающее золотом пшеничное поле, по которому ветер гнал волны, как по настоящему морю. Слева уходила вдаль зелёная линия лесополосы, справа бежала та самая тропинка, по которой молодой курсант летнего училища когда-то бегал вместе с соседской дочкой. За полем в подёрнутой дымкой дали собирались тёмные тучи и время от времени сверкали молнии.

Егор приказал окну раскрыться. Сразу пахнуло запахом лета — запахом спелого хлебного поля, луговых трав, цветов, зелёной листвы и надвигающегося короткого летнего дождя. Над полем низко летали ласточки. В окно залетела большая бабочка с коричнево-голубыми крыльями, и попорхав немного по комнате, села на абажур торшера.

"Дома!..". Егор снял шлем, скафандр, поставил всё это в замаскированный под отцовский шкаф пенал. Открыл тумбочку. Она оказалась сейфом для личного оружия. Впрочем, не "оказалась". Егор знал, что тумбочка — это сейф, так как это было сделано по его заказу. В сейфе оказалось стандартное зарядное устройство, как и на Станции учебки. Но в отличие от его сейфа на Станции, в этом, кроме зарядного устройства, лежала и настоящая силовая шпага. Егор взял её в руки, снял с зарядки блок питания, вогнал его в рукоять и только потом достал из стоящего рядом с кроватью чемодана личный опознавательный блок, и вставил в рукоять и его. Шпага мгновенно отозвалась готовностью служить новому хозяину. Егор активировал клинок, трансформировал его в щит, потом в "кнопку", деактивировал шпагу и положил её обратно в сейф. Подумал, извлёк из чемодана блок питания к своему антиквариату вместе с переходником, и подключил эту конструкцию к зарядке. Когда-то же должен был этот блок зарядиться...

После чего достал голограмму, где был запечатлён с семьёй, поставил пластину на тумбочку, и включил воспроизведение. Возникшие над пластинкой родные лица принялись улыбаться, и о чём-то разговаривать друг с другом, время от времени поглядывая на единственного зрителя. Егор пару минут посмотрел на иллюзию, тоже тепло улыбаясь, а затем развалился на кровати, не снимая чёрного скафа — "подкладки", и, заложив руки за голову, уставился в потолок, на котором под порывами предгрозового ветра уже начала покачиваться люстра, настолько старинная, что откуда она взялась в семье, не помнил даже прапрадедушка....

Конечно, всё окружающее Егора было имитацией. По сути, хоть в какой-то степени реальной была только та часть помещения, в которой стояла его кровать. Всё остальное — от пейзажа за окном, до большей части комнаты — иллюзия. Но иллюзия, отличить которую

от реальности было весьма трудно. Особенно если учесть, что сила тяжести в каюте, в отличие от коридора, была обычной, земной. Теперь, что бы не происходило с обитателем этой комнаты вне её стен, возвращаясь сюда он словно бы возвращался к себе домой. Что в психологическом плане было немаловажно.

Долго отлёживаться не получилось. Впрочем, так как Егор на это и не надеялся, то сигнал общего сбора не вызвал у него никаких отрицательных эмоций. Тем более, что после такого подарка, как личная каюта с собственным дизайном, положительные эмоции просто зашкаливали. Быстро надев скафандр и прихватив шпагу, Егор выскочил в коридор, где чуть не сбил с ног, то есть с лап чинно выходящего с противоположной стороны Пантелей. Не успел тот что-то мявкнуть в порицание товарищу, как Егор с возгласом "побежали!" летящей походкой направился к точке сбора. Походка, кстати, действительно была летящей. При такой низкой силе тяжести очень удобно было двигаться длинными прыжками. Тем более, что все шлюзы были раскрыты.

Пантелей, проводив напарника взглядом, тяжело вздохнул, покачал головой, и буркнув что-то типа "эх, молодость...", рванул вслед за ним. Вскоре он стелился по полу уже впереди Белецкого. Так продолжалось пару минут, пока Егор, пролетая в прыжке створ одного из шлюзов, не получил вдруг чувствительный удар в спину, придавший ему дополнительное ускорение. В результате он пролетел по воздуху немного дальше, чем планировал, и приземлился на четвереньки. Недоумённо тряхнув головой, он оглянулся назад. Там тоннель был наглухо перекрыт створками шлюза. Егор недоумённо тряхнул головой, поднимаясь на ноги:

— Ну, и что это было?

— Если ты проходишь створ в момент, когда на него поступает команда закрыться, например, при разгерметизации с одной из его сторон, ты этому закрытию мешаешь, — любезно пояснил Рысь невинным голосом, — поэтому в момент аварийного закрытия шлюз силовым импульсом выбрасывает мешающее ему препятствие, — то есть тебя, из плоскости створа. Вот, начались тренировки по отработке подобной ситуации. Как говорится, будь готов!

Инстинктивно потеряв спину, Егор буркнул: "предупреждать надо!", и пошёл дальше уже медленнее, ускоряясь только в шлюзах, чтобы проскочить очередной створ как можно быстрее. Пантелей тоже притормозил, и теперь плёлся на полшага позади. Ещё через два пролёта Егор получил очередной гравитационный удар. Отбросивший его на этот раз назад.

— Гравитационный импульс направлен так, чтобы не просто выбросить тебя из плоскости створа как можно быстрее, но и по возможности вытолкнуть на безопасную сторону. Последняя задача имеет более высокий приоритет, — прокомментировал рысь, безучастно наблюдая, как сомкнувшиеся только что створки бесшумно разъехались вновь.

Дальше шли рядом. Но человек ходит на двух ногах, а рысь, даже учёный — на четырёх. Поэтому буквально через минуту Егор очередной створ спокойно прошёл, а получивший мощный пинок под зад Пантелей с обиженным мявом полетел вперёд.

— Меня то за что?! — возопил он, — Ну я ему!..

— А меня, значит, было за что! — возмутился Белецкий. И кому это ты "ему"?

— Замяли..., — буркнул рысь, поднимаясь на лапы, а "ему" — это, конечно, твоему любимому прапорщику Шелехову.

— А он знает, что ты говорящий? — решил подколоть напарника Егор.

— Конечно, — невозмутимо ответил тот, и потрусил вперёд. Белецкому ничего не

оставалось, как последовать за ним.

Для того, чтобы добраться до места встречи, пришлось пройти чуть ли не полкилометра. Когда Белецкий с Пантелеем наконец-то увидели ожидающего их Шелехова, оказалось, что до места сбора, кроме них, не добралось всего два человека: Карлаш и Похмелов. Хотя, Сашка задержался не намного. Он влетел в тоннель из-за спины Белецкого, и только каким-то чудом не врезался в прапорщика, успев в последний момент хитро изогнуться, и в результате финишировать не на спине Шелехова, а на стенке тоннеля. Последним через две минуты прибыл Похмелов, за что тут же получил допзачёт вне очереди. Чему он, похоже, не сильно испугался. Шелехов за всё время пребывания штрафников в учебке в тренировочном зале не был замечен ни разу. Значит, даже самый слабый боец в группе был заведомо сильнее его. Хотя, прапорщик, конечно, мог по старой привычке заставить человека отжиматься вместо тренировки...

Сделав внушение опоздавшему, Шелехов обернулся к остальным, и объявил:

— Если кто-то из вас думал, что сможет здесь наконец-то расслабиться, то этот "кто-то" глубоко ошибался, — Белецкий печально вздохнул. С момента, когда группа узнала, кто будет их новым командиром, вряд ли в ней нашёлся кто-то настолько наивный, что мог бы мечтать о том, чтобы "расслабиться". Между тем прапорщик продолжил: — Для тренировок нам выделены этот и следующий, — (тут он мотнул головой назад) — участки центрального тоннеля. По одному участку на звено. Кроме того, будут тренировки по прибытию к месту вражеского прорыва на время, и тренировки по преодолению заблокированного участка через внешнюю обшивку. Не считая тренировок по специальности для тех, кому это положено, — после ознакомления с объёмом предстоящей работы дружно вздохнула уже вся группа, — Сегодня завтрак будет в обед. После того, как я проверю уровень вашей подготовки. Приём пищи здесь на месте из НЗ скафандров. После приёма пищи — тренировки. До ужина. Ужин у каждого в своей каюте. Столовой здесь нет. Стартуем завтра. Во время полёта "порожняком" режим тот же, что и в орбитальной учебке. Во время обратного полёта звенья поочередно несут двенадцатичасовое боевое дежурство. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Начинаем проверочные бои. Порядок — Похмелов, Карлаш, Белецкий, Левинзон, фон Стиглиц. Начали! Похмелов! Что? Да, на настоящих шпагах. Вам что, никогда не хотелось проткнуть меня шпагой? Ни за что не поверю... Остальные к стеночке... К стеночке...

Все прижались к стенке в ожидании зрелища. И дождались... Зрелище получилось эффектным, но довольно скоротечным. Бывший интендант попробовал сделать выпад, пытаясь поразить даже не активированного щит Шелехова в левую руку... Уже через секунду Похмелов летел головой в стенку тоннеля, а его шпага — в противоположную сторону. Рукоять со, слава Богу, погасшим сразу, после того как она выпала из руки хозяина, клинком, просвистела в паре сантиметров от шлема Белецкого. У всех отвисли челюсти.

Через пять минут "манёвр Похмелова" повторили все бойцы, кроме фон Стиглица. Он единственный остался стоять на ногах. В полёт отправилась только его шпага. Ну, ещё перед ним Левинзон продержался перед полётом секунды три.

Шелехов деактивировал шпагу и поднял забрало своего шлема.

— Так... Очень плохо... Учиться, учиться, и учиться... Вот после обеда и начнём.

— Разрешите вопрос! — в повисшей тишине не совсем по уставу подал голос барон.

— Спрашивайте, — милостиво согласился прапорщик.

— Чёрный фехтовальщик?...

— Он самый, — согласно кивнул головой Шелехов.

— Но почему?... — барон попытался прояснить возникший у всех присутствующих вопрос, но прапорщик явно не был расположен распространяться на эту тему.

— Так Надо! — поднял он палец вверх, — Всё. Обедать! Перерыв — пятнадцать минут, — и сам подал подчинённым пример, начав поглощение своего НЗ.

Несмотря на то, что все были голодны, свой завтракообед они пережёвывали и глотали чисто автоматически. Превращение обычного прапорюги-садиста в Мастера фехтования на твоих глазах... Такое бывает не каждый день. "Хотя ничто не мешает Мастеру фехтования быть по совместительству прапорюгой-садистом" — подумал Белецкий, которого месяц в учебке штрафбата научил относиться подозрительно буквально ко всему.

Последовавшие после обеда часы занятий прошли как обычно, по привычному со Станции сценарию, а значит — неинтересно. Хотя, если подумать — интересного за сегодняшний день и так было с избытком. Когда время подошло к ужину, новый командир распустил бойцов по каютам, пообещав, что с завтрашнего дня кроме обычных тренировок будет уделять время индивидуальным занятиям с каждым.

По дороге в свою каюту Белецкий перекинулся парой слов с фон Стиглицем и Карлашем, с которыми ему было по пути. Обсуждая сегодняшний сюрприз, все сошлись на мнении, что наличие в команде такого бойца значительно повышает их шансы на выживание в боестолкновении с врагом, но может значительно уменьшить вероятность дожить до этого боестолкновения...

Кабюта барона оказалась значительно ближе каюты Белецкого, а каюта Карлаша — дальше. В гости пока никто никого не приглашал. Сначала надо было самим освоиться. Так что Егор пожелал Сашке и Пантелею спокойной ночи, и направился к своей каюте.

Там уже наступил вечер. Гроза за окном прошла, небо очистилось, и одна за другой на нём загорались яркие и не очень звёзды... В раскрытое окно струился свежий вечерний воздух... Егор глубоко вздохнул. Шпагу в сейф, скаф в пенал, помыться, переодеться, и спать... Чемодан можно будет разобрать и завтра.

Егор отстегнул от пояса шпагу и открыл дверцу тумбочки-сейфа. Индикатор зарядки на переходнике горел жёлтым огнём.

Минимальный уровень, необходимый для работы шпаги, был достигнут... Егор сел на кровать. Неужели?! Теперь, если со шпагой, найденной в Мёртвом Облаке, и с её блоком опознавания было всё в порядке, теоретически можно было узнать наконец имя бывшего владельца... Если сервисный интерфейс блока питания оказался совместим с современным хоть частично, можно было ожидать того же и от служебного интерфейса блока опознавания.

Егор положил свою шпагу на кровать рядом с собой, а из сейфа достал старинную рукоять и блок питания к ней. Зачем-то поднялся на ноги, и поднёс блок питания к его гнезду в рукояти. Сейчас, конечно, ничего узнать без спецоборудования он не мог, но в душе жила надежда на чудо. Почему-то казалось, что как только блок питания встанет на место, шпага сама скажет: "моего владельца звали..."

Блок питания вошёл в гнездо. Раздался тихий щелчок. Долгую секунду ничего не происходило, а потом вдруг по телу Егора пробежала горячая волна, и механический голос, идущий, казалось, из центра иллюзорной комнаты, произнёс: "Первоначальная настройка

произведена. Новый владелец принят"

Белецкий обалдело глядел на рукоять в своих руках. Такого поворота он никак не ожидал... Между тем воздух перед новым признанным владельцем старинной шпаги сгустился, и принял очертания поджарого человека средних лет, русоволосого, как и сам Егор, с волевым подбородком и острым взглядом. Одет был фантом незнакомца в какой-то комбинезон неизвестного Егору покроя. "Наверное, местный ИскИн пожаловал посмотреть, чем я тут занимаюсь", — подумал Белецкий, испытывая жгучее желание спрятать руку со шпагой за спину.

Незнакомец с недоумением огляделся вокруг. Наконец, его вопросительный взгляд остановился на Егоре. "Сейчас спросит, что у меня в руках" — подумал Егор. Незнакомец наконец разлепил губы и поинтересовался:

— Ты кто?

— А ты кто? — автоматически спросил опешивший Егор.

Незнакомец хмыкнул, пригладил короткий ершик волос на голове, и представился:

— Можешь называть меня Вейтангур.

Егор нахмурил брови. Назвать ИскИна таким именем мог только очень большой оригинал. Вообще, из того, что Егор знал, имя было отнюдь не человеческое, а...

Он посмотрел на рукоять в своей руке... Потом на незнакомца...

Тот усмехнулся и утвердительно кивнул головой.

— Т-ты... шпага? — озвучил Белецкий свою догадку.

— Я что, похож на женщину? — возмутился незнакомец. — Я — меч! Силовой меч...

Похоже, день сюрпризов плавно перешёл в вечер потрясений... Согласно легендам и компьютерным игрушкам, Вейтангур действительно был мечом, но мечом весьма специфическим. Это было оружие Высших Вампиров.

До сего дня Егор встречал и вампиров, и их мечи только в вышеперечисленных источниках. Все знали, что ни того, ни другого нет, но... Точно так же все знали, что нет ни телепатов, ни говорящих рысей... В последнее время границы реального для Егора несколько размылись, и он без особого труда мог поверить почти во всё, что угодно...

— Твой прежний хозяин... Был вампир? — на всякий случай поинтересовался он у фигуры, застывшей посредине комнаты.

— Нет! — улыбнулся визави Егора. И после паузы добавил чуть тише, — Хотя кровушки попить у подчинённых любил...

Увидев расширившиеся глаза собеседника, новый знакомый поспешил его успокоить:

— В переносном смысле...

— Кстати, а кто был твой прежний хозяин? — вспомнил Егор про вопрос, из-за которого, собственно, и возился со старой железякой.

— Информация закрыта, — сообщил фантом официальным тоном.

— Ну, хоть что-то... Хоть год гибели... — не сдавался Белецкий.

— Информация закрыта, — собеседник был непреклонен.

— Ладно... — вздохнул Егор. С одной стороны, цель, с которой он таскал за собой эту шпагу..., то есть меч, оказалась не выполненной, и, похоже, невыполнимой, но зато он сам теперь стал хозяином древнего меча. Вот только умеет ли этот меч ещё что-нибудь, кроме как разговаривать? Белецкий попытался активировать клинок. Ничего не получилось...

— Послушай, а... ну, в общем, ты в рабочем состоянии? — поинтересовался он у стоящего перед ним изображения. Конечно, правильнее было бы обращаться к рукояти, но

кто же будет разговаривать с железякой, когда рядом стоит человек, пусть и призрачный...

— Не вполне — честно признался "дух меча". Заряда блока питания не хватает... И некоторые цепи повредились...

Егор разочарованно вздохнул.

— Но кое-что могу, — оправдывающимся тоном проговорил собеседник. — А это твой меч? — поинтересовался он, кивнув на лежащую на кровати рукоять.

— Шпага, — автоматически поправил его Белецкий.

— А не мог бы ты показать, что она может?

Теперь настала очередь Егора пожимать плечами... По идее, это он, как владелец, должен был требовать от своего нового оружия демонстрации возможностей.

Белецкий взял в руки свою шпагу, активировал её, прогнал через основные конфигурации, и снова выключил.

— Ага... Сосредоточенно нахмурил лоб Вейтангур... Сейчас... А теперь то же самое с мной!

— Егор повторил попытку, прошлый раз оказавшуюся бесплодной... Клинок мгновенно вспыхнул мощным оранжевым цветом.

— На десять сантиметров длиннее стандартного, — гордо прокомментировал фантом. Егор хмыкнул. Вроде, так оно и есть... Трансформировал шпагу в щит, — На пять процентов плотнее стандартного, — сообщил наблюдающий за этими эволюциями Вейтангур. Это утверждение, в отличие от предыдущего, без приборов проверить было сложно. Егор трансформировал щит в "кнопку", — Ну, тут и на пять процентов прочнее, и на десять сантиметров длиннее, — Егор вернул оружию форму клинка, взмахнул им пару раз, и, грустно вздохнув, снова деактивировал... Это всё, конечно, было хорошо, но вряд ли кто-то, и в первую очередь такой педант, как их новый командир, разрешит применять в боевой обстановке нештатное оружие. В лучшем случае — в качестве запасного...

— Кстати, ещё одна фишка, — сообщил новому хозяину меч, — У тебя на левом рукаве скафа щит?

— Да, — подтвердил догадку собеседника Белецкий.

— Возьми шпагу в левую руку, активируй щит, а потом меч.

— Ага... — скептически ответил Егор. Клинок ударится о щит, и шпагу, то есть меч, выбьет мне в живот. Плавали, знаем...

— Ну, ты же можешь держать меня так, чтобы я вылетел не в живот, а в сторону? — с лёгкой улыбкой на лице поинтересовался "дух меча". Клинок всё равно деактивируется, как только рукоять выскользнет из руки. Так что ты ничем не рискуешь... Попробуй.

— Белецкий ещё раз пожал плечами. В принципе, Вейтангур правильно описал ситуацию. Непонятно только, зачем ему захотелось полетать по комнате...

Взяв меч в левую руку, Егор последовательно активировал щит и клинок. К его удивлению, рукоять никуда улетать не собиралась, а клинок, проткнув щит, словно тот был из бумаги, торчал наружу. Белецкий перевёл взгляд на довольно улыбающегося фантома.

— Ну, как тебе? — гордо задрал подбородок, поинтересовался тот, — Кстати, в режиме щита мой щит накладывается на твой, увеличивая его стойкость в полтора раза.

— А... Ты любые щиты пробиваешь с такой лёгкостью? — заинтересованно спросил Егор.

— Нет, только твой, и только с внутренней стороны, — разочаровал его меч, — Причём прочностные характеристики щита при этом не меняются, — тут же поспешил он

приободрить своего нового владельца. Владелец действительно приободрился. Возможность повышения стойкости щита была приятной новостью, как не крути... Так что теоретически теперь Егор был защищён лучше, чем его товарищи. Кстати...

— Ведь блок опознавания одноразовый. Один раз настраивается на владельца и перенастройке не подлежит... А ты говоришь, что у тебя был хозяин, — подозрительно поинтересовался Белецкий у своего нового оружия...

— Стандартный — одноразовый, — согласился меч, — А у меня — нестандартный. Была зафиксирована смерть предыдущего владельца. Блок очистился. И ждал нового...

"Пока вроде сходится", — напряжённо размышлял Егор, пытающийся определить, а в чём подвох? А что какой-то подвох есть, он чувствовал прямо пятой точкой. "О чём бы ещё у него спросить?... Вот!".

— А твоим владельцам может стать любой, или есть какие-то критерии отбора? — поймал наконец-то Егор крутившуюся в голове мысль.

— Ты соответствуешь критериям, — сухо ответил фантом.

— Каким? — тут же развил наступление Белецкий.

— Закрытая информация — монотонно произнёс собеседник, глядя куда-то сквозь своего нового владельца.

— Да что ж это такое?! Кругом закрытая информация! — возмутился Егор.

— А что ты хотел от военного устройства? — парировал меч.

— Так ты не самоделка? — удивился Белецкий.

— Нет. Серийная модель, — обиженно надулся собеседник, и подумав немного, добавил: — Мелкосерийная, — потом подумал ещё немного, и уточнил: — **ОЧЕНЬ** мелкосерийная.

— Ну ладно, ладно... — поспешил успокоить обидчивое оружие Егор, — Понял... Это хорошо, что ты военная серийная модель. Тогда мне точно разрешат тебя применять.

— Фантом отрицательно покачал головой, — О моей военности и серийности знают немногие. Информация засекречена. Так что лучше представить меня своим сослуживцам самоделкой. Обычной самоделкой. Чуть длиннее, чуть мощнее, чем стандартное оружие... И без никаких говорящих фантомов внутри. Так всем будет спокойнее... Хотя нет. Можешь сказать, что в меч встроена динамическая обучающая голограмма. Для одиночных тренировок... А самодельная это модель, или нет — ты не знаешь.

Егор хмыкнул... Видал он такие учебные шпаги... Годились они только для первоначального обучения. Голограмма показывала правильные движения, которые затем надо было повторять. Естественно, ни о каком встроенном в такую шпагу искусственном интеллекте не могло быть и речи... Кстати! А как, интересно, в объём рукояти впихнули ИскИна? Там же для него места практически нет! Белецкий покосился на собеседника, и решил не задавать этот вопрос. Всё равно ИскИн меча или не знает на него ответа, или знает, но не скажет...

— Говоришь, тренировочная голограмма... — задумчиво пробормотал Егор.

— И это тоже, — согласно кивнул головой фантом. Но не такая, к каким ты привык.

— А какая? — заинтересовался Белецкий.

— А попробуй ударь меня, — предложил Вейтангур.

— Ударить тебя тобой? — улыбнувшись, уточнил Егор, уловив некоторую комичность ситуации.

— Хочешь — мной, хочешь — стандартной шпагой, — пожал плечами собеседник. Мне

всё равно.

— Егор в свою очередь пожал плечами, активировал меч, и рубанул им по голограмме. Однако та неуловимо быстрым движением вскинула руку, в которой появился точно такой же, как у Егора, меч. Клинок Егора встретился с клинком фантома и... остановился.

— Ну как? — довольно поинтересовался Вейтангур.

— Ты... Материальный? — недоверчиво спросил Белецкий.

— Нет. Что ты? — улыбнулся собеседник. Просто взаимодействую с экзоскелетом вот этой железяки, что на тебя надета. Примерно так, как работает твоя полувиртуалка, где ты тренируешься. Так что я могу обучать тебя в спаррингах. В том числе и бою на двух мечах, — в левой руке фантома вспыхнул второй клинок. Хочешь?

А кто бы не хотел? Белецкий, правда, надеялся, что двуручному фехтованию его подучит их новый командир, если его хорошо попросить... Но это ещё было вилами по воде писано... А тут — вполне реальный тренер... То есть не вполне реальный, и не совсем тренер, но лучше, чем никакого...

— Думаю, на сегодня мы пообщались достаточно, — сообщил фантом, — Пока. Ещё увидимся, — и с этими словами растворился в воздухе.

— Эй! А как тебя вызывать? — спохватился Егор.

— Позовешь мысленно, — ответил полупроявившийся дух меча. И не забывай ставить на зарядку блок питания, — с этими словами голограмма исчезла окончательно.

Егор ещё немного покрутил в руках рукоять, активируя и деактивируя клинок, затем спрятал шпагу с мечом в сейф, и пошёл переодеваться, одновременно заказав индивидуальному кухонному блоку ужин со случайным выбором блюд (из его любимых, конечно) на максимально допустимое число калорий. Сегодняшний день явно стоило отметить!

...Проснуться утром в своей земной комнате и в своей постели, конечно, хорошо, но не по сигналу же "Подъём!". Егор хотел было немного понежиться в кровати, наблюдая за беготнёй по стенам солнечных зайчиков, пробивающихся сквозь густую листву растущей под самым окном старой берёзы, но таймер неумолимо отсчитывал секунды до начала тренировок. Сильно разлёживаться было некогда. Пришлось вставать.

Но как бы Егор сегодня ни спешил, первым делом он полез в сейф, и достал из него своё новое оружие. А чем чёрт не шутит, может, вчера вечером у него были галлюцинации от перенапряжения, и вся беседа с мечом ему почудилась? Но нет, меч активировался исправно, а на мысленный зов: "Вейтангур!" посреди комнаты появился полупрозрачный силуэт. Силуэт зевнул, и не очень вежливо спросил "Чего надо?". "Проверка связи" — скороговоркой проговорил Егор и деактивировал клинок. Силуэт исчез. Егор в приподнятом настроении полетел в санузел, по дороге снова повторив вчерашние манипуляции с кухонным блоком.

На скорую руку позавтракав, Белецкий надел скаф, забрал из сейфа штатную шпагу, при этом не удержавшись, чтобы ещё раз включить и выключить свою находку, подключил меч к зарядному устройству шпаги, которое ночью было занять штатным оружием, и побежал на тренировки...

Но вылетев в центральный коридор "своей" стыковочной секции, резко затормозил. Навстречу ему из противоположного коридора шёл Пантелей. Причём не один. Бок о бок с ним, возвышаясь на целую рысиную голову, шествовала Василиса. Морды у обоих были довольные-предовольные...

Вот это новость! Рыси завели шашни... Егор хотел было пошутить насчёт соблюдения норм христианской морали, но задумался над вопросом, а применимы ли вообще нормы не то что христианской, а вообще, человеческой морали в целом, по отношению к не-людям? Пожалуй — нет. Так что с этой стороны они ничего не нарушали... В Уставе, насколько Егор помнил, по поводу Разумных Боевых Рысей тоже ничего не было написано... Так что максимум, на что тянуло их сегодняшнее "преступление", — так это невыполнение правил внутреннего распорядка. Но Пантелей вроде бы ничего не нарушал, так как находился в своей каюте, а Василиса... А насчёт Василисы пусть голова болит у Левинзона!

Приняв такое воистину мудрое решение, Белецкий успокоился, и решил ограничиваться подмигиванием Пантелею при приветствии. Рысь и Рыся приветливо поздоровались в ответ, а Пантелей, кашлянув, заявил:

— Меня тут Василиса сегодня на вечер в гости приглашает... Так что, если что, — ты знаешь, где меня искать.

Егор чуть не поперхнулся. Похоже, в следующую ночь голова должна будет болеть у него!

— А как насчёт соблюдения правил внутреннего распорядка? — тут же перешёл он в атаку.

— А как насчёт прикрыть боевого товарища? — ехидно поинтересовался Рысь.

— Ну... Это... Конечно... — смущённо засопел Егор. Пантелей, в конце концов, действительно был его боевым товарищем, а по поводу субординации — рысь в местной табели о рангах стоял, пожалуй, даже выше его. Ладно! Прикрою! — решил Егор. Если что — дальше штрафбата не пошлют.

— Шелехов найдёт, куда послать, — утешил напарника Рысь. Но ты не волнуйся, — добавил он, изобразив улыбку, — с командиром всё согласовано. Я бы не стал подводить ни тебя, ни её, — Василиса недовольно зыркнула на Пантелея. Ей явно не понравилось, что её кавалер не назвал её первой. "Вечером будут разборки" — подумал Белецкий. "Не будут" — послышался в голове голос Василисы.

"Блин! Подумал, представив, как Василиса читает Пантелею мораль. Получается — настроился на неё..." — пока в голове мелькали эти мысли, Егор усиленно представлял себе во всех подробностях, как выглядит дверь в его каюту. Та вроде баловаться телепатией была не должна...

— Ты, кстати, не думай... — заявил Пантелей Егору, предварительно нежно взглянув на Василису, — У нас всё серьёзно, — Вернёмся, возьмём отпуск и оформим отношения. Рысят заведём... — Василиса что-то довольно мурлыкнула, и нежно потёрлась о бок любимого, от чего тот чуть не упал. Разница в весе всё же сказывалась...

После такого заявления напарника Егор просто потерял дар речи. Нет, он конечно догадывался, что отношения между себе подобными среди Рысей Разумных отличаются от аналогичных отношений среди Рысей Обыкновенных. И в принципе нормально, что каждая женщина хочет иметь рысят... Тьфу ты! То есть каждая рысь хочет иметь детей... Блин! В общем, все хотят завести маленькое симпатичное постоянно требующее к себе внимания существо, похожее на маму с папой... Но как рыси собирались "оформлять отношения"? Егор решил поинтересоваться этим у Пантелея как-нибудь, когда они с напарником будут наедине.

Вот так вот мило побеседовав, троица попрыгала к месту тренировки. По дороге, конечно, каждый получил по паре гравиимпульсов для тренировки бдительности. Успели

вовремя. Однако Белецкий не то что не успел приступить к тренировкам, но даже не успел перемолвиться парой слов с Карлашем по поводу своей шпаги, оказавшейся мечом. Прапорщик, едва завидев бывшего пилота, сразу отослал его по зелёной линии в распоряжение командира корабля.

Тот вместе со вторым пилотом оказался на посту управления, оборудованном в одной из кают. В принципе под пост управления можно было оборудовать любую каюту — коммуникации были подведены. И даже если каюта не была переделана для этих целей — из неё всё равно можно было осуществлять управление кораблём в ручном режиме. И не только из каюты. Точки доступа к управлению были раскиданы по всему кораблю.

Как выяснилось из вводной лекции капитана, последовавшей сразу после обмена приветствиями, всего таких же точно постов управления, как тот, на котором сейчас и находилась команда, на данном конкретном "Змеееже" было пять. И расположены они были в случайном порядке по всему кораблю. "Точнее", — поправился капитан, — "не совсем в случайном, а случайное в пределах сцепки из трёх сегментов".

Поделившись с Белецким этой ценной информацией, а также предоставив ему схему расположения постов управления, капитан сделал приглашающий жест в сторону ложементов второго пилота:

— Ну-с, теперь посмотрим, чему вы научились...

— Прямо сейчас? — запаниковал Егор. Такой здоровенной дурой он ещё не управлял...

— А когда? — удивился капитан, — Корабль порожний, условия идеальные...

Приступайте.

— Белецкий осторожно опустился в ложемент... Установил связь с ИскИном, получил от него доклад о полной предстартовой готовности, вдохнул побольше воздуха, и закрыл глаза...

Сейчас он был не космическим червяком, а скорее, космической палкой. Длинной космической палкой с венчиками лихтеров оборонительных систем на концах. Впереди вырисовывалась голубая линия оптимального маршрута, где-то на краю поля зрения трепетали несколько индикаторов. Егор подумал: "Интересно, вдоль маршрута расставили таблички "Осторожно! Корабль ведёт стажёр!""", и осторожно оттолкнулся движками от пустоты. Внутри корабля начало движения не ощущалось никак. Это был не рвущий с места с запредельными перегрузками истребитель, а тихоходный транспортник, разгоняющийся м-е-е-едленно, но уверенно. Кроме того, сначала на малом ускорении проводилась окончательная масс-центровка, а потом уж корабль постепенно ускорялся до стандартного режима.

В полёте без нагрузки каркас корабля был жёстко фиксирован, так что "Змееёж" при масс-центровке не стал извиваться, а только разок незаметно для глаза рыскнул по курсу. Что тут же было исправлено то ли страхующим стажёра командиром, то ли бортовым ИскИном. Честно говоря, Корабль вполне мог эксплуатироваться и без экипажа. Белецкий с трудом представлял себе случай, когда без вмешательства человека в процесс управления обойтись будет совсем уж никак нельзя... Но тем не менее экипаж на каждом транспортнике имелся. Всё из тех же соображений перестраховки. И мало того, что имелся экипаж, а ещё и люди из контрабордажной команды управлению обучались. Вот поэтому сейчас Егор и пыхтел, выводя транспортник на разгонный режим.

Капитан отпустил Белецкого через двадцать минут. К этому времени корабль двигался с постоянным рабочим ускорением, и этот режим должен был продлиться ещё неделю.

Несмотря на то, что никаким физическим трудом Егор за эти минуты не занимался, в обычных условиях, без адсорбирующего действия скафа, он поднялся бы с пилотского ложементов весь в поту. Управление громадным транспортником, особенно в первый раз, выматывало. Но никаких перерывов на отдых пилот-стажёр не получил: зелёная линия сразу повела его обратно к месту тренировок.

Там выяснилось, что его товарищи даже не заметили момента старта. Левинзон, узнав, что транспортник уже летит, даже немного расстроился...

— И где напутственный митинг, букеты цветов, оркестр, играющий "Прощанье славянки"? — возмутился он.

— Митинг был на Земле, — усмехнулся в ответ прапорщик, — а букеты цветов и оркестр обязательно будут... — и после короткой паузы гаркнул, — Вместе с дубовым гробом! Для тех, кто забивает себе голову всякой ерундой, а не мыслями об учёбе! Быстро все на исходные! Продолжаем тренировку!

И изнурительная карусель боевой учёбы завертелась по новой... К обеду люди чувствовали себя полностью выжатыми. За исключением, конечно, прапорщика Шелехова, который временами казался Белецкому искусственным автоматом, наподобие роботов-арахноидов. Тот успевал и "повоевать" вместе со своим звеном при отработке совместных действий, и погонять подчинённых при отработке действий индивидуальных.

Наконец настало время обеда. Как выяснилось, под столовую для контрабордажников выделили каюту в одной из секций, выделенных под тренировки. Что было всеми воспринято с одобрением: бегать в свою каюту на обед и обратно усталым бойцам совсем не улыбалось... Каютка была стандартных размеров — то есть совсем небольшая. Никаких иллюзий на неё наложено не было, так что выглядела она тем, чем и являлась — многофункциональным отсеком грузового корабля, меблированным столом с шестью стульями, и оборудованным кухонным блоком. Белецкий вспомнил, какая мебель стоит у него в реальной части каюты, и с огорчением понял, что всех товарищей одновременно пригласить в гости не удастся — им просто негде будет разместиться. Очевидно, то же самое пришло на ум и его другу Карлашу, который озвучил своё разочарование вслух...

— Ничего, — ободряюще улыбнулся ему Шелехов, вошедший в столовую последним. В центральных отсеках модулей оборонительных систем оборудованы зоны отдыха. Раз в неделю у вас будет выходной..., — слушатели оживились, — ...в который тренировок будет меньше, чем в обычный день, — оживление несколько поутихло, — Вы сможете проводить там свободное время в полном составе, — Новость подняла всем настроение. А аппетит поднимать было не надо — после тренировки он и так разыгрался не на шутку. После того, как все быстро уничтожили свои порции, и расслабленно откинулись на спинки стульев, Белецкий решил поделиться наконец-то своей новостью:

— У моего... Моей шпаги, — быстро поправился он, вспомнив, что Вейтангур рекомендовал сильно не распространяться о его разумности, наконец-то зарядился блок питания... — Егор сделал театральную паузу.

— Давай, давай... Не томи! — взмолился Карлаш, у которого сразу загорелись глаза.

— В общем, шпага в рабочем состоянии, — с триумфальным видом выдал сенсацию Егор.

— И ты молчал?! — возопил Сашка, делая вид, что хочет задушить так долго утаивающего такую инфу друга.

— Да я что... — принялся оправдываться тот, отшатываясь в притворном испуге... —

Не будить же было тебя вчера ночью... А сегодня некогда было... Как время появилось, так и рассказал.

— Это та самая игрушка, найденная в Мёртвом Облаке? — невозмутим поинтересовался Шелехов, тем самым выказав свою осведомлённость в этом вопросе.

— Да, господин прапорщик! — доложил Белецкий, чётко памятуя, что к Шелехову следует обращаться только по уставу, — Только она не игрушка, — добавил он уже на полтона тише, и тут же принялся перечислять замечательные ТТХ девайса: — Она длиннее шпата на десять сантиметров, а в трансформации щита — на пять процентов плотнее. И может работать сквозь щит...

За столом послышались восторженные возгласы. Только прапорщик оставался невозмутим.

— С этого места поподробнее, — ласково проговорил он. Егора передёрнуло при воспоминании о том, во что может вылиться такой вот ласковый тон Шелехова, — Вы утверждаете, что пробивали этой шпатагой свой щит, и она при этом не теряла мощности?

— Да, — осторожно ответил Егор, не понимая, куда клонит командир.

Шелехов неопределённо хмыкнул,

— Сейчас пойдёте вдоль зелёной линии в оружейную, — она в соседней каюте, через коридор, и меняете щит на исправный. А игрушку свою приносите завтра — посмотрим, что это такое...

Белецкий поднялся из-за стола, и сделал пару шагов к двери, но был остановлен вопросом прапорщика:

— Кстати: Ну, как вы длину клинка померили, я примерно понимаю... А каким прибором вы измерили прочность щита?

Бам-с! Егор понял, что ляпнул то, что узнать без соответствующего оборудования никак не мог...

— Я определил прочность приблизительно... На глаз, по интенсивности "свечения", господин прапорщик! — выкрутился Белецкий, немного замявшись.

— Приблизительно... — скривился Шелехов, вперив внимательный взгляд в застывшего подчинённого, — Ну хорошо, — согласился он, поиграв желваками, — Кстати... И это всех касается, — обратился прапорщик к остальным бойцам, — Во внеслужебное время, как сейчас, орать "Господин прапорщик!" не обязательно. Разрешаю обращаться ко мне без чинов. По имени-отчеству. Во время выполнения учебных или боевых задач обращаться: "Командир" или "Первый". Друг к другу — по именам. Обращения по кличкам или кодам вводить не будем, так как имена у вас не повторяются, и для боевого общения подходят вполне. Понятно?

"Так точно, гос... Павел Евгеньевич!" — рявкнули штрафники.

Шелехов поморщился, и махнул рукой Белецкому:

— Идите...

Оружейная комната действительно оказалась в соседней каюте. Причём, судя по форме стоящих в ней сейфов, хранились в ней отнюдь не только силовые шпатаги. Егор забрал из выдвинувшегося при его появлении лотка новый щит, и положил туда старый. Лоток тут же задвинулся обратно. Белецкий ещё раз окинул взглядом помещение, и поспешил обратно в столовую. Время перерыва на обед не закончилось, и команды продолжать тренировки педантичный прапорщик ещё не подавал.

Когда Белецкий вошёл в каюту, Шелехов как-то странно посмотрел на него, и сказал:

— Так... Нарушений в конструкции вашего старого щита и в структуре генерируемого им поля не обнаружено, — и, поднявшись, добавил: — Присаживайтесь пока, Егор Николаевич. Перерыв заканчивается через шесть минут. К этому времени всем быть на своих местах! — с этими словами прапорщик быстро вышел из каюты. Воспользовавшись моментом, товарищи Егора принялись расспрашивать его о шпаге подробнее. Тот извивался, как уж, стараясь соблюдать рекомендованную мечом секретность, и не ляпнуть лишнего, как сегодня один раз уже получилось...

К счастью для него, шесть минут быстро истекли, и штрафники отправились на тренировку. К вечеру народ настолько вымотался, что от идеи нанести визит в каюту Егора с целью поглазеть на работоспособный раритет отказались все, кроме барона и Сашки Карлаша, которым было всё равно по дороге. Остальные решили посмотреть на шпагу в действии завтра утром, когда Егор принесёт её "на показ" Шелехову. Пантелей тоже присоединился к большинству, так как сегодня он "дома" ночевать не собирался. Мягкая и пушистая молодая Василиса была ему интересней какой то "старой ржавой железяки", как он выразился в мысленном диалоге с Егором.

Так что помахав шпагой — мечом перед носами фон Стиглица и Карлаша, и выслушав их ценные замечания, что, да, действительно, клинок длиннее и щит вроде бы плотнее, Белецкий проводил их до коридора стыковочной секции, пожелал всем спокойной ночи, вернулся в каюту, переоделся, поужинал, и лёг спать, перед сном, как и вчера, повертев старинную рукоять в руках. Уснуть удалось не сразу. Егор немного переживал по поводу завтрашней демонстрации оружия перед Шелеховым.

Наутро Белецкий первым делом полез в сейф за мечом. Вчера он так и не решился поговорить с Вейтангуром, но сегодня всё же решил высказать ему свои опасения. Проявившийся фантом, выслушав сообщение владельца о предстоящей проверке, только равнодушно пожал плечами, посоветовал не беспокоиться, и со словами "Всё будет хорошо" растворился в воздухе.

"Мне бы твою уверенность" — пробормотал Егор, опустив рукоять на кровать, и отправляясь заниматься "утренним моционом".

Сегодняшняя тренировка, как и ожидал Белецкий, началась со "смотрин" его нового оружия. Шелехов сначала попросил передать ему шпагу, а потом, после внимательного осмотра, вернул её владельцу, и предложил продемонстрировать в действии. Егор с радостью согласился, тут же прогнав клинок через основные трансформации, а затем, испросив предварительно разрешения у командира, показал фокус с работой шпаги сквозь щит. За всеми этими манипуляциями наблюдал не только Шелехов и товарищи Белецкого, которым командир не приказывал пока приступать к тренировкам, понимая, что они тоже хотят посмотреть шоу, но и необычный для рядовых тренировок гость — робот технической поддержки "на шасси" Тарантула.

После демонстрации возникла небольшая заминка — Шелехов несколько секунд простоял неподвижно, чуть склонив голову набок. Очевидно, обменивался информацией с роботом, который явно был под завязку напичкан тестирующей аппаратурой. Но пауза была недолгой. Прапорщик предложил провести небольшой спарринг. Белецкому ничего не оставалось, как согласиться на очередное избиение. Однако Шелехов в последовавшем поединке явно сдерживал себя, давая сопернику продемонстрировать своё оружие чуть ли не во всех стандартных приёмах. Схватка продлилась целых десять минут, после чего Шелехов отступил на шаг назад, и, подняв свой клинок вверх, деактивировал его.

— Так..., — произнёс он после секундной паузы, — В общем и целом понятно.... В качестве личного оружия использовать разрешаю, — У Егора как гора свалилась с плеч... Худшим сценарием, который он мог вообразить, было изъятие оружия или блока питания к нему на весь срок пребывания в штрафбате. Теперь стало ясно, что отнимать у него клинок никто не будет... Но использование меча в качестве личного оружия — это было не совсем то, чего хотел Белецкий. В мыслях он уже видел, как воюет с врагами сразу двумя шпагами.

— А в качестве боевого? — задал он вопрос в чёрное непрозрачное забрало шлема командира.

— Будем думать... Решение будет принято к концу дня, — ответил тот, и приказал начать тренировку.

День прошёл для Егора как в тумане. Вопрос "разрешат или не разрешат?" крутился в голове, отодвинув все остальные мысли на задний план. Несмотря на это, а может быть, наоборот, именно благодаря тому, что он не думал, как лучше выполнить поставленную задачу, а действовал в основном на инстинктах, сегодня у Егора всё получалось лучше, чем обычно. Что не преминул отметить командир.

Когда тренировки наконец закончились, штрафники не торопились расходиться "по квартирам". Всем интересно было узнать вердикт Шелехова. Тот, откинув забрало своего шлема, подошёл к Белецкому, и пожевав губами, объявил:

— Разрешаю использовать шпагу в боевых условиях. Но только в виде щита..., — не успел Егор раскрыть рот с вопросом "А как же...", как прапорщик добавил по закрытому каналу: "Твоя шпага выдаёт правильный ответ на запрос "свой-чужой". Значит, это военное устройство, а не самоделка. Но больше никакой информации по ней нет. То есть она есть, но на ней стоит гриф "СЕКРЕТНО" такими большими буквами, что ни твоего, ни моего допуск не хватит, чтобы до неё добраться... Я отправил запрос "наверх", — прапорщик поднял глаза к потолку, хотя этот "верх" сейчас, скорее всего, находился совсем в другом направлении. И получил разрешение на использование твоей "игрушки". Но полагаться на оружие, ТТХ которого мне не известны, я не могу. Так что..."

— Понятно, — разочарованно протянул Егор, опустив голову. Его товарищи уже собрались было расходиться, так как больше ничего интересного на сегодня не намечалось, но следующие его слова заставили их с этим повременить.

— Павел Евгеньевич! Не могли бы дополнительно заняться со мной обучением бою на двух шпагах?

Не только Белецкий, но и вообще все присутствующие, с интересом ожидали решения командира. Ожидать долго не пришлось.

— Нет, — слово упало, как тяжёлый камень, вдребезги разбивающий хрустальную мечту Егора. Точнее, разбивший бы, если бы не Вейтангур..., — По двум причинам, — решил разъяснить своё решение командир, — Первая: потому что у вас в руках будет две шпаги..., — Белецкий недоумённо вскинул брови, — И вам может вдруг захотеться воспользоваться второй. А у вас нет ни времени, ни физической возможности овладеть обоеручным фехтованием на должном уровне. Я и Яков Иосифович, — прапорщик кивнул в сторону Левинзона, имеем модифицированный опорно-двигательный аппарат, так как служили в штурмовых подразделениях, — Егор наострил уши: об этой подробности биографии командира он, как и его друзья, слышал впервые, — Андрей Павлович, — последовал кивок в сторону барона, — произвёл модификацию организма по своей инициативе и за свои средства, — "у высшей аристократии бывает.." — подумал Егор, —

"Чтобы быть ещё выше...", и тут же устыдился своих мыслей, вспомнив о вполне достойном поведении барона за время их знакомства, — Больше в группе ни у кого такой модификации нет. В том числе и у вас. А без неё вы с двумя шпагами сможете только красоваться перед девушками, — безжалостно продолжал Шелехов, — но никак не выступать против реального противника. Вторая причина заключается в необходимости слаженной командной работы всей группы. А вот этого вам даже со стандартными приёмами не хватает... Всем! — прапорщик обвёл взглядом стоящих рядом людей, — Так что я могу вас обучать в дополнительное время. Как и любого другого, — прапорщик ещё раз оглядел присутствующих, — но только тому, в чём вы уже достигли хоть каких-то успехов, — а именно — работе со шпагой и щитом. Вы хотите этого? — взгляд командира снова остановился на Егоре.

— Да, — твёрдо ответил тот. Было бы неудобно отказываться от такого предложения, после того, как фактически сам на него и напросился. Товарищи Белецкого тоже не остались в стороне. Даже Похмелов после недолгих раздумий попросил о дополнительных занятиях. Так что командиру пришлось тут же на месте составлять график.

Потекли обычные армейские будни... Тренировки, дополнительные тренировки, и полувыходные раз в неделю, когда бойцы в свободное время ходили друг к другу в гости, или расслаблялись в рекреационной зоне, которая, как оказалось, представляла из себя имитацию южного морского пляжа с жарким солнцем, настоящим песком и солёной водой. Кстати, Сашка Карлаш в своей каюте соорудил нечто подобное. Только вода и песок, на которые открывался вид из его бунгало, были полностью иллюзорными.

Вообще, после того, как Егор побывал в каютах сослуживцев, ему на ум пришла немного переиначенная старая поговорка: "Покажи мне свой дом, и я скажу, кто ты". Каюта барона представляла собой громадную библиотеку. С настоящими бумажными книгами. Причём небольшой реальный участок стеллажей был заставлен действительно самыми что ни на есть реальными настоящими книгами. Егор, конечно, слышал, что некоторые оригиналы и сейчас за большие деньги заказывают для себя современные книги в бумажном варианте, и покупают старые бумажные тома уж совсем за невообразимые деньги. Он даже как-то один раз держал такую книгу в руках. Но такое количество литературы, выполненной по дотопным технологиям, ему довелось видеть впервые. Между двумя рядами стеллажей, уходивших справа и слева в бесконечность, стоял старинный стол со старинной же настольной лампой, и придвинутым к нему старинным подстраивающимся под фигуру креслом-трансформером. В разложенном варианте кресло служило фон Стиглицу постелью.

В общем, устроился барон по-спартански, но в окружении немыслимой роскоши (как в духовном, так и в финансовом смысле)

Каюта Похмелова, наоборот, представляла собой образец роскоши в самом прямом смысле этого слова. Не мудрствуя лукаво, бывший интендант скопировал одну из комнат столичного Императорского Дворца. У него хватило ума не брать за образец комнаты, предназначенные для проживания императорской семьи, но в том, что реальный прототип жилища Похмелова предназначался для какого-то высокопоставленного придворного, сомнений не возникало ни у кого из тех, кто переступал порог его апартаментов. Кричащая роскошь просто бросалась в глаза. Ни один из штрафников не сказал толстяку ни слова по поводу нелепости выбранного им интерьера, но тот, побывав в гостях у остальных своих товарищей, сам, кажется, понял, что перегнул палку с роскошью. И принялся оправдываться, что, дескать, всю жизнь хотел пожить во дворце, так почему бы не исполнить свою мечту

хоть ненадолго?

Левинзон же выбрал в качестве прообраза своего жилища небольшой гостиничный номер. Не из самых дорогих, но и не из самых дешёвых. Лучше всего его выбор описывался словами "Просто — но со вкусом". Всё было удобно, функционально, и даже в чём-то по домашнему. "Изюминкой" пристанища Левинзона было то, что выбранная им в качестве прототипа гостиница находилась на круизном Летающем Острове. На самом его краю. Так что вид за широким панорамным окном менялся каждый день. То до самого горизонта расстилалось бескрайнее море, то струились зноем жёлтые пески пустыни, то радовали глаз зелёные равнины, то взметались в небеса окутанные облаками заснеженные горные вершины...

Единственной каютой, о внутреннем убранстве которой не было известно ничего, являлась каюта Шелехова. Он никогда не приглашал в гости никого из сослуживцев, хотя сам к ним иногда заходил.

Не бывали бойцы и в каютах экипажа корабля. Офицеры экипажа держались замкнутой группой, хотя общались со штрафниками довольно регулярно. Хотя и не со всеми. С пилотами чаще приходилось сталкиваться Белецкому, а с техником — Карлашу. Остальные встречались с экипажем только на тренировках. Как выяснилось, противобордажную подготовку должны иметь все, находящиеся на транспортнике, и в этих вопросах прапорщику должен был подчиняться даже командир корабля. Чем тот и пользовался, заставляя офицеров потеть на тренировках вместе со штрафниками.

Вообще в космосе Шелехов сильно изменился по сравнению с тем, что было на Земле. Исчезли пустые придирки и издевательства. Теперь его наиболее точно можно было охарактеризовать словами "Строгий, но справедливый". И командир, и педагог из него вышел толковый, и бойцы под его руководством превращались в эффективную боевую единицу буквально на глазах. Росло и их индивидуальное мастерство. Правда последнее, по крайней мере в отношении себя, Белецкий относил не столько на счёт прапорщика, сколько на счёт своих регулярных тренировок с Вейтангуром, проводить которые приходилось в основном после отбоя и в выходные дни, в свободное от боевой учебы и от обязательного отдыха время. Несмотря на постоянное общение, Егору так и не удалось вытянуть из скрытного духа меча каких-нибудь дополнительных сведений о его "прошлой жизни". Но он не падал духом. Пока что ему хватало и осознания того, что без помощи меча таких значительных успехов в фехтовании ему бы достичь не удалось. Шелехов неоднократно отмечал растущее мастерство подчинённого, но заниматься с ним обучением фехтованию на двух шпагах по-прежнему отказывался. Зато пообещал, что разрабатывает для способного ученика несколько приёмов с внезапным колющим ударом сквозь свой щит, и вскоре начнёт их с ним отрабатывать.

В общем, Белецкому показалось вполне закономерным, что на одной из дополнительных тренировок он наконец-то впервые смог коснуться шпагой своего учителя. Хотя это касание не могло оставить на скафе Шелехова и царапины, Егор преисполнился гордости, и приготовился выслушать законную похвалу своему растущему мастерству.

Но Шелехов повёл себя в высшей степени странно. Остановив тренировку, он приказал Белецкому сдать оружие и срочно топать в медблок для прохождения полного медосмотра. После чего прибыть к нему в каюту.

Приказ есть приказ. Даже непонятный. Поэтому через двадцать минут Егор, впервые за время полёта, с двойным любопытством переступал порог каюты командира. Первый

интересовавший его вопрос был, естественно, о причинах странного поведения командира, а второй — как же всё-таки выглядит каюта прапорщика? Об этом среди команды гуляли разные предположения, порой самые дикие... Но действительность Белецкого и удивила и разочаровала одновременно. Каюта Шелехова была просто каютой. Такой же стандартной, как столовая, в которой штрафники обедали между тренировками. Только вместо стола и шести стульев тут была стандартная койка, стандартный сейф для оружия и стандартный пенал для скафа. Ну, ещё пара стульев, на один из которых сидящий на койке прапорщик сразу указал вошедшему. Из общего официального стиля выбивались только висящие в углу образа с неугасимой лампадкой перед ними. Хотя, начальство такие композиции в каютах всячески поощряло, так что в принципе это вписывалось в общую картину, особенно если вспомнить частое посещение Шелеховым церкви в учебке.

Белецкий осторожно опустился на стул и стал ожидать, что будет дальше. То, что его не оставили стоять, а пригласили присесть, было хорошим знаком. Если начальство хочет устроить разнос, то обращается с подчинённым немного не так. Разве что разнос настолько грандиозный, что подчинённый может упасть, если не сидит. Но ничего такого, что могло бы вызвать такой супернагоняй, Белецкий за собой в последнее время не замечал.

Шелехов хмуро взглянул на подчинённого, и не отводя от него глаз, негромко позвал:
— Кира.

Егор невольно оглянулся по сторонам. Никакой Киры в каюте не наблюдалось. Но тут поверхность стены рядом с иконостасом начала выгибаться наружу, словно её изнутри что-то продавливало. Несколько секунд, и из стены проявилась женская фигура... Вот она сделала шаг вперёд... Вот из однотонно серой она стала такой, какой и должна быть молодая привлекательная девушка: с розовой кожей, большими голубыми глазами, сочными губами, золотистыми волосами, и милыми ямочками на щеках... Одета странная гостья была в лёгкое летнее белое в синий горошек платье. Сделав два шага вперёд, девушка остановилась.

— Кира, местный ИсКин, — представил гостью Шелехов. Улыбнувшись, он добавил: — Капитан очень любит свою дочку... И не мудрено. Эх, был бы я помоложе!.. — прапорщик подмигнул голограмме.

— Не забывайте, что я всё-таки не она, — озорно улыбнулась девушка, — И со мной у вас точно ничего не получится...

— Вот такие все женщины... — притворно вздохнул командир, — Обломать кавалера доставляет им истинное удовольствие...

— Кира уже хотела раскрыть свой прелестный ротик, чтобы что-то возразить, но Шелехов вскинул руку в останавливающем жесте, и вперив взгляд в Белецкого, произнёс:

— Вейтангур.

Егор чуть не упал со стула. "Как?...", "Откуда?..." и прочие содержательные мысли заставили его отвлечься от изучения анатомических особенностей находящейся рядом с ним девичьей фигуры.

— Вейтангур, выходи! — повторил Шелехов, подняв голос. Егор снова завертел головой. Откуда, по мнению командира, должен был выйти Вейтангур, было непонятно. Сейчас он лежал себе спокойно в сейфе в каюте Егора, и не мог явиться сюда ни в материальном виде, ни в виде голограммы.

...Воздух у дверей сгустился, и в нём постепенно проявились очертания знакомой фигуры. Дух меча решил обойтись без спецэффектов, и не "выходить из стены", подобно

фантому ИскИна. Проявившись окончательно, он изобразил независимую позу, выставив вперёд левую ногу и скрестив руки на груди. Смотрел он в основном на стоящую напротив Киру, время от времени подозрительно зыряка на Шелехова, и избегая встречаться взглядом со своим владельцем.

— И что ты можешь сказать в своё оправдание? — обратился прапорщик к мечу, сурово сдвинув брови.

— Я не понимаю... — "встав в позу", начал было Вейтангур.

— А вот я сейчас объясню, — усмехнулся Шелехов, вставая с койки. На всякий случай две голограммы и один человек сделали шаг назад. Белецкий при этом, вставая, чуть не упал, запнувшись о стул. Теперь в тесной каюте стояли и напряжённо глядели друг на друга четыре фигуры.

— Ладно, ты поместил свою матрицу в электронную систему корабля, и теперь можешь перемещаться по нему как в электронном виде, так и в виде оптического изображения. С предъявленным тобой допуском, я думаю, ты просто мог отправить местного ИскИна в отставку и занять его место, — Кира испуганно вздрогнула, и широко раскрыв глаза, вопросительно взглянула на стоящую напротив фигуру. Та отрицательно покачала головой.

— Ладно, ты поставил гриф "Секретно" на информацию систем наблюдения за каютой Белецкого, и теперь я не знаю, чем вы там вдвоём занимаетесь... Подозреваю, что фехтованием... — Егор покраснел, — В том числе и на двух шпагах... То есть, тьфу ты, мечах! — Егор покраснел ещё сильнее, — Хорошо, Кира рассказала мне о твоём появлении до того, как тебе захотелось поиграть в шпионов... Но вот проводить нестандартную модернизацию организма моего подчинённого без его, а самое главное — без моего ведома..., — прапорщик сделал многозначительную паузу...

— Какую модернизацию? — встрял в разговор удивлённый Егор.

— Вот! Объясняй ему теперь! — сердито бросил Шелехов духу меча. В конце-концов он твой владелец... Или наоборот?

— Голограмма, повернувшись к Белецкому, тяжело вздохнула, и сообщила

— Согласно директиве, мой владелец должен по физическим параметрам находиться на уровне, примерно в полтора раза превышающем стандартную военную штурмовую модификацию. Поэтому над тобой сейчас плотно работают наноботы...

— Почему развитие идёт неравномерно? — вклинился в монолог Вейтангура прапорщик.

— При равномерной модернизации скольнибудь значимое улучшение параметров организма не будет достигнуто до момента вероятного боестолкновения с противником, — начал монотонно вещать фантом, — Поэтому было принято решение о поузловой модернизации. Сейчас все усилия наноботов сосредоточены на правой руке. Она уже стала значительно быстрее и сильнее, чем у нормального человека. Что вы и заметили при поединке, — Вейтангур склонил голову в сторону Шелехова.

— А мне ты почему не сказал? И как в меня попали твои наноботы? — возмутился Егор, который ещё не отошёл от прошлой принудительной модернизации...

— Ну... Ты бы начал волноваться, переживать... — развёл руками меч, — А так бы это был для тебя приятный сюрприз после окончания процесса...

— Сюрприз... — хмыкнул Шелехов, — Больше никаких сюрпризов не намечается? Может, у него теперь ещё хвост отрастёт? Или там, третий глаз прорежется?

— Нет, больше не намечается, — сухо ответил фантом прапорщику и снова повернулся

к Егору, — А наноботы... Ты же держал рукоятку голыми руками... А они очень даже легко проходят сквозь кожу...

— И какой процент смертности при модернизации? — глухо спросил Егор, вспомнив аналогичный параметр у предыдущего эксперимента.

— Никакой, — обиженно отрезал Вейтангур. Моя обязанность — защищать владельца, а не подвергать его опасности. Прапорщик при этих словах открыл было рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

В каюте повисла напряжённая тишина. Прервал паузу всё-таки прапорщик:

Тэк-с... Подведём итоги. Первое: Вейтангур остаётся штатным оружием Белецкого на тех же условиях, что и раньше, — Егор удивлённо вскинул брови. Ему казалось, что после такого коварства со стороны меча, минимум, что сделает Шелехов — это запрет его в сейф до конца полёта, а максимум — выбросит в открытый космос... — Кстати, — поинтересовался прапорщик у духа меча: А ты всех можешь вот так модернизировать, или? ...

— Только хозяина. Я не конвейер по производству суперменов, — отрезал тот.

— Жаль... Жаль... — расстроился прапорщик. Ну да Бог с ним. Значит "Егор — быстрая рука" у нас будет только один... Жаль, конечно, что только рука... А во всём остальном останется такой же черепахой... Ладно. Идём дальше... Второе: Ты: — указующий перст Шелехова вскинулся в сторону Белецкого, впредь будешь поосторожнее с незнакомыми железяками, — Вейтангур изобразил обиженное сопение, — И с этого дня для тебя вводится еженедельный полный медосмотр. Хоть на операцию и предъявлен полный медицинский сертификат, но всё же... Тренировки можете продолжать. Но! — прапорщик снова повернулся к Вейтангuru, — У меня будет не приказ... Я понимаю, что ИскИну с таким уровнем допуска приказывать я не могу, — а просьба: снять режим секретности с каюты Белецкого. Я должен знать, что с моим бойцом всё в порядке.

— Ты как, согласен? — поинтересовался меч у владельца.

— Ты бы лучше спросил моего согласия, когда эту секретность навешивал, и когда нанботов отправлял, — буркнул тот, — Снимай, конечно.

— Сделано! — заявил Вейтангур, — А если бы я у тебя спросил разрешения на модернизацию, ты бы отказался. И был бы сейчас почти беззащитным...

Шелехов иронически хмыкнул.

— Ну, слабее, чем сейчас, — поправился фантом.

— И ещё, — продолжал гнуть свою линию Шелехов, — Никаких с этого момента самовольных действий. Обо всём предупреждать меня. Кира, проконтролируй, — обернулся прапорщик в сторону голограммы девушки. Та согласно кивнула головой, Всё! Все свободны... Кроме Белецкого. Два фантома растаяли в воздухе, а прапорщик снова указал своему подчинённому на стул.

— Ну, как впечатления? — поинтересовался он, когда тот присел.

— Паршивые... — честно признался Егор, прикидывая, в какую гадость ему удалось вляпаться на этот раз.

— Ну, пока ничего страшного не случилось... — утешил его Шелехов. Твоя железяка сделала всё правильно... Почти всё... Надо было ему всё-таки тебя на это дело уговорить добровольно... Или, по крайней мере, сообщить о своей инициативе раньше, чем я до всего докопался. В общем и целом, могу сказать, что Вейтангур хочет тебе добра. Вот только — как он его сам понимает... Так что ты ему доверяй, но проверяй. А сейчас свободен! — И

Егор поплёлся в свою каюту, выяснять отношения с мечом.

Надо ли говорить, что эти самые отношения Белецкого с собственным мечом с этого дня несколько испортились. Он бы даже отказался от своей находки вообще, но теперь на использовании меча категорически настаивал командир. Не забывая при этом постоянно напоминать Егору об осторожности и здравомыслии. Но никаких новых номеров Вейтангур не откалывал. Правая рука его владельца становилась всё быстрее и сильнее. У Егора даже возникало иногда впечатление, что ему пришили руку другого человека. Учебно-боевые будни тоже текли своим чередом. В основном занимались всё тем же, что начали изучать ещё в учебке. Пару раз выходили в открытый космос — отрабатывали преодоление повреждённого сегмента корпуса по внешней обшивке корабля. По сравнению с фехтованием эти занятия были намного легче, а потому всем понравились. Но Шелехов сказал, что без пристыкованных лихтеров это упражнение отрабатывать без толку, и прекратил прогулки в открытом космосе до обратного рейса.

За полторы недели до прибытия транспортника к пункту назначения Егора снова вызвали в пост управления, где он под чутким руководством командира корабля отработал манёвр торможения. В принципе, ничего сложного в этом не было: Развернуть движки на сто восемьдесят градусов, и повторить те же действия, что и при разгоне.

Ровно через полторы недели транспортник прибыл к погрузочному терминалу. Штрафники узнали об этом во время обеда, когда Шелехов активировал обзорный экран, и перед ними на фоне угольно-чёрного космоса с яркими точками звёзд предстал Сварог — сырьевая планета Империи.

Точно такую же картинку могли наблюдать сейчас и люди, собравшиеся в одном из самых защищённых подземных бункеров на Земле. Этот бункер был частью секретного комплекса, который, в свою очередь, находился глубоко в земле под одним из самых заштатных городишек Империи. Ни глубина, на которой был построен этот комплекс, ни даже название городка, находящегося над ним, большинству собравшихся сегодня в бункере были неизвестны. Да они и не стремились к обладанию этими знаниями. Принцип "меньше знаешь — лучше спишь" никто не отменял. Хотя "меньше знаешь" — было не об этих людях. Каждый из присутствующих владел такой информацией, за обладание которой многие бы не то что заплатили бешеные деньги, а и продали бы душу дьяволу, если бы им предложили заплатить такую цену. Но в извлечении из них этой информации вряд ли бы помог и Сатана: Встроенные в мозг защитные механизмы физически не позволяли секретносителям выболтать доверенные им тайны. Даже посмертно. В случае летального исхода модифицированный мозг мгновенно необратимо разрушался. Но всё равно место проведения очередного совещания руководства СИБ каждый раз менялось. Вот и этот бункер ещё не скоро должен был увидеть старых знакомцев, после того как они его покинут.

Но пока совещание было в разгаре. На изображение небесного тела, зависшее прямо над средних размером столом, вокруг которого и расселись присутствующие, внимания, в отличие от штрафников в "Змееже", находящегося на внешней орбите этого самого "тела", никто не обращал. Все сосредоточились на беседе восседавшего во главе стола румяного лысоватого толстячка с добрым взглядом, и среднего возраста человека с незапоминающейся внешностью, сидевшего с правой стороны стола. Вид у того, несмотря на то, что именно на него сейчас был обращён ласковый взгляд начальника Службы Имперской Безопасности, был не очень радостный.

— Следствие по делу "О трёх случаях" в Северно-Западном округе закончено, —

докладывал он, — Установлено, что причиной аварии аэрокосмического модуля на Северном Терминале был саботаж дежурного по Терминалу. Допросить его не удалось, так как почти сразу после аварии он погиб в катастрофе орбитальной транспортной капсулы. Установлено, что незадолго до его смерти на его банковский счёт была переведена большая сумма денег от структур, подконтрольных основным фигурантам операции "Двойной капкан".

По факту обстрела звена вертоджетов установлено, что он был совершён из ПЗРК "Скорпион" производства Союза, доставленного в точку, расположенную на маршруте звена, офицером батальона охраны объекта "Ванкор". Данные о маршруте тот получил от офицера диспетчерской службы ВВС округа. За обоими установлено плотное наблюдение и предприняты меры для недопущения их дальнейшей диверсионной деятельности. Так, двумя неделями позже была предотвращена попытка атаки на объект "Ванкор" с применением трёх кластеров нанобийц первого уровня. Расследование показало, что кластеры похищены со складов Флотского ГРУ.

Третий случай — сбой в электропитании метро, также был вызван диверсией. Одновременно с отключением питания группа боевиков попыталась вывести из строя систему наблюдения в тоннеле и захватить один из вагонов проходившего в это время по данному участку пассажирского поезда. Попытка оказалась неудачной. Личности боевиков установлены, все они взяты под наблюдение. Силовых акций пока не проводим, чтобы не спугнуть более крупную рыбу. У меня всё.

— Так-так... — задумчиво проговорил начальник СИБ, и перевёл свой взгляд на сидевшего напротив только что закончившего докладчика человека такой же неприметной внешности, — А что у нас там с "Двойным капканом"?

— Пока всё идёт по плану, — осторожно ответил тот.

— И как там наша дамочка? Наживку ей подкинули?

— Да, конечно... Но у неё сейчас серьёзные проблемы со здоровьем, и она временно отошла от дел...

— Это она-то "отошла от дел"! — усмехнулся толстяк во главе стола, от чего на его щеках образовались симпатичные ямочки, — Не смешите мои тапочки! Если она получила информацию — значит, будет действовать. Кстати, технический отдел: её систему связи так и не раскрыли?

— Пока нет, — сокрушённо развёл руками начальник технического отдела. Вы же сами понимаете...

— Что новый начальник техотдела отнесётся к своим обязанностям более добросовестно? — ласково поинтересовался толстячок у побледневшего подчинённого, — Ищите, работайте. И не забывайте, что моё терпение не безгранично.

— А что там с группой? Подобрали? — начальник СИБ снова обернулся к предыдущему докладчику.

— Да. Вполне дееспособная группа. Всё, как запланировано. Осталось только довести до них задачу...

— А по шестому проекту в группе кто-нибудь есть? — подал голос до этого, казалось, мирно дремавший начальник научного отдела. Вообще-то задавать вопросы без разрешения вышестоящего начальства в этих стенах было, мягко говоря, не принято, но "научнику" такие фокусы сходили с рук, как человеку, от субординации далёкому.

Докладчик бросил вопросительный взгляд на начальника, и, получив от того едва

заметный утвердительный кивок, ответил:

— Да. Один человек. Но у него только первый этап модификации, и до начала операции процесс не завершится.

— Жаль... Жаль... — пробормотал научник и снова ушёл в себя.

— Теперь по техническому обеспечению операции... — толстячок опять повернулся к начальнику техотдела... — на Сварог всё доставили?

Погрузка, а точнее, пристыковка лихтеров заняла двое суток. Пока вокруг "Змеежа" сновали буксиры и погрузочно-разгрузочные роботы, отстыковывая движки и установки ПКО, пристыковывая лихтеры, и устанавливая только снятое оборудование и оружие уже на них, штрафники продолжали тренироваться, как обычно. Руководил тренировками не прапорщик Шелехов, убывший по каким-то делам на поверхность, а барон фон Стиглиц, которого тот оставил вместо себя. Надо сказать, что на интенсивности тренировок отсутствие Шелехова не сказалось. Прапорщик вернулся на борт корабля за час до старта. Настроение у него при этом, как заметили его подчинённые, уже начавшие различать нюансы в поведении командира, было не очень хорошее.

Перед стартом Белецкого снова вызвали на пост управления кораблём. Но на этот раз "поручить" ему не пришлось. Кораблём управляла Кира, а капитан, второй пилот и стажёр были просто наблюдателями, хотя и подключёнными к системе. Загруженный корабль стартовал гораздо медленнее, чем порожний. Сначала движки дали маломощный импульс. Результатом его стало не столько движение вперёд, сколько искривление гибкого корпуса транспортника под действием неравномерного распределения масс лихтеров и векторов тяги двигателей, всё ещё сохранившегося после предварительной масс-центровки. По результатам измерений было произведено необходимое смещение движков вдоль продольных осей лихтеров, изменение их тяги, перекачка балласта и изгиб корпуса. Потом ИскИн выдал ещё один импульс... И так до тех пор, пока масс-центровка не была завершена. И только после этого двигатели вышли на постоянную тягу, медленно разгоняя тяжёлую конструкцию...

Довольный капитан отпустил Белецкого только через два часа. Как выяснилось, доволен он был не успешно прошедшей рутинной процедурой старта, а тем фактом, что на этот раз транспортник должен был лететь к Земле не в гордом одиночестве: для его сопровождения был выделен целый эсминец. "Говорят, командование флота получило грандиозный нагоняй", — доверительно сообщил Савельев стажёру, — "И теперь транспортникам будет выделяться конвойный корабль. Давно пора..."

Прибыв к товарищам, Егор поспешил поделиться с ними этой действительно радостной новостью. Наличие корабля конвоя существенно повышало шансы добраться до Земли целыми и невредимыми. Новость всех обрадовала. И только командир, глядя на радостные лица подчинённых, неопределённо хмыкнул, и приказал продолжать тренировки. С лёгким ворчанием штрафники выполнили приказ. Но особого энтузиазма они сегодня при учёбе не проявляли: кому охота тренироваться, если нет реальной угрозы? Да и выходной завтра...

Шелехов, на удивление, отнёсся к такому поведению своих подопечных спокойно. А после окончания тренировок объявил, что завтра выходной на целый день. Правда, после того, как стихли радостные возгласы, добавил:

— Завтра в девять ноль-ноль всем собраться у моей каюты. Форма одежды — лёгкий скафандр без шлема, — после чего недоумевающие по поводу такого странного приказа штрафники были распущены по каютам.

Наутро все, как и было приказано, прибыли к каюте командира. Как оказалось, двое из

прибывших были ему нужны, чтобы отнести к кормовой зоне отдыха большие серебристые чемоданы. Зачем понадобились остальные — непонятно. Пока группа двигалась к указанной цели, Сашка Карлаш отправил друзьям файл с предположением, что в чемоданах — надувные механические акулы со стальными челюстями, которых Шелехов собрался запустить в воду. Вместе со штрафниками. А сам он будет наблюдать за происходящим с пляжа...

Месяц назад бойцы оценили бы вероятность описанной ситуации довольно высоко. Но сейчас они только посмеялись шутке товарища.

Путь до зоны отдыха был неблизким, учитывая тот факт, что каюта командира располагалась примерно посередине корабля, но и не слишком тяжёлым, принимая во внимание половинную гравитацию в главном тоннеле. Уже через пятнадцать минут штрафники по очереди переступали порог зоны отдыха. И останавливались...

Горячего песка, лазурных волн, и чаек над водой не было. Был заснеженный зимний лес. Дохнуло холодом. Под ногами захрустел снег. Шелехов, не оглядываясь, торил дорогу к известной ему одному цели, иногда проваливаясь в сугробы чуть ли не по пояс. С низкого серого неба сыпались редкие снежинки. Ветки застывших вокруг в торжественном молчании елей и сосен тяжело прогибались под тяжестью придавивших их белоснежных шапок. Егор неосторожно задел плечом одну из таких веток, и на его голову тут же обрушился целый каскад искрящихся снежных хлопьев. Пришлось вытряхивать снег из волос и из-за "шиворот" отключенного силового пузыря — шлема. Избавившись от большей части "сугроба" на себе, Белецкий включил силовое поле шлема, и врубил обогрев. Снег быстро растаял, а адсорбирующий слой впитал образовавшуюся воду. Все эти манипуляции Егор производил на ходу, следуя в фарватере командира, уверенно топавшего впереди.

Шли недолго. Буквально метров через двадцать выбрались на небольшую поляну, окружённую заснеженными деревьями. Слева из-под снега выглядывали голые ветки какого-то кустарника. Справа, судя по всему, был замёрзший сейчас ручей. Открытое пространство пересекали наискось две цепочки следов, оставленных какими-то мелкими зверьками. Шелехов остановился посередине свободного от леса участка, где под снегом угадывались очертания двух толстых брёвен, лежащих под прямым углом друг относительно друга, постоял немного на месте, оглядываясь по сторонам и выдыхая клубы пара, а затем приказал бойцам разгрести и трамбовать снег. Когда площадка у брёвен была наконец расчищена, а сами брёвна освобождены от снега, Шелехов торжественно открыл один из чемоданов. Егор ожидал увидеть там всё, что угодно: от разобранного крупнокалиберного снайперского рейлгана до тактического ядерного заряда. Но действительность превзошла все его ожидания. Шелехов начал сноровисто извлекать из чемодана и выкладывать на снег...

...Дрова. Судя по всему — дубовые.

— Откуда дровишки? — поинтересовался Левинзон, у которого единственного не отвисла челюсть при виде этого зрелища, а только глаза стали большие-пребольшие.

— Из лесу, вестимо... — невозмутимо ответил прапорщик, вытягивая из чемодана последнее полено.

— И где у нас ближайший лес? — подключился к беседе фон Стиглиц.

— На Земле, конечно, где же ещё?

— И вы... Сюда?... с Земли?... Дрова? — потерянно спросил Карлаш, к которому, видимо, только что вернулся дар речи, но не способность связывать слова в предложения.

— Не всем же с собой библиотеку таскать..., ответил Шелехов, подмигнув фон

Стиглицу.

— А почему нельзя здесь дров достать? — кивнул Похмелов на окружающие деревья, — Экология не позволяет?

— Да откуда ж здесь дерево, Илья Ефимович? — улыбнулся прапорщик, — только пластик, да и тот негорючий. А если бы и был горючий, то кто ж на пластике шашлык жарит? С этими словами Шелехов раскрыл второй чемодан, в котором оказались походный мангал, шампуры, контейнер с уже замаринованным мясом и порезанным луком, и... две бутылки "Столичной". В наступившей тишине отчетливо было слышно, как сглотнул Похмелов. Нельзя сказать, что бойцов плохо кормили, но шашлыка в меню стандартных кухонных блоков не было. Как и родного зимнего леса в интерьере корабля. А две бутылки водки превышали стандартный "праздничный" лимит спиртного на одного человека почти в два раза.

— Ну что? Как готовить русское национальное блюдо — шашлык, все знают? — задал риторический вопрос прапорщик, — тогда приступайте.

И бойцы с энтузиазмом "приступили"...

Только Яков сначала осторожно поинтересовался, а что подумает местный ИскИн по поводу открытого огня в боевом модуле? На что Шелехов беззаботно ответил, что местный ИскИн очень вежливый, и, если что и подумает, об этом никто не узнает.

После чего дрова в мангале были торжественно подожжены, а Карлаш с Левинзоном принялись нанизывать мясо и лук на шампуры.

Небо над головой быстро темнело — видимо, здесь время отличалось от общего внутрикорабельного, согласно которому ещё не окончилось утро...

Весело пылающий огонь плевался снопами искр, и бросал яркие отблески на замершие вокруг заснеженные деревья, от чего казалось, что они тоже горят, то вспыхивая багровым светом, то вновь потухая. Искры взметались высоко-высоко в небо и там гасли одна за другой. Поднимающийся от огня тёплый воздух искажал картинку, и казалось, что ели напротив двигаются, и вот-вот взлетят...

Постепенно огонь погас, превратив поленья в тлеющие ярко-красные уголья. Всё вокруг погрузилось во тьму, но прапорщик подвесил над поляной яркую белую точку левитирующего тактического светильника, озарившего окрестности ровным белым светом. Левинзон торжественно положил на мангал шампуры. Ответственность за приготовление шашлыка он взял в инициативном порядке на себя, и никого к тонкому делу своевременного прокручивания шампуров и поливания соусом нанизанных на них сочных мясных кубиков не подпускал. Вскоре над поляной поплыл ароматный запах жареного мяса, заставляя бойцов в нетерпении притопывать и глотать слюнки.

Наконец первая партия шашлыков была прожарена, и Яков, торжественно вручив каждому по шампуру, принялся за вторую. Шелехов достал из чемодана бутылку, разлил водку по стаканчикам, и провозгласил первый тост: "За Победу!". Выпили дружно. И так же дружно вгрызлись в горячие куски сочащегося мяса. Подождав, пока бойцы уничтожат по полшампура, прапорщик налил по второй. "За тех, кого с нами нет". Выпили, не чокаясь, и минуту посидели молча. Белецкий, Карлаш и Похмелов ещё не теряли боевых друзей, но погибшие в бою родственники были и у них. А остальным, судя по затуманенным взглядам, было кого вспомнить. Но жизнь продолжается... Третий обязательный тост "За милых дам!" выпили стоя. Карлаш и Левинзон тут же затеяли спор о том, кто лучше — блондинки или брюнетки? Остальные время от времени вставляли свои замечания. Подоспела вторая партия

пашшыков. Опрокинули ещё по стопочке. "За тех, кто в космосе". Потом были ещё беседы и ещё тосты. В конце концов Сашка Карлаш осмелел до того, что слегка заплетающимся языком поинтересовался у Шелехова, почему тот был таким... Таким..., — Карлаш сделал неопределённый жест руками..., — на Земле, и оказался вполне нормальным человеком в космосе? За исключением не нужной здесь, по мнению Сашки, демонстрации своей религиозности (Собственно говоря, Шелехов никому ничего не демонстрировал, разве что, побывавшему у него в каюте Белецкому, который и рассказал потом своим товарищам об убранстве жилища командира, умолчав о причинах, по которым он в этом жилище оказался)

Карлаш спросил, и сам испугался своего вопроса. Мгновенно протрезвев, он принялся оправдываться в воцарившейся тишине, что дескать, совсем не то хотел..., то есть, совсем не хотел... Но прапорщик оборвал его излишняя движением руки, помолчал немного, а потом, тяжело вздохнув, сказал...

На первую часть вопроса ответить проще. Но начну со второй. Хотя вы, скорее всего, не поймёте... Или не до конца поймёте... Но я всё же расскажу... — Шелехов ещё раз тяжело вздохнул, и начал свой рассказ, устремив затуманенный взгляд прямо перед собой:

— Начало истории банальное: Когда-то давно... Когда я был молодым и глупым... Я встретил девушку. Тоже, конечно, молодую... Красивую... И умную... И полюбил её... Да..., — прапорщик вздохнул, — Её звали Надя. Надежда... Надюша... Ей было уже двадцать семь, а она всё ещё была не замужем. Мне, кстати, было тридцать три. И я тоже был неженат... Романтик был... говорю же — молодой, глупый... Искал настоящую любовь... "Алименты", к тому времени уже на троих детей, я платил исправно. С деньгами проблем не было. Я тогда работал юристом в одной крупной кампании... Юристромантик, — это конечно что-то с чем-то... Это я сейчас понимаю, а тогда...

Она тоже, как это говорят, была "успешная". Работа, карьера, деньги... В общем — всё, кроме личной жизни. Мало кто представляет себе, как тяжело жить на свете красивой умной женщине. Не хитрой, а именно умной... И сильной... Не в физическом смысле, конечно... Когда сложно найти мужчину не то, чтобы сильнее себя, а хотя бы равного себе...

Я тоже тогда не представлял... Просто, встретил наконец ту единственную, с которой захотелось связать свою судьбу. Однако сначала я впечатления на неё не произвёл. Завоевывать её сердце пришлось долго и упорно. Но мне это удалось. Я был на седьмом небе... Она тоже была счастлива. Мы обсуждали дату свадьбы и имена будущих детей... Она очень хотела детей. И побольше...

Но... Как-то под Новый Год ей стало плохо... Обратилась в больницу. Мы привыкли, что наша медицина всесильна. Все болезни лечатся, людей вытягивают с того света в самых сложных ситуациях... Оказалось, это не так.

Время от времени непонятно откуда возникают новые болезни. Неизвестные науке. И никто не знает, как их лечить. Надя заболела именно такой болезнью. Синдром Коденко-Старцева... Слыхали о таком? Нет? Ваше счастье... Хотя, сейчас его вполне успешно лечат. А тогда... Она умирала, и знала что умрёт. Хотя и надеялась до последнего... А я... Я ничего не мог поделать.

Я не представлял до этого, что может быть что-то, с чем я ничего не смогу поделать... Она угасала на моих глазах. Даже хуже. Мне не разрешали быть с ней рядом, так как болезнь была новая, неизученная. Пускали к ней в палату раз в день на пять минут, и то общаться можно было только через силовую плёнку. С каждым моим визитом я видел, как жизнь уходит из неё... Она беспомощно и как-то виновато улыбалась, а я пытался как-то

развеселить её и обнадежить... Хотя чем можно развеселить умирающего человека?

Когда я пришёл к ней в последний раз, она уже не могла говорить... Только поворачивала ко мне голову, и широко раскрывала глаза. Истекли отпущенные мне пять минут, и надо было уходить... А я не мог оторваться от её глаз... Я пятился к двери и смотрел на неё... А она на меня...

На следующий день её не стало.

И мой мир рухнул.

Как глупо устроена жизнь... И смерть... Она была достойна стать королевой, а от неё осталось только тире между двумя датами...

Я никак не мог приучить себя к мысли, что её больше нет... Я оглядывался на улице на женщин, одетых как она. Как бы ни старались дамы, у них никогда не получается одеваться "не так, как все". Потом мода изменилась. И я уже просто искал в лицах встречных женщин знакомые черты. И не находил...

Когда я читал в детстве сказки, у многих из них было стандартное окончание: "Они жили вместе долго и счастливо, и умерли в один день". Я понимал про "долго и счастливо", а второй пункт пропускал мимо ушей...

И только потеряв любимую, я понял, как это важно — умереть в один день.

Мне тогда очень хотелось уйти вслед за Надей... Тем более, что часть меня уже умерла. Вместе с ней... Но частица её осталась жить во мне. В памяти, в сердце... И если бы я убил себя, я убил бы и её. Это меня удержало на краю.

Но не удержало от запоя. Пил я конкретно и долго, всё старался утопить горе... А оно не тонуло... Но однажды я проснулся трезвым. В казарме. Оказалось, спяну я записался в наши доблестные вооружённые силы, — Шелехов иронично улыбнулся уголком губ, — в пехоту. Я потом долго пытался вспомнить, что меня подвигло на такой шаг. Но так и не вспомнил. После того, как я потерял Надежду, мне захотелось что-то сделать, чтобы женщины и дети не умирали. Мы — мужики. Нам положено умирать, защищая своих женщин, Родину, честь... А они... Они должны жить. И помнить о нас... В общем, медиком я становиться не хотел. Оставалась армия. Возможно, проходя мимо вербовочного пункта, я вспомнил это своё намерение. А может быть, я всё же подсознательно сильно хотел умереть, и нашёл место, где вероятность моей скорой встречи с Наденькой многократно возрастала. Непонятно только, как меня в таком случае "пропустили" психологи. Может, накладка какая вышла. Бывает...

Однако героически погибнуть у меня не получилось. Хотя и служил в штурмовой роте, на переднем крае... Может, потому, что смерти я не боюсь, только уважаю... Но иногда мне кажется, что Надя стала моим Ангелом-хранителем, и бережёт меня от шальной пули и лазерного луча...

А молюсь я, чтобы с ней ТАМ всё было хорошо... Я, конечно, достаточно образованный и умный, чтобы понимать, что, может быть, нет ни бога, ни чёрта, ни ада, нирая... И что, скорее всего, если кто где и есть, то он совсем не такой, как его описывают святые отцы... Но я никогда себе не прощу, если после смерти действительно что-то есть, а я не сделал ничего, чтобы Надюшке было лучше... И я надеюсь встретится с ней ТАМ когда-нибудь... Хотя бы на минутку... Узнать, что ей хорошо. А там уж — куда направят... — прапорщик невесело усмехнулся... Вот такие странные у меня молитвы.

Так что мой вам совет: Не откладывайте поиски второй половинки "на потом", а как найдёте — не откладывайте с наследниками... Жизнь коротка, и побыть в ней хоть немного

счастливым можно и не успеть...

А насчёт моего поведения в учебке...

Я отслужил пять лет по контракту. Потом ещё пять лет... Кстати, в той самой седьмой роте в то самое время...

— Так ведь это ж было!.. — не удержался Карлаш.

— Ну да, мне восемьдесят три года, сынок... Точнее, внучок. В общем, в линейных частях я служил долго... Но годы берут своё. И, когда мне предложили перейти в учебку штрафбата, я согласился. Работа непыльная, вахтовый метод... Два месяца службы, два месяца дома, с семьёй... Иногда вот только в такие командировки, как сейчас, посылают, когда группа неукomплектована.

Да. Семья у меня есть. Несколько лет помогал вдове боевого товарища, а потом она предложила жить вместе... Я подумал, и согласился. Женщина она хорошая, жалко было бы, если бы досталась подлецу... У нас ведь как бывает: настоящие мужики гибнут за Родину, а всякая шваль потом брюхатит их женщин... Так и стали жить-поживать, да добра наживать... У неё двое детей было, и вместе ещё троих сделали. Живём душа в душу, но любовь у каждого осталась одна. И ни я этого не скрываю от неё, ни она от меня. Вот так...

Так что свой долг перед людьми я выполнил по полной, — Шелехов поднял голову и оглядел притихших бойцов, — Чего и вам желаю. Ну, да я отвлекся. Возвращаясь к своему мерзопакостному поведению в учебке, могу сказать, что всё это проделывалось по заданию психологов. Нужно им это было для чего-то... Никак вот им нельзя было без того, чтобы вас постоянно мордой в грязь не макать. Так что — ничего личного... И скажите спасибо, что на этом месте оказался я, а не настоящий садист.

В общем, возможно, зря я вам всё это рассказал, — вздохнул Шелехов после краткой паузы. Чтобы всё это понять, надо такое пережить самому. Чего никому из вас не желаю... Даже медики, вон, не понимают... — усмехнулся он, — Говорят, болезнь... Предлагают вылечить. А я не хочу. На профпригодность не влияет, так что — пусть... Вот так и болею... Ладно, орлы! Отдохнули, и хватит. Ну-ка, быстренько все вкололи "отрезвин"!

Состав подействовал не то чтобы мгновенно, но очень быстро. Уже через пять минут народ был, как стёклышко. Шелехов оглядел своих посерьезневших бойцов, и сказал:

— А теперь о главном: Все вы знаете, что нам в сопровождение дали эсминец, и по этому поводу немного расслабились. Так вот, поверьте стариковскому чутью: нам предстоит серьёзная заварушка. И никакой эсминец нас от неё не убережёт. Я тут заглянул одним глазком в судовые документы... Мы везём то, чего ни при каких условиях везти не должны...

Что — не спрашивайте. Но не должны — это точно... В общем, сегодня, пока мы ещё не вышли из сферы действия планетарной ПКО — отдыхайте. А с завтрашнего дня начинаются боевые дежурства. Первой заступает моя группа, через двенадцать часов её сменяет ваша, господин барон. Выходные отменяются. Боевая подготовка — три часа из времени вахты. Дополнительные тренировки прекращаются. Бережём силы для боя. У меня всё. Да, кому интересно — пляж сейчас в зоне отдыха на противоположном конце корабля, — с этими словами Шелехов обернулся, и побрёл по протоптанной в снегу тропинке к скрытому за заснеженными пластиковыми деревьями выходу.

После короткого совещания штрафники разделились: Белецкий с Карлашем решили сгонять на пляж, а остальные — провести остаток последнего выходного в личных каютах. Скорее всего, выбор остальных был более правильным: толком расслабиться у Егора и Сашки не получилось. Остаток дня они провели в споре на тему: действительно ли Шелехов

считал, что встреча с врагом в этом рейсе неизбежна, или просто решил припугнуть подчинённых, чтобы они не очень расслаблялись. Егору более правдоподобной казалась первая версия, Сашке — вторая. В конце концов, решив, что "время нас рассудит", приятели разошлись по каютам, так как приближалось время отбоя.

Поначалу казалось, что время рассудило спор в пользу Карлаша. Транспортник медленно, но уверенно разгонялся, точно так же медленно, но уверенно сменялись вахты, эсминец конвоя болтался где-то рядом, и НИ-ЧЕ-ГО не происходило. Сначала настроение штрафников полностью соответствовало выражению "ожидание смерти хуже самой смерти".

Но, похоже, у северного пушного зверька были неотложные дела где-то в другом месте, и нанести визит на "Змееёж" он не торопился. Людей потихоньку начало "отпускать". И вскоре служба превратилась в обычную нудную, но, к сожалению, неизбежную работу. Зато безопасную. Так что вполне можно было бы расслабиться, если бы не усилия Шелехова и фон Стиглица, поддерживавших дисциплину и боеготовность на должном уровне.

Через три недели корабль наконец-то прекратил разгон, и Шелехов провёл тренировки по перемещению звеньев из одного сегмента транспортника в другой через открытый космос. Тренировки были восприняты бойцами с энтузиазмом: хоть какое-то развлечение. Тем более, что маневрировать между лихтерами было куда как интереснее, чем тупо скользить вдоль незагруженного несущего корпуса "Змееежа", как это было раньше. Однако энтузиазм штрафников несколько поуёас, когда, начиная со второй тренировки командир ввёл в качестве обязательного элемента программы обстрел из своих же рейлганов, входящих в комплекс ближней ПКО корабля. Стрельба, конечно, велась на самой малой мощности, и никакого более серьёзного вреда, чем синяки, нанести не могла, но и в синяках тоже приятного было мало. Стандартная сентенция прапорщика "Тяжело в учении — легко в бою!" утешала слабо.

А на исходе пятой недели полёта конвойный эсминец отвалил в сторону. Как пояснил контрабордажникам капитан корабля, где-то терпела бедствие яхта с каким-то очень высокопоставленным имперским чином на борту. И эсминец, как самый близкий корабль, поспешил ей на помощь.

Таким образом, транспортник остался без прикрытия. Вероятность того, что мрачные предсказания Шелехова сбудутся, резко повышалась. Народ снова насторожился. Но прошёл день... Другой... Неделя... Ничего не происходило.

Прошло десять дней...

Белецкий в гордом одиночестве сидел в пилотском ложементе одного из дублирующих постов корабля. В этих стенах проходила каждая его вахта, за исключением последних её трёх часов, отведённых под тренировки звена, ставшие для него в последнее время чуть ли не единственным светлым пятном в серой рутине службы. Ну, не считая продолжающихся индивидуальных тренировок с Вейтангуром, которого Егор теперь избегал брать в руки без перчаток скафа. Сначала светлым пятном казалось и это дежурство. Свободный полёт среди звёзд взамен суеты в тесных отсеках и переходах транспортника. Но постепенно однообразное висение среди звёзд стало такой же рутинной, как и остальная служба. Спасала только возможность переговариваться с товарищами по внутрикорабельной сети. Кира от общения уклонялась, а от общения с Вейтангуром, которого теперь приходилось брать с собой на каждую вахту, уклонялся сам Егор. Хотя, непохоже было, что меч от этого как-то расстраивался.

До начала тренировок звена оставался ещё час, когда Кира выдала информацию о

пропаже сигнала с одного из периферийных зондов, входящих в объём системы ДРЛО корабля. Сама по себе пропажа сигнала ещё ничего не значила, но согласно инструкции одним из орудий ПКО корабля в сторону "потерявшегося" девайса была выпущена очередь снарядов-зондов.

А через несколько минут тишину внутренних отсеков транспортника разорвал сигнал тревоги.

Через полсекунды после того, как по всему кораблю зазвенели баззеры, а оборонительные системы получили команду на переход в боевой режим, последовала команда ИскИна: "Боевая Тревога! Всем занять места согласно боевому расписанию!", и уже затем пошла информация для дежурного пилота, командира экипажа и командира контрабордажной группы: "Обнаружены корабли противника. Цель множественная, маскирующаяся, малоразмерная по векторам 45–58, удаление 17–21, скорость сближения 8. Предположительно — корабли СС класса "Спрут-Т" в количестве три... пять... восемь... шестнадцать вымпелов... Противник применил радиоподавление. Произвожу запуск разведзондов по всем направлениям".

Сердце Егора учащённо забилося: сколько ни готовься к "Часу Икс", но настаёт он почему-то всегда неожиданно... Поскольку место Белецкого по боевому расписанию было отнюдь не с товарищами, а именно здесь — до получения от непосредственного командира иного приказа, он оставался чуть ли не единственным человеком на корабле, который в данный момент никуда не спешил. Хотя нельзя сказать, что у него имелись какие-то преимущества по сравнению с остальными. Хотелось что-то делать, куда-то бежать, но... Приходилось молча взирать на происходящее, и слушать доклады Киры.

"Носовой и кормовой боевые модули отстыкованы. Противолозерная защита активирована. Начато перестроение в конфигурацию "Кольцо"". Серебристые "Звёздочки" боевых модулей отсоединились от корабля, и начали манёвр выхода в расчётные точки. Корпус корабля ощутимо изогнулся. "Змееёж" начал сворачиваться, окутавшись облаками антилазерной пыли. Через полторы минуты почти одновременно последовали доклады о том, что командир корабля и бортинженер прибыли на второй и третий дублирующие посты управления. На первом и четвёртом постах дежурные находились ещё до тревоги. На первом посту — второй пилот, на четвёртом — пилот-стажёр Белецкий. Пятый пост оставался свободным.

Ещё через минуту начала поступать информация со снарядов-зондов: "Обнаружены корабли противника..." — монотонно дублировала изменения в объёмной картинке окружающего пространства Кира, — "векторы... удаление... скорость..." Егор слушал информацию вполуха: ему и без пояснений всё было хорошо видно. Вокруг "Змеежа" смыкался громадный эллипсоид, образованный вражескими "Спрутами". Вот вспыхнули оранжевые точки кораблей — носителей ядерного оружия: Одна... Две... Четыре! В два раза больше, чем обычно! Егор глянул на строку количества обнаруженных целей. Их тоже было почти в два раза больше, чем в эпизоде, который штрафникам показывали в учебке. Напрашивалось два варианта объяснения такого расхождения: Либо в учебке показали отредактированный вариант записи, либо Шелехов накаркал вдвойне. Тем временем завертелась боевая круговерть, уже виденная Белецким в записи. Вот только сейчас это была не запись, а самая что ни на есть наиреальнейшая реальность. И выступал он теперь не в качестве зрителя, а в качестве участника этого смертельного шоу.

"Есть стыковка носового и кормового сегментов", — доложила Кира. И почти сразу:

"Есть дистанция уверенного огневого контакта." Заговорили установки ПКО. Красные точки, обозначающие вражеские корабли и штурмовые платформы, начали гаснуть одна за другой. Число под картинкой боя, обозначающее количество боевых единиц противника, стало постепенно уменьшаться. Это радовало, но не так чтобы сильно. Потому что одновременно посыпались доклады системы контроля повреждений, и поползли вниз столбики индикаторов заряда накопителей, наличия боезапаса и общей боеспособности корабля. Самое неприятное для Егора в этой ситуации заключалось в том, что хоть как-то повлиять на ход боя он не мог. Оставалось только смотреть и бессильно сжимать кулаки. Поневоле вспомнился недавний рассказ Шелехова.

Шелехов, лёгок на помине, вышел на связь на общем канале группы. Прапорщик выбрал момент, чтобы пообщаться с подчинёнными, как будто угадав мысли Егора.

— Ну что, орлы? Готовы? Сегодня у вас банный день. Будете смывать вину перед Родиной... И ещё: Не хочу говорить высокие слова, но... У каждого из вас на Земле остались родные, друзья, любимые... Сейчас от нас с вами зависит, будут ли они жить и дальше под мирным небом, или... Пусть мы не можем выиграть всю войну, но можем выиграть этот бой. И тем самым приблизить Победу. Наша сфера влияния сегодня невелика — всего лишь этот транспортник. Но и это немало. Возможно, кто-то из вас когда-нибудь сможет внести большой вклад в дело защиты нашей Родины. Но пока надо приложить все силы, чтобы победить здесь и сейчас, — на этом прапорщик закончил свою торжественную речь и ещё раз повторил приказ всем оставаться на своих местах и ждать дальнейших распоряжений. Бойцы всё ещё были рассредоточены по всему кораблю.

Егор под впечатлением речи прапорщика вспомнил своих родных, но почему-то не воодушевился, а, наоборот, приуныл. Ведь очень могло оказаться, что он их больше никогда не увидит. Точнее, они его. Да ещё когда они узнают, что он угодил в штрафбат... Да... Стоило приложить все усилия, чтобы победить на этот раз, хотя бы для того, чтобы смыть с себя этот позор. "Когда же уже начнётся?" — с нетерпением думал Егор, наблюдая за полётом запущенных по носителям ядерного оружия ракет. Погасла одна оранжевая отметка... Другая... Третья. Четвёртую с первого раза "погасить" не удалось. Только второй лихтер с одноразовым гамма-лазером поразил цель. Теперь, по идее, ядерного взрыва можно было не опасаться. Уже легче...

Тем временем "Спруты" приблизились на дистанцию абордажа. Жирные красные точки на тактической схеме словно взорвались фонтанами точек помельче — абордажными роботами. Казалось, что на одинокий "Змееёж" хлынула алая волна. До корабля она, правда, докатилась, уже значительно побледнев, но всё равно количество роботов, достигших транспортника, было слишком велико. Часть "волны" расплылась вокруг поверхности "Змееежа", упав красными брызгами на установки ПКО, а часть перестроилась в атакующий конус, нацеленный на одну из точек на обшивке обороняющегося корабля. "Четвёртая секция второго сегмента. Угроза проникновения вражеской абордажной группы", — прокомментировала Кира.

И почти сразу же послышался голос Шелехова: "Первое звено: собраться в шестой секции второго сегмента. Второе звено: собраться во второй секции второго сегмента."

Наконец-то! Егор сорвался с места, успев напоследок заметить, как три жирные красные точки на тактической схеме сменили цвет на синий — Кира вычислила-таки постановщиков помех. Вторую волну десанта, хлынувшую от подошедших ещё ближе "Спрутов", он увидеть не успел, так как был в это время уже в центральном тоннеле.

Наблюдать за разворачивающейся битвой остался только экипаж. А посмотреть было на что: Абордажные роботы схватились со смонтированными на корпусе "Змеежа" стационарными установками ближней ПКО. Поскольку схватка происходила не внутри корабля, ограничений на применяемое оружие не было, и бои велись отнюдь не на шпагах. Лазеры в выпущенном "Змеежом" облака противлазерной пыли были малоэффективными, поэтому использовалось в основном кинетическое оружие. Вражеские роботы гибли под плотным огнём десятками и сотнями, но и стационарные установки, к сожалению, тоже не были неуязвимыми. На участки, где стационарная ПКО была полностью подавлена, Кира бросала тяжеловооружённых "Тарантулов". Но в ограниченных количествах — надо было думать и об обороне внутренних отсеков.

Пантелей присоединился к Белецкому почти сразу же после того, как тот выскочил с поста управления. Неудивительно — каюты человека и рыся находились почти рядом с этим постом, и всё это время напарник Егора просто сидел в своей "берлоге". Пара длинными прыжками помчалась к точке сбора. Из-за вращения корпуса корабля казалось, что тоннель выгибается то вверх, то вниз, то в стороны. Как бы быстро не передвигались Белецкий с Пантелеем, пока они добрались до указанной секции, их успели обогнать с полсотни "Тарантулов". Семенящие на шести конечностях роботы-арахноиды без особых усилий и задержек огибали двух медлительных живых существ, проскакивая мимо них по стенам и даже по потолку.

Наконец Егор увидел Шелехова и Карлаша, добравшихся до точки сбора раньше. Шелехов буркнул: "Становитесь пока рядом и не отвечивайте". Что напарники и сделали. "Тарантулы" всё прибывали и прибывали. Некоторые замирали рядом с бойцами, но большинство проскакивало мимо — в следующую секцию. Людям предстояло вступить в бой только после того, как будут выбиты все механизмы, или возникнет ситуация, с которой роботы справиться не смогут.

— Четвёртый канал, — проронил Шелехов, не поворачивая головы. Белецкий переключился, и перед его глазами предстала картинка с внешних камер "Змеежа", изображавшая участок обшивки, находящийся через одну секцию от местонахождения звена. Егор замер. Было страшно, но одновременно его охватило чувство какого-то иррационального восторга. Такое зрелище увидишь не каждый день. Именно на этот участок было направлено остриё построения вражеских абордажников. Противометеорная силовая плёнка беспрерывно вспыхивала тысячами вспышек от попаданий вражеских снарядов. В большинстве случаев пробить её не удавалось, но какая-то часть смертельного металла всё же достигала обшивки. Наибольшая плотность вспышек наблюдалась в районах бешено крутившихся турелей ближней ПКО, плевавшихся короткими очередями по смазанным силуэтам "Каракуртов", которые шустро передвигались вдоль округлых боков окутанных антилазерной пылью лихтеров. Свободные концы лихтеров скрывались в этой взвеси, подобно горным вершинам в тумане, и только серии приглушённых пылью вспышек говорили о том, что расположенные там крупнокалиберные спарки дальней ПКО ещё огрызались по противнику. Хотя, то в одном, то в другом месте серии вспышек прекращались, и воцарялась тьма. Может, где-то ремонтные роботы и останавливавший одну-две спарки, и те снова вступали в бой, но Егор этого не замечал. Всё его внимание было приковано к пространству рядом с обшивкой, в котором и разворачивались основные события.

Стационарные кинетические пушки и рейлганы "Змеежа" были мощнее и точнее

мобильного оружия нападающих. У вражеских "Каракуртов" точность стрельбы снижалась из-за неизбежной отдачи, которая не могла быть полностью погашена ни гравикомпенсаторами, ни химическими гасителями импульса, в момент выстрела выплёвывающими рабочее тело в противоположную сторону. А необходимость иметь запас этого самого рабочего тела ещё и сильно уменьшала боезапас ввиду ограничения по массе полезной нагрузки на носитель. В общем, поначалу частенько получалось так, что опорожнённые магазины пауки "кидались на амбразуру" с голыми манипуляторами. Точнее, с "Дыроколами". Но на дистанцию удара дырокола надо было ещё подобраться, а вот этого, насколько мог заметить Белецкий, пока ещё никому из пауков-убийц не удалось.

Тем не менее, "Каракурты" задавливали обороняющихся массой. Сосредоточенный огонь выводил из строя одну турель ближней ПКО за другой, а оставшиеся уже просто не могли справиться с нескончаемым потоком падающих на них абордажников. Выведенный Кирой резерв "тарантулов" не смог переломить ситуацию, и через несколько минут закрепившиеся на обшивке вражеские арахноиды уже деловито вскрывали один из технологических люков.

Точнее, вскрытием занимался только один. Почему ему на помощь не пришли остальные, стало ясно примерно через полминуты, когда всё вокруг поглотила ослепительная вспышка, тут же погашенная поляризационными фильтрами камер наружного наблюдения. Хотя, пожалуй, ясно ничего не стало. Наоборот. Да, "Каракурт" занимался установкой вышибных зарядов. Но установить их он не успел. Да, сработала система самоподрыва, снёсшая люк и всё, что возле него находилось, а заодно и смявшая наружную часть технологического тоннеля, по которому враги собирались пробраться внутрь корабля. Но таких в буквальном смысле ослепительных спецэффектов при этом наблюдаться не должно было... "Вспышка-М", — прокомментировала события Кира, — "Случайно совпало".

"Ага. Теперь все незащищённые датчики вокруг выжжены", — сделал выводы Егор. Большинство наружных датчиков корабля перед активацией "Вспышки", естественно, были убраны. А те, что не убраны... В общем, сейчас картинку разрушенного технологического тоннеля транслировали уже другие камеры. Вот теперь к тоннелю ринулись сразу несколько роботов. Но не с оружием, а с инструментом. Прежде чем пройти по тоннелю, его следовало восстановить. Белецкий остро пожалел о том, что когда транспортники класса "Змееёж" проектировались, никому в голову не могло прийти, что они будут ходить без прикрытия. Уже потом, когда возникла угроза абордажа, корабли напичкали оружием, где это только возможно. К сожалению, технологические тоннели, наподобие того, над которым сейчас трудились "Каракурты", набить оборонительными системами оказалось нельзя. Как и избавиться от этих опасных червоточин.

Вот именно поэтому, через семнадцать минут "Каракурты", которых за это время набралось уже около сотни, ринулись в восстановленный тоннель, походя смяв его последний рубеж обороны — одинокий "дырокол".

Картинка сменилась. Теперь в кадре была секция центрального тоннеля — такого же, как и тот, в котором находились бойцы. Из узкого лаза в стене тоннеля, чуть ближе к потолку, один за другим вылетали "Каркурты", тут же попадая в жаркие объятия "комитета по торжественной встрече", состоящего из стационарных оборонительных установок. Первые "Каркурты" вообще расстреливались ещё в пути, и падали на пол тоннеля в виде металлолома. Однако они ещё не были окончательно мертвы. Из у кого уцелевших, у кого

разбитых транспортных контейнеров разлетались в разные стороны разведывательные нанозонды и "прилипалы" систем киберборьбы. Первые занимались сбором информации о боевых точках и их системах наведения, а вторые всеми доступными способами пытались подключиться к локальной сети корабля, дабы снизить эффективность её работы, а в идеале — вообще вывести из строя. Если нанозонды можно было легко уничтожить подрывом спецбоеприпаса, то с "прилипалами" такой номер не проходил. Пока их было относительно мало и не было более важных целей, можно было "убивать" их поодиночке (что, кстати, имело и негативные последствия в виде демаскировки оружия), но когда "поголовье" этой гадости переваливало за тысячу, а в тоннеле начинали появляться вполне работоспособные "Каракурты"...

"Зафиксировано враждебное проникновение в локальную сеть" — ровным голосом доложила Кира, "Заражённые участки изолированы. Структура вирусов анализируется для последующего лечения".

"Понеслось..." — Белецкий пристально следил за происходящим в тоннеле. Пока стационарная система справлялась самостоятельно, потом должны были вступить в бой "Тарантулы", ну а потом... Егор передёрнул плечами...

"Вражеский десант сформировал второй атакующий конус" — на этот раз в голосе ИскИна проскользнули нотки удивления, — "Угроза проникновения вражеской абордажной группы в первой секции второго сегмента".

— Вот это номер! — удивлённо воскликнул Шелехов. И после небольшой паузы добавил уже тише: — Хотя, этого следовало ожидать...

Командир задумался ещё на несколько секунд, а затем, оглядев притихших бойцов, сказал:

— Есть у меня нехорошие подозрения... Я ими поделился с нашей боевой подругой, и она сейчас просчитывает вероятность такого развития событий...

"Исходя из имеющихся данных, вероятность — 86,8 процента", — доложила Кира.

Прапорщик помолчал ещё немного, тяжело вздохнул, и севшим голосом начал говорить:

— Ну что ж, други мои... У нас появился неплохой шанс попасть в анналы русской военной истории... А просто "в историю" мы уже влипли... Теперь могу сказать: в одном из отсеков второй секции второго сегмента, то есть, там, где находится звено барона, перевозятся редкоземельные металлы... я бы даже сказал — очень редкоземельные металлы, в количестве примерно годовой потребности всей земной промышленности, и, соответственно, примерно годовой добыче их на Свароге. Почему и как случилось такое вопиющее нарушение всего, что можно было нарушить — не знаю. На мой рапорт вышестоящему начальству ответа я не получил. Но сейчас это неважно. Важно то, что если этот груз не попадёт на Землю — это нанесёт серьёзный удар по обороноспособности Империи. А если попадёт к врагу — удар будет ещё серьёзнее.

Поэтому слушай приказ: Второе звено остаётся на месте. Сейчас к вам доставят "Подарок". Он будет размещён в отсеке, соседствующим с отсеком, интересующим наших гостей. То есть в вашей каюте, господин Карлаш, — мимики лица прапорщика под непрозрачным забралом шлема видно не было, но по интонациям голоса можно было догадаться, что он улыбнулся, — На корабле остаётся минимальное расчётное количество "Тарантулов", необходимое для обороны. Все остальные боевые машины собираются во второй и третьей секции второго сегмента. Первое звено пробивается туда же с боем через четвёртую секцию. Времени на обход по кольцу у нас нет. Наша задача: удерживаем вторую

секцию до последнего. Время работает на нас. На эсминце сопровождения уже, несомненно, заметили пропажу связи, а "Вспышка-М" видна и на окраинах Системы. Так что помощь идёт. "Каракурты" начнут сдыхать ориентировочно через три-четыре часа — противозащитное облако "Змеежа" недаром на тридцать процентов состоит из нанодеструкторов. После роботов надо ждать людей... Много людей... Намного больше, чем нас. В случае, если противник будет прорываться в первый или третий сегмент, либо... либо если мы не сможем больше удерживать секцию, Кира отстыкует наш сегмент, снова перестыкуется в кольцо, и будет уводить корабль подальше... Во втором случае она подорвёт "Подарок"... От груза и всей второй секции останется большое облако красиво разлетающихся во все стороны мелких обломков. Так сказать, "Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг"", — Шелехов сделал паузу, давая людям время осознать сказанное им, и продолжил:

— Господа офицеры! Думаю, уже можно вас так называть, ибо после этого боя вы будете восстановлены в звании в любом случае — живыми или мёртвыми... Родина ждёт, что каждый выполнит свой долг! С нами Бог и Андреевский флаг! — и уже обыденным тоном добавил: — Первое звено: идём на прорыв через десять минут. Время пошло.

Прорваться на соединение с звеном барона оказалось на удивление легко. Пущенные впереди "Тарантулы" буквально смели немногих недобитых стационарной системой "Каракуртов", и следовавшим за ними людям оставалось только лавировать между расчленёнными тушками вражеских арахноидов, и следить, чтобы какой-нибудь недобитый "паучок" не решил совершить напоследок героический поступок. Белецкий, морально подготовившийся к тяжёлому сражению, даже разочаровался. Но когда за спинами бойцов сомкнулись створки шлюза, отсекая их от "поля боя", Шелехов утешил своих подчинённых, пообещав им, что без тяжёлого боя они сегодня точно не останутся... Кстати, пройти по следующей секции, буквально забитой "Тарантулами", закрепившимися на полу, стенах, потолке, и друг на друге, оказалось едва ли не тяжелее, чем проскочить через участок, где вёлся бой. Иногда приходилось ступать прямо по спинам роботов. Единственная радость — тут не приходилось опасаться врагов.

Так что, когда группа воссоединилась в полном составе, Белецкому всё ещё хотелось бить, ломать и крушить. Но вместо этого пришлось найти себе место среди кучи арахноидов, оккупировавших и стыковочный узел, и, насколько "уже почти офицер" — по словам Шелехова, мог видеть сквозь время от времени раскрывающиеся створки шлюза, следующую секцию, и ожидать, когда же наконец-то начнётся "дело". Раньше Егор думал, что самые неприятные минуты в жизни он уже пережил — когда ему зачитали приговор, по которому он угодил в штрафбат. Но сейчас он понял, что ошибался: вот они — самые неприятные минуты. Минуты ожидания неизбежного боя, и, может быть, смерти.

Такие же неприятные ощущения, скорее всего, были и у других: все подавлено молчали, и только Карлаш пытался разрядить атмосферу при помощи бородатых анекдотов, которых он, как оказалось, знал несметное количество. Но товарищи почему-то смеяться не торопились, а под конец Левинзон и вовсе не очень вежливо попросил Александра заткнуться. Тот обиженно надулся, и дальше окружающую тишину нарушали лишь глухие звуки разгоревшейся неподалёку схватки, да доклады Киры, время от времени сообщавшей о непрерывно падающей эффективности оборонительных систем, и, наоборот, непрерывно растущего объёма инфицирования внутрикорабельной Сети вражескими вирусами. Время от времени раскрывались створки шлюза то с одной, то с другой стороны, и стыковочный узел покидал очередной "Тарантул", чтобы занять место в соседней секции взамен своего

ушедшего в бой собрата.

Наконец Шелехов объявил пятиминутную готовность. Пока только рысям и "кошатникам". "Тарантулов" и стационарных установок ещё хватало, но системы наведения у большинства последних уже были выведены из строя. Пантелей и Василиса, потёршись на прощанье друг о друга, и обменявшись словами, которые их партнёры-люди тактично постарались не слушать, полезли каждый в свой технологический тоннель, а Белецкий с Левинзоном поднялись на ноги, и принялись вышагивать по относительно небольшому стыковочному модулю, ожидая, пока полностью подействуют инъекции боевых стимуляторов, и одновременно разминаясь перед боем. Кстати, прогнозы прапорщика и Киры пока оправдывались: "Каракурты" упорно рвались к второй секции. Точнее, к стыковочному модулю между второй и третьей секцией, в котором сейчас и находились бойцы. Попасть в отсек с ценным грузом можно было только отсюда.

Проходы во вторую и третью секции открылись одновременно, и Белецкий с Левинзоном шагнули навстречу первой самостоятельной схватке. Предстояла решающая проверка знаний и умений, полученных ими до этого момента. Надеяться теперь можно было только на себя, напарника, и прикрытие из "тарантулов". Войдя в следующий стыковочный узел, Егор на секунду остановился, глубоко вдохнул, как перед прыжком в омут, и отрывисто скомандовал: "Вперёд!".

Створки шлюза резко распахнулись, и в них сразу попытался пролезть не в меру шустрый "Каракурт", тут же отброшенный назад гравитационным импульсом. Упав на все шесть манипуляторов, упрямый паук попытался повторить свой манёвр, но сопровождающие Белецкого арахноиды пресекли его действия в зародыше. Они быстро расчистили плацдарм у створок, расшвыряв в стороны как ещё "живых" роботов противника, так и густо устилавшие пол бранные остатки этих боевых механизмов. Егор привычно связался с Пантелеем, получил от него картинку секции, и начал действовать. Пока всё шло, как на учениях. "Тарантулы" охраняли человека, а человек в свою очередь старался не подпустить к ним врагов. И пока это у него получалось неплохо. Гора металлолома на полу тоннеля быстро росла, грозя в конце-концов закупорить проход полностью. У Егора мелькнула мысль, что это было бы неплохо. "Каракурты" забаррикадировали бы себе дорогу сами собой. Но, увы, прежде чем "уровень" неподвижных и ещё дергающихся останков своих и чужих роботов поднялся хотя бы до пояса, Белецкий получил команду отходить. Кира рассчитала, что сдерживать в этой секции врага дальше будет неэффективно с точки зрения собственных боевых потерь. Егор сделал пару шагов назад, и снова оказался в стыковочном модуле. Створки шлюза захлопнулись, отрезая человека отседающих роботов противника и прикрывающих отход командира своих боевых машин. Перед тем, как покинуть секцию тоннеля, Белецкий отдал оставшимся работоспособным боевым системам команду через три минуты перейти на случайный режим нанесения ударов. Именно столько должны были продержаться "Тарантулы" прикрытия. А потом уже можно было не бояться случайно задеть своих. Автоматический случайный режим, конечно, не мог сравниться с прицельным, но какой-то урон врагу нанести был должен...

Откуда-то справа вывалился Пантелей.

— Ну как, лапы не затекли, лежебока? — решил поддеть напарника Егор.

— У нас, рысей, лапы не затекают, — солидно ответил большой кошка, — В отличие от некоторых... Кстати, в следующей секции надо уже будет выделить мне охрану.

Егор согласно кивнул головой. Овладев первым же стыковочным модулем — а до этого,

судя по всему, осталось недолго, — "Каракурты" получают доступ к сервисным тоннелям. Придётся выделять своих арахноидов для охраны. И не только Пантелея, а и вообще всех проходимых тоннелей. А сейчас каждый "паук" на вес золота.

— Ну что, пойдём? — кивнул Пантелей в сторону раскрывшихся створок шлюза, откуда вываливались и занимали позиции добронированные "Тарантулы", вооружённые пехотными рейлганам и "дыроколами" — стенки стыковочного модуля были потолще, и позволяли применять оружие потяжелее.

— Пойдём, — согласно кивнул головой Егор, и напарники направились к "штаб-квартире" группы — следующему стыковочному модулю. Не успели они сделать и пары шагов от захлопнувшихся створок шлюза, как за спиной послышался приглушённый звук тяжёлого удара, и дробный цокот рейлганов. Штурм стыковочного модуля начался. Продлился он недолго. Атакующая сторона прекрасно понимала, что как своих роботов ни береги — всё равно нанодеструкторы сделают своё дело и вскоре боевые механизмы станут бесполезным хламом. Поэтому тактикой "Каракурты" особо не озабочивались, и с потерями не считались. Пять минут — и вражеские арахноиды уже лезли через дыру в шлюзе в следующую секцию, только что покинутую Белецким, Пантелеем и всеми "Тарантулами". Стационарная оборонительная система секции вступила в бой...

— Ну как? — поинтересовался Шелехов у Белецкого, едва тот зашёл в стыковочный узел, забитый людьми и роботами ещё сильнее, чем когда он отсюда уходил.

— Нормально... — пожал плечами Егор, выискивая место, куда бы можно было присесть, и одновременно с удовлетворением отмечая, что Левинзон с Василисой живы и здоровы, и тоже здесь присутствуют.

Шелехов похлопал рукой по спине лежащего рядом с ним на брюхе с подобранными манипуляторами "Тарантула".

— Присаживайся.

Белецкий осторожно опустился на импровизированную скамейку. Не кресло, конечно... Но лучше плохо сидеть, чем хорошо стоять. Пока Егор присаживался, Пантелей с Василисой целеустремлённо просачивались сквозь завалы из боевых роботов к какой-то им одним известной точке. Белецкий провожал их взглядом, пока его не отвлек вопрос Карлаша:

— А поподробнее?

— Да нечего особо рассказывать — ещё раз пожал плечами Егор. Всё, как на учениях. Хочешь, видеозапись скину, просмотришь?...

— Всем скинь, — распорядился прапорщик, — Пусть ознакомятся. А сам отдыхай давай. Тебе скоро снова на выход.

Белецкий покосился вправо. Там, тоже на скамеечке из "Тарантула", прислонившись спиной к переборке и запрокинув голову, замер Левинзон. Егор чуть поразмыслил, и последовал его примеру. Накатила усталость. Если физически в бою особо напрягаться не пришлось, то ментальное управление обороной вымотало порядком. Интересно, как там Пантелей, очухался? Сразу после боя он тоже выглядел не очень... Егор собрался было послать запрос по мыслесвязи, но, вспомнив, с кем уединился напарник, решил его не беспокоить... Состояние было непонятное: вроде, хотелось задремать. Но как Белецкий не старался, даже глаза прикрыл, — сон не шёл.

Так что, когда снова раздался приказ "к бою!", и иньектор с шипением впрыснул в тело очередную дозу "боевой смеси", Егор даже обрадовался. Левинзон с молнией выпрыгнувшей из дальнего закутка Василисой ушли первыми, — им ещё надо было пройти целую секцию

тоннеля и стыковочный узел. Пантелея видно не было — он уже лез в сервисный тоннель. А команда Белецкого, состоящая из самого Белецкого и "Тарантулов" прикрытия, приготовилась к выходу, сосредоточившись на освобождённой сдвинувшимися в стороны людьми и роботами площадке перед створками шлюза. Егор дождался доклада Пантелея "На месте!", быстро огляделся по сторонам, и снова скомандовал "Вперёд!"

Вторая схватка оказалась почти точной копией первой. Иногда даже начинало казаться, что это обычный учебный бой. Приходилось напоминать себе, что это не так, и что так настойчиво пытаются добраться до его родного тела не виртуальные "Каракурты", а самые что ни на есть реальные, и если кто-то всё же доберётся — болевым ударом тут не отделаешься. Отличие этого боя от предыдущего обнаружилось только после переданной Кирой команды на отход. Когда Белецкий сделал шаг назад сквозь раскрывшиеся створки шлюза, мимо него в противоположную сторону проскочило с десятков или больше "Тарантулов".

— Пошли в контратаку, — прокомментировал не нуждающееся в комментариях событие голос Шелехова, после того, как створки захлопнулись у Егора перед носом, и он снова оказался в относительной безопасности, — Должны очистить секцию, и удерживать её, пока всё стационарное оружие, что можно отремонтировать, не будет отремонтировано. Тогда снова твоя партия, — расшифровал события командир. Егор согласно кивнул: С учётом того, что абордажники с этой стороны уже стояли "на пороге" того самого стыковочного модуля, где находился интересующий их груз, логично было удерживать её сколько можно, несмотря на нерациональное расходование боевых машин и личного состава. При стандартном варианте развития событий контрабордажники просто медленно отступали бы назад, по ходу дела выбивая противника.

Егор снова связался по мыслесвязи с Пантелеем. Тот доложил, что всё в порядке, но прикрывающий его "Тарантул" выведен из строя. Пока он закупорил проход, можно особо не беспокоиться, но противник уже разобрал и вытащил из тоннеля по частям останки своего так же почившего "Каракурта", и теперь роботы принялись разбирать последнюю преграду, отделяющую их от одного хорошо известному Егору Рыся. Так что следовало поторопиться...

"Жаль, конечно, что сквозь толстые стенки стыковочного модуля нам с Рысем удаётся только переговариваться", — с досадой думал Егор, докладывая Шелехову о беседе с напарником, — "Но ни он "видеть", что происходит в тоннеле, ни я управлять оружием — не можем". Шелехов на пару секунд задумался, и принял решение:

— Пусть пока остаётся там. Он кадр проверенный: если что — отобьётся. Времени на ползанье туда-сюда по этой кишке нет. А ты перекуси немного, сейчас снова пойдёшь...

Егор глотнул из пододвинувшейся ко рту трубки подачи надоевшего питательного раствора, и, прежде, чем делать второй глоток, поинтересовался:

— А как там помощь? Идёт?

— Может и идёт... — пожал плечами Шелехов. Всех помехопостановщиков Кире снять так и не удалось. Один лихтер оборонительной системы почему-то не открылся... Такое редко, но бывает, — Шелехов вздохнул, — Это из серии "Что такое "не везёт", и как с ним бороться?..." Но помощь идёт. Должна идти. Так что задача прежняя — держаться. Понятно?

— Понятно... — не по-уставному буркнул Белецкий, делая последний глоток, и отдавая скафу команду убрать трубку подачи пищи.

— Ну, раз понятно, тогда вперёд! — Шелехов хлопнул подчинённого по плечу.

Егор вздохнул поглубже, и уже в третий раз за сегодня шагнул в распахнувшиеся створки шлюза.

Картина, представшая перед ним, отличалась от виденного при двух предыдущих вылазках. Ближе к противоположному входу в тоннель "Тарантулы" организовали некое подобие баррикады из обломков врагов и своих собратьев. Шесть арахноидов удерживали это оборонительное сооружение, а ещё трое занимались тем, что подтаскивали к нему всё новые и новые обломки и с виду целые "паучьи" тушки, раскиданные по всему тоннелю. С противоположной стороны стройматериалы прибывали своим ходом в виде пока ещё целых "Каркуртов", и укладывались на гребень кучи металлолома после ударов защитников корабля. Так что импровизированная баррикада быстро увеличивалась. Но, судя по количеству накапливающихся за ней вражеских машин, продержаться долго ей всё равно было не суждено.

Егор, получив картинку от Рыся, прикинул количество и взаимное расположение стационарных установок, и принял решение. Теперь оставалось только дожидаться момента начала штурма.

Ожидание не затянулось. Только что изображавшие статуи "пауки", ринулись в атаку. Белецкий тут же скомандовал "Все назад!", и когда его подчинённые резво отпрыгнули на относительно чистое место, дал Кире команду на смену вектора гравитации в секции. На прямо противоположный. Потолок стал полом, пол — потолком, а всё, что находилось в секции, совершило небольшой полёт. Егор и его "Тарантулы" "приземлились" относительно мягко. В принципе, "Каракурты" при падении тоже не очень пострадали. Вот только куча железа, которая только что была под ними, теперь свалилась им прямо на головы, или что там у них было. Тут же бросившимся вперёд "Тарантулам" довольно легко удалось расправиться с врагами, неловко выбиравшимися из-под кучи тяжёлых железяк. В чём им очень помогли уцелевшие стационарные системы, работавшие под чутким руководством Белецкого.

В общем, всё было бы хорошо, если бы "Каракурты" на этом закончились. Но эти проклятые железяки буквально изливались рекой из прорезанного в створках противоположного шлюза отверстия. Так что наличными силами остановить нападающих Егор не смог, даже вернув вектору гравитации нормальное направление, отчего вся груда металлолома уже не только вместе с вражескими, но и со своими "паучками" ухнула вниз. Пришлось вызывать подкрепление, а самому ретироваться, отзывая заодно и Пантелея, так как стационарные установки снова были выбиты почти полностью, и надобность в "корректировке огня" отпала.

На этот раз Левинзона и Василисы на месте не оказалось, но Шелехов успокоил Егора, сказав, что с ними пока всё в порядке. При слове "пока" только что выбравшийся из сервисной шахты Пантелей едва заметно дёрнулся, и недовольно фыркнул. Егор его отлично понял. Говорить, как это сделал педантичный прапорщик: "ПОКА всё в порядке", особенно о товарищах, находящихся на боевом задании, было не принято. Дурная примета... Но на этот раз примета не подтвердилась. Буквально через пару минут в модуль ввалились Левинзон и Василиса. Василису сразу уволок в уголок Пантелей, а Левинзон обессиленно привалился спиной к переборке рядом с Белецким. Остальные бойцы сидели всё там же и всё так же, и, как показалось Егору, с каким-то виноватым видом. Ещё бы! Два их товарища вот уже битый час сдерживают врага, а они всё ещё полируют своими пятыми точками внутреннюю

обшивку...

Командир, посидев, не двигаясь, с минуту, поднял голову и заявил:

— Продолжаем отдыхать. Противник пошёл по линии наименьшего сопротивления, и штурмует корабль по противоположным от нас векторам. С твоей стороны, — Шелехов кивнул в сторону Егора, — всё вообще замерло — там Кира выставила в дополнение к стационарной системе "Тарантулов", а вот с твоей, — на этот раз прапорщик обратился к Левинзону, — они идут сквозь стационар, как нож сквозь масло. Ну, не совсем, как нож... Но, если бы мы действовали по стандартному плану, продвинулись бы они не так далеко..., — с этими словами Шелехов вывел картинку внешнего обзора. Громадные лихтеры, опутанные щупальцами "Спрутов", один за другим отстыковывались от уже почти прекратившего обороняться транспортника, и уплывали во тьму космоса... Шелехов скрипнул зубами...

— Они ведут себя так, как им и положено себя вести, если бы они ничего не знали о грузе в этом модуле... Может, они действительно ничего не знают... Но отдать им модуль мы всё равно не можем, — командир закончил говорить, и дальше сидел молча, сгорбившись, и уставившись в одну точку... Егор его понимал: в принципе, решение, принятое Шелеховым, было единственно верным, но наблюдать, как уходит вверенный груз, и ничего не предпринимать, зная, что мог бы... — это тяжело.

Белецкий снова прикрыл глаза, проваливаясь в полузабытьё. Сколько времени он провёл в этом состоянии — пять минут, или час, он не запомнил. Помнил только, что в реальность его вернула команда "К бою!".

— Нас атакуют с обеих сторон, — быстро выдал вводную командир, — Будем отбиваться. Моё звено — налево, звено барона — направо. Василиса — в тоннель, Пантелей — "в пехоту". Пошли!

В четвёртый раз за сегодня шагнув в тоннель, на этот раз — в составе группы из трёх человек и одного Рыся, не считая державших тут всё это время оборону шестерых "Тарантулов", Белецкий увидел, что трудолюбивые "пауки" потратили время передышки с пользой. Не покладая манипуляторов, они построили баррикаду вдвое выше первой, причём укрепили её, местами приварив мёртвые корпуса роботов друг к другу, и активировав стационарные силовые щиты. Егор хмыкнул про себя: за таким фортификационным сооружением в древние времена несколько легковооружённых воинов могли запросто сдерживать полчища варваров. Сейчас, правда, времена не древние, но зато и вооружение у воинов чуть получше...

Кроме увеличенной и упрочнённой баррикады, этот выход отличался и составом участников: основными бойцами были люди. С обороняющейся стороны — потому что почти все "Тарантулы" были выбиты в предыдущих боях, а с атакующей — потому что нанодеструкторы таки сделали своё дело, и, хотя "Каракурты" ещё двигались, использовать их, как боевые единицы — означало отправить роботов на убой. Поэтому нападающие применяли арахноидов только в качестве машин разграбления. "Пауки" потихоньку разбирали баррикаду, и выносили вытянутые из неё куски металла в свободную секцию.

Сдерживать вражеские атаки при таком раскладе действительно оказалось довольно легко. Первыми перелетающие через баррикаду быстрые фигуры в чёрных скафандрах встречали "Тарантулы", а уж затем, те из врагов, кому удавалось прорваться, скрещивали шпаги с звеном Шелехова. Баррикада не давала нападающим задавить контрабордажников массой, и бой шёл примерно на равных. Егор впервые получил возможность проверить на

практике прочность своего усиленного щита. И остался ею доволен. Как и увеличившейся скоростью правой руки, позволявшей поражать противника, не ожидающего от вроде бы неускоренного бойца такой прыти, и в переносном, и в прямом смысле. Плохо было только то, что остальное тело пока осталось относительно медленным. Ведь можно было бы действовать ещё эффективнее... Но что уж тут жалеть. Хорошо, хоть такая модификация есть... Егор внезапно ощутил чувство благодарности к своему мечу. В принципе, хоть тот поступил с одной стороны и не очень хорошо, с другой — его намерения вроде бы были благими, а результаты пока что — только положительными... С этими мыслями Белецкий проткнул очередного противника, отвлекшегося на вихрем летающего вокруг места схватки Рыся.

Бой шёл довольно ровно, пока один из нападающих, раздосадованный задержкой, не выпустил в преграждающую путь к победе баррикаду очередь из рейлгана. Очередь, как и следовало ожидать, разметала баррикаду в разные стороны, попутно повредив троих обороняющих её "Тарантулов". Осколки и срикошетившие пули дробно застучали по непрочным стенам тоннеля.

И почти сразу же тоннель вздрогнул. Левая его стена в районе баррикады чуть подалась назад, и вдруг резко пошла на сближение с противоположной стеной. Стены почти сомкнулись, и снова разошлись. Но теперь подпрыгнул пол. Люди повалились в разные стороны, как кегли. Со всех сторон посыпались разноцветные искры, в паре мест повалил дым, тут же сменившийся порошковыми облаками, выплунутыми автоматической системой пожаротушения. На этом вроде бы всё устаканилось, только стены дрожали мелкой дрожью.

— Хватай Карлаша и отходим! — Шелехов моментально сориентировался в ситуации, и отдал единственно верную команду. Егор, не размышляя, подхватил сидящего на полу друга под одну руку, прапорщик — под вторую, и вдвоём они буквально выдернули его из тоннеля за мгновение до того, как на месте, где они только что стояли, стенки сошлись чуть ли не вплотную, и эта волна перистальтики покатила к противоположному шлюзу. Пантелей вылетел из сошедшего с ума тоннеля одновременно с людьми, буквально перепрыгнув через их головы.

В стыковочном модуле раненого пришлось пристегнуть к стене, так как гравитация сошла с ума и здесь. Она то увеличивалась, то уменьшалась, да при этом ещё и постоянно меняла вектор.

— Егор глянул на данные системы меддиагностики товарища. Та показывала закрытый перелом голени правой ноги. Причём переломаны были обе кости. Скаф впрыснул обезболивающее, и "наложил шину". Но всё равно теперь Сашка на какое-то время был не ходок.

— Будешь пока стационарной огневой точкой, — мрачно пошутил Шелехов, получивший от медсистемы те же данные.

В это время распахнулись створки противоположного шлюза, и в стыковочный модуль ввалились фон Ливен и Левинзон, тянущие под руки Похмелова. Глянув на его разбитый шлем и неестественно свисающую набок голову, Егор похолодел. Медсистема скафа бывшего интенданта подтвердила подозрения Белецкого: Похмелов был мёртв.

— Их слишком много! Доложил барон, — Наличными силами не удержать!

В разговор вклинилась Кира:

— Гравитация в модуле стабилизирована. Система управления гравитацией во второй секции полностью вышла из строя. Гравитация во второй секции неуправляема. Веду

ремонтные работы.

— Вот за что я люблю роботов, — мрачно заметил Шелехов, наблюдая, как барон и Яков опускают свою ношу на пол, — так это за то, что если им говорят, что нельзя в тоннеле стрелять из рейлгана — то они и не стреляют.

— Ну что ж... Вечная тебе память..., — прапорщик подошёл к покойнику, и склонил голову. Все остальные последовали его примеру.

"Василиса!" — послышался в голове Белецкого "мыслекрик" Пантелея.

Егор словно очнулся: "А действительно, где она?"

— Василиса..., — начал он, но прапорщик его перебил:

— Зажата в сервисном тоннеле. Самостоятельно выбраться может только вперёд. Впереди — сами знаете кто. Сейчас будем её выручать. План простой: прорываемся сквозь третью секцию в стыковочный модуль, и вытаскиваем Рысю. Дальше — по обстановке. Карлаш и два "Тарантула" остаются здесь и прикрывают тыл. Остальные — за мной. Действуем по тактической схеме восемь. И ещё...

Шелехов вновь повернулся к лежащему на полу безжизненному телу, и замер, склонив голову. Прошло чуть-ли не полминуты. Пантелей нервно топтался на месте: ему не терпелось бежать спасать подругу. Егор тоже начал нервничать. Вот уж от кого, а от Шелехова такой повышенной впечатлительности он ожидать не мог. Тут надо идти в контратаку, в том числе, чтобы спасти ещё живого бойца, пусть и не человека, а командир застыл над телом того, кого уже не вернёшь...

...Лежащая на полу фигура в скафандре с разбитым шлемом дёрнула ногой..., — Егор сделал шаг назад, — потом рукой..., — дальше отступать оказалось некуда — Егор упёрся спиной в переборку, — потом, опёршись руками об пол, села... И, наконец, пошатываясь, поднялась на ноги.

Белецкий, судорожно шаря по правому боку в поисках рукоятки шпаги, переключился на канал системы меддиагностики скафа Похмелова. Система доложила, что диагноз, поставленный находящемуся внутри скафандра телу, не изменился: окончательная терминальная смерть.

Шелехов, не оборачиваясь, резко скомандовал:

— Белецкий, Левинзон. Ко мне!

Егору пришлось отлепиться от стены, и встать справа от прапорщика, так как место слева уже было занято подошедшим чуть раньше Левинзоном. Одновременно с приказом командир сбросил Егору и Якову код допуска к полной телеметрии скафа Похмелова. Егор быстро просмотрел данные: все основные органы работают в нормальном режиме. Кроме абсолютно мёртвого головного мозга. Упредив уже почти сорвавшийся с губ Белецкого вопрос "Но как?!", Шелехов заговорил с "кошатниками" по закрытому каналу связи:

— Есть ли жизнь после смерти? — в голосе командира слышались нотки иронии и грусти, — Если и есть — то не очень хорошая, и в данном случае, скорее всего, короткая, — прапорщик тяжело вздохнул, и протянул правую руку к свежеиспечённому зомби. Видно было, что происходящее не доставляет ему особого удовольствия. Мертвец, в свою очередь, механическим жестом вручил Шелехову свою шпагу. Прапорщик, приняв рукоять, извлёк из неё блок опознавания, и тут же вставил его в услужливо поданный одним из находящихся рядом "Тарантулов" пехотный рейлган, — Смотрите внимательно. Вы тоже в скором будущем сможете так делать. Если оно у вас будет, конечно, — с этими словами он вручил зомби новое оружие. Егора передёрнуло. Командовать живыми мертвецами ему хотелось

меньше всего ...

Вооружив труп Похмелова, прапорщик обратился ко всем уже по общему каналу:

— То, что вы видите — результат секретного эксперимента. Естественно, с каждого будет взята подписка о неразглашении. Суть эксперимента заключается в следующем: в учебке ему, — Шелехов мотнул головой в сторону трупа, — были введены наноботы, создающие импланты, обеспечивающие функционирование тела после смерти. И не только функционирование, а и внешнее управление им. Поэтому сейчас... — Шелехов замялся, подбирая слово, как бы назвать замершую перед ним фигуру, — Он... пойдёт с нами и будет штурмовать стыковочный модуль. Посылать на штурм любого из вас — значит обрекать на верную смерть, а он... Он и так уже мёртв. В автоматическом режиме скаф с мёртвым носителем, к сожалению, серьёзной боевой единицы из себя не представляет. Потому модуль он будет штурмовать на внешнем управлении. Я буду осуществлять чуткое руководство, а вы — меня прикрывать. Всё. На остальные подробности нет времени. Вперёд.

Белецкий пристроился позади атакующего клина из Шелехова, Левинзона и фон Стиглица. Именно на этом месте он должен был находиться согласно заданной тактической схеме. Вот только топание за его спиной действующего на нервы зомби, вооружённого рейлганом, никакой тактической схемой предусмотрено не было. У Егора была куча вопросов к прапорщику: А почему нельзя было сделать просто воюющий скаф с трупом внутри, зачем такие сложности с поддержанием мёртвого тела в рабочем состоянии, и с созданием системы внешнего управления? Сколько таких заготовок зомби в группе? Неужели все? Как на применение боевых зомби смотрит Церковь? Почему система жизнеобеспечения скафа показывает смерть носителя, если тело в принципе живо и здорово? Впрочем, на последний вопрос ответ у Белецкого был. Система жизнеобеспечения фиксировала смерть при необратимых повреждениях головного мозга. А что уж там при таком раскладе с телом — не имело значения. Раньше...

Створки шлюза в очередной раз распахнулись, и группа сразу двинулась вперёд. Шелехов походя отрубил подвернувшемуся "Каракурту", собиравшемуся вскрывать шлюз, конечность с включённым плазменным резаком. Идущий справа фон Стиглиц не глядя добил незадачливого арахноида, и поспешил дальше вслед за прапорщиком, напоминая тяжёлый ледокол, продавливающий и крошащий преграждающий путь лёд. Вот только разлетались в разные стороны отнюдь не льдины, а только что бывшие живыми люди. Шагающие чуть сзади Левинзон и фон Стиглиц расширяли проход, а Белецкий зачищал тылы от случайно недобитых впередиидущими товарищами абордажников. Таковых было мало, так что Егор успевал время от времени оглядываться на зомби, безучастно бредущего позади группы. Пантелей, как обычно, вихрем кружился вокруг, сея на своём пути смерть и разрушения. Боевой Рысь и в обычных условиях не подарок для врага, а уж сейчас, когда он рвался выручать подругу...

Кстати, о подруге: Егор попробовал настроиться на Василису, и это у него получилось. Зажатая в узком лазе Рыся без долгих разговоров тут же развернула перед ним тактическую схему тоннеля с ещё работоспособными стационарными установками. Левинзону сейчас было некогда работать со своей партнёршей, так что наведением шороха в тылу врага пришлось заняться Белецкому. Не забывая при этом следить за тылами. Совместными усилиями бойцы оттеснили абордажников к следующему стыковочному модулю, затратив на это восемь минут сорок шесть секунд. Егор специально засекал время по таймеру.

Подойдя к прорезанному в створках шлюза отверстию с оплавленными краями, Шелехов

выпустил в него облако нанозондов. Почти сразу полыхнуло, и в грудь бойцов ударила тугая воздушная волна. Зонды "прожили" недолго, но успели собрать и передать информацию о противнике. Шелехов принял вправо и застыл, его бойцы заняли позиции вокруг него, готовые защищать командира. Неуклюжий зомби, до того бесстрастно топавший позади группы, тоже замер на мгновение, и вдруг стартовал с места, словно гиперзвуковая ракета.

Размытый силуэт Похмелова, или, точнее — того, что ещё недавно было Похмеловым, проскользнул мимо замерших бойцов, и, изогнувшись в немыслимом пируэте открыл стрельбу из рейлгана. Егор отметил для себя, что живой Похмелов так бы не смог. Отметки вражеских огневых точек на тактической схеме гасли одна за другой, но всё же, как бы ни был быстр труп Похмелова, уйти от прицельного огня всех противников ему не удалось. То там, то сям в броне его скафандра появлялись пробоины, иногда даже сквозные. Скаф не успевал справляться с остановкой кровотечения, и кровавые брызги летели во все стороны. Система меддиагностики фиксировала всё новые и новые повреждения организма, несовместимые с жизнью. Но тело в скафе и так уже было несовместимо с жизнью, и не обращало внимания на такие мелочи. Перебитые мышцы и сухожилия, сломанные и раздробленные кости до какого-то момента компенсировались работой экзоскелета скафа. Однако тот тоже не был неуязвимым. Столбик индикатора системы контроля повреждений скафа медленно, но неуклонно падал. Индикатор функциональных возможностей носителя скафандра уже давно — целых восемь секунд, застыл возле нуля. Зомби двигался всё медленнее, а огневые точки так и не были полностью подавлены. И тут, повинувшись команде Шелехова, в бой вступил Рысь.

Когда последняя красная точка на тактической схеме замерцала, готовясь исчезнуть, прапорщик снова подал команду "Вперёд". Один за другим бойцы переступали через второй раз умершее за сегодняшний день тело своего товарища, и устремлялись в следующий тоннель. Там командир уже особо не спешил. Отойдя от шлюза метров на пять, он остановился, и дал команду перейти к обороне, предоставляя возможность Пантелею и паре ремонтных роботов освободить Василису из плена покорёженного сервисного тоннеля. Объективно говоря, остановка была вызвана не только достижением цели вылазки, но и тем фактом, что врагов стало гораздо больше. Пока труп Похмелова штурмовал модуль, противник успел подтянуть резервы. И теперь бойцы с трудом отбивались от нападающих бойцов в чёрных скафандрах, по мастерству немногим уступающих имплантированным контрабордажникам. А по количеству заметно их превосходящих. Поскольку движение вперёд прекратилось, задача прикрытия тыла перестала быть столь актуальной, и Белецкий перепоручил её одному из уцелевших "Тарантулов", а сам переместился на левый фланг, заняв место рядом с Левинзоном. В мастерстве и скорости он, конечно, уступал гиганту, но зато мог прикрывать его своим более плотным щитом.

Тактические анализаторы скафов противника поначалу не брали в расчёт явно не имплантированного, судя по скорости движений, врага, и только потеряв несколько человек от его "быстрой руки", и пару раз попавшись на приём с ударом сквозь щит, вражеские абордажники стали относиться к нему с большим вниманием.

Обороняясь и нанося ответные удары, Белецкий вдруг заметил краем глаза, что получивший ранение в левую руку Левинзон не успевает прикрыться от выпада противника. И Егор ничем не может ему помочь, — ни отбить удар шпагой, ни прикрыть товарища щитом он никак не успевал. В отчаянной попытке спасти друга Белецкий попробовал дотянуться до врага клинком меча сквозь свой щит. Но тот уже был знаком с этим приёмом,

и не подходил на дистанцию удара — тактическая сеть у абордажников работала исправно, оценивая врагов на основе полученной в ходе предыдущих схваток информации и выдавая рекомендации по эффективной борьбе с ними. Егор не успевал...

Время замедлилось... Белецкому оставалось только беспомощно наблюдать, как алое лезвие, пройдя сквозь прореху в защите, ме-е-е-едленно движется прямо к сердцу гиганта. Оно уже почти достигло скафандра, и готово было его пробить, как вдруг клинок Вейтангура мигнул, изменил цвет на чёрный, и истончившись, резко удлинился, словно язык охотящейся на мух лягушки. Пройдя чуть ниже руки противника, держащей шпагу, он изогнулся, и захлестнув кисть, резко сократился. Последовал мощный рывок, чуть не вырвавший рукоять меча из руки Белецкого, и не ожидавшая такого оригинального приёма фигура в черном скафандре напоролась на выставленный вперёд клинок штатной шпаги Белецкого. Время снова ускорилося до нормального темпа. Чёрный хлыст освободил руку поверженного врага, укоротился, и снова стал обычным... ну, относительно обычным клинком. Такого финта ушами от силового оружия не ожидал и сам Егор, на доли секунды обалдело замерший на месте. Из транса его вывел голос Вейтангура: "Не спать!". Егор автоматически прикрылся щитом от очередного удара, так же автоматически ткнул клинком в очередного противника... Попал... Бой продолжался.

Внезапно на поле боя появились и сразу ринулись в гущу битвы два хищных звериных силуэта. "Молодец, Пантелей. Вытащил таки подругу", удовлетворённо подумал Егор, продолжая орудовать шпагой. С прибытием рысей дело пошло веселее, и абордажников удалось оттеснить к следующему стыковочному модулю. Дальше идти было нельзя. В стыковочном модуле любая обороняющаяся сторона имела преимущество, так что в отсутствие штурмовых роботов, или, на худой конец, зомби, наподобие того, что так помог в предыдущем модуле, соваться к чёрту на рога не имело смысла. Группа заняла оборону.

И почти сразу же последовал доклад Киры: "Противник пытается отстыковать сегмент в ручном режиме".

Шелехов неопределённо хмыкнул.

— В принципе, мы и сами собирались это сделать... Вот только когда враг начинает строго следовать твоему плану, возникают подозрения, что в этом плане что-то не так... Чего-то мы не учли... Кира! Можешь как-то помешать расстыковке?

— Наличными средствами — нет, — последовал сухой ответ ИскИна.

— Тогда действуем согласно плану, — вздохнул Шелехов.

Через несколько минут последовал новый доклад:

— Сегмент отстыкован. Начинаю манёвр сворачивания и увода основной части корабля.

— Что со связью?

— Связи нет, — бесцветным голосом ответил ИскИн, — Кластер локальной сети корабля на отстыкованном сегменте повреждён. Шестьдесят три процента вычислительных мощностей недоступны. Внешние антенны сбиты. Аварийные системы связи уничтожены.

— Весело... — вздохнул Шелехов. — С такими повреждениями не только связи не дождёшься, но и локальная копия ИскИна не может нормально работать...

— Вражеская абордажная группа отходит. Люди возвращаются на свои корабли, — доложила Кира.

— Странно... Отказались от абордажа? А зачем тогда было отстыковывать? — задумчиво проговорил командир, — Тогда мы тоже отойдём. Всем отойти к ближайшему стыковочному модулю!

Бойцы организованно отступили. По дороге фон Стиглиц нагнулся к одному из неподвижно лежащих на полу тоннеля тел, и попросил Левинзона: "А ну-ка, помоги!". Вдвоём они приподняли за руки безжизненную фигуру в чёрном скафандре.

Обернувшись прапорщику барон доложил:

— Жив! И без видимых повреждений.

Шелехов пожал плечами.

— И зачем нам пленный? "Язык" нам не нужен, да и не знает он ничего... С другой стороны, и добывать как-то... Ладно, тащите! Пусть будет. Проживёт столько, сколько и мы.

Не успели люди добраться до модуля, как Кира доложила:

— К сегменту пристыковались "Спруты" в количестве двадцати единиц. Предположительно — будут буксировать его целиком.

— Да? А скрыть его целиком они смогут? — поинтересовался прапорщик.

— Судя по всему — да, — последовал сухой ответ, — у них улучшенная система маскировки.

Егор подключился к камерам внешнего обзора. Действительно, отстыкованный сегмент был оплетён "щупальцами множества "Спрутов". Чуть в стороне медленно удалялось кольцо "Змеежа". Транспортник никто не преследовал. Всё внимание рейдеров было сосредоточено на захваченном сегменте. Действительно, буксировать его для "Спрутов" не составляло большого труда. Лихтеры остались только на одном стыковочном узле — том, который абордажники так и не смогли захватить. Система обороны полностью подавлена. Так что сегмент был полностью беззащитен, и с ним можно было делать всё, что угодно. Как думало командование пиратов...

У Шелехова было другое мнение.

— Ждём до последнего. Если помощь не придёт, активируем "Подарок". Активация либо по моей команде, либо по команде Киры, либо автоматически в случае смерти последнего из нас.

В модуле воцарилась гробовая тишина...

В которой раздался голос барона:

— Капитан фон Стиглиц, Служба Имперской Безопасности. Принимаю командование на себя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net